

АЗБУКА ВЕРЫ

Поселянин Е.Н.

Русские подвижники 19-го века

Художественная литература 2022

Русские подвижники 19-го века

Поселянин Е.Н.

От смерти в жизнь!.. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо возмеетесь.

Лк.6:21

Я кроток и смирен сердцем, и вы найдете покой душам вашим, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко

Мф.11:29-30

Памяти оптинского старца Аверосия. (ум. 10-го октября 1891 года).

От составителя

Сколько диких, безумных нападок было за последнее время производимо на православную Церковь!

И даже у лиц, привязанных к Ней сыновней любовью, невольно слагался вопрос, таково ли Ее воздействие, как в прошлые века, все так же ли Она спасает людей и вырабатывает в лучших из них тот высокий строй жизни, который принято называть святостью.

Некоторым ответом на этот вопрос является эта книга, представляющая собою первую попытку собрать в одно целое краткие жизнеописания наиболее выдающихся русских подвижников истекшего столетия.

Здесь люди разнообразных положений, склада, дарований. Одно в них общее — неослабевающий всю жизнь порыв ко Христу. Какая во всех неутолимая духовная жажда, какое благородное стремление к истинной и полной свободе: освобождение себя от пут зла и создания в себе человека по образу и подобию милующего, греющего, прощающего, чистого, кроткого Христа Спасителя.

Не нам мирить людей! Но грех ли будет думать, что дивный старец Серафим по чрезвычайности подъема своего духа не уступает наиболее аскетическим, наиболее удивительным лицам славнейших эпох христианства? Что митрополит Московский Филарет так напоминает тех великих Отцов Церкви, которые во времена церковных бурь, выяснили всю истину церковного учения, установили формы церковной жизни. Что кроткий Епископ Феофан является как бы продолжателем дела столь дорогого русскому народу святителя Димитрия Ростовского и между тем как один своею бездонною Четью-Минеею говорит: "Вот до чего возвышались люди", другой своими книгами указывает: "Вот кратчайший путь, чтоб следовать за теми людьми".

Нет, Церковь цветет, плодоносит. Но дела Ее в противоположность делам Мира, где маленькие люди подымают вокруг своих не ценных, не нужных дел такой шум: Ее дела совершаются бесшумно, в святом сосредоточении. Эти дела видит и знает им цену русский простой народ, который по рассказам отцов продолжает любить людей, здесь помянутых.

Описанные здесь лица представлены здесь преимущественно не со стороны историко-

общественного значения их, а со стороны их нравственной крепости.

Составитель вполне сознает, что в его опыт включены не все подвижники 19-го века и кое-что из рассказанного могло быть представлено полнее и ярче.

Но хотелось дать хоть что-нибудь, малое из многого, чтоб не оставались втуне такие воспоминания.

Скромный труд этот собран для верующих, для укрепления в них мысли, что все та же веет над миром сила Христова, и те же дивные дары посылает Бог тем, кто искренно за Ним идет. И что русский народ поныне в лучших людях своих тот же богоносец, каким был всегда.

Е. Поселянин.

Царское Село, 10 октября 1900 г.

Филарет, митрополит Московский

Имя Филарета, митрополита Московского, занимает особое место в истории русской Церкви последнего века.

Он был для русской Церкви этого времени тем же, чем были для молодой возраставшей Церкви первых веков те великие епископы, которым присвоено название "Отцов Церкви". Филарет как бы выяснил еще раз во всем том, что им написано, всю совокупность православного учения. А в самом себе дал как величавый, удивительный образ православного архипастыря, так и меру того, до какой глубины может дойти просветленный верою ум и дух человеческий.

Филарет родился 26 декабря 1782 г. в семье соборного диакона г. Коломны (Московской губернии) и назывался в миру Василий Михайлович Дроздов.

С детства подавал он самые блестящие надежды, и с величайшим успехом проходил курс Коломенской семинарии, откуда перешел для прохождения академического курса в Троице-Сергиеву Лавру.

Он уже тогда любил уединение, предпочитая беседу с книгами беседу с товарищами. Развлечения знал лишь два: игру в шахматы и игру на гуслях.

Прослышав об учености Василия Дроздова, коломенские граждане явились к митрополиту московскому Платону, с просьбою назначить его им в священники. Но митрополит, зная способности Дроздова, отклонил это предложение. Он хотел открыть Дроздову другой путь.

16 ноября 1808 г., после вечерни в Троице-Сергиевой Лавре, Дроздов был пострижен в монашество с именем Филарета.

Уже до того времени о нем прошла молва, как о выдающемся проповеднике. Первое его слово произнесено 12 января 1806 г., в день, когда Лавра празднует свое освобождение от польских полчищ в эпоху смутного времени.

Таким образом, это первое его слово было посвящено прославлению того величайшего из русских святых, преп. Сергия, которому всю жизнь Филарет был так близок духом и образ которого он такими яркими проникновенными красками рисовал столько раз в своих проповедях.

Через три месяца было произнесено другое "Слово в великий пяток" — в котором уже видны чрезвычайные способности проповедника.

В начале января 1809 г. иеродиакон Филарет вызван в Петербург, наставником философии во вновь открывавшуюся духовную академию.

Здесь он разом выдвинулся на вид и имел возможность выказать свои дарования.

Деятельность Филарета, достигшего в скором времени положения ректора академии, была неизмерима.

Он преподает, пишет обширную записку для супруги императора Александра I, императрицы Елисаветы Алексеевны: "Изложение разности между восточною и западною Церковью", рассуждение "О нравственных причинах невероятных успехов наших в отечественной войне", для студентов академии — введение к книгам Ветхого завета, записки о книге Бытия, начертание церковнобиблейской истории. Все, что он писал, было так ново, так глубоко, так блестяще, что целые неизвестные горизонты открывались пред глазами читателей. Глубина мысли, неотразимость логических приемов, крепко обоснованных доказательств — отличительная черта его произведений.

Школа Филарета — круг его воспитательного влияния, перенесенного им так скоро в Москву и так долго действовавшая там — образовывала в людях непреклонную волю, сильный ум. Люди этой школы могли жить своим умом, руководиться своим собственным рассуждением. Здравый житейский смысл совмещался в них с книжною ученостью.

Во время пребывания Филарета в академии упрочилась за ним окончательно слава первого русского проповедника.

Проповеди Филарета удивительны во всех отношениях. Смелость мысли его поразительна. С дерзновением беспредельной веры он погружается в созерцание тайн божественных, ведя за собою слушателя в самые высокие области мира веры. И этот всепроникающий ум соединен в нем с восторженным одушевлением, действующим тем сильнее, что порывы этого воодушевления как бы сдерживает постоянно могучая сила воли уравновешенного, мерного проповедника, соединенная с младенчески умильной теплотой веры. Чрезвычайное соответствие глубокой мысли с ее внешним выражением — словом, сила, своеобразность речи, — весь какой-то неуловимый великий дух, запечатлевающий всякое слово Филарета: все это ставит его на высоту, какой не достигала никогда еще русская проповедь и которая, вероятно, никогда не будет превзойдена.

Не богослов только, не возгласитель церковного учения слышится в этих проповедях, а поэт, действующий на сердце человека образами, писанными удивительно яркими красками.

Какая сила и поэзия, например, в первых словах слова в великий пяток перед плащаницею: "Чего ждете вы ныне, слушатели, от служителя Слова? Нет более Слова!" Или вот дивная, нарисованная им картина первоначальной обители преп. Сергия... Прерывающимся от волнения голосом развертывал тогда великий проповедник в своем слове эту картину, и плакали слушатели: "Прости мне", — говорил он, — "великая Лавра Сергеева, если мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергия. Чту и в красующихся ныне храмах твоих, дела святых, обители святины, свидетелей праотеческого и современного благочестия; люблю чин твоих богослужений, и ныне, с непосредственным благословением преподобного Сергия, совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда колебалась было Россия; знаю, что и Лавра Сергиева и пустыня

Сергиева есть одна и та же благодатно, которая обитала в преподобном Сергии, в его пустыне, и еще обитает в нем и в его мощах, в его лавре; но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем, с треском и дымом, горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечей, и пламень их достигает до неба, и ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной... Отворите мне дверь тесной келлии, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и вздыханий преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором отпечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных... Дайте мне облобызать прах ее сеней, который истерт ногами святых, и чрез который однажды переступили стопы Царицы Небесных... Укажите мне еще другие сени другой келлии, которые в один день своими руками построил преподобный Сергий, и в награду за труд дня и глад нескольких дней, получил укрух согнивающего хлеба... Посмотрел бы я, как, позже других насажденный в сей пустыне, преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности быть преемником преподобного Сергия... Послушал бы молчания Исаакиева, которое, без сомнения, поучительнее моего слова... Взглянул бы на благоразумного архимандрита Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником у преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте... Ведь это все здесь: только закрыто временем, или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге! Откройте мне ковчег, покажите сокровище: оно непохитимо и неистоимо; из него, без ущерба его, можно заимствовать благопотребное, например, безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования"...

Назначенный викарием Петербургской епархии, он недолго прослужил в этой должности и назначен архиепископом Тверским.

В Твери в течение ста дней он обозрел епархию, в каждом храме ее без приготовления произнося поучение. Только что начал он действовать в Твери, как перемещен был в Ярославль, а оттуда менее чем по истечении года — в Москву (24 марта 1821 г.).

В 1823 году явился знаменитый труд Филарета "Христианский катехизис православной католической восточной грекороссийской Церкви", по которому поныне обучается вере вся русская молодежь.

Пользуясь особым доверием императора Александра I, Филарет писал по его поручению манифест императора, в котором тот передавал права престолонаследия, помимо второго, отрекшегося от престола, брата Константина — Николаю Павловичу.

Сперва, по неведению этого манифеста, когда дошла весть о кончине в отдаленном Таганроге Александра I, народ приведен был к присяге великому князю Константину Павловичу, затем, когда выяснилось отречение его — надо было вновь приводить к присяге уже Николаю Павловичу. В Петербурге эти обстоятельства послужили одним из поводов к так называемому Декабрьскому бунту. В Москве, благодаря твердости Филарета, все обошлось спокойно. Он, при получении манифеста императора Николая, вынес из алтаря государственные акты, прочел манифест Александра I, отречение Константина и произнес: "По уничтожении силы и действия данной присяги непреложным от нее отречением того, кому она дана", — тут он осенил народ на три стороны крестом и выговорил слова новой присяги: "Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь".

На коронации государя Филарет был возведен в сан митрополита.

Почти все время состояния московским митрополитом Филарет прожил безвыездно в Московской епархии. Вследствие некоторых недоразумений он с неприятностями покинул Петербург в мае 1824 г., и уже навсегда.

Как впоследствии ни просили Филарета возвратиться туда, его решение не въезжать более в этот город осталось непреклонным.

С окончательным переселением в Москву его ученолитературная деятельность почти прекращается, заменяясь проповедничеством. Кроме того, всею душою он отдался устройству епархии, бывшей до него в довольно запущенном состоянии.

Близким наблюдением за духовно-учебными заведениями, в его время в его епархии достигшими полного расцвета, он как бы создал целое поколение прекрасного, развитого, истинно православного духовенства.

Чрезвычайно строгий и настойчивый в своих требованиях, он, вместе с тем, был чрезвычайно внимателен к духовенству, входя во все подробности всех его нужд, глубоко вдумываясь в обстоятельства тех отдельных случаев, которые вызывали его вмешательство.

Он оказывал особое почтение заслуженным священникам, и бывали примеры, что он, всегда слабый, был доступен и в ночные часы, и, после двухдневной поездки по осенним дорогам внутри епархии, с освящением двух храмов, поспевал ночным переездом в Москву на отпевание приходского священника.

Величайшее уважение всей России окружало Филарета. Иностранцы, приезжавшие в Москву, старались увидеть его, как удивительное явление. Высоко ценился голос Филарета в вопросах государственных, и почитавший его государь Александр Николаевич часто совещался с ним о важнейших вопросах управления. Так, Филаретом составлен манифест на освобождение крестьян.

То обаятельное впечатление, какое оказывал митрополит Филарет на современников, нашло себе прекрасное выражение в известном стихотворении Пушкина "Стансы".

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей,
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа согрета,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета

В священном ужасе поэт.

Эти вдохновенные строфы вот по какому поводу вылились у Пушкина.

Когда Пушкин написал полное глубокого отчаяния стихотворение:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Митрополит Филарет ответил ему следующими строками:

Не напрасно, не случайно
Жизнь судьбою мне дана:
Не без правды ею тайно
На печаль осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал.
Сам наполнил душу страстью,
Сам сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светлый ум!

Прочтя этот ответ, Пушкин и написал свое знаменитое "В часы забав"...

Какая-то невыразимая духовная сила, стройность была в митр. Филарете. Он ни на минуту, ни разу в жизни не спускался с высоты своего положения. Всюду и всегда был он все тем же: величавый православный архиерей... Казалось, все, что есть мелкого, не ценного в человеке, в нем было упразднено, и совершенно верно выразилось о нем одно хорошо знавшее его лицо: "Он был как бы прирожденный архиерей".

Внешность Филарета была замечательна.

Очень маленького роста, весь иссохший, он казался на вид слабеньким ребенком; но в этой маленькой фигуре было какое-то величие, поражавшее и державшее всех в некотором страхе. На лице, изможденном подвижничеством, с глубокой печатью постоянной упорной работы мысли, блистали чрезвычайною силою пронизательные живые глаза, взгляд которых трудно было вынести.

Когда он служил, было что-то необыкновенное в тихой сосредоточенности его поступи, в звуках его негромких возгласов.

Он был истинный монах, строгий аскет в жизни и своих вкусах.

Сколько он спал, как рано вставал, — о том никто не знал. Уходя спать и вставая, — келейник всегда заставал его за работой. Прием посетителей, епархиальные дела, обширная переписка, частые служения, подготовка проповедей, отдых, состоявший в чтении газет и журналов, за которыми митрополит следил как за отголоском жизни: все это занимало непрерывно весь день до глубокой ночи.

Имея особое чувство благоговения к преп. Сергию, он любил уединяться в его Лавру, где он был, по сану митрополита московского, настоятелем. В окрестностях ее он устроил Гефсиманский скит, где и находил время от времени успокоение душе, жаждавшей сосредоточенного уединения с Богом, но обреченной на разнообразие и волнения обширнейшей кипучей деятельности и постоянные сношения с людьми. Здесь он мечтал и быть схороненным.

Московский народ окружал митрополита величайшею любовью. Толпы народа ждали всякое его служение, благословения его, и он не спешно, вглядываясь во многих своим пронизательным взором, осенял каждого крестным знаменем. Многие имели особую веру в силу этого благословения и молитв и видели над собою необыкновенные подтверждения этой веры.

Бесконечно милосерден он был к бедным, окружал самую теплою заботою своих родителей, и особенно мать, умершую в самых преклонных годах. Он поселил ее неподалеку от своего Троицкого подворья, покоил ее и почитал, и имел счастье наслаждаться в своих сложных занятиях ее бесхитростною привязанностью почти всю свою жизнь.

За год до кончины был торжественно отпразднован бесприметный юбилей 50-тилетия его архиерейского служения, и в бездне приветствий со всех концов России и из чужих краев помянуто все то значение, какое приобрел Филарет для русской Церкви.

Незадолго до кончины явился в видении митрополиту его отец, и сказал: "Береги 19-е число".

19 ноября 1867 г., в воскресный день, митрополит с особою бодростью и одушевлением совершал литургию в своей домашней церкви. Через несколько часов он безболезненно отошел в вечность.

Вся Москва сошлась на поклонение усопшему, который был перевезен в Троицкую Сергиевскую Лавру и схоронен в Церкви Св. Духа.

Много случаев доказали, как при жизни митрополита Филарета, так и по смерти его, ту помощь, какую духовная его сила оказывала людям. Вот несколько из них.

Девочка восьми лет была расслаблена и не могла ходить. Недалеко от их дома митрополит должен был служить, и мать больной решила везти ее на служение. Девочку внесли в церковь и посадили на стул, а, когда митрополит стал благословлять народ, — и ее поднесли на руках. Получив от него благословение, она могла встать на ноги, вышла с помощью других из церкви и вскоре совсем окрепла.

Другая крестьянская девица с 7 лет сделалась немой. Ей было 20 лет, когда родственники привели ее к митрополиту Филарету, находившемуся тогда в Гефсиманском скиту. Митрополит спросил немую, как ее зовут. Мать ответила за нее: "Марья". — Я не тебя спрашиваю, — заметил он, и опять повторил вопрос. Немая отвечала: "Марья". — Затем митрополит велел ей повторять за ним молитву Господню. В первый раз она повторила ее туго, во второй — совсем

легко. И с тех пор говорила свободно.

Г-жа Б. страдала ногами и два года не могла ходить. Она хотела просить митрополита Филарета помолиться за нее и приказала везти себя на Троицкое подворье. В покои митрополита ее внесли на простынях. Выслушав ее просьбу, митрополит сказал ей: "И вы молитесь со мною". Он взял икону и медленно стал ею благословлять больную. В то же время она почувствовала крепость в ногах и встала. С лестницы она сошла без помощи, твердою поступью, к изумлению сопровождавшей ее прислуги.

Дочь московского купца Е. в 1850 г. страдала сильным ревматизмом всего тела; никакие врачи ей не помогали; даже лежать она не могла, а все сидела. В ночь на 3-е марта мать больной видела во сне митрополита Филарета молящимся над ее дочерью. Она отправилась на Троицкое подворье и просила митрополита помолиться за дочь. Через три часа больная, которой мать рассказала о посещении митрополита, почувствовала себя лучше; в первый раз после трех недель легла и уснула, спала более полусуток. Она видела во сне митрополита, благословлявшего ее, и на утро встала, сама прочла утренние молитвы, и вскоре совсем оправилась.

16 октября 1849 г. митрополит исцелил 4-х летнюю дочь купца Е., ничего не говорившую и все плакавшую. Она прочла ему молитву "Богородице Дево радуйся" и выздоровела.

Одна женщина, у которой муж пил запоем, ходила к митрополиту просить его, чтоб он помолился за ее мужа, но она не была допущена прислужгой. Ей посоветовали тогда объяснить свою просьбу, подходя в церкви под его благословение. Так она сделала, и муж ее вскоре перестал пить.

Известный писатель по истории Русской Церкви, граф М. В. Толстой, будучи болен тяжкою болезнью, видел во сне митрополита Филарета. Митрополит исчислял ему разные его забытые им грехи, разъяснял неясные обстоятельства жизни, напомнил, что недавно он проезжал чрез один древний город, не поклонившись почивающим в нем святым: "ты не почтил их, а они о нас молятся". Затем прибавил, что он не умрет от этой болезни. Жена графа отправилась к митрополиту, и привезла от него икону Спасителя. Больной с этого дня стал поправляться. И именно с этих пор занялся описанием жизни святых и мест, ими прославленных, — труды, которыми он принес много пользы.

У вдовы лютеранки единственный сын — студент университета — заболел чахоткой; врачи объявили его безнадежным. Одна знакомая ее посоветовала сходить к Филарету, говоря, что многие больные выздоравливают по его молитвам. Поговорив с матерью, митрополит сказал: "Не скорбите: Господь милосерд!" — спросил имя больного и сказал ей: "будем молиться вместе!" Дома вдова застала сына спящим, далее — он стал поправляться, и скоро совсем выздоровел.

В одной дворянской семье брат и сестра были различного мнения о митрополите Филарете. Раз зашел между ними разговор о прозорливости его, и брат объявил сестре, что испытает на деле эту прозорливость. Одевшись бедно, он отправился на Троицкое подворье и рассказал митрополиту, что над ним стряслось несчастье: сгорало его поместье, и он находится в крайности. Тогда митрополит вынес пакет с деньгами и подал ему со словами: "вот вам на погоревшее имение". Вернувшись домой, он с торжеством рассказал все сестре, которая этим была очень огорчена. На другой день пришло известие, что в тот самый день и час, как он был у митрополита, был пожар в его имении, и на ту именно сумму, какую дал ему митрополит... Пораженный, он немедленно поехал к нему, и все рассказал ему.

Вот что случилось с известным торговым деятелем В. А. Мед-вым. В январе 1868 г. он возвращался в Россию по Каракумской степи из Кокана, куда ездил по торговым делам. Его сопровождал один русский и проводник киргиз. Ехали на трех верблюдах. 15 января поднялся ужасный буран, мороз доходил до 40, дорогу занесло. Метель слепила глаза. Всадники и верблюды дрожали от холода. Они потеряли не только дорогу, но и направление, по которому надо было ехать, и плутали более 12 часов. Наконец, верблюды остановились и жалобно кричали. Тоска страшная овладела людьми. Проводник предсказывал гибель. Его слова подтверждались валявшимися по сторонам дороги костями и скелетами... Тогда М-в предложил спутникам помолиться Богу о помощи и предаться Его воле. Молясь, он вспомнил Москву, свою родину, покойных своих родителей, близкого к ним митрополита Филарета (о смерти которого он еще не знал, и у которого пред выездом принял благословение). Горячо помолвившись, он прислонился к верблюду, и стал забываться. — И тут ему представилось такое зрелище. Шла процессия, впереди ее митрополит Филарет в полном облачении, с крестом в руках. Его под руки ведет отец М-ва, и говорит митрополиту: "Благослови, Владыка, сына моего Василия". — И митрополит перекрестил его, говоря: "Бог благословит тебя благополучно продолжать путь". Видение кончилось, дремота М-ва прекратилась, и вдруг он услышал лай собаки. Ни одной собаки между тем с ними не было. Все слышали этот лай, а верблюды сами повернули в ту сторону и бодро пошли в сторону лая. Пять или более верст раздавался пред путниками этот лай невидимой собаки и довел их до киргизского аула. Подкрепившись, они спросили, где собака, которая привела их к жилью? Этот вопрос удивил киргизов: во всем ауле не было ни одной собаки...

Один московский книгопродавец, чтивший память митрополита Филарета, в 1883 году вечером, накануне дня св. Филарета Милостивого (1 декабря), имя которого носил митрополит, — собрался в театр. В это время ему приносят портрет митрополита, который ему давно хотелось иметь. Он купил портрет, а в это время ударили на соседней колокольне. Он спросил, какой завтра праздник, и ему ответили, что день ангела почившего митрополита. Он призадумался и, вспомнив, что и торговлю свою он когда-то открыл 1 декабря, пошел ко всеобщей... Через несколько лет он взял более обширную лавку, когда все уже было перевезено, он пошел в церковь пригласить священника для молебна. В церкви служили панихиду по митрополите Филарете, опять было 1 декабря. Через несколько дней, когда он открыл уже лавку для покупателей — входит простой русский мужичок и делает почин, — спрашивает "Слова и речи" митрополита Филарета. "Пусть умники, заключил свой рассказ этот купец, нынешнего века назовут все это случайностью. Но я, темный человек, не могу не видеть в этом благословения великого митрополита, и потому свято чту его память".

Постараемся выяснить себе, чем был Филарет для Москвы и для России. Имя Филарета принадлежит Москве. Нельзя не назвать его, когда названа Москва. Вот уже тридцать лет, как умер он. Сколько есть взрослых людей, которые не только не могут помнить его, но и родились после его кончины; а, между тем, вся эта выросшая после Филарета молодежь, если принадлежит к московским православным семьям, знает Филарета так, как будто видела его. Слишком сильна была личность Филарета, чтобы впечатление, произведенное им на современников, могло прекратиться с его жизнью. Его образ остался живым на московской кафедре во всей свежести своих красок. Множество рассказов, передающихся из уст в уста, от лиц, знавших его, продолжающее появляться в печати неизданные письменные труды его — все это дает ему такой отблеск жизни, что из этих отделившихся частиц его существования составляется целый образ живого человека.

А между тем, при беспримерной известности его имени, при всем его обаянии, немногие, быть может, отдадут себе ясный отчет в сущности заслуги Филарета, в том его чрезвычайном жизненном подвиге, на котором основывается его великое историческое значение для Церкви

и России.

Чтобы понять это, надо обратиться к тому времени, когда суждено было начаться деятельности Филарета.

Первые десятилетия нашего столетия — тяжелая эпоха в летописи нашей Церкви. Начавшееся с начала 18-го века невиданное до того отношение ко многим проявлениям церковной жизни, пагубное влияние идей, шедших с Запада, который находился тогда на высшей точке духовной растерянности, резкая перемена в положении монастырей, случившаяся при Екатерине II, и столь удивительные происшествия, как знаменитое дело Арсения Мацеевича: все это, разом взятое, обессилило духовно-просветительную деятельность Церкви.

В таких обстоятельствах началось столетие.

Со вступлением на престол религиозно-настроенного Императора Александра, казалось бы должны были начаться иные времена; но улучшения происходят медленно. Тот самый город, куда из Москвы перенесено было при Петре церковное управление, был заполнен множеством разнообразных, нередко совершенно безумных еретических сект. Насколько сильны были они, каких влиятельных имели защитников, показывает дело восходившего церковного светила, ученого и подвижника, Иннокентия. За то, что он пропустил, в качестве цензора, книгу, обличавшую неправославные мнения, он был назначен в дальнюю епархию и вынужден был, несмотря на крайнюю слабость, в холодную пору оставить Петербург и совершенно больным ехать в изгнание (в Пензу), где через несколько месяцев и умер.

В такое время выступил Филарет. Борясь с чрезвычайными трудностями, испытывая скрытые и явные нападки недоброжелательства, Филарет твердо провел свое дело и, умирая, видит его оконченным.

В чем же состояло это дело?

В эпоху столь распространенного умственного брожения, происходившего и от легкомыслия, и от невежества относительно родного православия, надо было еще раз установить неизменяемое, непреложное учение Церкви, выяснить ту чистоту православия, на которую делались столь дерзкие посягательства. Подобно тому, как в века языческих гонений на христианство, и затем в века ересей, сперва отдельные учителя и Отцы Церкви, а затем вселенские соборы выработали и установили все отделы церковного вероучения, так Филарет в век столь сильных и разнообразных нападков на Церковь в своих бесчисленных трудах выразил в полноте все истины Православия, дав современной и будущей России основанный на многовековом опыте церковной жизни и на творениях всей совокупности учителей церковных совершенный кодекс того "како веровати".

В этом выяснении во всей чистоте ее истины Православия и затем проведении ее в жизнь архипастырской деятельностью и состоит заслуга Филарета. Вековая заслуга его делает менее опасными все неправильные учения, все не церковные мнения, которые могут возникать в наши дни. Филарет так подробно раскрыл, так прочно установил, к такой системе провел различные, заключающиеся в разных творениях разных отцов Церкви части церковного учения, что при свете его творений видна всякая неточность и ошибка в современном духовном писателе.

Авторитет Филарета особенно ценен в тех случаях, когда погрешности в учении исходят от лиц священного сана. Тот или другой отрывок из Филарета обнаружит всякую ошибку, и вот почему лица, имеющие более пристрастия к самочинию, чем к мнениям Церкви, относятся к

Филарету с трудно скрываемым озлоблением, чувствуя в нем вечного и строгого судию, стоящего на страже Православия. Бог послал Филарета Русской Церкви, чтобы пред теми днями, когда умножаются лжеучения, отлить содержание Православия в металлические, незыблемые формы, ясности очертаний которых нельзя закрыть никакими чуждыми придатками от глаз тех, кто прежде всего станет искать в жизни верности своей Церкви.

И вышло по воле Божией так, что это великое дело, за которое, быть может, митрополита Филарета назовут когда-нибудь Отцом Церкви, он совершил в том загадочном семихолмном городе с таинственной судьбой, который создан верою Русского народа и в продолжение пяти веков оберегал эту веру от иноземных "воров". Как Василий Темный под сводами Успенского собора с негодованием отвергнул братанье с ересью, как Гермоген ценою своей жизни чрез два века отстоял Русь от латинства, вооруженною силой вторгавшегося к нам, так Филарет в той же Москве еще чрез два века своими трудами вознес вокруг святыни Православия такую мощную ограду, что ее не поколеблют никакие приступы.

И вот, совершив свое дело, отойдя туда, где молитвами московских чудотворцев совершаются судьбы главенствующей над Русью Москвы — он остался в сердцах понявшей его русской столицы, среди других дорогих ей и незабвенных для нее людей. За долгое время полустолетия Москва достаточно узнала своего митрополита, и в те дни, когда совершает его память, — ее любовь к нему не будет смущена теми людьми, которые ставят себе задачей распускать низменные мнения про тех, кто принадлежит к числу народных святынь. Такие люди говорят часто о сухости Филарета, не видят души в его проповедях. Но это показывает лишь, как распространено невежество, как часто берутся судить о том, чего не знают.

Люди, читавшие Филарета, выскажут иное: удивление его глубокой сердечной вере, тому его пламенному дерзновению, с которым он углубляется в созерцание тайны нашего спасения. Тот, кто помнит его слова пред плащаницею, слово о молчании Пресвятой Богородицы, и иные слова о ней, помнит картину первоначальной Сергиевой Лавры, нарисованную им так, что все слушатели плакали; те, чью душу Филарет заставлял трепетать восторгом и умилением, не скажут в ответ на те суждения: "и Филарет не лишен теплоты и сердечности", а скажут, что трудно найти большую силу сердечного воодушевления, которая в то же время сопровождается глубиною высокого богословского ума.

Смешными покажутся мнения о сухости Филарета тем, кто читал его письма. Можно ли заботливее, теплее относиться к знакомым, чем относился Филарет, например, к далеко не всегда спокойному и ровному А. Н. Муравьеву, которого он любил за его великую ревность к Церкви. С каким трогательным смирением на упреки за не скорый ответ на письмо извиняется он (и то редко, чаще же просто просит прощения) своими занятиями, или молит писать письма разборчивее.

Говорят еще, что Филарет был требователен к духовенству. Но отдают ли себе отчет, как возвысил он духовенство за сорок лет своего управления епархией, на каком уровне он его застал и в каком высоком состоянии оставил. Что сделал он своими непосредственными заботами с учебными заведениями своей епархии, в которых видел лучший способ воздействия на улучшение духовенства, и для которых филаретовское время было золотым временем? Он перевоспитал московское духовенство, выработал из него одно из лучших в России и тем сдлал бессильными те нападки, к которым враждебная Церкви часть общества любит прибегать.

Вспомним те черты, которые придают столько задушевной теплоты его образу, за которые любили его в нашей Москве: его нежную любовь к матери, неистоимое милосердие, глубокую смиренность, бесконечную преданность Церкви, благоговейное и неустанное, поминаемое доселе, служение в храмах, усердное почитание святых — того невидимого мира, которому он

был так близок, его подвижнический быт и красною чертой проходящее чрез всю его жизнь аскетическое настроение, его тяготение к дальним, строгим обителям, его бережное, уважительное отношение к низшим, работавшим на других путях тому же делу Православия, его любовь к России и ее глубокое понимание, восторженное отношение к нему Пушкина, христианскую свободу и независимость его духа, наконец, в продолжении 50 лет ежедневный его, быть может, 16-часовой труд на пользу Церкви — и пойдем тогда, что хулы на такого человека, — только новые лучи в его славе, во исполнение слов Христа: "Блаженны вы, когда поносят вас!"

И народ московский, простой народ, чуткий в различении Божьих людей, еще при жизни признавал своего митрополита праведником. И вера эта не была посрамлена, а подтверждена многими явлениями как при жизни его, так и по смерти.

Поминая святителя Филарета, оглядываясь на его закончившуюся жизнь, дадим себе отчет в том, что дал он для будущего.

Филарет дал своему и будущему (нашему) времени живой образце, как в наши дни служить Церкви. Научимся от него безусловному подчинению Ее учению, установленному Сыном Божиим и выстраданному веками; малейшее отступление от него будем считать величайшим грехом и несчастием и будем восставать против всего, что с этою чистотою веры несогласно. Научимся от него постоянному воодушевлению, научимся и вере его, при высочайшей мудрости сумевшего по простоте, теплоте и смирению своей веры быть наравне с простецами и детьми, которых веру ублажал Христос.

Митрополит Филарет стал исходною точкой и приметю, по которому мы можем поверить и веру нашу и дела, если мы стремимся работать для Церкви.

На Москве часто говорят: "другого Филарета не будет". И действительно, он был одним из тех великих явлений, которые точно дружным, в продолжение нескольких веков, напряжением всех сокровенных сил своих выставляет изредка русская жизнь, и выходят тогда из недоступных глазу тайников в красоте чрезвычайной эти удивительные олицетворения родной народности.

И счастлива Россия тем, что, наполнив Русь своими подвигами, словно не умирают эти люди, но и по закате их продолжают освещать России ее путь.

Иннокентий, епископ Пензенский^[1]

Истинный инок, христианский ученый и исповедник, преосв. Иннокентий, в миру носивший имя Иларион, был сын церковного, Павловского посада Московской губернии, причетника Дмитрия Егорова и родился 30 мая 1784 г.

С детства отличался он особою скромностью, и за то в Перервинской Московской семинарии, где обучался, получил фамилию Смирнова. Перейдя в Лаврскую семинарию, он окончил в ней курс, при ней же был определен учителем и чрез четыре года сделан префектом (инспектором). Чувствуя призвание к монашеству, в том же году он постригся. В 1810 г. поставлен он игуменом Угрешского, а затем Знаменского монастыря, в 1812 г. вызван в Петербургскую духовную академию бакалавром богословских наук, и произведен в архимандриты. В Петербурге он приобрел известность даром проповедывания. В 1813 г. он утвержден ректором духовной семинарии, с оставлением профессором академии, членом духовной цензуры и настоятелем Сергиевой пустыни.

Преподавая духовную историю, арх. Иннокентий, не желая поработать себя предрассудкам иностранных ученых, решил самостоятельно проверять по источникам их исторические показания, и составлял собственные записки. Таким образом, вышло из-под пера его "Начертание Церковной Истории от Библейских времен до XVIII века"; оно выдержало много изданий и служило единственным руководством для преподавания в семинариях. Замечательны также труды его: "Богословие деятельное"; "Опыт изъяснения первых двух псалмов"; "Изъяснение Символа веры".

В праздничные дни арх. Иннокентий удалялся в Сергиевскую пустынь, и там, без приготовления, произносил вдохновенные поучения.

Служение Иннокентия в эти годы было постоянно награждаемо; он был возведен на степень доктора богословия, первоклассного архимандрита, назначен настоятелем Новгородского Юрьева монастыря, пожалован орденом св. равноапостольного князя Владимира 2-й степени.

Но не эта внешняя деятельность выдающегося архимандрита заслуживает внимания. Ценна его внутренняя жизнь.

С раннего возраста имея аскетические задатки, он особенно стал внимать себе с тех пор, как однажды при чтении Послания ап. Павла к Тимофею, его воображение было поражено образом истинного служителя веры. Тогда, по глубокому смирению своему, он проникся сознанием своего недостойнства, стал самым строгим для себя судьей, его благочестивое настроение обратилось в пламенное духовное чувство, боязнь всякого дела и слова неправедного, постоянную брань с тонкими движениями самолюбия и самоугодия. Имя Господа стало его постоянным орудием, ревность Божия действовала в нем так сильно, что при чтении или беседе он должен был часто удаляться, чтоб скрыть свои слезы. Он любил учиться от самых простых людей, и искал обличения своих недостатков. За то и сам, если замечал в людях искреннее желание исправиться, — обличал их. Разум его был столь пронизателен, что, когда он беседовал с кем наедине — то, казалось, угадывал, тайные помыслы и желания. Иные слышали от него указание их тайных грехов. Обращавшимся к нему за назиданием он объяснял необходимость постоянно помнить всюду и всегда имя Иисуса Христа, и творить Ему неустанную краткую молитву: "Имя Иисуса Христа, как пламенное оружие в руках Серафимов, ограждает нас от нападения искушений. Пусть это одно неоцененное великое имя пребудет в сердце нашем. Пусть это имя будет и в уме, и в памяти, и в воображении нашем, и в глазах, и в слухе, и на дверях, и за трапезой, и на одре. Оно укрепит ум наш на врагов и, подавая вечную жизнь, научит нас мудрости без всякого мудрования". Также учил он о великой и непобедимой силе крестного знамения.

Праздных слов бегал Иннокентий, как огня, и говорил себе: "О Иннокентий, помни, что от слов твоих оправдишься и от слов своих осудишься".

В поучениях своих он не искал витийства, а произносил их с силою, воодушевлением и жаром. Во время службы видно было, что он предстоит самому Господу — молитва его сердца слышалась в возгласах, прорывалась во вздохах и слезах.

Осуждения он не терпел, и когда раз один монах с негодованием передал ему о клеветах, распускаемых про самого Иннокентия, тот ответил: "Не укоряй, брат, а молись. Как могу питать гнев на врага моего? Самая моя одежда не напоминает ли мне о младенческом незлобии?" Всякие разговоры о пороках других он немедленно пресекал.

Глубоко скорбел Иннокентий о противоречии жизни с обязанностями христианскими. Он дивился, что, когда в церквах служба и пение, театры полны зрителями, заплатившими дорого

за то, между тем как богатые из них скупятся положить грош на украшение храма.

Однажды пришел к Иннокентию бедный отшельник в ветхой одежде, и Иннокентий предложил ему одну из своих. Тот отказался. — "Брат, — сказал архимандрит, если ты, ради Господа, не примешь эту одежду, я отдам ее нищему или брату на дороге". — Инок взял, наконец, одежду и сказал:

"Ныне ты одел меня; будет же время, когда ты оскудеешь, и Господь оденет тебя, и я верую, что сбудется над тобою слово: дающий нищему, дает взаим Богу и примет сторицею". Слова инока в свое время в точности сбылись.

В келлии Иннокентия горела постоянно лампада пред иконами, и он, несмотря на слабость изнуренного трудами и постом тела, часто преклонял там колена с молитвою мытаря: "Боже, милостив буди мне грешному".

Семь лет продолжалась деятельность Иннокентия в Петербурге, удивительная по сложности и разнообразию должностей, — административная, учебная, ученая, цензорская, настоятельская, проповедническая, старческая — и наряду с этим аскетические подвиги.

Ярко горел его светильник, но уже стал истощаться. Умственные усилия надорвали уже и без того слабое здоровье Иннокентия. К этому присоединилась еще простуда. Однажды ночью, утомленный приготовлением записок к лекции на завтра, он стоял у аналоя, и, обессилев, прилег тут же, на полу, чтоб скорее проснуться и докончить записки; но получил простуду и тяжело заболел, и уже более не оправлялся.

Способности, известность, деятельность Иннокентия обещали ему широкий путь. По обычному ходу дел ему предстояло чрез одну-две степени назначение на какую-нибудь из главных, историческую, знаменитую кафедру, где его деятельность могла бы проявиться в полной силе, но Господь сподобил ревностного раба Своего, рано окончившего трудовую жизнь, — завершить ее не в славе, а в скорбях, принятых за истину.

В царствование императора Александра I появилась в высшем русском обществе, особенно в Петербурге, склонность к так называвшемуся на тогдашнем языке "внутреннему христианству". Неправильное учение это, шедшее часто в разрез с православием, клонившееся к отрицанию Церкви, породившее много сект с направлением нездорового мистицизма, и бывшее предшественником появившихся в наши дни еретических толков, — находилось под покровительством обер-прокурора Синода кн. Голицына, очень влиятельного в то время лица.

Архимандрит Иннокентий с сокрушением сердца взирал на распространение этого учения путем книг и не стесняясь высказывал свое о том мнение: "Слез не достанет у здравомыслящего христианина, говорил он, оплакивать раны, какие могут эти книги нанести, если будут читаемы в местах воспитания. От брожения и кружения умственного суемудрия так зломудрствуют, что душа содрогается от одного чтения иных книг".

В 1818 г. г-н Станевич составил книгу "Беседа на гробе младенца о бессмертии души, тогда токмо утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении веры и Церкви". Книга эта довольно резко обличала лжеумствования так называемого "духовного христианства" — распространявшиеся чрез повременные издания и переводные сочинения (Эккарстгаузена, Юнг-Штиллинга, г-жи Гюион и др.). Ревнуя о чистоте веры, архимандрит Иннокентий, которому пришлось, в качестве цензора, просматривать эту книгу, не задумался пропустить ее, как вполне согласную со взглядом православной Церкви.

Архимандрит Филарет (впоследствии митрополит московский) еще раньше советовал

Иннокентию быть осторожнее в своем неодобрении так называемого "духовного христианства". — "Нам, двум архимандритам, говорил он, не спасти Церковь, если в чем есть погрешности, а лучше обращаться к митрополиту, которого голос имеет более силы, нежели наши оба". Но Иннокентий держался того мнения, что должно поступать прямо, не заботясь, увенчается ли исполнение дела успехом.

"Не говорить — так писал он потом — правды тому, кому должно, значит из страха робеть или из человекоугодия по-видимому терпеть: не говорить, потому что не видишь успеха. Успех не наше дело, а Господне; наше дело свидетельствовать потому во славу Господню".

Книга была издана и вызвала негодование и месть князя Голицына, и раньше весьма хорошо знавшего несочувственное отношение Иннокентия к так называемому "духовному христианству".

Автор книги, бедный, беззащитный человек, был выслан из Петербурга; на книгу наложен Высочайший запрет (6 января 1819 г.) "с тем, чтоб сделан был строжайший выговор за неосмотрительность по пропуску сочинения, стремящегося истребить дух внутреннего учения христианского. Автор к суждению о бессмертии души привязал защищение нашей Греко-Российской Церкви, тогда как никто на нее не нападает. Книга сия совершенно противна началам, руководствующим христианское наше правительством по гражданской и духовной части".

Было ясно, что и Иннокентию не долго придется оставаться в Петербурге.

Через шесть лет на имя Министра Народного Просвещения — истинно русского человека — А. Н. Шишкова, последовал указ, где сказано: "Многие, к вере относящиеся книги, часто содержащие ложные и соблазнительные о священном писании толкования, печатались в частных типографиях без всякого Синодского рассмотрения и, напротив, книги, в духе нашей православной веры написанные, подвергались строгому запрещению. Таким образом и книга под названием: "Беседа на гробе младенца о бессмертии души" была запрещена и отобрана. Потому, выше означенную книгу, запрещенную, ныне митрополитом рассмотренную и одобренную, повелеваем дозволить печатать и продавать". Так разрешилось это грустное недоразумение, вызванное ложною ревностью.

Чувства Иннокентия во время воздвигнутого на него гонения можно видеть из писем его к одному преданному ему лицу: "Приятно, — пишет он 7 января, — приятно слышать обвинения в том, к чему отнюдь не причастен и в чем успокаивает совесть". От 8 января: "Выговора еще не слышу, тем более слабеет слабая душа моя. Видясь с князем во дворце в Крещение, заметил я, что он глубоко оскорблен. — Но, между нами сказать, — молился я за него во время приношения Господу бескровной жертвы, и не знаю, отчего, с умилением сердечным, слезным — так Бог послал, — и смягчилось сердце... Если между мною и князем А. Н. не будет мира, то трудно мне являться в собрание к нему, и ему трудно будет терпеть меня. Таким образом, я как сор петербургский, как умет духовный, должен быть выброшен из Петербурга. Если и то угодно Господу, то, верно, к пользе общей, других и моей... Жаль, очень жаль, что бедный сочинитель, коего сочинение мною пропущено, в 24 часа выслан из города. Этому и я, безрассудный грешный, причиною. Если бы не пропускал его книги, он был бы в своем месте, при должности и в покое".

Архимандрит Иннокентий был назначен на Оренбургскую кафедру и 2 марта рукоположен во епископа в Казанском соборе. При посвящении лицо его сияло духовною радостью. Вечером в келлии своей он сказал пришедшему к нему иноку: "Я раб недостойный, а почтен святейшим саном!" — и воспел благодарственную песнь Владычице: "Свет превечный!" потом "Се жених

грядет в полунощи". Глаза его были полны радостных слез. Наконец, он в восторге зашел: "Чертог Твой вижду, Спасе мой!"

Между тем здоровье Иннокентия все ухудшалось. "Мой путь до Москвы недалек, — писал он, — а смерть еще ближе. Когда придет, неизвестно, а известно, что нечаянно".

22 марта, по предстательству митрополита у Государя, во внимание к слабому от природы здоровью, изнуренному учеными и служебными занятиями, Иннокентий был перемещен на кафедру Пензенскую и Саратовскую, и ему предложено спешить в Москву, где ему предписывалось, за смертью московского архиепископа, рукоположить одного епископа.

В день отъезда проститься к преосвященному Иннокентию собралось много народа; ученикам своим он дал каждому по проповеди своей, говоря: "Я дарю вам это в память меня и для того, чтобы, по времени, сличая свои труды с моими, могли сказать: вот как слабо прежде писали. Я вас любил и желал осчастливить вас. Но теперь я разлучаюсь с вами, поручая вас Богу. Учитесь терпению".

Почитателям своим много дал он вещей на память.

"Сейчас сажусь в возок, — писал преосвященный. Помолитесь, чтоб Господь подкрепил мою действительную слабость. Какая тяжесть лежит на голове, глазах, уме и еще более на сердце. Чем благословит Господь настоящий выезд? Все Ему предаю; только бы руки, коими предаю себя искренно, к Нему простирались Единому — вот мое желание".

Переезд в Москву совершенно изнурил Иннокентия, и он еле мог совершить рукоположение.

Чрез силу в четверг выехал на наречение, возвратился оттуда в полуобмороке.

"В воскресенье служил в Успенском соборе, рукополагал.

Един Господь дал силы совершить такое великое дело. Зрители сомневались, совершу ли начатое. Я сам и трепетал, и был в полуобмороке, и надеялся, и чуть веровал милости Господа...

По окончании литургии едва добрался до кареты, и чуть помню, как возвратился в квартиру, где и лечусь. Пока не выздоровею, в Пензу не поеду; пусть как хотят о том судят".

Служение в холодном в то время Успенском соборе окончательно разбило здоровье Иннокентия.

Три месяца должен он был прожить в Москве. Болезнь его была, по-видимому, водяная. Сперва во многом он терпел недостаток; но потом его окружили заботы благочестивых лиц, тронутых положением гонимого страдальца. Так сбылись слова странника. Особенно много помогла незабвенная православною ревностью графиня А. А. Орлова. Вообще, много страдал он и нравственно. Разразившаяся над ним гроза глубоко потрясла его кроткую душу. Это видно из следующих слов письма его, в которых слышится глубокая боль: "Есть во мне боязнь людей, чтоб не сделали мне зла, родившаяся во мне по болезни". Когда, наконец, можно было преосвященному ехать, графиня послала с ним врача, окружила его удобствами и оплатила все дорожные расходы. Ехали шагом.

"Помолитесь, писал он с дороги, чтоб Господь благословил путь и жизнь и облегчил болезнь для продолжения телесной жизни, которую по благодати Его хочется хотя некоторыми отрывками посвятить Его святому имени".

21 июня Иннокентий въехал в Пензу. Была ясная погода. Народ стоял по обеим сторонам улиц, а около собора и в соборе была толпа. Все были встревожены болезненным видом нового архипастыря: лицо его было бледно от сильных страданий, и голос дрожал от слабости. По совершении молебствия преосвященный сказал слово о мире. Несмотря на болезнь, он не пропускал ни одного праздника и воскресенья без служения и проповеди. Поучения его производили неотразимое впечатление на паству, — он проповедывал со слезами. Совершая бескровную жертву, он одушевлялся новой жизнью, и особенно во время призывания на Дары Святого Духа. Со слезами падал он ниц, и, несмотря на тяжесть облачения для болезненного его тела, не позволял диаконам поддерживать себя. Он до того погружался при служении в молитву, что однажды, когда после херувимской случилось волнение между присутствующими, так как в том же архиерейском доме произошел пожар, — он ничего не заметил.

Труды по устройению епархии предстояли обширные; духовенство не было на должной высоте; необходимых удобств жизни не было; дом был, как "шалаш или плохой трактир", полы подымались при проходе по ним, стекла закопчены и составлены из битых кусочков, везде протекало; казенный лесничий завладел архиерейскою землею. Все надо было исправить и уяснить.

Быстро осмотрев городские церкви и побывав на испытаниях в семинарии, гимназии и духовном училище, преосвященный отправился по епархии. Его огорчила бедность церквей — в некоторых не было ни библии, ни книг, составляющих круг церковный. Риз по три-четыре, одна шелковая, остальные холщевые. Посещение Саратова произвело отрадное впечатление на архипастыря; в нем уже было 10 храмов. В соборе преосвященный Иннокентий сказал проповедь на текст: "Возвеличим Господа со мною и вознесем имя Его вкупе". "Когда я произнес — пишет он — к народу: "Возвеличим Господа со мною!" мне хотелось обнять всех и во едином союзе возвеличить беспредельно Великого; собрание было немалочисленно: собор, его крыльцо, притвор и окна наполнились зрителями".

На третий день по приезде в Саратов преосвященный окончательно изнемог и слег; чрез две недели, почти на смертном одре, он возвратился в Пензу, но не переставал заниматься делами епархии. Узнав, что комиссия духовных училищ вторично издает его "Церковную историю", он заботился об ее исправлении. Врач еле мог убедить его принимать лекарство. Взор больного был неотступно устремлен на Распятие. За неделю до кончины он передал тысячу рублей на содержание бедных учеников в уездном и приходском училищах в Пензе. "Кого благодарить?" спросили его. "Иисуса Христа", — отвечал он.

Между тем, он все слабел, не в силах был поднять и стакана с водою, но не оставлял пера до кончины. Погода ненастной поздней осени еще более усиливала страдание его. Казалось, что кожа от худобы присохла к костям его. Внешность Иннокентия, сиявшая спокойным духом, умилением и благоговением, походила на образ святителя Димитрия Ростовского.

"Не великое дело, — отвечал он, когда ему говорили о том, — иметь сходство по наружности. О, если б благодать Божия сподобила приблизиться к нему по духу".

Никто не слышал от страдальца в его последнюю болезнь стона, и когда высказывали ему соболезнования, пресекал их, говоря кратко: "Так Богу угодно".

9 октября ночью он позвал келейника и сказал: "Какое дивное видение мне представилось! Казалось мне, что небеса отверзлись. Двое светлых юношей в белых одеждах, слетев с высоты, предстали предо мной и, с любовью смотря на меня, взяли меня, немощного, и вознесли с собою на небо. Сердце мое исполнилось несказанной радости, и я пробудился".

10 октября утром преосвященный просил особоровать его, и, напрягая последние силы, повторял молитвы и несколько подымался при помазании елеем. Потом язык стал неметь, дыхание прерываться, он крестообразно сложил руки на груди. Окружающие развели руки, чтобы не затруднялось дыхание, но он опять сложил их крестом.

Страдания длились до шести часов вечера, лицо было мирно. Один из окружающих стал читать псалмы; при словах 54 псалма "Аз к Богу воззвах и Господь услыша мя" — капли слез выкатились из глаз умирающего; а на словах: "Аз же, Господи, уповаю на Тя" — преосвященный Иннокентий вздохнул в последний раз и тихо предал дух Богу.

Он скончался 10 октября 1819 года, на 36-м году, пробыв в сане архиерея 7 месяцев и среди паствы своей 3 месяца.

Отпевал его предшественник его, живший в Пензе на покое, что всех поразило. При отпевании инспектор семинарии арх. Василий (впоследствии епископ Тобольский) произнес замечательную по силе чувства речь.

Вот отрывки из нее:

"Почто так рано, свет очей наших, почто так рано скрываешься от нас? Почто на самом восходе жизни твоей познаешь запад свой?..

Едва успели мы, а многие еще и не успели облобызать тебя первым целованием, и ты уже требуешь последнего.

Восстань, пастырь добрый, услыши вопль чад, призывающих тя; преклонись на рыдание сирот, проливающих благодарные слезы у ног твоих!

Медленная признательность сердец, проникнутых твоими добротами, еще не успела принести жертвы достойной тебя, а ты уже успел и душу твою положить за овцы твоя. Какая любовь может быть выше и сильнее сей?

О, если бы плач наш так же проник и оживил сердце его, как некогда слово его, слово жизни, протекало и оживляло наши сердца. Но он усне, и один трубный глас ангела силен возбудить его.

Напрасно мы мятежным воплем своим возмущаем мирный отдых твой, после трудов столько тебе нужный. Восприими венец правды, который уготован тебе за веру и подвиги твои! Соединись духом твоим с Господом, которого имя всегда носимо было во устах твоих и напечатлено было в сердце твоём! Но не оставляй нас и по исходе твоём!"

Кроме ученых трудов, сохранились еще многоценные письма преосвященного Иннокентия. Место могилы его — под престолом Казанского придела в Пензенском соборе. Доселе жители Пензы служат панихиды по нем. Память этого ревностного и прямодушного поборника Христовой истины, самоотверженного, незлобивого, младенчески ясного и благого пастыря — сохраняется среди тех, кому дорога цельность и чистота православия.

Амвросий, епископ Пензенский

Составитель известной книги, хотя и носящей справочный характер, как бы застрахованной от всеразрушающего влияния времени "История Российской Иерархии", — преосвященный Амвросий Орнатский замечателен и как великий подвижник.

Сын диакона Чудского погоста, Череповецкого уезда, Новгородской губ., он родился в 1778 г., окончил курс в С.-Петербурге, в Александро-Невской семинарии, служил в Новгороде инспектором и ректором духовной семинарии.

В Новгороде он сблизился с епископом Старорусским Евгением (Болховитиновым), впоследствии бывшим митрополитом Киевским, знаменитым ученым и историком русской Церкви.

Прослужив в Москве настоятелем Новоспасского монастыря, он был рукоположен в архиереи и назначен викарием Новгородским, а затем в 1819 г. епископом Пензенским.

Именно с этих пор, со времени назначения его на самостоятельную кафедру, выступает с особенною силою крайняя своеобразность всего существа преосвященного Амвросия.

Епархия, назначенная ему в управление, была обширных размеров, охватывая собою также и всю теперешнюю Саратовскую и части Самарской и Симбирской, и требовала многих забот, чтобы стать сколько-нибудь благоустроенною. Бедность была поразительная, архиерейский дом в развалинах, собор не достроен, ризница убога до последней степени. Бедность и неустройство духовенства полные.

Все свои силы молодой епископ отдал епархии. Его ученая деятельность прекращается.

Строгость, суровость к себе и другим: вот качества, прежде всего бросавшиеся в глаза в преосвященном Амвросии.

Сам он был образцом воздержания. В Пензе он не ел ничего кроме хлеба, воды, редьки и огурцов, великим же постом он питался одною или двумя просфорами на целую неделю.

Нестыжательность его не знала границ. Раздав все свои деньги, он отдавал затем самые нужные вещи, даже полотенца. Безусловно точный в соблюдении церковного устава, того же требовал он и от других, и в этом не знал никаких уступок.

Настойчивость его и железная сила воли были непреклонны. Его характер выражался и в его наружности. Высокий, худощавый, с большими темными глазами, светившимися умом и энергиею, с голосом громким, звучным, который возвышался до громового, — когда епископ был под влиянием сильного волнения, тогда собеседники невольно вздрагивали. Большею частью епископ был угрюм и молчалив и говорил редко. Он не хотел ничем поступиться от того убеждения, что он все остается монахом. Глубокая пропасть лежала между ним и высшим обществом Пензы; отношения сразу установились натянутые и все более и более обострялись.

В высшей степени епископ был требователен к тому, чтобы в храме стояли как следует. Не терпел он ни разговоров в церкви, ни перехода с места на место. Такие люди сейчас же подвергались при всем храме строгому выговору.

Так, однажды одна из выдающихся по положению в городе женщин стала говорить в церкви. Амвросий начал ей резко выговаривать, а когда она хотела от стыда уйти, он закричал за ней: "Куда бежишь? от гнева Божия не уйдешь".

При непреклонной правдивости и прямоте Амвросия, его отношения с губернатором стали в высшей степени натянутыми, тем более, что тот позволял себе притеснения по отношению к духовному ведомству, а Амвросий горячо отстаивал интересы церкви и духовенства.

Так как губернатор был человек не безупречный, то Амвросий, не стесняясь, в своих

проповедях, даже в присутствии губернатора, обличал его действия, так что губернатор избегал ездить в собор.

Не будучи в состоянии бороться с Амвросием открыто, он начал подпольную борьбу, путем доносов и разных подвохов. Но прямодушный архиерей не последовал этому низкому примеру и действовал открыто, так что в городе, несмотря на суровость архиерея, ему сочувствовали в этой борьбе.

На духовенство Амвросий излил всю свою суровость, желая крутыми мерами поднять его на должную высоту, и получил от него прозвание Грозного.

Архиерей крепко держал в руках управление всею епархией, у него не было ни советников, ни приближенных.

Он рассылал одно за другим точные предписания и карал неминуемо тех, кто их нарушал. Особенно он требовал от священников, чтоб они говорили народу поучения, приказывая тем, кто не умел этого делать сам, читать чужие проповеди.

Усердно объезжая епархию, Амвросий всматривался во все: ничто не ускользало от его орлиного взора. Замеченных в провинности он отсылал надолго (несколько месяцев и более) в архиерейский дом в Пензу, который при нем стал как бы исправительным приютом для духовенства.

Самою же неприятною частью наказания считались его выговоры, действительно тяжелые при его остроумии, резких выражениях и суровом, приводившем в трепет, голосе. Впрочем, у всех было то утешение, что они страдали за действительную вину, а не по наушническим наветам. И, как ни был строг Амвросий, он никого в свою жизнь не сделал несчастным; всех виновных по исправлению назначал на места. При его справедливости, заглаживавшей тяготу его суровости, его время не оставило в среде духовенства тяжелой памяти.

Последствия же этих приемов были значительны. Явились хорошие проповедники и священники, столь же преданные долгу, как и он сам.

Деятельность Амвросия как священнослужителя была выдающаяся. Он достроил и отделал кафедральный собор, завел хорошую ризницу.

Бесконечно нетребовательный в своем домашнем быту, он обставлял пышно свои частые служения.

Множество духовенства, богатство облачений, яркое освещение собора, стройность обрядов — все усиливало впечатление, производимое личностью самого архиерея.

Особенно замечательным зрелищем были его всенощные.

Тысячи свечей горели в паникадилах, и среди темноты ночи издали светились окна храма. Величавый и сосредоточенный епископ, с ликом как бы сошедшим со старинной иконы, был окружен сонмом духовенства, предстоявшим со страхом и благоговением. Он имел вид скорее ветхозаветного первосвященника, чем теперешнего епископа. Когда он выходил кадить, его сопровождала целая толпа диаконов. Одни шли попарно впереди с большими зажженными свечами, другие поддерживали его под руки, третьи заключали шествие... Он сам шел твердою поступью, медленно кадя иконам и народу. Все тихо было в церкви, точно замерло: раздавалось лишь пение, шаги архиерея, звон колокольчиков на его облачении.

Служение его было очень продолжительно и удлинилось еще более продолжительными проповедями. Иногда он служил в почти пустой церкви.

Проповеди его, говоренные всегда изустно, по суровости и дышавшему в них гневу, напоминали грозные речи пророков. Он беспощадно громил порок и недостатки общества.

В 1824 г. в Пензе провел четыре дня император Александр I. К его прибытию город наполнился приезжими лицами, которых губернатор восстанавливал против архиерея, надеясь, что слухи о строптивости его дойдут до государя.

В день приезда государя, для встречи власти собрались на одном крыльце собора, а Амвросий направился к другим боковым дверям, которые находил более величественными, и, ответив на просьбы властей — перейти к другим дверям, что распоряжения в соборе принадлежат ему как архиерею, — остался у них один без властей и встретил государя краткою и сильною речью. Ведя его по собору, он останавливался у икон, коротко назначал, сколько государь должен положить поклонов. Может быть, он надеялся навлечь на себя неудовольствие государя, чтобы быть уволенным от управления епархией, которое его очень тяготило. Но он, несмотря ни на что, произвел на государя впечатление человека хотя сурового, но справедливого.

Государь не один раз был у него и подолгу с ним беседовал. Между прочим, он советовал государю отказаться от бала, предложенного дворянством, так как он не одобрял этих увеселений. Государь говорил ему об его строгости к духовенству и сказал, что во время проезда его чрез Пензенскую губернию, ему подано на него множество жалоб.

— Государь, — ответил ему епископ, — на тебя подали бы еще больше жалоб, если бы было кому жаловаться.

Потом, указав на свою панагию с изображением на ней распятого Христа, он промолвил: "Он ли не был свят, а и Его обвинили и распяли".

После шестилетнего пребывания в Пензе, Амвросий подал прошение в св. синод об увольнении на покой, выставляя на вид желание свое подготовить новое дополненное издание "Истории российской Иерархии". На самом же деле он мечтал лишь о строгом монашеском уединении, так как, отправляясь из Пензы, отослал в св. синод все документы, забранные оттуда для дополнения своего труда, и исправленный печатный экземпляр истории.

Получив увольнение, он избрал для жительства Кирилло-Белозерский монастырь, в котором получил первое образование... Бедным странником покинул он Пензу. Раздав все свое немногочисленное имущество и все принадлежности архиерейского сана, Амвросий оставил себе небольшое количество книг и бумаг.

На прощанье он сказал: "Теперь здесь моего ничего нет!" и уехал в простой монашеской одежде и шапке, в нагольном тулупе и на простых дровнях.

В Кирилло-Белозерском монастыре Амвросий весь отдался безмолвию, уединению и молитве.

Ему для жилья было приготовлено большое помещение, но он выбрал себе одну, самую отдаленную комнату. Никто, даже келейник, не мог входить в нее. Никого почти он не принимал, даже монастырских властей и родных, которым велел сказать, что Амвросий мертв. Из келии своей он выходил только в церковь, но редко.

Иногда, когда в церкви шла служба и народ был внутри, он подходил к одному из церковных окон, смотрел несколько минут во внутрь церкви и уходил к себе.

Иногда, по ночам, выходил он на церковный двор, молился на церковной паперти, воздев руки к небу, или в келлии преп. Кирилла молился до утрени. Когда приехали к нему родители, он позволил им пожить в зале его покоев, сам ставил для них самовар, но они почти не видали его самого и не входили в его келлию.

Письменно затворник уже ни с кем не сообщался. Подавали ему простую монастырскую пищу, но он не брал ее целыми днями, изредка пил вместо чая ромашку. Через келейника он раздавал всю свою пенсию (2,000 руб. в год), употребляя ее на монастырь и на бедных. Он содержал двух сирот в училище и внес большой денежный вклад за содержание родителей в пустыни Новгородской губернии, когда те пожелали постричься.

Келейник у него был неисправного поведения: заперев епископа в архиерейских покоях, он исчезал иногда на несколько дней, оставляя его без пищи и в нетопленных комнатах. Тогда Амвросий делал все сам, топил печи, мыл полы и никому ни словом не пожаловался на келейника. Только с одной семьей сосланного туда полковника Дубовицкого епископ видался, принимал даже его малолетних детей, которые обращались с ним, как со своим человеком. Когда Дубовицкий получил разрешение вернуться, Амвросий присутствовал при обедни и напутственном молебне и самым теплым образом простился с отъезжавшими.

Коротка была подвижническая жизнь преосвященного Амвросия.

От его прежней красоты ежечасное понуждение себя, суровый, беспощадный быт не оставили следа. Он походил на мертвеца. Но не жаловался, не лечился.

Полгода продолжалась его предсмертная болезнь. Через два года по удалении на покой он отошел к вечному успокоению. В праздник Рождества Христова 1827 г. с глубоким чувством он исповедался, приобщился св. Таин и на другой день рано утром был найден почившим последним сном.

Он лежал на постели с лицом, обращенным к иконам, с правую рукою, сложенною для крестного знамения.

Кончина была одинока. Он погребен в Успенском соборе.

Так прошло это сокровенное 49-ти летнее существование.

Мало сохранилось известий о внешних его событиях. Глубокая тайна покрыла внутреннюю жизнь. Но каким-то обаятельным, сосредоточенным в себе светом, какой-то могучею, непреклонною правдою влечет к себе память этого крепкого борца церковной истины.

И кто задумывался над тем, какие сокровища скрыты в жизни с Богом: для тех за недоступной миру и над этим миром стоящей личностью епископа Амвросия, чувствуются такие бесценные сокровища сильной Богом души.

Антоний, архиепископ Воронежский и Задонский^[2]

Имя Антония, архиепископа Воронежского, при котором совершилось великое торжество обретения мощей святителя Митрофана, было широко известно при его жизни. Богомольцы, бывавшие в Воронеже, приносили домой рассказы об обаятельном образе Воронежского владыки; не умерла память о нем и по его кончине.

Преосвященный Антоний, в миру Авраамий Гаврилович Смирницкий, родился 29 октября

1773 г. в селе Повстине Пирятинского уезда Полтавской губернии. Его отец, окончивший курс Киевской академии, сперва был домашним учителем у помещика, потом в продолжение 50 лет был священником в селе и скончался в сане протоиерея. Авраамий был старший из семи сыновей его.

Усердие к церкви, набожность, тихость нрава были присущи Авраамию с раннего возраста. Отправляясь в храм, он выпрашивал у матери себе денег на свечи. Однажды на Новый год, догоняя отца, который, не будя мальчика, пошел служить утреню, Авраамий попал в прорубь. Божья сила удержала его на поверхности воды. Было еще совсем темно. В это время неподалеку ехали крестьяне. Почувяв тонущее дитя, пристяжная лошадь шарахнулась в сторону. Крестьяне остановились, и, различив причину испуга лошади, вытащили мальчика.

Отец начал обучать грамоте Авраамия довольно рано, так что еще до десяти лет он часто заменял на клиросе причетников.

На одиннадцатом году отец свез сына в Клевское духовное училище, из которого он, как лучший ученик, перешел и в академию. Уже в те годы он внушал к себе такое доверие, что, во время прохождения академического курса, полтавский помещик Корицкий пригласил Смирницкого в качестве воспитателя своих детей. Он занимал с этими детьми особую квартиру, куда поселил и своих меньших братьев. Руководя этим молодым обществом, Авраамий Гаврилович ввел в их жизнь начала, подобные монастырскому уставу. Вставши рано, ученики молились Богу, и, здороваясь с наставником, должны были сказать ему, какого Церковь празднует в тот день святого. Несколько раз в неделю положено было читать дневные акафисты. Во исполнение же заповеди милосердия наставник принял на эту квартиру бедного престарелого странника и покоил его. Каждый день Смирницкий бывал у обедни, и из церкви уже отправлялся на лекции. В большие праздники он любил ходить в Лавру и часто бывал при служении Киевского митрополита Самуила, отличавшегося праведною жизнью. Став архиереем, он старался подражать ему в служении. Развлечений он не любил, а свободное время употреблял на молитву, богословское чтение и беседу с подходившими к нему по настроению товарищами.

По окончании курса академии, Смирницкому предлагали вступить в брак. Старший протоиерей армии Суворова предоставлял ему за своею дочерью свое место. Когда об этом доложили митрополиту Самуилу, находившемуся уже на смертном ложе, он, как бы в забытьи, долго не отвечал и, наконец, открыв глаза, промолвил: "Не благословляю. Смирницкому другие пути назначены". Это были последние слова митрополита. Такой исход дела глубоко радовал Авраамия; брак смущал его; без колебаний, он спешил исполнить давно задуманное дело, и новому митрополиту Иерофею подал прошение о пострижении в монашество. Увидав в первый раз Авраамия, митрополит сказал: "Не последний мне подарок от Киева г. Смирницкий. Нам подобает умаляться, а ему расти". Митрополит думал сделать его учителем риторики, но он изъявил решительное желание поступить в Лавру, "поучиться от святых учителей, почивающих в пещерах".

13 августа 1797 г. под всеобщую на праздник перенесения мощей преподобного Феодора, под трезвон колоколов, Авраамий вошел в Лавру. Под утро во сне ему было знаменательное видение. Он точно пришел в келлию преподобного Антония и спрашивает видеть настоятеля. Скоро открылись двери, и предстал преподобный Антоний, неся в руках большой потир со св. Тайнами. Авраамий пал ниц.

— Встань, сказал начальник русского монашества, и приобщись. — Я не готов, я только что из мира.

— Приступи и прими.

И тогда Авраамий подошел и приобщился из полной чаши.

Так совершилось устройство в великой Лавре юного подвижника. Из мира он принес с собою удивительно ясное и светлое настроение, какой-то торжественный строй жизни, который уже достаточно обрисован сказанием о годах его юности, ту глубокую разумность и тихое обаяние благодушия, которые с первых лет влекли к нему сердца. Теперь эти свойства должны были еще усовершенствоваться. Он шел царским путем, путем монастырского монаха, и успел на своем царском пути достигнуть многого.

"Во всякой добродетели" проходило первое время иноческой жизни Авраамия. На него возложены были послушания — на клиросе и исправление листов выходящих из лаврской типографии духовных книг.

На первой неделе Великого поста, 21 февраля 1797 г. Авраамий был пострижен в иноческий сан с именем Антония; с тех пор он получил еще новые послушания — чтение канонов и произнесение проповедей, и, кроме того, поручено ему было заведывать лаврскою библиотекой. 20 ноября 1799 г. посвящен в иеромонаха и получил вскоре предложение отправиться в миссию в Константинополь. Но Антоний просил позволения остаться в дорогой ему Лавре и усилил свои подвиги. Он строжайше содержал монашеское правило, надел власяницу, ночи проводил на молитве и только краткое время отдыхал на жестком ложе, покрытом черным сукном. Он редко ходил на трапезу, и ту пищу, которую, по сочувствию, приносил ему в келлию один из братии, он раздавал нищим.

Когда Лавру посетил знаменитый митрополит московский Платон, он спросил Антония, почему он не пошел в учителя, и на ответ инока, что он пришел в Лавру, чтоб самому поучиться, возразил, что он ищет своего покоя.

— Точно, — отвечал Антоний, — того покоя, о котором Спаситель наш говорит: "Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы".

Последовательно занимая несколько должностей, Антоний был назначен в 1814 г. начальником ближних (Антониевых) пещер. Эта должность, дававшая возможность постоянно находиться у раб великих угодников, — была по нраву Антония; он думал о принятии схимы, но 2 января 1815 г. поставлен наместником Лавры.

С этим высоким званием усугубились обязанности Антония, который, назидая братию, не оставлял без внимания и богомольцев, гостеприимно открывая им двери своих келлий и поучая их в кратких беседах о православной вере, жизни святых, добрых нравах, — но с обязанностями усугубились и подвиги его. Он бодрствовал в молитве и священном чтении до полуночного колокола, по которому шел он к заутрене, и только после службы давал себе краткий отдых. Входя во все подробности лаврской жизни, ежегодно Антоний начинал братский сенокос, делая "первую ручку", т. е. впереди всех скашивая первую полосу.

В 1816 г., в сентябре, посетил Киев император Александр I и несколько раз был в Лавре. Между прочим, указывая на колокольню, по случаю царского приезда горевшую бесчисленными огнями, государь спросил наместника: "долго ли она будет в таком блеске?"

— Пока не истощится материя света.

— А там что?

Поклонясь государю, наместник молчал. Тогда государь dokonчил: "Угаснет. Такова и земная слава! Вот там у вас цари (в пещерах). Они торжествуют восемьсот лет над тлением".

12 сентября наместник, по назначению государя и в его присутствии, служил в церкви преподобного Антония, в пещерах. Пел придворный хор и, по окончании службы, государь спросил наместника, хорошо ли они пели.

— Скороспешно, так что я затруднялся в чтении молитв.

— Люди дорожные, — пояснил государь.

А наместник на то ответил: "Дело Божие должно делать в надлежащем порядке". После того государь рассказывал Антонию, как встречал он, окруженный 80 тысячами русского войска, Пасху в Париже.

Много раз был приглашаем Антоний для беседы к государю, который пожаловал ему при отъезде наперсный алмазный крест в двенадцать тысяч.

В 1818 году наместник Антоний возведен в сан архимандрита.

В 1825 году Воронежская епископская кафедра осталась праздною. Митрополит Киевский Евгений, родом из Воронежа, говорил, что Бог благословит Воронеж, если туда назначат Антония.

31 января 1826 года архимандрит Антоний в соборной Лаврской церкви Успения Богоматери рукоположен во епископа граду Воронежу. Пред отъездом он говорил: "Не надеюсь на себя, там есть два святителя Христовы — Митрофан и Тихон. Их молитвы подкрепят меня".

С великим нетерпением ждали в Воронеже нового архиерея, известного святостью жизни; и в первое его служение в соборе паства заметила в лице его что-то небесное.

Все время архиерейства своего преосвященный Антоний служил часто. С первой же поры, при его служении стали появляться причастники. После обедни он любил приглашать к себе в келлии, и там гости наслаждались его духовной беседой. Видя его доброту, духовенство его епархии, помимо церковных дел, стало относиться к нему в своих частных нуждах и недоумениях. Часто открывались ему в бедности, и он из своей комнаты выносил тогда денег.

Многие и посторонние люди приезжали в Воронеж, для беседы с преосвященным Антонием.

Одним из первых дел по прибытии преосвященного Антония на кафедру — было обновление Благовещенского собора, расширение крестовой церкви и соборной колокольни. Нашлись щедрые жертвователи, и вслед за городскими храмами стало обновляться, украшаться и созидаться вновь много храмов по епархии. В промежуток только 1833-45 гг. в епархии сооружено вновь 63 храма.

Священникам преосвященный разослал увещевание, чтоб они разъясняли пастве необходимость бывать у исповеди и св. причастия, и склоняли бы к более частому говению, поучали милосердию и всепрощению Божию и заботе о спасении души; сделано было также распоряжение, чтоб читались в монастырях понятные поучения, хотя бы в церкви стояло и десять человек, и один. "И один, пояснял владыка, с любовью приняв слово, может передать другим: и сам спастись, и назидать ближних". Вместе с тем архипастырь старался упрочить почитание икон, говоря много об их великом значении.

Посещая знакомые ему семьи, он прежде всего молился на св. иконы, и если не находил их, выговаривал хозяину. При освящении одного здания, не увидев иконы, он строго заметил среди бела дня: "Какой тут мрак", — и тогда тотчас принесли икону.

Ознакомившись с делами обширной епархии своей, заключавшей и область войска Донского, архипастырь нашел ее в крайнем беспорядке. Дело устройства ее предстояло весьма сложное.

Когда преосвященный Антоний отправился обзреть епархию, он служил ежедневно в городах или селах. Все время поста он проводил ночи в молитве, и только под утро садился для отдыха на стул. Целыми часами на воздухе благословлял он крестьян, заходил в избы, где хозяева зажигали пред иконами свечи; мужики между собою, или помещики для мужиков, устраивали трапезу, которую преосвященный благословлял, и за этими трапезами случалось тысяч до пяти народу. А в помещичьих домах собирались окрестные дворяне со своими семьями. Остановливаясь в селениях, преосвященный приказывал своим служителям развозить убогим хлеба и милостыню.

В 1831 году, в год холеры, архипастырь подвигнул духовенство на неусыпное исполнение обязанности напутствовать умирающих; благодаря увещаниям его, множество народа говело, и те, которым пришлось умереть, перешли в иную жизнь подготовленными.

По кончине святителя Митрофана, первого епископа Воронежского (в первой четверти восемнадцатого столетия), память о нем среди народа не умирала; над гробом его служили панихиды для испрошения себе его молитвенного ходатайства и получали требуемую помощь. В первые же годы управления преосв. Антония Воронежскою епархией — число несомненных знамений от угодника стало особенно велико. Святитель исцелял больных, являлся страждущим, даруя им помощь и милость. Из отдаленных мест стали приходить богомольцы ко гробу святителя Митрофана. После панихиды возлагалась на молящихся мантия, в которой святитель совершал свое молитвенное правило.

В 1830 г. воронежский купец Гарденин, получивший помощь от св. Митрофана, просил чиновника Шевцова, занимавшегося живописью, сделать снимок со старого портрета святителя. Портрет был в таком ветхом виде, что Шевцов не приступал к работе, не дерзая исказить лик такого святителя; не мог убедить его и преосв. Антоний. Наконец, владыка сказал ему: "ты будешь видеть его на яву или во сне"; и весь тот день Шевцов, с верою приняв слова преосв. Антония, молился. На следующую ночь он увидел во сне старца, в сумраке и неясно; а потом сделался светлый день, и пред ним стояло отчетливое изображение святителя Митрофана, которое он списал до конца. Проснулся он с такою памятью о портрете, что мог написать его, и показал преосв. Антонию, который и благословил его писать такие изображения святителя. Многие, которым святитель являлся, придя в Воронеж, по этим изображениям узнавали угодника.

2 декабря 1831 г., при производстве работ в Благовещенском соборном храме, был найден поврежденный сверху склеп, в котором в истлевшем гробу (с 1703 г.) покоилось нетленное тело святителя Митрофана.

О всех этих событиях преосв. Антоний донес Св. Синоду, который просил Высочайшего разрешения проверить их.

Наряженная из духовных лиц комиссия донесла, что святитель был погребен во влажном черноземе и, несмотря на чрезвычайную сырость места, нижняя доска гроба осталась целою, при разрушении остальных сторон; схимонашеское облачение и тело святителя в полном нетлении; исцеления засвидетельствовали до ста лиц. Св. Синод поднес доклад, утвержденный

Государем:

- 1) Тело Воронежского епископа Митрофана, в схимонасах Макария, признавать за мощи несомненно святые.
- 2) Изнеся оные с подобающею честью из подземного склепа в кафедральный Благовещенский собор, положить в приличном и открытом месте для общего поклонения.
- 3) Память святителя сего праздновать в день преставления его 23 ноября.
- 4) Объявить о сем во всенародное известие указами Св. Синода.

6 августа 1832 года произошло торжество обретения святых мощей. После обедни, на соборной и всех городских колокольнях начался звон, и из приходских храмов в собор потянулись крестные ходы. К этому времени небо, с утра туманное, прояснилось и солнце заиграло на хоругвях, иконах и крестах. К двум часам архиереи с крестным ходом вошли в Благовещенский собор. При пении псалма 33 первенствующий архиерей кадил святые иконы и могилу святителя, кропил святою водой новую кипарисную раку, покров для мощей и полотно, приготовленное для поднятия их. По возгласе протодиакона: "Со умилением, колена преклонше, святителю помолимся", — клир воспел в первый раз: "Святителю отче Митрофане, моли Бога о нас", — и первенствующей архиерей произнес молитву. Тогда два протоиерея сошли в могилу, подложили под нижнюю уцелевшую доску гроба полотенца и подали концы их стоящим наверху, и мощи стали подыматься из земли. В соборе воцарилось торжественное безмолвие, прерываемое только тихим напевом "Господи помилуй", но и пение прекратилось от общего волнения, и среди этой благодатной тишины, проникнутой священным трепетом и духовным восторгом, как восходящее солнце, показались из могилы мощи угодника...

По положении святых мощей в новую раку, началось молебствие святителю Митрофану, и, по совершении его, в предшествии крестного хода, святые мощи были вынесены из собора с пением "Правило веры и образ кротости". При появлении великого угодника пред народом, общая радость была неизъяснима. Рака была поставлена в соборе Архангельском, где совершено торжественное всенощное бдение; народ после чтения Евангелия прикладывался во всю ночь, при чем было читаемо духовное завещание святителя Митрофана.

7-го за литургией, на малом входе, святые мощи внесены были в алтарь, поставлены на горнем месте, лицом к престолу, а архиереи стояли по бокам как сослужащие; после же литургии поставлены на приготовленное место, к южным боковым дверям алтаря.

С 7 до 14 августа были совершены преосв. Антонием молебствия при мощах. Государь Николай Павлович прислал на раку золотой покров, а чрез 40 дней по обретении прибыл и сам на поклонение.

В 1833 г был великолепно возобновлен Благовещенский собор, в него перенесены святые мощи, и в том же году, по мысли преосв. Антония, Воронежское купечество устроило драгоценную серебро-позолоченную раку в семь пудов, стоимостью по тогдашним ценам в 45 тысяч рублей.

В 1836 г., по ходатайству преосв. Антония, при Благовещенском соборе учрежден мужской первоклассный Благовещенский Митрофанов монастырь, настоятелями коего состоят епископы Воронежские.

В делах управления преосв. Антоний отличался особою совестливостью и тонкою мудростью.

Он подробно знал правила церковные и гражданские законы, но в важных делах любил спрашивать мнение и независимое суждение членов консистории. Излишней переписки, огласки неисправностей и проступков духовенства он тщательно избегал, и сам, вникнув в дело, без формального следствия, налагал исправительное взыскание. Если случалось, что во время епитимии семья виновного терпела нужду, преосвященный помогал ей; вообще любил смягчать или отменять взыскание. "Не долго, — говорил он, — сделать несчастным человека. Нам, начальствующим, должно спасать, а не губить". Он требовал от духовенства и внешнего благообразия, учил быть сострадательным к бедным, не позволял новопоставленным священникам первенствовать над старейшими отцами той же церкви священниками.

От духовного юношества преосв. Антоний требовал знания Писания, и на экзаменах испытывал, насколько знакомы они с творениями св. отец, показывая важность науки патристики прежде, чем она была введена. Воспитанники, жившие на частных квартирах, должны были ходить в свои приходские церкви и участвовать в пении и чтении, за чем и обязаны были следить настоятели церквей. Таким образом наглядно изучалось богослужение.

Лучших учеников преосв. Антоний дарил в Рождество и Пасху деньгами.

Когда преосвященный Антоний приходил в семинарию, младшие воспитанники окружали его как пчелы, ловя его руки. Он гладил детей по голове, со словами: "кучитесь, дитки", и давал мальчуганам пяточки, приговаривая: "на калачик, на пирожок!"

Особенно усердно посещал пр. Антоний семинарии на первой, голодной неделе поста. По Воронежскому обычаю, в прощенное воскресенье к нему приходили прощаться горожане и приносили большие белые хлебы, которые, из усердия к любимому архипастырю, достигали громадных размеров (до 3/4 аршина в диаметре). Эти хлебы владыка раздавал в семинарии. Любил также преосв. Антоний посещать семинаристов на прогулке их и, выходя из кареты, осыпал детей пряниками, орехами, среди которых попадались серебряные пяточки и гривеннички.

В 1840 г. преосв. Антоний сильно ослабел и просил увольнения на покой, с жительством в Киево-Печерской Лавре. Но Государь, хорошо знавший и почитавший архипастыря, изъявил желание, чтоб он не спешил оставлять столько уже обязанную ему паству, и он решился остаться в Воронеже до смерти, продолжая согреть своею любовью все, что прикасалось к нему.

Отношение преосв. Антония ко вверенным ему людям лучше всего объяснят следующие его слова к одному благочинному: "Псалмопевец говорит: тебе оставлен нищий; сиру ты буди помощник. — Кто это ты? — Я, архиерей, и ты, благочинный. Когда увидишь бедного или беспомощного сироту, донеси мне о них. Некоторые бедные не смеют спросить, другие не могут этого исполнить. Обязанность твоя указать мне на них. Без тебя я не могу подать помощь убогим, а без меня ты не можешь утереть их слез". Не только по письменному, но и по словесному заявлению благочинных, преосвященный выдавал помощь.

Он был одним из самых деятельных членов Воронежского попечительного о бедных комитета, склонял к пожертвованиям и нередко вносил от неизвестных благотворителей по триста и пятисот руб.

В 1835 г. в архиерейском доме открыт Воронежский тюремный комитет. Кроме взноса деньгами, преосвященный в большие праздники посылал в тюремный замок белого хлеба, рыбы и другой провизии. В 1840 г. поднялись цены на хлеб; для покрытия недостатка архипастырь внес от лица святителя Митрофана полторы тысячи. Он также уговорил

начальника губернии, чтоб у арестантов было освещение не конопляным маслом, от которого копоть и мало света, а сальными свечами, так как владыка снабжал арестантов книгами для чтения.

И в казармы для солдат, и в тюрьмы преосвященный Антоний пожертвовал святые иконы и ежегодно давал деньги на масло для того, чтоб в праздники светили лампы. В тюрьму были им даны евангелие, псалтыри, молитвенники, полная годовая Четьи-Минея святителя Димитрия Ростовского и творения святителя Тихона. По его распоряжению, утром и вечером один из заключенных читал положенные Церковью молитвы, а прочие молились; также читались акафисты Спасителю и Божией Матери. Днем один из грамотных читал вслух Евангелие, Апостол и Жития святых.

В 1840 г. была засуха, длившаяся несколько недель. Попечительный о пастве своей преосвященный Антоний за обедней 21 июня молился о дожде. После обедни стали собираться тучи; владыка в своем саду рассматривал трещины, образовавшиеся в пересохшей земле. В 4 часа пролился обильный дождь.

При том высоком почитании, которым был окружен преосвященный Антоний, к нему стекалось множество посетителей, и он никому не затворял дверей своего дома. Кто-то спросил его, как приобрел он всеобщую любовь. И он отвечал — "любовию".

Посетителей он принимал после обеден и вечером. К нему шли и ехали, как к родному; он вникал в жизнь людей, сочувствовал и помогал молитвою, советом, деньгами. Ему был дан великий дар назидательного обращения. Многие, ради его благочестия со страхом приступавшие к нему, ощущали необыкновенную радость, увидев его, и ощущали эту радость и по выходе. Многие плакали, слушая его. Он любил угощать трапезой, говоря: "Нельзя не принять приезжих, они гости святителя Митрофана, а я его служка!"

На прощание преосвященный непременно дарил гостей иконами, книгами и большими белыми хлебами. Часто он давал иконы согласно с тайным сердечным желанием лица, и иногда такие, которых посетители раньше долго искали и не могли найти.

В беседах с посетителями преосвященный Антоний поучал ревности церковной, строгому хранению постов, молитве, милосердию. О сострадании раз сказал: "Скорбь о ближних иногда полезнее для души собственной скорби". Однажды, заметив в церкви небрежно крестившегося, он потом учил его, как надо креститься. Убеждал чаще приступать ко святому причастию; богатым и знатным, погруженным в суету, улаживать простых богомольцев, нищих духом, увещевал их помогать бедным, строить храмы.

Учил преосвященный Антоний тайной молитве так, что если кто прервет ее своим приходом, чтоб не подать виду, что молился, и по уходе снова начать молитву. Заповедал постоянно творить молитву Иисусову, а при наступлении каждого часа произносить приветственную песнь "Богородице, Дево, радуйся!" Советовал поминать молитвою и милостынею усопших, говоря, что праведной душе от молитвы Церкви бывает большая радость, а грешной облегчение. Прославлял кротость и смирение, указывая, что смиренный уподобляется Сыну Божию. Из святых отец сам особенно часто читал творения Иоанна Златоуста и другим на них указывал. Родителям советовал, чтоб они учили детей славянскому языку. И хвалил старый Воронежский обычай, чтоб отцы давали в приданое дочерям Евангелие и полный год Четьи-Минеи. Однажды, когда пришли к преосвященному директор, инспектор и учителя гимназии, он сказал им: "Вы мои помощники; я один ничего сделать не могу. Я подобен стоящему на колокольне. Зову. Но кто меня слышит? Насаждайте в детях страх Божий. Запечатлейте в сердцах их святую веру, любовь к Церкви и Ее уставам, любовь к Царю и отечеству. Вот наше

христианское богатство!"

Преосвященный Антоний производил обаятельное впечатление.

При подвижнической жизни, он был исполнен смирения, и говорил про себя: "Много лет я прожил, а нет добрых дел". Если преосвященный слышал, что кто-нибудь злословит его, он говорил: "Он еще не все мои знает слабости и недостатки, я еще хуже, нежели как он о мне думает". А когда такой поноситель приходил к нему, он принимал его с любовью. Сам же никому не говорил обидного слова.

Любовь преосвященного Антония выражалась в том, что он всякому сочувствовал и старался для всякого сделать что-нибудь доброе. Когда преосвященный в праздник возвращался из собора в келлию, вокруг него за благословением теснилось множество народа, иные слишком сильно жали его руку или схватывали ее, наступали на ноги, но он не обращал на это внимания. Благостность его души особенно выражалась в его заботе порадовать всякого подарком. Когда в 1844-45 гг. через Воронеж на Кавказ шли войска, у мощей святителя Митрофана, по распоряжению владыки, служились молебны, и всякий солдат получал образ на финифти. Некоторые офицеры показывали потом с благодарностью преосвященному Антонию эти образки, которые в бою спасли их от пуль, и которые хранили на себе следы этих пуль; преосвященный советовал этим лицам всегда носить те образки.

Неистошимо, удивительно, неудержимо было милосердие преосвященного Антония. Он говорил: "Прежде имение церковное было имение бедных; теперь же епископское может быть таковым". Чем чаще кто указывал ему на бедных, тем выше ценил того владыка. Украшением его дома, сокровищем, за которым он бегал, были бедные. Ежедневно утром, но еще большее число бедных в полдень, оделялось деньгами чрез келейника; кто не мог дойти до дома архиерейского, посылал доложить о себе и помощь присылалась на дом. Кто входил в приемную с личными объяснениями, тех владыка расспрашивал о нужде их и оказывал более значительную помощь. Часто он клал деньги под просфоры. Многие получали как бы месячную пенсию, многим поверх денег отпускалось продовольствие — мука, пшено, масло, а в праздник и рыба; вдовам с сиротами строились иногда дома; вообще же к бедным посылал владыка при нужде печников со своими кирпичами для кладки печей, плотников с лесом для крыш и заборов.

В 1834 г. в Ямской слободе выгорело сто домов; записав от святителя и чудотворца Митрофана тысячу рублей, преосвященный Антоний, среди созванного им собрания, в один день собрал 15 тысяч. Вскоре были уже отстроены, освящены и заняты погорельцами вновь выстроенные и подаренные им благообразные дома.

Проезжие, по какой-нибудь случайности оставшиеся без денег, шли к архипастырю за займом; составители духовных книг и живописцы для издания духовных картин получали от преосвященного средства. Вновь изданные духовные книги присылались ему авторами, и он, для раздачи, покупал их в значительном количестве. Видя в молодых людях духовное настроение, преосвященный Антоний любил дарить Евангелие в серебряном окладе. Также раздавал для чтения, особенно указывая на ночное время, псалтирь. Делал преосвященный щедрые пожертвования на храмы своей и чужих епархий — и, выезжая, брал с собою деньги для раздачи.

Никогда и никому не сказал он: "Это до меня не относится, это не мое дело". Его правилом было — лучше передать, чем недодать.

Молитва была для преосвященного Антония то же, что дыхание. И, находясь в обществе,

архипастырь, только что прерывал речь — начинал про себя молитву Иисусову, перебирая четки.

Преосвященный Антоний любил служить, и служение его было торжественно. Порядок богослужения у него был весьма стройный, хор замечательный, голоса диаконов редкие. Какой-то трепет проникал присутствующих при ожидании входа владыки во храм. Благоговение и святость выражались на лице его. Он шел не спешно, мерно и величественно, в каждом движении было видно ревностное воодушевление. При облачении он держал персты в благословляющем сложении. Особая бодрость духа и окрыление архипастыря сообщалось и молящимся; сослужащие чувствовали священный страх. Возгласы преосвященный делал громко и благозвучно. Если в богослужении случалось замешательство — он тихо, иногда одним взором, приводил все в порядок. По окончании обедни благословлял народ, произнося беспрестанно: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа". Ежедневно и непременно преосвященный слушал литургию, вечерню и всенощную.

Один человек, пораженный в детстве служением преосвященного Антония, так вспоминает о нем: "Из алтаря показался величественный старец с седою длинною бородой, с бледным лицом, полузакрытыми очами, весь в золоте, в сиянии, с крестом и двумя горящими свечами в руках. Остановившись шагах в пяти от меня, он устремил к небу свои очи, полные слез, и каким-то необъяснимым и, мне показалось, неземным голосом произнес: "Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети!" Я так и застыл на месте — стою ни жив, ни мертв. Вдруг где-то недалеко от меня, как будто сверху, с неба, раздалось тихое, нежное, мягкое и, опять мне показалось, неземное пение "Святой Боже!" Мгновенно в моем детском воображении представились ангелы небесные, о которых я так часто и много читал в Четьи-Минее. Я зарыдал громко, неудержимо, так что меня должны были вывести из церкви. Я твердил одно: "Живой, святой, и ангелы живые!"

Пение преосв. Антоний любил тихое, стройное, умиленное, церковного характера, без прикрас. В покоях своих любил много икон, озаренных лампадами.

Отдыху преосвященный Антоний уделял мало времени, большую часть ночи проводя в молитве, и говорил, что молитва ночная, как солнце, освещает дневные дела. В 7 часов совершалась литургия, и потом владыка занимался чтением какого-нибудь Отца Церкви и делал выписки. Потом начинались занятия делами, за сим раздача милостыни, обед, снова чтение, краткий отдых, письменные занятия, вечерня, всенощная, прием посетителей и молитва. Преосвященный Антоний любил природу, деревья и цветы.

Доступ ко владыке был всегда удобен; он принимал в рясе, клобуке, с панагиею на груди и четками в руках. Разговоров маловажных, обыденных он не вел, а говорил о великих вопросах веры и спасения. Слов шуточных он не употреблял, считая их празднословием, и, несмотря на его кротость, никто пред ним не осмеливался вступать с другим в споры, порицать или смеяться над кем. Никогда не видали преосвященного Антония смеющимся; большею частью тихая радость сияла на его лице...

Праздники, после принятия гостей, преосвященный торжествовал уединением и усиленными молитвами. В Великом Посту первую и последнюю неделю отличал сухоядением, и весь пост часто служил, приобщая по субботам и воскресеньям народ. Он говаривал, что на великие праздники Господь награждает своих усердных рабов, посылая им радости.

В постоянное напоминание своей пастве о святителе Митрофане, преосвященный Антоний приказал отпечатать и раздавал богомольцам следующий отрывок из завещания святителя. "Употреби труд, храни мерность, богат будеши.

Воздержно пей, мало яждь, здрав будеши.

Твори благо, бегай злого, спасен будеши.

И сицевым образом в правду всякому в души и телеси спасение от Господа Бога готово, временное и вечное имство благополучное и продолжение лет во здравии".

Предчувствуя время отшествия своего, преосвященный Антоний умножил молитвы свои ко Пресвятой Владычице, к Которой с детства имел особое усердие. В своей Крестовой церкви, а потом и во всех городских церквях, велел он петь после обедни кондак: "О, Всепетая Мати". "Уже не долго мне жить, — говорил он, — к кому же мне теперь обратиться, по Господе Бозе моем Иисусе Христе, как не к Пречистой Его Матери, Царице Небесной, от юности благодетельнице, покровительнице моей?" В начале 1846 г. преосвященный чувствовал себя крайне слабым, но не покидал дел. В Задонском монастыре стал грозить разрушением свод над местом погребения, чтимого преосвященным, святителя Тихона, куда стекалось для служения панихид много народа. Для необходимых распоряжений в мае преосвященный отправился в Задонск.

Гроб святителя нужно было перенести в другое место. Уверенный в нетлении мощей, преосвященный Антоний поручил освидетельствовать их негласно, в поздний час, а сам на время работы раскопок стал в келлии на молитву. В 11 часов вечера назначенное для того лицо постучалось к нему, и он встретил вопросом: "Что, обрели святые мощи?" — "Обрели, владыко".

Преосвященный Антоний, несмотря на крайнюю неудовлетворительность пути к могиле, пробрался в нее и, припав к персям святителя, со слезами благодарил Бога, что ему, по желанию сердца, дано перед смертью видеть мощи святителя Тихона.

Тогда же мощи были положены в новый гроб, запечатаны, перенесены в другой храм, а о случившемся дано знать Св. Синоду.

13-го августа преосвященный Антоний еще вернулся в Задонск и совершил, как и прежде, память по святителе. На праздник Рождества Богородицы (8-го сентября) в последний раз служил литургию и приобщал богомольцев.

С 12-го декабря архипастырь заболел и не принимал с тех пор уже более пищи; от лекарств отказался. Тем не менее, он занимался делами, диктовал поздравительные к Рождеству письма. 17-го утром духовник совершил в комнате преосвященного водосвятие, а 18-го в мантии и омофоре он приобщился от духовника. 19-го послал отслужить в храм Иоанна Богослова молебен с акафистом Скорбящей Божией Матери, сам молился у себя пред Ее иконою, и плачущему племяннику сказал: "Я еще не умру — мне Божия Мать сказала, что нужно дела кончить". И в тот день он сдал викарию все дела. Всю ночь провел в молитве. 20-го утром назначил быть в шесть часов пополудни соборованию, послал на почту денежные письма бедным и роздал милостыню пришедшим к нему. Викарию своему он сказал: "Никакого не чувствую страха; желаю разрешиться и быть со Христом". Сделав некоторые распоряжения, владыка стал молиться. В шесть часов началось торжественное соборование, длившееся час; архипастырь сидел в креслах со свечою и сам прочел последнюю молитву — "Простите мя, отцы и братья".

Благословив всех, он перешел с кресел на ложе; осенив обеими руками, разрешил находившихся под запрещением и отпустил всех.

Чрез четверть часа преосвященный сильно постучал в двери, призывая своих чад. Он в

последний раз возложил крестообразно руки на головы присутствующих, духовник стал читать отходную, в руки архипастыря вложили горящую свечу; с окончанием отходной архиепископ Воронежский и Задонский Антоний предал дух Богу — 20 декабря 1846 г., в пятницу, в четверть девятого вечера, на 74-м году жизни.

По облачении, тело вынесено в креслах в Митрофанову гостиную, при чем левая рука почившего висела опущенною, а правая, никем не поддерживаемая, держала у груди крест... Около полуночи началась первая панихида.

27-го декабря тело архиепископа Антония погребено в Благовещенском соборе, возле столетней усыпальницы святителя Митрофана. Все эти дни было громадное стечение народа, столько терявшего в усопшем.

Исполнилось более полустолетия со дня кончины архиепископа Антония, но имя его сохраняется среди имен тех, которыми за последнее столетие святился и спасался русский народ.

В чем же состоит значение преосвященного Антония Воронежского?

Он представляет собою удивительно полный, отрадный, идеальный образ епархиального архиерея.

Чистый, ревностный с младенчества, его жизненный путь был озарен тою ясностью, простотою и твердостью, какие дает человеку нераздельное служение Богу.

Ничего не требуя для себя, с неослабевающей силой ища блага ближних, он своею жизнью еще громче слова проповедывал пастве царствие Божие, пришедшее в силу, и был среди мира верующего, но слабого, крепким воплощением Христовых заповедей.

Он называл себя "служкой святителя Митрофана", говорил^[3] о себе: "я сельский житель, из села Божией Матери", но какой величавый, обаятельный, трогательный встает образ при его смиренном имени!

Удивительна жизнь, каждое дыхание которой славил Бога, удивительна вера и любовь, сделавшая из жизни такое широкое поприще добродетелей, удивительно негаснущее воодушевление, неистощимое милосердие!

Откуда брал архиепископ Антоний средства для неудержимаго потока своих милостынь?

Тут можно ответить только словами другого великого покровителя страждущих, святого Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского, — к казначеям патриархии, устрешенным размерами его жертв: "Верую Богу — если со всего мира сойдутся нищие, мы прокормим их!.."

Мелетий, архиепископ Харьковский и Ахтырский

Архиепископ Мелетий назывался в миру Михаил Иванович Леонтович и был сыном Полтавского дворянина из казаков. Он родился в Полтаве 6 ноября 1784 г. Когда мальчику было 4 года, отец его на охоте нечаянно выстрелил в себя из своего ружья и умер.

Сначала мальчик учился дома, потом в Полтавском училище, затем в Екатеринославской бурсе и семинарии. Кроме смерти мужа, мать его перенесла и другое несчастье: сосед-помещик завел с нею тяжбу и оттягал у нее имение, оставив ее с сыном и дочерью почти нищими.

Как много терпел мальчик по своей бедности при тогдашнем неустройстве учебных заведений, видно из его воспоминаний, как он ходил в пестревом халате, в роде больничных, без шапки лето и зиму. Уже будучи архиепископом, он сказал, когда ему доложили, что воспитанники обижаются пищею: "Теперь еще обижаться; теперь, говорят — худо; а как мы, бывало, у дьячков учились, да по целым ночам ходили под хатами, и в хатах псалмы пели, и этим себя и учителя кормили?"

Во время учения юноша выдавался и способностями, и прилежанием, и поведением. В нем уже тогда была любовь к сравнительному чтению Священного Писания, свидетельствующая о его сосредоточенности и его духовных стремлениях.

После семинарии Михаил Иванович был вытребован в Петербургскую Духовную Академию, которую и окончил очень успешно на исходе 29-го года от роду. На лето он поехал к матери в с. Старые Сенжары Полтавского уезда, порадовать ее и набраться сил и после занятий и после неподходящего к его слабому здоровью петербургского климата. Мать предполагала женить сына, искала ему невесту. Но, вернувшись в столицу, он написал ей, что нашел себе невесту, — Святую Церковь Христову. Она была в отчаянии. Ее тяготила мысль видеть сына монахом. Но он не сразу решился на этот шаг, а постепенно готовил себя к пострижению.

В Петербургской Академии он был оставлен бакалавром (преподавателем) греческого языка; чрез три года он был переведен инспектором в Киевскую Духовную Академию. 11 февраля 1820 г., он пострижен в монашество с именем Мелетия. Пострижение совершал митрополит Киевский Евгений (Болховитинов), известный своею ученостью и подвижническою жизнью. В 1821 г. о. Мелетий был назначен ректором Могилевской семинарии, где он прослужил два года. Он значительно оживил дело преподавания. Прекрасно излагая свой предмет, он сумел заставить учеников заинтересоваться им. Прежнее грубое, часто бесчеловечное обращение, какому подвергались учащиеся в бурсах, при о. Мелетии сменилось заботливым, твердым, но ласковым отношением. Строго преследуя все дурное, он часто присутствовал при играх воспитанников, при их прогулках, в день своих именин угощал их, значительно улучшил их стол, и заслужил общую любовь. Из Могилева он был переведен на ту же должность во Псков, где пробыл всего лишь несколько месяцев, так как в январе 1824 г. был назначен ректором Киевской духовной академии, а в конце 1826 г. — епископом Чигиринским, викарием Киевской митрополии. Тогда же он назначен и настоятелем Златоверхого Михайловского монастыря, где почивают мощи св. великомученицы Варвары.

Как была счастлива мать преосв. Мелетия, когда сын просил ее переехать жить к нему! Как отрадно было ей, знавшей в жизни мало радостей, присутствовать при торжественных архиерейских служениях сына, участь которого она недавно так горько оплакивала.

Уже в Киеве сказывался тот строгий строй жизни, который составляет отличительную черту преосв. Мелетия. Он соблюдал удивительную умеренность во всем. Кроме постов, весь год в среду, пятницу, будь то даже Господние и Богородичные праздники, к обеду готовилось грибное. Всю страстную неделю он проводил почти без пищи, чему окружающие изумлялись. Но он старался скрывать свои подвиги. Однажды он обедал по случаю одного приходского праздника у старосты в день, когда он обыкновенно ел грибное, и ему начали подавать именно грибное. Тогда он потребовал рыбы.

Он мало проповедывал, так как голос у него был тихий и грудь слабая; зато он много говорил поучительного, когда его посещали на дому, причем обыкновенно, провожая посетителя, произносил на прощание: "Спасайся", или "Спасайтесь!"

Он был усердный молитвенник. Неопустительно выслушивая каждую службу, он положил еще

себе определенные часы для келейной молитвы, с жившей при нем матерью. Молитва Иисусова никогда не сходила с его уст. Во время богослужения, особенно во время Божественной литургии, его благоговение доходило до высшего напряжения, проявляясь в слезах. Его чрезвычайно огорчало малейшее неблагочине, запинка в богослужении. Часто певчие начинали петь ранее, чем он оканчивал свой возглас, так как голос его срывался часто и затихал раньше конца возгласа. После обедни он говорил пввчим: "Вы, должно быть, надо мною смеетесь, не дожидаясь окончания моего возгласа. Ведь вы знаете, что у меня грудь больна, голос слаб. Старайтесь вслушиваться лучше".

Внешний вид его в это время был таков. Рост малый; сам тонкий, сухощавый, слабосильный, голос тихий, лицо, обросшее черными, начинавшими уже седеть волосами.

На 44-м году жизни, летом 1828 г. преосв. Мелетий оставил Киев, в котором провел десять лет, для самостоятельной Пермской кафедры.

С благодарностью за те чистые религиозные впечатления, которые подарила ему "Мать градов русских" расставался он с Киевом и с дороги прислал наместнику Михайловского монастыря следующее замечательное письмо:

"Прости, возлюбленная во Христе братия и православный народ Богоспасаемого града Киева! Высокое твое благочестие врезалось в мое сердце. Буди благословенно пламенное и искреннее твое усердие к Церкви святой и ко мне, грешному архипастырю. Дни и годы, проведенные среди тебя, я отношу к числу счастливейших годов моей жизни. Обрадованный мирным величием твоего православия, молю Всемогущего Бога, да вера твоя и твое благоденствие продлятся в потомстве твоём до конца мира и за гробом да отверзнутся тебе врата в Царствие небесное".

В Киеве преосв. Мелетий должен был проститься навсегда со своею матерью. По старости и дряхлости она не могла следовать за сыном в столь далекий и холодный край. Через несколько лет эта истинно набожная и добродетельная женщина скончалась в Елисаветграде, где ее дочь была замужем за священником.

В три года, проведенные преосв. Мелетием в Перми, он осмотрел почти всю епархию, посетил и такие места, где его предшественники никогда не бывали. Всюду он служил обедни, вникал во все, наставлял или карал недостойных, поощрял трудящихся. В Перми каждый праздник и все воскресные дни служил сам. В будни же, отслушав у себя в церкви раннюю обедню, занимался делами службы, не терпя ни малейшего в них замедления. Он воздвиг в два года громадный корпус для семинарии, проявив при этом самую хозяйственную бережливость; долго стоявшую в недостроенном виде соборную колокольню быстро довершил.

Объезжая епархию, он вел журнал, испещренный множеством его заметок. По епархии быстро разошелся слух об архипастыре-подвижнике, и его всюду встречали с величайшею радостью, почитая за святого. Часто, при въезде его в селение, все падали на колени и крестились на него, осенявшего их благословением. С величайшим усердием принося в храмах обширной епархии бескровную жертву, он с великим дерзновением воздевал к небу чистые руки за своих пасомых.

С тою же твердостью и заботливостью, как раньше, относился он к учащемуся духовному юношеству. К духовенству он был требователен; строго экзаменовал лиц, искавших мест в знании ими устава, в диаконы не посвящал до достижения 25-ти летнего возраста. В храмах требовал строжайшей тишины.

Но при всей своей несомненной строгости он был отечески попечителен. Он все свое жалованье раздавал бедным духовного звания, так что сам постоянно нуждался в деньгах. Оскорбления даже со стороны подчиненных благодушно терпел.

Забываясь о своих и семинарских певчих до того, что в праздники приказывал своему повару готовить им кушанья и сладкое, до которых сам не касался, целиком отсылая все им: он строго спрашивал с них знания уроков.

Личная жизнь его была здесь так же строга. В народе говорили о чрезвычайном его постничестве, о ночных его молитвах. В разговорах он высказывал светлые вдохновенные мысли. После службы он любил, не торопясь, благословлять народ. Сам он служил без излишней протяжности, но и без скорости. Всякий месяц он исповедывался с глубоким смирением и слезами.

Летом 1831 г. он переведен был с саном архиепископа в Иркутск.

В течение 4-х летнего своего пребывания в этой громадной епархии с бесконечными расстояниями и редкими храмами, он по слабости не ездил по епархии. Воспитание духовного юношества, искоренение взяточничества, миссионерское дело составляли предмет его главных забот.

По собственному прошению в виду трудности переносить суровый климат, преосв. Мелетий из Иркутска переведен был в Харьков.

Здесь в делах управления и подвигов благочестия и прошли последние года его жизни.

Вот, как проходил его день. По окончании ранней литургии он пил чай — не более одной чашки с двумя тонкими сухарями. Потом начинал заниматься епархиальными делами. В четвертом часу обедал — легкие щи, уха или жидкая кашлица, никогда более трех перемен. Из поданного блюда он не брал никогда больше одной суповой ложки, и то употреблял разные приемы, чтоб незаметно и из этого количества побольше оставить несъеденным. Так, в дни поста он опускал в хлебово хлеб, который вытягивал жидкость, и, этот хлеб вынув, откладывал в сторону, не съедая. Молился он, всегда одевшись в черную рясу, с 9-ти часов вечера непрерывно до 4-го часа утра, посвящая молитве всю ночь. Только 4-ый час проводил он в отдыхе, а потом подымался к утрени и обедне.

Однажды, во время обозрения им епархии, священник села Преображенского Змиевского уезда заметил следующее. Когда преосв. Мелетий удалился на покой, священник, не могшие долго заснуть, чрез щель увидал архипастыря при свете лампы молящегося на коленях с воздетыми руками. Так молился он всю ночь и лишь пред рассветом прилег на пол, положив в изголовье свой подрясник и предварительно смявши немного постель, для него приготовленную. С зарею святитель снова стал молиться. Его замечали молящимся и в дороге в то время, когда ехал в экипаже.

Благочестие, ревность к богослужению, справедливость, смирение, пост и молитва, милосердие, заступничество за несчастных — вот качества, за которые любили преосв. Мелетия в Харькове.

Как кающийся грешник, часто преклонял он колени пред своим духовником, которому поверял все свои задушевные мысли и желания, радости и скорби.

До преосв. Мелетия архиерейское богослужение в Харькове совершалось очень редко. Появление преосв. Мелетия, утешавшего народ частым служением, было тем большею

радостью. Новую жизнь вдохновлял он словом, делом и примером там, где появлялся. Его все чтили, хоть он этого не искал; все боялись, чуя его правду. Злые духи, видя в нем особые дары благодати Божией, трепетали его, чему были при служениях его всенародные примеры.

Он так боялся какого то ни было вида взятки, что, когда один благочинный, у которого были сады, земли, поля и рыбные ловли, принес ему в подарок рыбу, он ему сказал: "Напрасно ты, отец, заботился об этом. Ведь я архиерей и по милости Божией противу тебя гораздо богаче. Зачем же мне брать твою рыбу, когда для меня каждый день достаточно есть ее и на городском рынке. Ты бы лучше кормил ею своих бедных братьев, дьячков и пономарей, да прихожан не богатых. Как виновный, бери своими руками рыбу и неси ее, куда знаешь".

Дела преосвященный решал очень осмотрительно. Бумаги подписывал перекрестясь и по тщательном обдумывании.

Раз, после того как ему случилось служить три дня подряд, его спросили, не устал ли он. Он отвечал: "Нет, в служении я только отдыхаю. Мне гораздо труднее разбирать дела письменные, чтоб не сделать чего-нибудь против правды и закона. А служить Божьи службы я бы рад хоть и всякий день".

Однажды во время объезда епархии преосвященный предсказал восстановление знаменитой Святогорской обители.

Много рассказов ходит в Харькове о бескорыстии, милосердии, прозорливости и даре исцелений, действовавших в этом святителе; как он устраивал трапезу для нищей братии, как посещал тюрьмы, как усердно молился за тех, кто просил его молитв и заступался за обиженных.

Незадолго до кончины его Харьковская консистория послала в Св. Синод донос о крайней медленности в епархиальных делах, и из Синода пришел на этот счет запрос. Позвав к себе зачинщика доноса, архимандрита Иоанна, архиепископ кротко стал говорить ему о неосновательности обвинения и затем, сняв с себя часть одежды, показал ему раны, покрывавшие все его тело: во многих местах были видны одни белые кости.

Этот архимандрит кончил жизнь в больших бедствиях.

Переменяясь с величайшим напряжением воли, так что большинство не могло вообразить себе, как страшно болен архиепископ, преосв. Мелетий достиг последних дней жизни.

Молился он теперь, сидя в постели, обложенный подушками и имея пред собою разогнутую книгу. Так проводил он целые ночи. Он задолго знал день своей смерти. За три дня до этого события, келейник архиепископа, очень к нему привязанный, имел видение о близкой и блаженной его кончине.

Когда он пришел к преосвященному, тот лежал с поднятыми к небу глазами; его лицо сияло неземною радостью, в комнате было какое-то блистание. Подозвав к себе келейника, архиепископ сказал ему тихо, что чрез три дня будет конец.

В последние дни жизни он ничего не вкушал, сделал несколько предсказаний, напутствовался св. Таинствами.

В ночь с 28 на 29 февраля 1840 г., вскоре после боя полуночи, он пригласил к себе священника со св. Дарами, взял Св. чашу в руки и, с глубоким чувством прочтя молитвы пред причастием, приобщился, и затем прочел "Ныне отпускаеши раба Твоего", — Трисвятое и Отче наш... Уже

последние дыхания вырывались из его груди, а он читал: "Заступник души моя буди, Боже, яко посреди хожду сетей многих... Избави мя от них и спаси мя, Блаже, яко Человеколюбец... Все упование Мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под покровом Твоим!" Оградив себя крестным знаменем, он сказал: "Прости меня", — и тогда предал дух свой Богу.

По смерти его найдено мелкою серебряною монетою восемь рублей ассигнациями, так что хоронить было не на что: харьковские граждане сделали складчину.

На третий день по кончине он во сне явился своему духовнику и сказал, чтоб вложили в руки забытые четки. Когда духовник исполнял это приказание, рука свободно далась, как у живого. А когда духовник нашел нужным поправить на почившем омофор, он при всех посадил мертвеца и тот сидел, как живой, пока духовник оправлял спустившийся на бок омофор.

Тело архиепископа Мелетия, пребывающее нетленным, погребено в усыпальнице под сводами нижней церкви Харьковского Покровского монастыря. Там устроен теперь небольшой придел во имя Трех Святителей, и нередко лица, почитающие память святителя, испрашивая его загробного ходатайства, не раз проявленного им в необыкновенных явлениях, служат по почивающем подвижнике зауспокойные литургии и панихиды.

Иосиф, архиепископ Воронежский и Задонский

Памятный еще многим богомольцам, бывавшим в Воронеже, архиепископ Иосиф был сын причетника с. Кобыльского, Зарайского уезда, Рязанской губернии, родился в 1801 г., обучался в Зарайском духовном училище и Рязанской семинарии. Здесь он занимался с братом ректора, архимандрита Илиодора (впоследствии архиепископ курский), жил у ректора на квартире, имел возможность читать много духовных книг из его богатой библиотеки, видел в молодом ректоре пример подвижнической жизни. Его мечтой тогда было по окончании курса поступить священником поближе к своей родине, чтоб помогать бедным престарелым родителям.

Но, когда он оканчивал старшие классы, пришло требование из московской духовной академии о присылке двух студентов, и одним из них был назначен будущий Иосиф.

В это время учение давалось ему легче, чем раньше, когда чувствовался недостаток прочной домашней подготовки.

Велико было значение той филаретовской школы, в какую попал рязанский семинарист, и которая образовывала людей добрых, со всесторонне развитым умом, закаленную волею, непоколебимых в правде.

Чрез несколько дней по окончании курса произошло пострижение юноши в монашество с именем Иосифа.

Перед тем митрополит Филарет имел случай долго говорить с ним и оценил его.

Через три года по окончании курса он уже назначается ректором московской семинарии, где становится особенно любим воспитанниками, так как всех сам одинаково любил и окружал заботами. Еще чрез 11 лет он был рукоположен в епископа и стал викарием московской епархии.

После семилетней здесь деятельности он назначен на самостоятельную кафедру в Уфу.

В состав этой громадной епархии входили тогда нынешние епархии: Уфимская, Оренбургская и

Самарская, много было инородцев-идолопоклонников, много старообрядцев.

Главная сила успеха преосвященного Иосифа была в любви.

Не прошло года, как он устроил 20 единоверческих церквей для воссоединенных его личными беседами старообрядцев.

Ездил он и к идолопоклонникам, всюду всячески стараясь развить проповедывание слова Божия.

Через четыре года такой деятельности он назначен архиепископом воронежским и задонским — в епархии, где дела, за долгою болезнью его предшественника, были крайне запущены и требовали для приведения в порядок человека с сильною волею.

Ему пришлось здесь бывать строгим. Но никого не губил он, не отрешал от мест, и заботился об имущественном положении семей лиц, наказанных им временною высылкою в монастыри. Не только он сохранял за ними право пользоваться доходами, но часто помогал из своих средств.

Особые старания прилагал преосв. Иосиф к благоустройству духовно-учебных заведений, особенно семинарии.

Воспитанники же духовного училища, помещающегося во дворе Митрофанова монастыря, были как бы его дети. Он смотрел на их игры на училищном дворе, прогуливался с ними на монастырском дворе и среди богомольцев, вне стен монастыря. Беднейших учеников он узнавал не только по платью, но и по робости их, и оделял их часто деньгами, говоря: "Возьми на булку, купи и поделись с товарищами". Он признавал, что мальчикам полезно гулять среди богомольцев и что, под говор деревенских, они лишний раз вспомнят о родном доме.

Он же основал и епархиальное училище.

Через десять лет по назначении на воронежскую кафедру с преосв. Иосифом случилось несчастье, давшее новое направление его жизни.

Слабость зрения была семейным недостатком в родной семье его. При плохом зрении, по служебным обязанностям постоянно вынужденный много читать, он в конце испортил свое зрение.

Однажды, служа в одной приходской церкви, он начал читать евангелие, вдруг прервал чтение и потребовал свечу — одну, другую, несколько, но едва-едва, с подсказыванием служащих, мог дочитать евангелие. С этого дня зрение не возвращалось.

Удивительную при этом он оказал выдержку характера и заботливость к людям. В этот потрясающий для него час он не отказался зайти к чаю в дом церковного старосты, и уже оттуда приехал домой.

По предложению митрополита Филарета, он поехал лечиться в Москву, но безуспешно, и в 1864 г. он перестал видеть даже дневной свет.

Тогда он уволился на покой и провел 27 лет в нижнем этаже архиерейского дома в Митрофаниевом монастыре.

Это было время сплошных подвигов.

Жизнь вел он размеренную, не допуская отступлений.

Ложась в час, он вставал в пять и пел священные песни — пасхального канона, великого канона "Помощник и Покровитель", величания и тропари святым.

Одевался, умывался и приводил в порядок постель он всегда сам.

С пяти до семи часов он все время молился и затем шел в крестовую церковь к обедне. Затем медленно возвращался из церкви, задерживаемый лицами, которые желали принять его благословение.

Возвратившись в келлию и напившись чаю, он занимался размышлениями о Боге и духовным пением. Затем ему читали вслух, прерывая чтение, когда к нему приходили лица за советами.

В час дня он обедал. Ел он, как малый ребенок, а иногда во время поста совсем не прикасался к пище. Первую и страстную недели великого поста он проводил совершенно без пищи, довольствуясь чашкой чая и куском просфоры.

Затем следовал отдых, во время которого слышались вздохи молитв. Потом вечерня, вечерний чай и снова три часа чтения. В одиннадцать преосвященный становился на молитву и молился вслух до часу. Накануне причащения св. Тайн он всю ночь простаивал на молитве, отдыхая лишь час пред литургией. Суставы рук его были покрыты мозолями, так как он упирался на них, поднимаясь с пола.

При этой жизни не прекращалось общение преосвященного с внешним миром. Он почти ежедневно принимал посетителей, давал им полезные советы, заговаривая о службе, хозяйстве и других занятиях. Затем беседа принимала характер духовный.

Те, кто были в горе или в житейских затруднениях, находили у него утешение. Многие нравственно возрождались после этих бесед.

Некоторые случаи подтверждают то, что в нем был дар прозорливости.

Одна скопинская жительница приезжала в Воронеж к мощам святителя Митрофана и, приложившись к ним, пошла за благословением к архиепископу Иосифу. Благословляя ее, он прежде всего спросил: "А была ли ты в Козлове у своей сестры?" (Оказалось, что эта женщина была в ссоре с сестрой). Получив ответ, что она не заехала к сестре, архиепископ увещевал ее примириться.

Помещица Б-ва всегда спрашивала благословения преосвященного на отъезд. У нее в Петербурге заболела дочь, бывшая в Смольном институте, и она спешила туда ехать. Перед отъездом она зашла к преосвященному Иосифу.

— Ты куда едешь? — сказал он. — Ты сама больна, не следует ехать.

Как ни колебалась она, передавая многим свое удивление этим словам, — она решилась ехать, отправилась в Петербург и оттуда возвратилась уже в гробу.

Архиепископ часто давал посетителям брошюры и книжки духовного содержания. Замечали, что многим он давал книжки, прямо соответствующие духовному состоянию этих лиц.

У одного купца пришли в расстройство торговые дела. В тяжелом раздумье он пошел к мощам св. Митрофана, а затем в крестовой церкви встретил преосвященного Иосифа и подошел к

нему под благословение.

— Благословляется раб Божий Иоанн! — произнес архиепископ, раньше никогда не знавший этого человека. С ободренным духом тот вышел из церкви, и дела его стали скоро заметно поправляться.

Выходя в последний раз из Митрофанова собора, он сказал послушнику: "Последний раз мы с тобою здесь, Алеша!"

Старец отошел к Богу на 92 году жизни, 19 февраля 1892 года. Скончался он мирно и тихо, сидя на диване.

Когда гроб перенесен был в церковь, множество народа сходилось проститься с ним и много с усердием зажженных свечей пылало вокруг этого гроба.

Епископ Феофан

Скончавшемуся так недавно епископу Феофану принадлежит выдающееся значение в истории нравственного развития русского общества.

Та жажда совершенного единения с Богом, которая привела его в затвор, не лишила мира и его людей его помощи. И из своего дальнего затвора он был великим общественным деятелем, поддерживая, руководя тысячами людей в их духовной жизни.

Путем совершенного самоотречения, строгого ежедневного подвижничества приобретает великий духовный опыт, преосвященный Феофан щедро делился со всеми, кто имел в том нужду, сокровищами этого своего духовного опыта. Никому из обращающихся к нему письменно он не отказывал в совете. Но несоизмеримо шире действовал он своими книгами. Громадная опытность, великая сила любви, жаждущая спасения всех ближних, глубокая житейская мудрость при самом цельном стремлении в высоту: все это запечатлело произведения епископа Феофана, придавая им бесконечную цену и смысл. О том, как жить по-христиански, как среди омута искушений, бедствий, груза своих греховных привычек, слабостей — не впадать в отчаяние, как пожелать себе спасения начать дело нравственного совершенствования, как отвоевывать на этом пути шаг за шагом, вперед и вперед, и все глубже и глубже входить в спасительную ограду Церкви: вот о чем говорят книги преосвященного Феофана.

В этом отношении он подобен великому труженику на ниве духовного возрождения русского народа, святителю Тихону Задонскому, писавшему так много, так хорошо и проникновенно о спасении человеческой души среди опасностей грешного мира.

Преосв. Феофан, кажется, все решительно объял. Ни одна подробность, так сказать, духовной жизни не ускользнула от его внимания. Все он так понятно объяснил, осветил таким ясным светом душу человеческую во всех ее изгибах, показал ее во всех, самых неуловимых движениях.

Трудолюбие и выдержка его в работе были поразительны, и число его сочинений громадно.

Строгий, точный, выдержанный ум епископа придает особое значение его книгам. Он ведет за собою человека последовательно, выше и выше, со ступени на ступень, и в своих требованиях согласуется с нравственным положением в ту минуту человека; никогда не взваливает он на плечи такого духовного груза, которого человек еще не может снести. Как воспитатель,

руководитель в деле духовного обновления — Феофан незаменим.

Едва ли кто может сравниться с Феофаном в качестве проповедника христианского среди крещеного во Христа, но ежечасно Христу изменяющего общества.

А за всею этою, выраженной в книжках, духовною мудростью стоит чистый, озаренный каким-то особенно искренним, немерцающим светом, образ великого подвижника. Да, всякое слово Феофана производит тем сильнейшее впечатление, что оно запечатлено его жизнью. Когда он повторяет: "Не тяготейте к земле. Все тленно — только одно счастье загробное вечно, неизменяемо, верно. И это счастье зависит от того, как проживем мы эту нашу жизнь!", тогда живым примером этого правильного взгляда на мир и на судьбу души стоит его самоотречение, его затвор, его нежелание взять от жизни что-нибудь, кроме стремлений к Богу.

Значение Феофана громадно и с течением времени будет все расти.

Епископ Феофан назывался в мире Георгий Васильевич Говоров и родился 10 января 1815 года в селе Чернавске, Елецкого уезда, Орловской губернии, где его отец был священником.

Таким образом, с первых впечатлений младенческих лет он сжился с Церковью. По опыту говорит он в одной из своих книг: "Самое действительное средство к воспитанию вкуса есть церковность, в которой неисходно должны быть содержимы воспитываемые дети. Сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди него, не могут ничем лучше напечатлеться на сердце. Церковь, духовное пение, иконы — первые изящнейшие предметы по содержанию и силе".

Говоров учился сперва в духовном училище гор. Ливен, потом в Орловской семинарии. Как ни тяжелы были суровые, подчас жестокие условия тогдашней духовной школы, она давала питомцам крепкий умственный закал. Затем с 1837-1841 гг. он продолжал образование в Киевской духовной академии.

О его характере в то время можно догадываться по данному им впоследствии одному человеку совету: "Будьте со всеми приветливы, благодушны и веселы. Только от смеха, смехотворства и всякого пусторечия воздерживайтесь! И без этого можно быть приветливым, веселым и приятным".

Можно с уверенностью сказать, что молодой студент часто ходил в пещеры Киево-Печерской Лавры, и среди этих воспоминаний могла образоваться в нем решимость удалиться от мира.

Еще до окончания курса он был пострижен в монашество.

После пострижения, о. Феофан, вместе с другими новопостриженными иноками, отправился в Лавру, к известному отцу Парфению.

Старец сказал им:

— Вот вы, ученые монахи, набравши себе правил, помните, что одно нужнее всего: молиться и молиться непрестанно умом в сердце Богу: вот чего добивайтесь. И я с молодых дней этого искал и просил, чтоб никто не мешал мне пребывать непрестанно с Богом.

Конечно, уже с тех пор о. Феофан, когда смотрел на мир — все виденное им переводил для себя в духовном смысле. Сам он советовал это впоследствии другим:

— Видите пятна на белом платье и чувствуете, как неприятно и жалко это встретить.

Представьте себе, как неприятно и жалко должно быть Господу, ангелам и святым видеть пятна греховные на нашей душе.

— Слышите вы, что малые дети, оставшись одни, поднимают беготню, шум и гам, — и вообразите себе, какой поднимается шум и гам в душе вашей, когда удаляется от нее внимание к Богу со страхом Божиим.

Окончив курс магистром, иеромонах Феофан был назначен исправляющим должность ректора киево-софийских духовных училищ, затем он был ректором новгородской духовной семинарии, служил в петербургской духовной академии профессором и помощником инспектора.

Это чисто ученое дело его не удовлетворяло, и он подал прошение уволить его от академической службы.

Его назначили членом русской миссии в Иерусалиме. Пребывание в Святой Земле, несомненно, должно было оставить в его душе глубокие следы.

Возведенный в сан архимандрита, он был назначен ректором олонецкой духовной семинарии, но вскоре был переведен настоятелем посольской церкви в Константинополе.

Затем он был вызван в Петербург для ректорства в духовной академии, и ему одновременно поручено было наблюдать за преподаванием Закона Божия во всех светских учебных заведениях столицы.

9-го мая 1859 года он был поставлен епископом в Тамбов.

Здесь он устроил епархиальное женское училище. Во время пребывания на тамбовской кафедре епископ Феофан полюбил уединенную Вышенскую пустынь. Летом 1863 г. он переведен во Владимир, где прослужил три года.

И здесь он открыл женское епархиальное училище.

Он часто служил, много ездил по епархии, постоянно проповедывал, возобновлял храмы, и всем сердцем жил со своими пасомыми, деля с ними радость и горе.

Осенью 1860 г. в Тамбове были страшные пожары, и в речах, дышащих любовью, епископ утешал народ. Речи эти, по силе, сердечности и одушевлению, напоминают слова в подобных случаях Златоуста.

Вот одно из слов еп. Феофана, произнесенных в это время:

"Что мне сказать вам и о чем начать говорить с вами? Горестно положение наше; велика скорбь! Отяготела на нас рука Господня! Мало ли времени томит нас засуха? Но не прошла еще эта беда, как напала другая — пожар. Еще и думать мы не начинали о том, как оправиться от сего пожара, как напал другой. Еще не кончился этот, как повсюду прошла злая весть о непрерывности пожаров, и изгнала нас из домов наших. Наш город ныне почти Иов, которого теснили одно бедствие за другим, пока, лишив всего и покрыв ранами, не выбросили вон из города. И вот, как тот сидел на гноище, — так ныне у нас все почти вынеслись из домов и живут на пустырях, побережьях и иссохших потоках, как пчелы, выгнанные из ульев удушающим дымом. Вот до чего дошли мы! Кажется бы, — довольно испытания. Но и еще рука Господня высока. Все, что может зависеть от предусмотрительности человеческой, сделано, и, — благодарение Господу! — опасность уже не так грозна, как была в начале. Но все же покой не возвращается к нам, чувство безопасности не приходит и благонадежие не осеняет духа

нашего. Что же бы еще надлежало сделать, чтобы Господь возвратил нам покой наш? — Предложу вам одно сравнение, и вы сами догадаетесь, что нам надо сделать, чтобы Господь принял тяготеющую над нами руку Свою. Когда учитель, подняв руку, начинает грозить, все ученики, знающие за собою что-либо не должное, тотчас исправляют свои вольности. Не установится порядок, — не опустит учитель грозящей руки своей. Но что жизнь наша, как не училище благочестия, и кто учитель в нем, как не всепопечительный Господь?"

На следующий день, в праздник Успения, епископ говорил так:

"Вчерашний, хотя небольшой, пожар подновил страх наш, и мы снова мятемся ожиданием внезапной беды, — ни к кому и ни к чему не имеем доверия, и в каждом незнакомом лице продолжаем встречать недоброжелателя себе. Оттого у нас и праздник не в праздник, — так что исполнилась над нами пророческая угроза: "превращу праздники ваши в жалость, и все песни ваши в плач".

Что ж? — И давайте плакать! Мы и собирались ныне на место плача. Се поле, орошенное слезами! — Так приидите, восплачемся пред Господом!

Не оскорбится сим Матерь Божия!.. Она Сама, думаю, не без скорби взирает ныне на сие место, которое в прежние годы кипело многолюдством в этот день, а ныне так пусто, — и это не по отхождению усердия, а все из тех же опасений и страха.

Приидите же, восплачемся!

Но, братья, будем, плача, плакать и, скорбя, скорбеть, — только все по христиански, а не как язычники, упования не имеющие... Исповедуем правду Божию в наказании нас, — и Он пошлет милость в сретение ей. Ибо не суд только, но и милость у Него".

И в другие места губернии, пораженный тем же бедствием, Феофан спешил с тем же утешением, которое подкрепляло ту внешнюю помощь, какую он оказывал пострадавшим, особенно из духовных.

В 1861 г. епископ Феофан присутствовал при открытии мощей святителя Тихона Задонского. Это событие на него, имевшего столько общего со святителем Тихоном, должно было произвести сильнейшее впечатление. Он так любил с детства, с таким восторгом всегда думал о святителе Тихоне, что, когда пришло прославление этого великого народного учителя и печальника, — радость еп. Феофана была невыразима.

В 1866 г., согласно поданному им прошению, епископ Феофан был уволен от управления Владимирскою епархией и определен настоятелем в Вышенскую пустынь, но вскоре, по новому его прошению, он освобожден и от управления пустынью, причем за ним оставлены пенсия (1,000 р.), помещение до кончины в занимаемом им флигеле, с правом служения, по его желанию...

Какие причины побудили епископа Феофана, полного сил, оставить епархию и удалиться в уединение?

Разнообразны характеры и дарования людей. Есть люди, которых влечет внешняя деятельность, которым нужно жить на народе, которые только и дышат свободно в часы борьбы за дорогие им идеалы.

Есть люди иного склада. Их деятельность мало видна при жизни; с виду кажется, что они не дают новое направление людской жизни, новые ей толчки, как деятели первого рода. Вглубь, а

не в ширь уходят их силы. Но ценны и долги вечные духовные плоды их духовной деятельности и, быть может, в конце концов оказывают более могущественное воздействие на людскую жизнь.

Эти люди — писатели, ученые, художники, святые.

Грубое прикосновение жизни, несоответствие запросов их души с окружающей их действительностью обособляет их от толпы, замыкает их в их внутреннем прекрасном мире, и из этого мира они творят на отраду и утешение мятущемуся человечеству бессмертные, вечные создания; писатели и художники — дивные произведения искусства; ученые — отысканную ими научную истину; святые — непреходящие, озаренные нездешнею красотой дела высочайшего, безусловного добра, воплощение в себе евангельской правды.

К таким людям принадлежал и епископ Феофан.

Ему трудно было среди мира и тех требований, которым надо уступать вследствие людской испорченности.

Беззаветная сердечная доброта, голубиная кротость, доверчивость к людям и снисходительность, — все это в нем говорило, что не ему жить среди непримиримых раздоров суетной мирской жизни.

Как начальнику, ему было тяжело, в особенности при значительности епископской власти.

Его доверием могли злоупотреблять; он не мог никому делать нужных выговоров. Когда это было необходимо, он поручал исполнить это своему ключарю.

Он, кроме того, чувствовал, что он может сказать книгами много такого, что крайне нужно сказать, и что еще почти никем не сказано. Его звала мысль отдать все силы духовному писательству. Это было внешнее побуждение.

А лично для себя — он желал все помыслы отдать одному Богу, Которого он так беззаветно любил. Ему хотелось, чтоб ничто не нарушало дорогого ему и совершенного общения с Богом. И он ушел от мира, чтоб быть наедине с Богом.

Он сам говорил впоследствии:

— Есть, например, посвящающие себя науке, искусству — отчего? Такой талант! — Почему же не благоволить к тем, которые посвящают себя Богу? Ибо и это дар Божий, и настроение духа таково.

Пример у епископа Феофана был постоянно пред глазами: это — святитель Тихон, к которому его с детства так влекло, и который тоже, оставив одну епархию, стал духовным кормильцем всего русского народа.

Конечно, удаляясь с кафедры, епископ Феофан больше всего думал о спасении своей души путем совершенного посвящения каждой мысли и дыхания Богу. Но над ним сбылось слово Христово.

В затворе, невидимый людям, он стал общественным деятелем громадной величины. Он искал царствия Божия, а само приложилось ему великое его значение для мира.

24 июля 1866 г., в воскресенье, произошло прощанье епископа с паствою.

После литургии, им отслуженной, епископ сказал последнее слово среди мертвой тишины, в которой слышались только иногда тихие рыдания. Он говорил:

"Не попеняйте на меня, Господа ради, что оставляю вас. Отхожу не ради того, чтобы вынужден был вас оставить. Ваша доброта не допустила бы меня переменить вас на другую паству. Но, как ведомый, ведусь на свободное от забот пребывание, ища и чая лучшего, — как это сродно естеству нашему. Как это могло образоваться, не берусь объяснять. Одно скажу, что кроме внешнего течения событий, определяющих наши дела, есть внутренние изменения расположений, доводящие до известных решимостей; есть, кроме внешней необходимости, необходимость внутренняя, которой внемлет совесть и которой не сильно противоречит сердце. Находясь в том положении, об одном прошу любовь вашу, — оставя осуждения сделанного уже мною шага, усугубьте молитву вашу, да не отщепит Господь чаяния моего и дарует мне, хоть не без трудов, обрести искомое мною. И я буду молиться о вас, — буду молиться, чтоб Господь всегда ниспосылал вам всякое благо, — улучшал благосостояние и отвращал всякую беду, паче же чтоб устраивал ваше спасение. Спасайтесь, и спасетесь о Господе! Лучшего пожелать вам не умею. Все будет, когда спасены будете".

И началась на 28 лет эта уединенная, полная непрерывных трудов жизнь.

Первые шесть лет епископ ходил ко всем службам, и к ранней обедне. В церкви он стоял, не двигаясь, не прислоняясь, с закрытыми глазами, чтоб не развеиваться. Бывало, что когда ему подносили антидор, он несколько минут этого не замечал.

В праздники он обыкновенно служил.

Но с 1872 года он прекратил все сношения с людьми, кроме настоятеля и своего духовника.

И в монастырскую церковь больше не ходил, а устроил собственными руками у себя в комнатах малую церковь во имя Богоявления Господня.

В первые десять лет он служил литургии в этой церкви каждый воскресный и праздничный день, а в последние 11 лет — ежедневно. Он служил совсем один, иногда молча, а иногда и пел.

Он казался уже не человеком, а ангелом с младенческой кротостью и незлобием.

Когда по делу приходили к нему, он, сказав нужное, уже более не говорил и погружался в молитву.

Тело свое он питал лишь настолько, чтоб не дать ему разрушиться; весь он был полон какой-то духовности, бесплотности.

Все, что получал он, он рассылал по почте бедным, себе оставлял только на покупку нужных книг.

С изданий своих, быстро расхोдившихся, он не получал ничего, стараясь только, чтоб они были подешевле.

Он в редкие минуты, свободные от молитвы, чтения или писания, занимался ручным трудом. Он прекрасно писал образа, знал хорошо резьбу по дереву и слесарное ремесло.

Ежедневно епископ Феофан получал от двадцати до сорока писем, и всегда отвечал на них.

То были жгучие духовные запросы, рассказы о внутренних неутолимых страданиях,

мучительные недоумения.

С чрезвычайною чуткостью вникал он в положение писавшего, и горячо, подробно и ясно отвечал на эту исповедь наболевшей души.

Его письма, появившиеся после его кончины в печати, поражают свежестью, отзывчивостью чувства, глубиной и смелостью мысли, простотой, теплою заботою, задушевностью.

Не будем говорить ничего о внутреннем мире затворника. Мысль может стремиться проникнуть в этот мир, но словами не скажешь ничего.

Так жил он, руководя из затвора шедшими к нему издалека от мира верующими, жаждавшими спасения людьми.

И как просто выражается сущность этого руководства в таких его словах:

"Делайте, что попадет под руки, в вашем кругу и в вашей обстановке, — и верьте, что это есть и будет ваше настоящее дело, больше которого от вас и не требуется. Большое заблуждение в том, когда думают, будто для неба, или для того, чтоб сделать и свой вклад в недра человечества, надо предпринимать большие и громкие дела. Совсем нет. Надо только делать по заповедям Господним. Что же именно? Ничего особенного, как только то, что всякому представляется по обстоятельствам его жизни, чего требуют частные случаи, с каждым из нас встречающееся. Это вот как! Участь каждого устраивает Бог, и все течение жизни каждого — тоже дело Его всеблагото Промышления, следовательно, и каждый момент и каждая встреча. Возьмем пример: к вам приходит бедный; это Бог его привел. Что вам сделать надо? — Помочь. Бог, приведший к вам бедного, конечно, с желанием, чтоб вы поступили в отношении к сему бедному, как Ему угодно, смотрит на вас, как вы в самом деле поступите. Ему угодно, чтоб вы помогли. Поможете? Угодное Богу сделаете, — и сделаете так к последней цели — наследию неба. Обобщите этот случай — выйдет: во всяком случае и при всякой встрече надо делать то, что хочет Бог, чтоб мы сделали. А чего Он хочет, это мы точно знаем из предписанных Им заповедей".

Несколько слов о книгах преосв. Феофана.

Уже было указано, что он говорил понятно о таких вещах, о которых до него говорили очень мало, и он говорил о них опытно, в системе, как человек, прошедший чрез те ступени духовного развития, которыми он хотел провести других.

"Пишу вам о своих книгах, — говорит он кому-то незадолго до своей смерти, — потому что не знаю, где бы еще полнее было изложено все, касающееся жизни христианской. Другие писатели и лучше бы написали, но их занимали другие предметы".

Вот некоторые из сочинений епископа Феофана:

По нравственному богословию:

- 1) Письма о духовной жизни.
- 2) Письма о христианской жизни.
- 3) Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни.
- 4) Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться.

- 5) Путь ко спасению (очерк аскетике).
- 6) О покаянии, причащении и исправлении жизни.
- 7) О молитве и трезвении.

По толкованию Священного Писания:

- 1) Толкования почти на все послания апостола Павла.
- 2) Толкования псалмов 33-го и 118-го.

Переводные труды:

- 1) Добротолюбие в пяти томах.
- 2) Древние иноческие уставы.
- 3) Невидимая брань.
- 4) Слова преподобного Симеона нового Богослова.

Невидимо проходила жизнь, наедине спустилась и смерть к преосв. Феофану.

В последние годы стало у него ослабевать зрение, но он не отказывался от постоянной работы.

Все в том же строгом чине было распределено его время.

С вечера келейник готовил все для совершения литургии. После литургии преосвященный стуком в стену требовал чаю.

В час он обедал — в скромные дни одним яйцом и стаканом молока. В четыре часа был чай, и тем пища ограничивалась. С первого января 1891 г. были в распределении дня некоторые неточности. 6 января, в половине пятого дня, келейник, видя слабость за эти дни епископа (он, однако, после полудня еще писал) — заглянул в его комнату. Он лежал на кровати. Левая рука его покоилась на груди, правая была сложена как для архиерейского благословения.

Три дня стояло тело в маленькой келейной церкви, и три дня в соборе — и тления не было. Когда его облачали в епископские ризы, лицо почившего озарилось радостной улыбкой.

Он погребен в холодном Казанском соборе.

Келии епископа Феофана поддерживают в том виде, как они были при его кончине.

Вышенская пустынь лежит в 25 верстах от уездного города Шацка. Ее святыня — чудотворная Казанская икона Богородицы.

В келиях преосв. Феофана все чрезвычайно просто, даже бедно.

Стены без обоев, мебель ветхая: шкаф, оцененный в рубль, комод в два рубля, старый стол, старый аналой, складная железная кровать, диваны березового дерева с жестяными сидениями. Вот ящик с инструментами, токарными, столярными, переплетными; фотографический аппарат, станок для пиления, верстак. Вот серый ситцевый подрясник, деревянная панагия, деревянный крест для груди, телескоп, микроскоп, анатомический атлас

и географические. А потом книги, книги и книги без счета, без конца, на русском, славянском, греческом, французском, немецком, английском языках. Вспоминаются его слова: "Хорошо уяснить себе строение растений, животных, особенно человека, и законы жизни, в них проявляющиеся — великая во всем премудрость Божия!" — Бездна образов, изображение пр. Серафима Саровского. Многие иконы писаны рукою затворника. В алтаре у жертвенника на стене висит мешочек, весь полный записок с просьбою помянуть имена.

Восстановитель Реконской пустыни схимонах Амфилохий

I

Происхождение дивного по жизни своей старца Амфилохия, восстановителя Реконской пустыни, в точности неизвестно.

Есть рассказы о том, что он был сын финляндца, служившего при Рижской лютеранской церкви, и воспитан был в лютеранстве. Но, придя в возраст, познал истину православия и присоединился через Св. Миропомазание к православию. Притом указывают на нерусский акцент в речи о. Амфилохия. Однако, такое утверждение нельзя признавать неоспоримым. Люди, входившие с о. Амфилохием в близкое духовное общение, склонны думать, что он был дворянин и образован; выговор же его объясняется отсутствием зубов.

Есть основания предполагать, что о. Амфилохий, родившийся около 1740 г., т. е. к началу царствования императрицы Елисаветы Петровны, долго состоял в военной службе. Затем смиряя себя, был он в деревнях у крестьян работником, пастухом, а затем убогим странником ходил по святым местам, был в Иерусалиме и во время одного из странствований, на озере Ильмене, отморозил в ступне правую ногу, болевшую у него до смерти.

Вероятно, во время отечественной войны, когда, по множеству убитых, легко это было сделать, достал он себе паспорт на имя мещанина Андрея Иванова Шапошникова.

Уже древним старцем 70–80 лет, будучи на богомолье в знаменитом чудотворною иконою Богоматери Тихвинском, Новгородской губернии, монастыре, — о. Амфилохий получил совет от юродивого Бориса поселиться в Рекони.

По преданию, Реконская пустынь, в 45 в. от Тихвина, основана в весьма отдаленное время на том месте, где в XIII веке звероловы обрели в глуши леса на камне, у берега реки, чудотворную икону Живоначальных Троицы. Царем Алексеем Михайловичем пустынь была жалована землю (до 2,000 дес.), но в 1762 г. была приписана к Тихвинскому монастырю; вскоре затем вовсе упразднена, а уцелевший от пустыни единственный тесный деревянный храм приписан к Озерскому церковному погосту. Никаких других построек, даже развалин, при храме не было. В сторожке жил пономарь Захаров, присматривавший за церковью; вокруг на далекое расстояние не было жилья, и повсюду сплошной почти дремучий лес и болота. Богослужение в храме совершалось очень редко причтами соседних сел, или Тихвинскими монахами.

Выпросив позволение поселиться у сторожа, старец был у него в роде работника, а кроме того, ходил в глушь для молитвы. Полиция, заподозрив его в неблагонадежности, делала ему притеснения, требуя, чтоб он открыл свое действительное происхождение; когда, наконец, и хозяева стали гнать его, он думал навсегда уйти из этого места, но соседние заозерские крестьяне упростили его остаться и неподалеку от церкви, в лесу, на возвышенном месте, помогли ему устроить землянку.

Уже в то время крестьяне почитали старца за покровителя и отца своего, без слова его не начинали ни сеять, ни жать, и замечали, что не удаются им те дела, которые делают они против благословения о. Амфилохия.

По смерти сторожа Троицкой церкви, новгородский архиерей, по отзыву священника и местных жителей о достойном поведении о. Амфилохия, — поручил ему наблюдение за храмом, и старец продолжал снова отшельническую жизнь, часто углубляясь в лес, принадлежавший некогда упраздненной пустыни, где подрядчики, рубившие дрова, — встречали его. Бывая на богомолье в Тихвине, старец в 1822 г. получил пострижение с именем Адриана, а в 1832 г. — облечен в схиму, и назван Амфилохием. Монашество его было тайное. Одевался он всегда в мирское рубище, а схимником показывался весьма редко, только дома и по особым причинам.

Радея о храме, о. Амфилохий собирал пожертвования, исправлял ветхости, увеличил число колоколов. Но участие старца к этому месту должно было выразиться в размерах поразительных. Ему, бедному неизвестному страннику, обязана пустынь полным восстановлением своим.

Как самое дело, длившееся несколько десятков лет, так особенно участие в нем о. Амфилохия, замечательны.

Земли, принадлежавшие упраздненной Реконской пустыни, как незаселенные крестьянами, должны были, по отобрании монастырских земель в казну, при Екатерине II, оставаться в духовном ведомстве. Между тем, в 1820 г., значительнейшая часть этой земли отмежевана частному лицу, а затем наследниками его продана купцу.

Когда пономарь Захаров обратился в Тихвинское духовное правление, об отпуске леса на поправку церкви и на колокольню, это прошение послужило началом дела восстановления пустыни. Через семь лет, по подаче прошения, Тихвинский уездный суд определил храму отвести количество земли, установленное для сельских приходских церквей; было отмерено 45 десятин, и больше уже ни церкви, ни восстановленной затем при ней пустыни ничего не отводилось.

В это время, по собственному свидетельству старца, о. Амфилохий трижды являлся преп. Александр Свирский, повелевая ему ходатайствовать о возвращении всей отчужденной земли и восстановлении обители, и обещая свою помощь. О. Амфилохий решился, несмотря на несомненную, по-мирски, невозможность этого дела — начать его, и стоять за него до конца.

На решение уездного суда о. Амфилохий послал всеподданнейшую жалобу императору Александру I; ему было отказано, а за подачу жалобы он отсидел 6 месяцев в тюрьме. Тем не менее, он неотступно продолжал хлопотать, и в продолжение 15 лет не получая удовлетворения, в 1837 г. принес снова всеподданнейшую жалобу императору Николаю I. За это, равно как за отказ объявить свое имя и звание, он был заключен в Тихвинский тюремный замок, судим уездным судом и приговорен к наказанию 5 ударами плетей и ссылке в Сибирь. Но в ту минуту, когда дело казалось невозвратно потерянным, единственным ходатаем за погибшее дело явилась помощь Божия.

В Петербурге прошел слух о праведной жизни и беспримерной стойкости старца; в деле приняла участие известная православною ревностью своею, влиятельная Т. Б. Потемкина; и по докладу Государю обер-прокурора Протасова о бескорыстных движениях старца в деле о Реконской земле, велено было старца освободить и оставить в Рекони.

В это же время отысканы подтвердительные документы, и о. Амфилохий, начав дело вновь и

получив отказ от Новгородской гражданской палаты, принес жалобу в Правительствующий Сенат; в жалобе, между прочим, значилось:

"Живя многие десятилетия в пустыни и тщательно вопия о правосудии, вот уже пятое десятилетие веду тяжбу, и, за всеми препятствиями, наконец, дохожу до высшего судилища. Умоляю оное оказать справедливую защиту не мне, столетнему старцу, стоящему уже на краю гроба и не имущему в сей тяжбе для себя никакой корысти, а желаю я собственно восстановить древне учрежденную святыню, милостью царя. Впрочем, во всем да будет святая воля Божия".

По разногласию сенаторов, дело было передано в общее собрание департаментов, а оттуда в Государственный Совет. Наконец, состоялось Высочайшее именное повеление: так как владение не может быть восстановлено без нарушения прав частных лиц, то вознаградить Духовное Ведомство суммою, заплаченною настоящим владельцем земли, с добавлением процентов за неиспользование (всего 42.000 руб. слишком); пустынь же велено восстановить с наименованием ее заштатным общежительным монастырем.

Из полученной суммы 25.000 руб. зачислены в неприкосновенный капитал, а остальные 17.000 р. израсходованы на восстановление пустыни.

II

При окончании дела, о. Амфилохия спрашивали, не укажет ли он кого в настоятели, но он, по смирению, отказался. Тогда настоятелем был назначен из Валаама о. Даниил, имевший в Петербурге, где заведывал он Валаамской часовней, знакомства, полезные при обновлении обители. Когда о. Даниил с несколькими монахами прибыл в Реконь, о. Амфилохий не вышел к нему на встречу, а принял его, сидя в своей землянке. У о. Даниила явилась мысль, что старец недоволен его назначением, и это послужило причиною нерасположения о. Даниила к старцу. О. Амфилохий выговаривал иногда приехавшим монахам за их недостатки, это не нравилось им. Монахи же, видя, что о. Амфилохий живет своеобразно, были на него немирны. От неудовольствий их о. Амфилохий ушел за 3 версты от монастыря, и поселился в землянке (теперь там стоит скит); стечение народа к старцу становилось все значительнее, и он, получая приношения, одною рукою передавал бедным то, что другою принимал от имущих.

Настоятель же требовал, чтоб он все получаемое отдавал в монастырь. Старцу стали делать разные притеснения, отняли у него послушника, и выгоняли тех усердствующих богомольцев, которые желали служить ему. Наконец, благочинный Новгородских монастырей потребовал, чтоб о. Амфилохий переселился в пустынь; митрополиту Исидору были посланы о старце и его самочинии крайне неблагоприятные отзывы.

В это время о. Амфилохий призвал к себе чрез богомольцев-мужиков священника, подвизавшегося в то время в одной из соседних областей, в селе, и очень чтимого народом. Ему поручил старец идти к митрополиту, объяснить его положение и хлопотать о дозволении устроить на месте землянки церковь, для образования при ней скита. Хотя священник не был еще близко известен митрополиту, но, по настоянию старца, взялся за это дело. После многих препятствий, он был допущен к митрополиту.

— Какого мнения ты об о. Амфилохии? — спросил митрополит.

— Святой старец.

— А чем?

- Он подвижник, живет в землянке.
- Разве не знаешь ты, что и находившиеся в прелести подвергали себя истязаниям?
- Он прозорлив.
- А не есть ли и это прелесть?
- Позвольте, владыко, вам сказать: если б он был точно в прелести, то с радостью согласился бы жить в монастыре, где его будут прославлять и кадить ему; а он ведет тяжкую жизнь в землянке, и много за то терпит.
- К нему, мне донесено, водку носят ведрами.
- Позвольте, владыко, вам сказать: это вы слышали или от благочинного, или от настоятеля?
- Да, от них.
- Тысячи народа к нему ходят, и никто ничего подобного не видал. Пошлите, владыко, на самое место верных людей. Тогда вы узнаете всю правду.

Когда три лица, имевшие тайное поручение от митрополита расследовать отзывы об о. Амфилохии, поехали в пустынь, старец ждал их. Встретя их, он позвал их: "Пойдемте, пойдемте ко мне" — и прямо объявил: "Скажите митрополиту, чтоб он разрешил постройку скита. Ну, да он разрешит; скажет: "Надо его послушать, а то Бог накажет за старика".

Когда посланные вернулись к митрополиту и объявили ему просьбу старца, он сказал: "Ну делать нечего, надо его послушать, а то Бог накажет за старика".

— Владыко, этими словами он предсказал ваше разрешение.

Не получая еще формального разрешения, о. Амфилохий начал строить церковь, и митрополит поспешил оформить дело.

С тех пор митрополит Исидор относился к о. Амфилохию с неизменным уважением; такое же уважение выказывал ему и митрополит Московский Филарет, который прислал ему в благословение икону.

III

Житие о. Амфилохия было крайне тяжкое и напоминает по величию подвигов жития древле прославленных преподобных пустынножителей.

Чувствуя необходимость в полном уединении, о. Амфилохий скрывался в болотах, где девять раз менял места, но всякий раз его отыскивали. Случилось, что к нему пробивались в эти убежища по жердям, положенным на топкой почве, иногда идя по пояс в воде.

Кроме недоброжелательства монахов, его преследовали люди: воры уносили его убогое имущество, вооруженные разбойники требовали от него денег, данных ему на богоугодное дело, раз сожжен был и его шалаш. Разные лица из злобного любопытства производили о нем оскорбительные следствия. Иные глумились над ним, в глаза называли его пустынным медведем и осыпали всякою бранью. В первое время отшельничества о. Амфилохия сильно страшили звери — медведи, волки, барсуки, змеи, но потом он привык к зверям, а они ему повиновались. Он терпел попеременно холод и зной, не меняя никогда своей рубищной

одежды. Грудь его была открыта и, говоря, он ударял себя в грудь кулаком.

Смирив тело свое, старец надевал на голову железный обруч, или в горечи сознания греховности своей привешивал к шее большой камень, носил железные вериги или проволочную рубашку, а в руки часто брал железный посох.

Когда на Реконские болота спускалась снежная зима и заносы отрезывали старца от всего живого, он оставался в течение нескольких недель один, без насущного хлеба. И в обычное время неизмеримо было воздержание его. Он питался гнилыми корками хлеба или овсяным толокном, смешанным с золою или песком, древесной корой, мхом и кореньями.

Отдыха и сна о. Амфилохий почти не знал. Днем перебирался он по болоту, по ночам молился, всегда под открытым небом. Когда, по делу восстановления Рекони, он сидел в тюрьме, то совершенно не спал, и ночью подымал всех узников на молитву. Сперва они сердились на него, а потом, когда его освободили, не хотели отпустить его.

По милосердию своему, старец отдавал нуждающемуся последнюю корку, а сам голодал; насекомых, жаливших его, он не убивал, а осторожно сняв с себя, пускал, говоря: "И им хочется пожить на свете".

Не терпя отреченного жития старца, враг спасения страшно искушал его. Он внушал ему безнадежность спасения по множеству грехов, тщетность стараний его о восстановлении монастыря; старцу являлись призраки в виде чувственно соблазнительных картин, трупов, гадов, змий. Иногда, принимая человеческий образ, духи окружали старца и истязали его. В зимние ночи, в трескучие морозы отворялась дверь землянки и старец видел как бы многочисленное воинство, протянутое по болоту версты на две, и тем начинались грозные видения. Но молитвой одолевал старец все искушения.

IV

Еще во время до восстановления Рекони старец пользовался уважением понимавших его лиц. Когда же благополучное окончание дела доказало величие старца, множество народа стало ходить к нему за наставлением. Но он не изменился. Все то же рубище покрывало его, так же ложе его состояло из камня и досок, а имущество по-прежнему из икон и нескольких книг.

Беседуя, старец вдруг, не глядя, открывал одну из этих книг и указывал на отрывок, в котором было заключено то, что выражало положение собеседника. Множество случаев подтверждают прозорливость старца. Он исцелял также больных и люди, пользовавшиеся его советами, видели над собой благословение Божие.

В последний год своей жизни старец часто говорил о приближении смерти.

Как птицы пред далеким полетом делают несколько широких кругов, так и о. Амфилохий удалился еще дальше от обновленной им Рекони на возвышенное место, называемое "Березня". Там земля покрыта гладкой травой, при подошве пригорка журчит ручей. Здесь поставили две келейки: одну старцу, а одну монастырским послушникам. Старцу было тут гораздо более покоя. Уста его постоянно шептали молитву, а иногда слышались восторженные восклицания, из глаз струились слезы.

В половине июля 1865 г. старец окончательно ослабел и слег. Он исповедался и приобщился, соборовался и затем в течение 40 дней приступал ежедневно к исповеди и св. причастию. В течение последних трех дней он не принимал решительно никакой пищи, а только ему давали каплями богоявленскую воду.

Начальство монастыря и в эти последние дни старца не отнеслось к нему внимательнее, чем прежде. Но незлобивый старец говорил тому священнику, который когда-то хлопотал за него у митрополита: "Смотри, не говори ты митрополиту, что меня обижают. Я этого не хочу".

Тщетно посылал старец за настоятелем, желая, вероятно, передать ему последние свои мысли, настоятель не шел.

Тогда чрез посланного старец просил, во-первых, не делать ему гроба, а схоронить в осиновой чурке, и потом хоть на 40 дней зарыть там, где он умрет. Этим хотел исполнить старец имеющий свое основание народный обычай. Настоятель отвечал: "Его дело умереть, а мы без него знаем, как его похоронить".

9 августа старец поднялся, вычитал правило и потом стоял на коленях обедницу и акафист. Кончив, он лег в постель, сложил руки и испустил дух. Ему шел 125 год.

Митрополиту Исидору дано было знать телеграммой о кончине старца, а вместе с тем, ложно передавая просьбу старца, настоятель спрашивал, как поступить, в виду требования старца не хоронить его 40 дней. Велено было действовать обычным порядком.

V

Над могилою о. Амфилохия воздвигнута церковь. У надгробия лежат вериги его. Два исцеления, совершившиеся вскоре по кончине его, положили начало подробным записям, вводимым в обители о многократных таких явлениях.

С виду о. Амфилохий был совершенно согбенный старец, крепкого сложения. Лицо у него было широкое, с выдающимися скулами, очень живое, и весь он был чрезвычайно живой.

Всякого встречал он и провожал с сердечным назиданием. В тоне голоса его было много приветливости и доброты. Говорил он с великим воодушевлением и силою веры, и редко чья беседа отличалась таким обилием мыслей. Расчеты человекоугодия, земного пристрастия не были известны смелой и свободной его душе.

Старица Евпраксия, игуменья Староладожского Успенского монастыря

В ста шестидесяти верстах от Петербурга, и в тринадцати от уездного города Новой Ладogi, на берегу реки Волхова, расположен Староладожский Успенский женский монастырь.

Об истории этого монастыря сохранилось мало данных; время основания его неизвестно, достоверно только, что он уже существовал в XV и XVI веках, был разрушен шведскими войсками Понтуса Делагарди в 1611 г., но вскоре воссоздан старицею Акилиною. Эта монахиня собрала некоторых из рассеявшихся сестер и била челом царю Михаилу Феодоровичу о возобновлении обители и о возврате ей ее прежних вотчин и угодий. Челобитье старицы было уважено в полной мере, и уже в 1617 г. освящена каменная Успенская церковь.

Имея достаточное количество жертвованной благодетелями и жалованной царями земли, также покосы и рыбные ловли, монастырь мог бы существовать безбедно. Но владение этими землями постоянно нарушалось соседними помещиками, и для обуздания их понадобились даже царские указы.

В 1718 г. в монастырь была привезена царица Евдокия Феодоровна Лопухина, под именем

инокини Елены. Были употреблены все меры, чтоб разобщить царицу с внешним миром: запрещено под страхом смертной казни говорить с нею, вокруг монастыря поставлен двойной полисад, прихожане монастыря были отчислены к другому приходу, с запрещением посещать монастырскую церковь, и, наконец, приостановлен прием белиц.

После шестилетнего заключения, при воцарении императрицы Екатерины I, Евдокия Феодоровна была переведена в Шлиссельбург. Сохранились воспоминания, что император Петр I выказывал жалость к заключенной супруге: он посещал ее келью, угощал ее из своего дорожного погребца и заботился о ее жизненных удобствах.

Вернувшись при внуке своем, Петре II, на свободу, Евдокия Феодоровна ничем не оказала расположения к Староладожскому монастырю.

Меры, принятые на время заключения царицы, были отменены в 1728 г.

В настоящее время монастырь, имея более двухсот сестер, содержит приют для девочек, имеет больничный корпус, общую трапезу и несколько церквей; за оградой есть гостиница.

Такова несложная летопись этого малоизвестного монастыря. Эта летопись так скудна, судьба этой обители так мало интересна, что она не выделялась бы ничем среди других полезных, но не исторических рядовых женских монастырей. И однако мимо этого монастыря нельзя пройти безгласно; он приобретает немаловажное значение для лица, чуткого к духовному русскому быту: здесь совершился жизненный подвиг праведной игумении Евпраксии, которая почти в наши дни воскрешала заветы лет древних.

Девушка Евдокия происходила из купеческого звания, рано осиротела и, имея склонность к иноческой жизни, тайно ушла от родных и провела десять лет в двух женских монастырях города Арзамаса.

Привыкшей к довольству и удобствам, Евдокии было не легко привыкать к суровой монашеской обстановке. Она не могла сначала выносить общей пищи сестер и питалась одним черным хлебом. Со слезами молилась она о ниспослании ей помощи, и была утешена дивным видением. Во время тяжкой болезни, когда все считали Евдокию умирающею, в то время как в церкви совершалась всенощная, больная слышала издали пение тропаря Успения, и при последних словах "избавляеши от смерти души наша", она ясно увидела, как два светлые мужа поставили перед нею икону Успения. Это было так живо, что ей казалось, будто сестры обители хотели утешить ее принесением иконы. С умилением помолилась она горячею молитвою — и тогда изображенная на иконе Божия Матерь точно оживилась, и, сойдя с иконы, осенила рукою Евдокию со словами: "Встань и укрепляйся, ты еще должна послужить Мне много".

Вернувшись из церкви, монахини нашли Евдокию совершенно здоровою.

Когда пребывание Евдокии в Арзамасе стало известно ее дяде, он выписал ее к себе, но не мог удержать ее: она опять ушла от него, и, в сопровождении доверенного старого слуги, отправилась в Старую Ладугу. Придя туда, она отправила его обратно, извещая дядю о поступлении в монастырь.

Принятая благосклонно игумениею, Евдокия вся отдалась молитвенному созерцанию; единственною пищею ее был черный хлеб и квас, которые раз в неделю приносила ей одна ладожская женщина. Послушание Евдокии состояло в чтении псалтири над покойниками. Так она старалась исполнить то, что было бы тяжело другим монахиням.

В декабре 1777 года Евдокия приняла пострижение с именем Евпраксии, а в 1779 г. Староладожская игуменья, переведенная в другой монастырь, представила ее митрополиту, как свою желательную преемницу. Высокая жизнь Евпраксии была уже настолько известна, что ходатайство игуменьи было исполнено, и на сорок пятом году жизни Евпраксия была сделана игуменьей.

Теперь ей предстояло много забот по ведению и благоустройству монастыря.

Древний устав в обители подходил всего ближе к отшельническому, скитскому роду жизни; сестры помещались большею частью по две в келлии, и игуменья требовала, чтоб молодые всегда жили под руководством опытных стариц. С особою разборчивостью принимала она новых, особенно молодых монахинь, заботясь о том, чтоб среди них не оказалось привлеченных в монастырь случайными обстоятельствами, а не сознательным и глубоким призванием. Всеми силами старалась она искоренить распри, ссоры, пересуды, пререкания и праздные встречи, и успела в том: нравственный уровень монастыря повысился.

Предметом особо теплых забот игуменьи было благолепие церковное. Она старалась, чтобы не только в праздничные дни, но и в будни церковь была ярко освещена и сияла порядком и чистотою. На большие праздники в монастырь приглашалось для соборного служения окрестное духовенство. Часто случалось, что в тот день, как церковные средства совершенно оскудевали и церковь было уже нечем осветить, неожиданно приносил помощь какой-нибудь незнакомый человек или она приходила из Петербурга, где имя Евпраксии становилось известным.

По глубокой вере своей, игуменья с дерзновением предпринимала для благолепия церковного дела, которые казались невыполнимыми, — и довершала их. Скопив немного денег, начала она строить каменную колокольню, но дело стало из-за недостатка средств. Глубоко скорбя о том, Евпраксия провела всю ночь в горячей молитве. На утро, когда она погрузилась в дремоту, ей было видение великомученицы Варвары, которая утешала ее. В тот же час приехала в монастырь помещица Желтухина, передала игуменье пакет с деньгами, как раз в необходимом количестве, и рассказала, что великомученица Варвара во сне дала ей повеление вручить эту сумму игуменни.

Когда колокольня была готова, Евпраксия отправилась в Петербург, чтобы лично привезти вылитый там новый колокол. Она ехала за подводой, в легкой повозке. Зима была в тот год лютая, со свирепыми метелями. На полдороге, во вьюгу, ночью, ямщики сбились с пути, подвода застряла в глыбах снега, и лошади стали. Невдалеке были огни в окнах и лаяли собаки. Но Евпраксия не хотела покинуть колокол в поле и идти в деревню, как предлагали ямщики. Она отпустила их с лошадьми, а сама осталась одна среди вьюги, в чистом поле, в своей повозке. Часто высовывалась она наружу, чтоб всмотреться в колокол. Среди ночи она почувствовала вдруг вместо лютого холода, дышавшего повсюду, теплоту. Чудный свет окружал ее повозку, и в этом свете стояли, охраняя Евпраксию, преподобные Александр Свирский, Сергей и Герман Валаамские...

Милостыню, получаемую монастырем, игуменья делила сестрам, имея с ними одинаковую долю. Часто волховские рыбаки заходили к ней за благословением пред ловлею и потом приносили ей часть улова, а иногда закидывали для нее особую тоню, и тогда попадалось громадное количество рыбы. Свидетельницей того была, между прочим, именитая помещица, посетившая обитель после рассказов, которые слышала об Евпраксии в Москве.

Постоянно заботилась игуменья о больных, слабых сестрах, а по умершим творила поминовение и оставшееся после них имущество раздавала нуждающимся. Сама она не

участвовала никогда в поминках, не заботилась об изысканной трапезе для почетных гостей, а с помощью помещика Путилова, сад которого подходит к монастырским стенам, подавала хорошее, но простое угощение в своей келлии, на подносе.

Чрезвычайный подвиг предприняла Евпраксия с первых лет своего настоятельства, для уединенной молитвы. Она много скорбела, что управление монастырем лишило ее прежнего безмолвия, и, после одушевленной молитвы, таинственный голос указал ей возможность уединиться. В четырех верстах от монастыря, в глубине густого Абрамовского леса, был высокий пригорок — Абрамовщина. Туда и решила укрываться Евпраксия от молвы. Она стала ходить на Абрамовщину, после ранней обедни, трижды в неделю, по постным дням, и возвращалась поздно вечером. Под высокой сосной срубила Евпраксия малую бревенчатую часовню, а у подошвы пригорка выкопала колодезь и водрузила над ним большой деревянный крест.

На площадке пригорка подвижница совершала свое молитвенное правило. Оно состояло из чтения Евангелия, Апостола и акафистов. С собою Евпраксия приносила священные книги, свечи с огнивом, старинную шпагу и части св. мощей. Четырехверстный путь, чрез мхи и болота, был тяжел, особенно в осеннюю пору, или зимой, во вьюгу, по глубоким сугробам. Евпраксия ходила туда в мужской тяжелой обуви, а зимой на лыжах. Только от сильного вихря она укрывалась в часовенку, или когда нужно было читать со свечою. Без пищи, усталая от ходьбы, погружалась она в молитву; ее тело было покрыто кровавыми рубцами, и исколото жалами оводов и комаров. Но среди этих вольных страданий, на бесстрашную подвижницу сходило благодатное настроение, радостные очистительные слезы, умиление сердца и духовные откровения. Поздним вечером, тихо напевая стих "День скончается, конец приближается", возвращалась она в монастырь, в свою нетопленную келлию, которую запирала с утра.

Этот подвиг Евпраксии часто был сопряжен с великими опасностями, от которых она избавлялась Божиим заступлением.

Одним глухим осенним вечером, молясь в часовенке, Евпраксия из-за перегородки увидела высокого человека в оборванной солдатской шинели, с ножом в руке. Она не прервала своего правила, а, когда кончила его и обернулась, солдат стоял на коленях и молился. Он называл ее угодницею Божией, молил о помиловании и рассказал, что ушел из полка и скитался без пищи по лесу; восходящий к небу световой столб привел его к часовне, где он думал найти клад. Непонятный ужас лишил его сил убить инокиню, и наконец, он понял, что она осенена благодатью. Евпраксия просила его прождать ночь, вернулась в монастырь и на следующее утро принесла ему большую просфору и медный рубль денег, наставила его и предсказала, что с этим запасом он благополучно дойдет до Петербурга, и, если с повинною головой придет к начальнику, будет прощен, заслужит свою вину и будет повышен затем в чине. Впоследствии солдат написал ей теплое письмо, где рассказывал, что с напутствием игуменьи, дошел он сытый до Петербурга, прощен был снисходительным начальником, очистил себя службой, и за отличие произведен впоследствии в фельдфебеля.

Однажды, тоже осенним вечером, когда игуменья с приближенною к ней монахиней Елпидифорой должна была возвращаться из пустыни в монастырь, разразилась страшная гроза. Темнота ночи, озаряемая блеском молнии, раскаты грома, завывание ветра, гул колеблемых вихрем сосен — все наводило на монахиню ужас; выход из часовни казался ей бездной, и она умоляла игуменью остаться в часовне на ночь. Но Евпраксия была непреклонна, и, освещая себе путь тусклым фонарем, пошла в бурю. У колодца фонарь задуло ветром. Но тогда засиял тонкий свет, который шел пред ними до ворот монастыря, как полоса дневного света. Игуменья строго приказала монахине хранить это событие в тайне.

Евпраксия не боялась хищных зверей, ютившихся в густой чаще Абрамовского леса; эти звери ласкались к ней.

Дворовый человек соседнего помещика, идя вечером с охоты, увидел Евпраксию, окруженную волками, которые бежали за ней, как собаки. Он подумал, что это неспроста и что она колдунья. Тогда звери бросились на охотника и ему пришлось бы плохо, если б старица не стала скликать их к себе, как стаю галок — и тот убежал, а на утро пред всеми в монастыре благодарил ее. Очевидцы рассказывали, что были свидетелями того, как Евпраксия шла однажды на Абрамовщину на лыжах, над землей, не дотрагиваясь до снега.

Буря сорвала крест с церкви Успения, и Евпраксия, по особому внушению, перенесла его на Абрамовщину и повесила на большом суку сосны, над часовнею. С тех пор, по маленькой лесенке игуменья подымалась ко кресту и зажигала перед ним свечу. Пред этим крестом она получила внезапное и чудесное исцеление руки, переломленной пред самым выходом из монастыря в Абрамовщину, чему свидетельницами были монахини, видевшие утром руку вспухшею и висящею книзу и совершенно здоровою вечером.

Несколько раз, в церкви, чудные видения посещали Евпраксию, и она стояла в восторженном восхищении, словно унесенная от земли, и лицо ее светилось.

Годы шли; Евпраксия достигла уже глубокой старости и, по неотступным просьбам, была уволена на покой. Она перешла в тесную келлию, выходила только в церковь и к своей преемнице, перед которою заступалась за сестер, становясь перед ней на колени. Ей было тяжело, что в храме новая игуменья забелила стены, покрытые иконописью, и что храмы лишены прежних огней. Но голос ее не имел более значения.

Приблизилась кончина Евпраксии. Древняя старица Акилина, которую часто видали в ночное время в мантии с жезлом обходящею монастырь, явилась к ней. Поздно вечером постучалась к ней в оконницу и произнесла: "Готовься к исходу — ты скоро соединишься со мной". Когда Евпраксия посмотрела в окно, древняя старица уже удалялась от ее келлии. Евпраксия вышла за ней, но она исчезла пред ее глазами.

Старица простилась с монахинями, просила игуменью положить ее в схиме, тайно ею принятой, и погребсти ее у ног любимой ею старицы Акилины. Приняв святое причастие и проводив св. Дары до дверей, она заперла сени, разостлала на полу рогожку, легла на ней с распятием и свечою в руке, закрыла глаза — и опочила.

Это было 23 сентября 1828 г. Она прожила 91 год.

Ее тело готовили к погребению три ближайшие монахини; они обливались слезами и не опомнились, как Евпраксия очутилась в их руках в сидячем положении. Она сидела с поникшей головой и с опущенными на колени руками, сияя чистотою изможденного подвигами старческого образа.

Ее погребли на пятый день по кончине; тело ее издавало благоухание. Игуменья не исполнила ее просьбы о месте погребения и о схиме. Верная Елпидифора тайно подложила схиму в гроб. О своем посвящении в схиму Евпраксия кратко выразилась однажды этой монахине: "Бог послал мне ангела своего посвятить в схиму".

После нее в запечатанном ларчике нашли вериги и пакет в 250 руб., с подписью. "На погребение и поминовение убогой Евпраксии". Это был скопленный ею во всю жизнь доход от чтения псалтири. На могиле Евпраксии, за окном главного алтаря Успенской церкви лежит плита с надписью, иссеченною ее рукою задолго до кончины.

Большая часть сведений о жизни этой подвижницы сохранилась, благодаря монахине Елпидифоре, которая пользовалась доверием старицы и сопровождала ее иногда на Абрамовщину.

В книге "Третьеклассный Староладожский Успенский монастырь" (изд. 1871 г.), по которой составлена настоящая статья, описано несколько явлений и чудес старицы Евпраксии. Так, деревенская расслабленная девочка видела во сне благообразную старицу, худую и небольшого роста, в шапочке, мантии и с жезлом в руках. Она повелела ей свести себя на Абрамовщину, обмыться водою из колодца и отслужить молебен кресту и панихиду по игумении Евпраксии, обещая тогда полное исцеление. Исполнив повеление, девочка совершенно выздоровела.

Самоотверженная жизнь, нравственная крепость и великая сила религиозного одушевления ставят игумению Евпраксию Староладожскую в число замечательных русских женщин.

Отец Назарий, игумен Валаамский

Отец Назарий, в миру Николай Кондратьевич, сын причетника села Аносова, Тамбовской губ., и жены его Мавры, родился в 1735 г.; на семнадцатом году ушел в Саровскую пустынь, в 1760 г. пострижен и в 1776 г. посвящен в иеромонахи. О. Назарий строжайшим образом соблюдал устав. Чтение священное было пищею его души. Его мысль была настолько проникнута божественным, что для дел мирских он не знал и слов, как говорить о них. Когда же говорил он о Боге, то слушатели забывали время. Все свои беседы он основывал всегда на изречении Св. Писания. Слово его было прямо, право и резко; с виду он был строг и как бы неприступен, но сила его слов привлекала к нему сердца. Одежда его близка была к рубищу. Слава о его подвижнической жизни достигла и до Петербурга.

Митрополит Гавриил, задумав восстановить древнюю обитель Валаамскую, искал способного и духовного инока в настоятели, и выбор его остановился на о. Назарии. Из епархии и пустыни, желая удержать подвижника, ответили, что он человек малоумный и неопытный в духовной жизни. Митрополит, понимая смирение Назария, ответил: "У меня много своих умников, пришлите мне вашего глупца". В 1782 году о. Назарий определен строителем Валаама.

Обитель, расположенная на острове Валаама, среди Ладожского озера, представляющая особое удобство для иноческой жизни, давшая таких великих отцов, как преп. Александр Свирский, Кирилл Белозерский, Герман, Савватий, находилась в полном упадке. Она состояла за штатом, средств к содержанию не было, здания рушились, немногочисленное братство состояло из престарелых людей. Некому было служить, некому стоять на клиросе.

При о. Назарии возник внутренний четырехугольник обители, состоящий из каменных собора, двух церквей, ризницы, трапезы и келлий. Монастырь включен в число штатных монастырей, и штат определен в 30 человек; строитель возведен в сан игумена; императором Павлом пожалованы монастырю Кюменские рыбные ловли, главный источник его содержания. По воле митрополита Гавриила, о. Назарий ввел в Валаама общежительный устав Саровской пустыни и установил три рода жизни: общежительный, схимнический и пустынный. Слава о Валаама стала расходиться по православному миру; даже приходившие в него афонские иноки смотрели на него с удивлением, говоря, что по внутреннему устройству он выше афонских монастырей.

Всюду подавал о. Назарий всем пример своею жизнью. Строгий исполнитель устава, во всех трудах общежития, во всех работах монастырских подвизался он впереди всех. Особенно любил он безмолвие и удалялся на целые недели в уединенную пустыню.

Кроме восстановления древнего Валаама, о. Назарий оказал великую услугу делу православной проповеди в русских северо-американских владениях. По благословию Св. Синода, он избрал из братии Валаама десять человек миссионеров. Из них особенно памяты: архимандрит Иоасаф, начальник миссии, возведенный в сан архиерея и утонувший, иеромонах Ювеналий, принявший мученическую кончину, и монах Герман.

Сохранились рассказы о следующих двух случаях из жизни о. Назария.

В царствование Екатерины II у Петербурга произошло морское сражение со шведами. Весь город был в страхе, митрополит молился, заключившись в келлии. В это время о. Назарий настоятельно потребовал свидания с митрополитом и уверил его в победе и безопасности. В подтверждение своих слов показал на стороне моря души убитых воинов, восходящих на светлых облаках к небу. Тогда митрополит ободрил императрицу.

При императоре Александре I сановник К. подвергся царской немилости; его жена умоляла о. Назария молиться за мужа. Тот обещал попросить царских приближенных.

— Всех уже просила, — отвечала жена опального.

— Да не тех, кого надо, — ответил о. Назарий и, взяв у К. много мелких денег, отправился раздавать их бедным. Только к вечеру он раздал все, и вернулся в обеспокоенную семью со словами: "Ну, слава Богу, обещали все приближенные царские просить за вас". Вслед затем пришло известие, что дело кончилось благополучно. Тогда, отвечая на вопрос, объяснил о. Назарий, кто те приближенные, которых он просил и какого царя.

Когда был предпринят перевод с греческого великой подвижнической книги "Добротолюбие", митрополит Гавриил предписал ученым переводчикам советоваться во всем с духовными старцами и прежде всего указал на о. Назария. "Они из опыта лучше вас понимают духовные истины", — сказал митрополит.

В 1801 году о. Назарий испросил себе увольнение на покой. Сперва он уединился на Валааме в своей отшельнической келлии, куда удалялся и раньше, занимаясь молитвою и рукоделием. Но обстоятельства принудили его покинуть Валаам.

Выбирая место для пустынножительства, о. Назарий отправился в область черноморских казаков. По дороге, в Воронежской губернии, о. Назарий пристал однажды у одного священника. Когда пришло время для служения воскресной всенощной, священник объявил старцу, что он никогда не служит, так как храм бывает пуст, и не для кого служить.

— Храм не может быть пуст, — отвечал старец, — в нем находится ангел, блюститель престола Господня. И потом, если не пойдут прихожане, то пойдут ангелы, хранители душ их; ибо при всяком славословии Божиим ангелы первые бывают и сослужители и сославословители, и они бы наполнили вашу церковь. Если бы вы молились о пастве вашей, Господь повелел бы ангелам возбуждать их души к молитве. Какой же ответ, в день страшного суда, дадите вы о погибели ее, когда не употребляете никаких мер для ее спасения!

Священник просил старца наставлять его, и о. Назарий посоветовал немедленно отслужить всенощную, которую они вместе и отправили по чину. В церковь пришли старики, созвали еще кой-кого из своих, так что всего собралось до 30 человек. При выходе из церкви старец пояснил необходимость ходить в церковь. К обедне народу собралось несколько больше. После обеда стал собираться на погост народ, для веселья. "Пойдем и мы, сказал о. Назарий священнику, возьмите Четью-Минею". Придя на погост, они сели, и священник стал читать житие дневного святого, в промежутках о. Назарий говорил от себя наставления. Сперва

подошли старики, потом кое-кто и помоложе. Ежедневно священник стал служить обедню, и число прихожан умножалось, о. Назарий не пропускал случая беседовать, пока не отправился в дальнейший путь.

Не найдя себе удобного места в земле черноморских казаков, о. Назарий поехал назад чрез то же село, и как раз прибыл туда в воскресный день, к благовесту. Народу было у церкви множество, и народ с восторгом встретил старца, которого успел полюбить. После обедни священник, указывая о. Назарию на то, что не только храм, но и паперти полны молящимися, сказал предстоящим, что это — плод молитв о. Назария. До конца жизни о. Назарий поддерживал переписку с этим священником.

Вернувшись в Саров, где полагал начало монашеству, о. Назарий устроил себе пустынную келлию в лесу, при речке Саровке. Когда хватало сил, он в ночное время ходил по лесу, совершая на память молитвословие 12 псалмов, и к рассвету возвращался в келлию. Не раз встречался он с медведями, которые не трогали его, и он их не боялся.

Многие отшельники поверяли ему свои помыслы. В Тамбовском и Нижегородском краю образовалось под его руководством много женских общежитий. Имея дар прозорливости, о. Назарий видел обнаженными человеческие мысли и грехи. Делатель умной молитвы, так писал о ней старец: "Помолимся духом, помолимся и умом. Взойдите-ка в слова апостола Павла: "Хочу реши лучше пять слов умом, нежели тысячу языком". Изобразить не могу, сколь мы счастливы, что сии пять слов удостоились говорить. Что за радость! Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного. Вообразите-ка: Господи, кого я называю? Создателя, Творца всего, Кого вся небесные силы трепещут. Ум и сердце собрать во едино, глаза закрыть, мысленные очи возвести к Господу. О сладчайший и дражайший Господи, Иисусе Христе Сыне Божий!"

После пятилетнего пребывания в Сарове, о. Назарий скончался, 74 лет — 23 февраля 1809 г. и погребен у алтаря теплой церкви.

После отца Назария осталось "Старческое наставление" — содержащее советы монашествующим. Вот некоторые отрывки из него.

Наставление о молитве, особенно в церкви. — Рассмотря, любезный брате, нижеследующее предписание, служащее ко спасению нашей души, а именно: 1) в полунощи непременно восстани, прежде утреннего славословия, стани перед Богом и чистосердечную пролей к нему молитву несколько времени, так, как сказано о сем ниже.

Приспевшу же времени утреннего славословия, с усердием, восстани и поспеши, как можно, к началу богослужения церковного; а притекши в церковь, на соборную молитву, стани на удобном месте, собери все силы мыслей твоего разума, дабы не мечтали и не летали по всем странам, качествам злым и предметам, возбуждающим наши страсти.

Старайся как можно углубить крепко в сердце твое чтение и пение церковное, и оно напечатлеть на скрижалях его.

Внимай без лености, не ослабевай телом, не прислоняйся к стене или к столбу церковному; но нозе соедини равно одну с другою, и руки приложи к персям; главою поникни к земли, а ум устреми в небесные селения.

Берегись, как можно, чтоб отнюдь не сметь не только о чем-нибудь разговаривать, но ниже бы на кого, или на что очима воззреть. Внимай чтению и пению церковному, старайся, как можно, не допустить празднословити уму своему.

Если не можешь понимать, слушая пение и чтение церковное, то с благоговением тайно твори молитву имени Иисусову, следующим образом: "Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного". Старайся углубить сию молитву в душу и сердце твое; твори оную умом и мыслью, не попускай оной ни на малое время удалиться от уст твоих; соедини оную как можно с дыханием твоим и сколько сил твоих есть, старайся при сем нудить себя к сокрушению сердечному, да не без слез каешься о гресех твоих. Если же нет слез, то должны быть, по крайней мере, сокрушение и стенание сердечные. Наблюдай, дабы церковные службы не проходили без сего.

Наставление для времени после церковного богослужения. По окончаньи церковного славословья, исходя в келлию свою из церкви, берегись, как можно, дабы отнюдь ни с кем не стати и ничего не глаголати. Паче же всего хранися вредного празднословия и смеха; но гряди спешно в келлию свою, не испущая из уст ума своего и мыслей молитву Иисусову.

Пришедши в келлию, затвори дверь, и, аще можешь, то стани, и с усердьем, вниманьем и благодареньем, помолись немного о себе, о родителях, благотворителях и о всем мире; положи несколько земных или поясных поклонов с молитвою.

Посем возьми книгу и мало почитай.

Аще же изнеможешь от утружденья, либо от болезни, или от старости лет своих, то можешь по сим причинам и отменить сии труды; а вместо сего несколько молиться, сидя или лежа с четками.

При выполнении всего показанного обуздай, как можно, ум и мысли твои молитвою; берегись, дабы и мысли твои не парили к предметам бесполезным и вредным душе.

Тако подобает творити и оберегать себя непременно после всякого церковного правила. Отдохнувши же мало и соделавши по наставлению, как сказано, если имеешь врученное тебе какое дело или общее послушание для телесных трудов, то принимайся за оное так, как за определенное тебе от самого Христа, а не как от человека. Посему восставай спешно, с любовью пребывай в служении, без роптания трудися, измождая свою плоть.

Если ж нет порученного тебе дела служения, то делай свое, какое имеешь рукоделие, или чтением книжным насыщай и назидай душу твою или иным чем, не препятствующим нашему спасению. Внимай сему крепко, чтоб отнюдь не быть в своей келлии праздному. Ибо праздность первая всему злу учительница, и аще она вкоренится в кого, тому много трудов предлежит для истребления оной.

О пребывании в келлии и о исхождении. — Береги себя прилежно и в сем: не исходи безвременно из келлии твоей, кроме необходимой нужды, чтоб послушать, любви ради ближнего, или чтоб немощному послужить, или если от настоятеля или от ближнего по любви куда пошлешься, или к отцу духовному, по Бозе наставляющему тя, пойдешь.

Наблюдай же прилежно и сие: если выйдешь из келлии твоей по объявленным благословным причинам, то, идучи, старайся, как можно, не глядеть никуда по сторонам и не любопытствуй очами ни на что.

А если на пути нечаянно встретится кто с тобою, или увидишь вредное что, или неких усмотришь между собою безвременно беседующих; то берегись, да не сядеши или станеши с ними; даже берегись и помысла сего, не стать ли мне с ними, и услышать, что глаголют; но с молчанием поклонися им, и мимо их иди за своим делом в путь свой. И аще будут они к тебе что говорити, или останавливати, то ты паки поклонися им, говоря: простите, иду за делом, и

имею нужду поспешить исполнением послушания; и отбегай скорее на свое дело или к пославшему тя. Помышляй сии Давидовы слова: "Блажен муж иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста".

Пришедши к тому, к кому ты послан, также старайся, как можно, чтобы излишнего не говорить, или не сидети без нужды; но, исполнив порученное тебе, скорее в келлию твою возвращайся с покойным духом.

О причащении Божественных Тайн. — Как скоро увидишь иерейскую руку, простираемую со святым таинством и ко устам твоим приносящую, то не думай, что ты от иерейской руки оный божественный дар принимаешь, но воображай и веруй от всея души, что приемлешь от руки самого Христа невидимо стоящего и во уста тебе оный влагающего. Воображай и веруй несомненно, что ты точно яси самую Владычню плоть, теперь от живого и животворящего состава телеси Его отделенную, и аки теперь из самого ребра Христова текущую кровь и воду пиeши; что видиши на кресте висящего Христа, и теперь из ран Его сосеши кровь и свет, и жизнь. Тако причащайся, тако веруй несомненно; тако воображай беспрестанно в уме своем.

Миссионер, монах Герман

Монах Герман, из Серпуховских купцов, 16-ти лет от роду вступил в Сергиеву пустынь (под Петербургом). Во время пребывания в ней получил он чудесное от пресвятой Богородицы исцеление в постигшем его недуге. 21-22 лет он перешел на Валаам. Всею душою он привязался к этой обители и ее игумену Назарию. Удаленный от них, он писал, что память о Валааме "не изгладят из его сердца ни страшные непроходимые сибирские места, ни леса темные, ни быстрины великих рек не смоют, даже грозный океан не угасит чувств оных".

Несомненно, что о. Герман весьма скоро достиг высокой духовной степени, потому что мудрый игумен благословил ему жить в пустыне, в глухом лесу, в полутора верстах от обители; место это и поныне называется Германово. По праздникам о. Герман приходил в монастырь и со слезами певал на клиросе.

В 1794 г. Св. Синод отправил десять валаамских монахов, и в числе их о. Германа, проповедывать Евангелие на новоприсоединенных к России Алеутских островах. Несколько тысяч были просвещены, заведена школа, выстроена церковь, но к 1800 году остался из миссии один о. Герман: иеромонах Ювеналий принял мученическую кончину; начальник миссии, архимандрит Иоасаф, удостоенный уже епископского сана, утонул со свитою.

О. Герман жил на небольшом и живописном острове Еловом (названном им "Новым Валаамом"), отделенном проливом версты в две от острова Кадьяка, где устроен был деревянный монастырь и церковь.

Выкопав себе пещеру в земле, о. Герман провел в ней лето. Когда американская компания выстроила для него келлию, он предназначил пещеру для своей могилы. У келлии был огород, а вблизи деревянная часовня и деревянный домик для училища и посетителей. На этом месте о. Герман подвизался более 40 лет. Жизнь его была в высшей степени сурова. Он таскал для топлива большие деревья, которые могли бы снести только четверо, возделывал огород, принося для удобрения его в громадном коробе морскую капусту; на зиму делал запасы грибов и соли, добывая ее из морской воды. Все добытое он употреблял на пищу, одежду и книги для своих воспитанников-сирот.

Воздержание о. Германа было удивительно; он в гостях чуть отведывал за обедом какого-нибудь блюда, а в келлии довольствовался малою частью овощей или рыбы.

Одежда его, неизменная зимою и летом, в бурю, дождь и метель, — состояла из оленьей кухлянки (рубашки), без белья, которую он носил, не снимая, по 8 лет, сапог, подрясника и заплатажной рясы. Постель состояла из узкой скамьи с изголовьем из кирпичей; одеяла не было; деревянную доску, лежавшую на печке, о. Герман называл одеялом своим и завещал покрыть ею себя в могиле. Тело свое, изнуренное бдением, сокрушал он 15-фунтовыми веригами. После смерти они найдены были, или, как говорят другие, сами выпали в часовне. "Трудную жизнь, говорят алеуты, вел апа (дедушка), и никто не может подражать его жизни". Кроме этих внешних подвигов, всякую минуту жизни предстоял о. Герман Творцу своему. Из келлии его слышалось совершаемое им монастырское богослужение, и, ведя жизнь как человек, разрешившийся от плоти, он стал как бесплотный, и, на вопрос, как он не соскучится, отвечал: "Я не один! Там есть Бог, там есть ангелы святые. И можно ли с ними соскучиться!"

Об отношениях своих к туземцам, к которым Промысл Божий послал о. Германа, он писал так правителю колонии Яновскому: "Я нижайший слуга здешних народов и нянька, от лица их пред вами ставши, кровавыми слезами пишу вам мою просьбу: будьте нам отец и покровитель. Мы всеконечно красноречия не знаем, но с немотою, младенческим языком говорим: "отрите слезы беззащитных сирот, прохладите жаром печали тающие сердца, дайте разуместь, что значит отрада". Понимая, что народ этот находится во младенческом состоянии, о. Герман жалел его как малого ребенка; он заступался за него пред начальством; никого не боясь, распаленный ревностью Божественною, и не взирая на лица, обличал он некоторых начальствующих в недостойном поведении и притеснении алеутов. На него вооружались злобою, клеветами, писали в Петербург, что необходимо выселить его, что он возмущает против начальства; один Бог хранил его в этих притеснениях.

Алеуты часто приходили к нему. Он помогал им, разбирал их неприятности, мирил; нежно любил он детей, оделял их сухариками, сам пек им крендельки. Особенно ясно высказалось самоотвержение о. Германа во время повальной язвы, занесенной в Кадьяк кораблем из Соединенных Штатов. Не было ни лекарств, ни докторов; люди умирали в три дня. Ужасное зрелище представляли большие сараи, служившие жилищами алеутов. До ста человек лежало в повалку — живые рядом с остывшими уже мертвецами; там кончались, тут слышались раздирающие стоны. По охладевшим грудям умерших матерей ползали голодные дети, с воплем искавшие себе пищи. Во все время этой грозной беды, длившейся месяц, о. Герман ходил утешителем среди этого земного ада, увещевая терпеть, молиться и каяться.

Для просвещения алеутов, о. Герман устроил жилище для сирот и сам учил их Закону Божию и церковному пению. В воскресные и праздничные дни он собирал алеутов в часовню. Часы и разные молитвы читал ученик его, пение совершалось, и очень хорошо, сиротками, а сам старец читал Апостол и Евангелие и устно поучал народ. Увлекательные беседы эти, чудною силою действовавшие на слушателей, собирали множество народа. Одна молодая женщина, Софья Власова, услышав от о. Германа о воплощении Сына Божия и вечной жизни, умолила старца разрешить ей остаться на острове, и сделалась надзирательницею детей. Умирая, старец завещал ей остаться на Еловом, и похоронить ее по смерти в своих ногах.

По смирению, отказавшись от сана иеромонаха и архимандрита, который ему предлагали, не имея официального звания, о. Герман был отцом бедного, заброшенного племени, к которому послал его Бог.

Но не на одних только алеутов оказывал влияние о. Герман. Его светлый образ неотразимо действовал на всех соприкасавшихся с ним, — а большинство таких лиц были моряки.

"Мне было тридцать лет, — рассказывает один из них, — когда я встретился с о. Германом. Я воспитывался в морском корпусе, знал многие науки и много читал; но, к сожалению, науку из

наук, т. е. Закон Божий едва понимал поверхностно, и то теоретически, не применяя к жизни, и был только по названию христианин, а в душе и на деле вольнодумец, деист. Я перечитал много сочинений безбожных Вольтера и других философов XVIII века, и не признавал божественности и святости нашей религии. Отец Герман тотчас заметил это и пожелал меня обратить. К великому моему удивлению, он говорил так сильно, умно, доказывал так убедительно, что мне кажется, никакая ученость и земная мудрость не могли бы устоять против его слов.

Ежедневно беседовали мы с ним до полуночи, и даже за полночь, о любви Божией, о вечности, спасении души, христианской жизни. Сладкая речь неумолкаемым потоком лилась из его уст. Такими беседами и молитвами святого старца Господь совершенно обратил меня на путь истины. Всем я обязан о. Герману; он мой истинный благодетель.

Своими беседами о. Герман обратил одного морского офицера-лютеранина в православие. Однажды старца пригласили на пришедший по Высочайшему повелению фрегат, где было 25 офицеров. Эту компанию образованных людей одетый в рубище монах привел в такое положение, что они не знали, что ему отвечать. "Мы были, — рассказывал капитан, — безответны, дураки пред ним!"

Старец предложил всем общий вопрос: "Что вы, господа, больше всего любите, и чего бы каждый из вас желал для своего счастья?" Послышались всякие ответы. — "Не правда ли, сказал старец, все ваши желания можно свести к одному: всякий желает того, что считает лучшим и наиболее достойным любви?" — "Да, так". — "Что же, продолжал он, — лучше, выше, превосходнее всего, достойнее всего любви, как не сам Господь наш Иисус Христос, Который нас создал, украсил совершенствами, всему дал жизнь, все содержит, питает, все любит, и Сам есть любовь и прекраснее всех человеков? Не должно ли поэтому превыше всего искать, любить и желать Бога?" "Ну да, это разумеется", ответили все. — "А любите ли вы Бога?" спросил старец. — "Конечно, любим Бога. Как не любить Бога!" — "А я грешный более сорока лет стараюсь, и не могу сказать, что совершенно люблю Бога. Если мы любим кого, всегда помним его, стараемся угодить тому, день и ночь сердце наше им занято. Так ли вы, господа, любите Бога? Часто ли обращаетесь к Нему, всегда ли молитесь и исполняете заповеди Его?" — "Нужно признаться, батюшка, что нет". — "Для нашего блага и счастья, заключил старец, дадим себе обет, что от сего часа, сей минуты будем стараться любить Бога уже выше всего, и исполнить Его святую волю".

Иногда и за полночь засиживался о. Герман за беседою, но ночевать никогда не оставался и возвращался к себе на остров. Вообще, за беседою о. Германа забывалось время, и нередко слушающие с вечера засиживались до рассвета.

Святою жизнью своею о. Герман стяжал себе сверхъестественные дарования. Любя животных, он кормил из рук дикого зверька, горноста и медведей, остановил пожар и наводнение, созерцал будущее.

О месте подвигов своих о. Герман говорил ученикам: "Хотя и много времени пройдет после моей смерти, но меня не забудут, и место жительства моего не будет пусто: подобный мне монах, убегающий славы человеческой, придет и будет жить на Еловом, — и Еловый не будет без людей". — "Миленький, спросил о. Герман 12-ти летнего креола Константина, как ты думаешь, часовня, которую теперь строят, останется ли втуне?" — "Не знаю, апа". — "Помни, дитя мое, что на этом месте будет со временем монастырь"... "Через 30 лет по смерти моей, говорил о. Герман, вспомнят меня".

"Когда умру я, приказывал о. Герман, — схороните меня рядом с о. Иосафом. Быка моего

убейте, никого в гавани не извещайте, схороните меня одного. Тело положите на доску, сложите на груди руки, закутайте меня в мантию, и ее воскрылиями покройте мое лицо и клубуком голову. Лица моего никому не показывайте. В земле покройте меня бывшим моим одеялом".

Когда приблизился час кончины его, он велел ученику своему зажечь свечи пред иконами и читать Деяния св. Апостолов. Тихо преклонил он голову на грудь ученика, лицо его просияло, и келлия исполнилась благоухания. Блаженная кончина праведника последовала 13 декабря 1837 г., на 81 году его жизни.

В тот вечер в селении Катани (на Афогнаке) и в разных других местах был виден над Еловым островом светлый столп, достигающий до неба. В другом селении на Афогнаке видели человека, поднимавшегося с Елового острова к облакам. Потом жители узнали, что в этот день отошел о. Герман.

Несмотря на запрет старца, в гавань было дано знать о его смерти. Правитель колонии объявил, чтоб его ждали, что он приедет на похороны со священником. Но вдруг началась страшная буря, море волновалось целый месяц, и не было никакой возможности совершить короткий двухчасовой переезд по проливу. Целый этот месяц тело о. Германа лежало в доме его воспитанников, с неизменяющимся лицом и не издавая никакого запаха. Наконец, старца схоронили одни еловские жители. Тотчас море утихло и улеглось, как зеркало. Бык старца по смерти его затосковал и сам убился лбом о дерево.

В 1865 г. настоятель Валаама стал собирать сведения о жизни о. Германа и получил их от двух служивших в том крае русских архиереев, от учеников старца и от престарелого С. И. Яновского, бывшего в 1817–1821 г. главным правителем всех российско-американских колоний. 13 декабря 1867 г., в присутствии игумена и старцев, на Валааме было читано жизнеописание о. Германа. Так исполнилось предсказание старца, что о нем вспомнят 30 лет спустя по его смерти.

В 1842 г. апостол Сибири, архиепископ Камчатской и Алеутский Иннокентий, впоследствии митрополит московский, плывя в Кадьяк, был застигнут бурей. Опасность была крайняя. Обратившись к Еловому острову, архиеп. Иннокентий сказал в уме своем: "Если ты, о. Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер". Не прошло и четверти часа, как ветер стал попутный, и судно благополучно пристало к берегу. Преосв. Иннокентий, за избавление, сам отслужил на могиле о. Германа панихиду.

Кратки и немногосложны известия о жизни о. Германа, но в каком немеркнущем сиянии является это имя! С отрочества отдаться Богу, безропотно и навсегда послушно покинуть родину, вести отреченную жизнь среди дикого племени, заступаться, молиться, учить, примирять, жалеть, страдать за него — и смиренно закатиться, чтоб не в возлюбленной, как любит русский свою Россию, земле отдыхать хоть смертным пеплом, но остаться стражем у дальней холодной волны океанской: какой неумолчный благовест разносится от этой молчаливой жизни, какой это дивный пример!

Архимандрит Феофан, настоятель Кириллово-Новоезерского монастыря

Архимандрит Феофан был одним из учеников, хотя не непосредственным, славной стаи великого старца Паисия Величковского, через которого возобновилось древнее учреждение старчества, принесенное и в Россию и процветшее в нескольких русских обителях. Сам

получив иноческое воспитание на началах старчества, архим. Феофан в этих началах воспитал и несколько поколений обновленного им Новоезерского монастыря, а равно и других обителей, находившихся под его руководством. Кроме личных трудов, арх. Феофан навсегда будет памятен в летописях русского иночества теми заслугами, которые оказал он в деле духовного обновления русских обителей, когда состоял при знаменитом праведною жизнью своею и православною ревностью митрополите новгородском и петербургском Гаврииле (ум. 1801 г.). Он указал ему на таких лиц, как о. Назарий, знаменитый восстановитель Валаама; благодаря ему был вызван из заточения знаменитый о. Феодор (Ушаков); указанные им лица восстановили такие обители, как Тихвинскую, Симонову (московскую), Клопскую.

О. Феофан, в миру Феодор Соколов, родился в г. Троицке 12 мая 1752 г., в небогатой дворянской семье. Хотя он получил только самое первоначальное образование, но он пополнил его горячею любовью к чтению, причем читал исключительно книги духовного содержания. Это чтение, вместе с особым расположением к чистой жизни, возбудило в душе его желание монашества. Четырнадцать лет от роду он открылся в этом сверстнику, сироте, жившему в их доме. На этого мальчика настроение Феодора подействовало так сильно, что он удалился в Саров, так как ничто не связывало его; но Феодор, по требованию родителей, поступил на службу в Москву, в вотчинную коллегия. Его усердие и способности обещали ему хорошую служебную дорогу, но одно событие, которое глубоко потрясло его душу и неотразимо убедило его в ничтожности земной жизни, окончательно удалило его сердце от мира. Он бросил службу и удалился в монастырь. Это событие — была московская чума 1771 года.

Саровская пустынь, где находился товарищ Феодора, управляемая праведным, широко известным старцем Ефремом, с ее строгими уставами, недостаточно еще казалась ему суровою, он искал такого места, где была бы "жестокая жизнь" и наставника в высшей степени требовательного. Такова была Санаксарская пустынь и ее начальник, отец Феодор (Ушаков).

Жизнь там напоминала времена первых иноческих общин. Несмотря на то, что о. Феодор, по прежней службе своей в Петербурге, в гвардии, имел большие и богатые связи, он не изменял убогого вида монастыря. Монастырь обнесен был деревянным тыном, церковь была одна, деревянная, со стенами неотесанными и внутри, с волоковыми окнами; служба отправлялась при лучинн. Братия ходила в лаптях и балахонах, а кафтан был один на всех и надевался лишь при выходе из монастыря. Чтоб очистить души от пристрастия к земным вещам, о. Феодор нарочно давал братии балахоны самые убогие и не по росту. Всенощная длилась семь часов, ночью вокруг тына ходили по очереди иноки. О. Феодор следил за малейшими движениями чувств и мыслей своих учеников. Основными правилами ставил полное отречение своей воли и совершенно не допускал слов: "Я не желаю, не хочу".

В монастыре соблюдалось ничем ненарушимое, в полном смысле слова, общежительное житие.

В такой-то школе воспитывался и Феодор; здесь изучил он монашескую азбуку: терпение, строгость к себе, безусловное послушание. Вместе с другими он исполнял, после долгой церковной службы, разные послушания, в которых и настоятель принимал участие: рубил дрова, топил печи, готовил на кухне, пек хлебы, мел полы. В начале его службы в Санаксаре ему из мира тщетно делали еще предложения вернуться: звали на службу, сватали богатых невест. Один год Феодор прожил недалеко от пустыни в полном уединении, что указывает уже на высокое состояние, достигнутое им тогда, потому что о. Феодор не легко благословлял на него своих учеников. Во время жизни в Санаксаре Феодор познакомился со святителем Тихоном Задонским, который приглашал его даже остаться в Задонске.

В 1774 г. Феодор Санаксарский, по злобе людей на нелицеприятие его и заступничество за обижаемых крестьян, был сослан в Соловецкий монастырь. Большая часть учеников его тогда

разошлась по другим обителям. В числе их и Феодор Соколов перешел, после трехлетней жизни в Санаксаре, во Введенскую Островскую (близ г. Покрова, Владимирской губ.) пустынь и здесь находился под руководством настоятеля о. Клеопы, который был постриженник афонский и долго упражнялся там в высшем молитвенном делании с о. Паисием Величковским. Перейдя в Россию и, после некоторого времени, назначенный во Введенскую пустынь, о. Клеопа ввел в ней общежительный афонский устав, чинную службу. Сам он проводил жизнь в постоянной молитве и богомыслии, братиею же управлял любовью кроткою и прощающею; заботился не столько об упражнении ее в суровых постах и трудах, сколько о водворении смирения, незлобия, миролюбия. И здесь, у такого наставника, дополнено было иноческое воспитание Феодора и, уже привыкший в Санаксаре к суровому долгу иноческому, здесь научился он высшим добродетелям: чистоте помыслов, духу любви и смирения. Между тем рассказы о. Клеопы возбудили в молодом послушнике сильное желание видеть Афон и наставиться у старца Паисия. В 1777 г. Феодор отправился в Молдавию вместе с молдавскими иноками, возвращавшимися в свой монастырь. Он надеялся побывать на Афоне, в Палестине и затем поселиться у старца Паисия, но когда он пришел в Молдовлахию, в Тисманский монастырь, игумен Феодосий удержал его и немедленно постриг с именем Феофана. Тогда Феодору было 25 лет.

Тисманская обитель, совершенно удаленная от мира, процветала под управлением игумена Феодосия, старца замечательного. Этот старец был, вместе с Паисием Величковским, учеником схимонаха Василия, общего старца молдовлахийских иноков. Находясь в ближайшем общении с о. Паисием, он получил от него его переводы отеческих писаний. Под руководством этого старца, ведшего своих учеников к высоким степеням внутренней духовной жизни, и завершилось окончательно монашеское воспитание о. Феофана. Когда, после Кучук-Кай-Нарджийского мира, вследствие турецких притеснений, жизнь в Тисмане стала невозможною, игумен с братиею решил вернуться в Россию. Среди братии монастыря находился Потемкин, родственник русского вельможи, князя Потемкина. Одиннадцати лет от роду он бежал из родного дома и, скрывая свое происхождение, жил в монастыре, исполняя самые грубые работы. Он знал семь языков. Ему-то и предложил настоятель ехать в Россию и просить о переведении Тисманского монастыря в Россию. Но скрываясь еще, о. Анастасий (Потемкин) выбрал себе в спутники о. Феофана, которому были поручены написанные Анастасием письма к его родственникам, а сам Анастасий, сопровождал о. Феофана в виде кучера. Наконец, на родине Анастасия, в родительском доме, узнали давно оплакиваемого сына, и ликованию среди родственного съезда, собравшегося по этому случаю, не было конца. В 1779 г. в Петербурге, куда проехал из дому Анастасий, было определено: назначить для пребывания игумена Феодосия с тисманскою братиею Молчанскую Софрониеву пустынь (Курской губернии). В этой пустыни о. Феофан прожил среди того же быта еще полтора года. А затем он был, не смотря на свое нежелание, вызван в Александро-Невскую лавру, где нуждались в хороших монахах; он просился даже в миссию в Пекин, чтобы избегнуть этого назначения, но просьбу его не уважили.

В 1782 г. о. Феофан прибыл в Петербург и, предавшись воле Божией, стал с усердием проходить возлагаемые на него послушания. Будучи ключником, он сберег половину тратившихся до него припасов. Его спокойная рассудительность, распорядительность и кротость обратили на него внимание митрополита Гавриила, который взял его в келейники и приблизил его к себе, так что все десять лет службы своей о. Феофан пользовался его неограниченным доверием.

Митрополит Гавриил, человек большого ума и образованности, строгий подвижник, великий милостивец, был самоотверженно предан православию и смело говорил всем правду. Постоянно опасаясь за ревность к Церкви опалы, он, отправляясь во дворец или в Синод,

всегда клал несколько земных поклонов пред иконою и говорил: "Дай Бог, чтобы сегодняшний день так прошел". Когда о. Феофан предлагал ему улучшить скудную митрополичью трапезу, он говорил: "Надо привыкать; может быть, со временем, и этого не будет". Так и случилось. За несколько месяцев до смерти митрополит был уволен императором Павлом без пенсии. Митрополит Гавриил не вкушал пищи до 3 часов, в те дни когда служил; плакал, терзался, когда кого-нибудь считал обиженным собою; у него было положено по 50 руб. в день на милостыню, кроме того он раздавал 300 руб. в месяц в тюрьмах. Эту милостыню заведывал о. Феофан. Однажды митрополиту донесли, что келейник ежедневно устраивает для кого-то обеды. Оказалось, действительно, что о. Феофан устраивает трапезу для неимеющих дневного пропитания. С этой поры митрополит стал еще более доверять своему келейнику.

Но не хозяйственные поручения составляли главную часть службы о. Феофана. Когда митрополит близко узнал его, он стал во многих делах спрашивать его совета, поручал ему секретные дела, в особенности же сделал его помощником своим в трудах по устройению и обновлению монастырей, большинство которых, после введения штатов, находилось тогда в самом печальном состоянии. Во-первых, они были лишены средств к существованию, так как обеспечение недвижимую собственностью, которая постепенно составила у обителей из пожертвований разных лиц на помин души и по усердию, было отобрано Екатериною Вторую в казну; во-вторых, настоятелями назначались ученые монахи, большею частью из Киевской академии, которые, проходя в то же время должности учебно-воспитательные, не имели времени заниматься монастырями, и, не получив сами иноческого воспитания, не могли иметь влияния на братию.

Ревнуя о восстановлении падавшего монашества, служа сам примером иночества, издав в поучение иноков такой ценный памятник, как перевод на русский язык "Добротолубия", митрополит искал духовных старцев, которые могли бы посвятить себя самоотверженно делу внешнего и внутреннего обновления обителей. Зная многих замечательных иноков, о. Феофан указывал на них митрополиту, и таким образом были вызваны — знаменитый Саровский подвижник Назарий, обновивший Валаам, Игнатий — первый архимандрит из неученых, назначенный в знаменитый Тихвин и восстановивший его и вслед затем блистательно воссоздавший древнюю, славную Симонову (Московскую) обитель, которая раньше была обращена в казарму кавалерийского полка!.. Макарий — в Песношский монастырь. Был приведен в порядок Клопский (Новгородский монастырь). Наконец, митрополит назначил о. Феофана строителем Моденского монастыря, где он привел в порядок старые и выстроил новые здания, завел чинное богослужение и порядок в жизни братии, так что, по слухам о настоятеле, стало приходиться в монастырь много новых иноков.

В 1793 г. белозерские жители донесли митрополиту о крайнем упадке древней обители преп. Кирилла Новоезерского и просили назначить опытного настоятеля; митрополит выбрал о. Феофана.

До кончины митрополита его доверие принадлежало о. Феофану в полной степени. В письмах своих он спрашивал у о. Феофана советов, и игумен часто уезжал в Петербург.

Обитель, расположенная на небольшом острове, на озере Новом, была в крайнем запущении. Братии было десять человек, постриженных двое; богослужение отправлял наемный священник, из белого духовенства, скудость была полная, здания падали. За время тридцатилетнего управления о. Феофана обитель преобразилась. Обновив дух иноческий, о. Феофан собрал многочисленную братию; заведя чинную службу, привлек богомольцев, возбудил усердие к обители и богатые жертвы. Он обновил и величественно расширил собор, выстроил почти вновь две церкви, воздвиг колокольню, возвел двухэтажные здания келлий и обвел остров на протяжении 250 сажень каменною с башнями оградю, выстроенною на сваях,

вбитых в воду, соединил монастырь с ближайшим островом мостом в 140 сажен.

Значительны были труды его и по внутреннему устройению обители. Он ввел в ней общежитие, строгий чин богослужений, торжественное отправление служб, столповое пение, непрерывное чтение псалтири, постоянные занятия для братии.

Для удобства наблюдения за жизнью иноков, о. Феофан установил жилья в три келлии, чтоб новоначальные находились под присмотром старших. Больше всего старался он управлять посредством убеждения, и поучал братию и наедине, и в полном собрании, после трапезы. Он не любил обличать в лицо, но, заметив недостаток инока, говорил о том в виде общего наставления братии. Его простые, дышавшие убеждением и кротостью поучения, производили неотразимое впечатление.

Но сильнее всего действовал его пример. Он не пропускал ни одной службы, исполнял с братиею все послушания, работал на полях, ел в трапезе, носил самую бедную одежду и не имел имущества. При таком управлении старца число иночествующих быстро возросло до 80 человек. Но не на иноков только Новоезерских имел влияние о. Феофан. Назначенный благочинным нескольких монастырей, он заботился об их духовном преуспейнии, особенно же плодотворны были его заботы о Горицкой женской обители, которая находилась под управлением опытной и благочестивой игумении Маврикии и в которой он бывал несколько раз в год. Приезжая в монастырь, он подолгу, после службы, беседовал с инокинями. Некоторые из бесед ими записаны. Особенно настаивал он на снискании добродетели смирения; о внешних аскетических подвигах, в применении их к Горицкой обители, где были инокини разного звания, о. Феофан держался мнения, что они должны быть применяемы по мере сил и со вниманием к прежним привычкам инокинь.

Кроме иноков, к о. Феофану обращалось много мирских лиц. Он принимал всякого; наставления его имели то свойство, что как будто бы служили поучением скорее самому о. Феофану, чем его собеседнику; и беседу свою старец доводил его до того, что собеседник высказывал сам нужную для себя истину, а о. Феофан служил возбудителем в нем душевной теплоты. Если приезжие желали, о. Феофан по глубокому смирению своему, приходил по их зову в гостиницу; когда же посетитель уходил от него, он всякого провожал до сеней и на крыльцо. Многие объясняли ему свое положение в письмах, на которые он отвечал с заботливостью; особенно замечательны письма его к мирским лицам, которые впоследствии стали монахинями горицкими; в них о. Феофан поддерживал первые проявления религиозной ревности, которая впоследствии проявлялась в пламенном чувстве воодушевления. Лиц, живущих в миру, предостерегал от пристрастия к мирским обычаям, объясняя их вред, и внушал верность к Церкви.

Слух о трудах о. Феофана дошел и до Петербурга. Государь Александр I пожаловал ему митру и наперсный крест и, по его ходатайству, увеличил штат Новоезерского монастыря. В 1828 г. о. Феофан сильно ослабел, в праздник Рождества собрал все силы, пришел в трапезу и сказал братии наставление, прося молиться, чтоб ему мирно отойти. Он написал завещание, в котором просит сохранять введенный им устав, и распорядился несколькими рясами и несколькими книгами — единственное, что он имел, и затем просил уволить его на покой.

Назначенный, по его указанию, преемником ему игумен во всем повиновался ему, но о. Феофан вел себя по отношению к нему, как к начальнику. Он еще строже стал исполнять свои прямые обязанности; посещая без пропуска службы церковные, никогда не садился в храме.

В конце 1832 г. о. Феофан посетил в последний раз Горицкий монастырь, и беседа его отличалась тою ясностью и спокойствием, которые отличают подвижников при конце их пути.

Он вернулся домой больной, и 3 декабря 1832 г. на 81-м году жизни после причастия и елеосвящения, тихо преставился, в присутствии лишь одного келейника своего, произнося имя Господа Иисуса Христа.

При погребении его было громадное стечение народа. Над его могилою в соборной церкви лежит гранитная плита, и пред осеняющею место его успокоения иконою Богоматери горит неугасимая лампада.

Игуменья Феофания (Готовцева), основательница С.-Петербургского Воскресенского женского монастыря

I. Мир и монастырь.

Честнейшая мать Феофания (в миру Александра Сергеевна Шулепникова, в замужестве за генералом Готовцевым), родилась в 1787 г., 15 февраля — Костромской губ., Солигаличского уезда, в сельце Трескове. Отец ее, Сергей Афанасьевич, происходивший из древнего боярского рода, и выборный от костромского дворянства в комиссию Наказа, был кроткий человек, требовательный лишь в исполнении религиозных обязанностей. Жена его Доминика Ивановна (дочь Вологодского воеводы Белкина) была превосходная хозяйка, славилась красотой и даром слова. Ежедневно в особом флигеле раздавала она нищим пищу, а в праздники устраивала им обеды во дворе. Семьи небогатых дворян считали ее своею матерью.

Ясным лучом промелькнуло счастливое детство девочки среди приволья многочисленной и богатой семьи. У нее было четыре брата и семь сестер.

На одиннадцатом году ее отвезли в Смольный институт, в Петербурге, где оканчивала курс ее старшая сестра, Анна Сергеевна. Но так как она не попала по баллотировке, и, кроме того, заболела от тоски по дому, ее поспешили отправить назад. Ликование охватило всю усадьбу при крике: "Барышня приехала" — и больной отец, бегом выбежавший к ней, обнимая свою любимицу, говорил: "Теперь не расстанусь с тобою до моей смерти". С тех пор отец и дочь стали неразлучны. Когда Анна Сергеевна, по окончании курса, вернулась домой, она занялась образованием младшей сестры.

Девочка училась хорошо и была крайне деятельного нрава; больше всего она любила оказывать услуги другим; она близко знала всякое лицо из многочисленной дворни, и сама изучила на деле всякое ремесло и рукоделие, и даже перепробовала, несмотря на запрет матери, черные работы.

Шулепников прожил недолго. По его смерти девочка четырнадцати лет поступила в Екатерининский институт в Петербурге. Сперва она страшно тосковала и была рассеянна, но потом нежная забота начальницы Брейткопф смягчила ее детскую грудь, и она стала лучшею ученицею; не любила только немецкий язык: в рисовании же и рукодельях выказывала особые успехи. В 1805 г. Александра Сергеевна была выпущена из института, с золотым шифром Государыни Императрицы Марии Феодоровны^[4]. С первого представления, еще девочкой, Императрица полюбила ее, и требовала ее к себе при всяком посещении, лаская ее, как мать. Прощаясь с нею, Государыня обещала ей навсегда свое благоволение, приказала при всяком удобном случае являться к ней, и при надобности прямо прибегать к ее покровительству.

Недолго пожила Александра Сергеевна у матери, которая вскоре по возвращении ее домой скончалась; чрез полтора года умерла и родная замужняя сестра ее Екатерина Сергеевна

Шилова^[5], к которой вместе с сестрой Анной Сергеевной переехала Александра Сергеевна по кончине матери.

Тогда сестры поселились в своей деревне Костромского уезда.

В начале 1809 г. Александра Сергеевна в Петербурге обвенчана с генералом Готовцевым, который, будучи в отпуску в деревне, познакомился там с нею и сделал там же предложение. На другой день свадьбы Готовцев получил приказ идти с полком в Швецию, на помощь фельдмаршалу Каменскому. Шесть недель только провел он с молодою женой, много выезжая в свет, что занимало ее, и окружая ее блеском, почестями и любовью. С отъезда мужа она погрузилась в книги и военные карты и, собирая самые быстрые и верные сведения, следила за всяким переходом генерала. Вскоре генерал прислал к жене фельдфебеля, с приглашением приехать к нему в виду скорого окончания войны.

Великие препятствия приходилось преодолевать русским войскам, идя без проводников по дремучим лесам, скалам, льдам, болотам — во вьюгу и мороз, без пищи — так что шведы не хотели верить некоторым переходам, считая их невозможными. Всю жизнь потом мать Феофания с восторгом любила рассказывать о подвигах русских в эту войну, о которых ей рассказывали сподвижники ее мужа, и говорила, что недостойное равнодушие современников и потомства окружает деятелей этой войны.

В деле при Севаре небольшая русская армия атаковала многочисленнейших шведов. Генерал Готовцев лично повел свой Азовский Мушкетерский полк в штыки и опрокинул неприятеля, но сражен был шведскою пулею. До последних сил не покидал он поля сражения, и, наконец, был вынесен солдатами на плаще, и в тот же день 8 августа 1809 г. умер.

Накануне отъезда Александры Сергеевны в Швецию к мужу, было получено донесение графа Каменского:

"Мы лишились храброго генерала Готовцева".

Государь изъявил Августейшей Матери своею желание облегчить участь вдовы, а Императрица Мать послала к ней г-жу Брейткопф, чтоб с осторожностью сообщить роковую весть. Забота о той жизни, которую носила она в себе, принудила Александру Сергеевну подавить возможно скорее порывы неутешного горя. Мужа она просила похоронить там, где он убит — и, по желанию ее, генерал Готовцев, со смертью которого окончилась война, похоронен под Торнео — где теперь русская граница. По повелению Государя, военный министр препроводил к вдове Высочайший рескрипт, которому не успел порадоваться ее муж — за сражение при Кирко-Шкелефта.

8 ноября 1809 г. у г-жи Готовцевой родилась дочь. Крестила ее в Зимнем Дворце вдовствующая Императрица.

В своем и без того грустном положении Александре Сергеевне пришлось вынести разные клеветы. Тогда она явилась однажды на бал с младенцем на руках. Ее спокойствие, величие и честные синие глаза обезоружили всех, и на другой день весь город поехал к ней для выражения почтительных чувств. Где ни появлялась молодая вдова, — ее красота и прелесть, исключительное положение и ореол несчастья — возбуждали к ней общее внимание, и много было сделано ей брачных предложений — всем она отказывала.

Однажды Александра Сергеевна с дочерью посетила в Кирило-Новоезерском монастыре известного старца архимандрита Феофана. Благословляя ребенка, он молвил: "Таковых есть

царство небесное". Девочка после того жила недолго, и скончалась после кратковременной болезни.

Мать оцепенела от горя; опомнившись же, она, протянув руки над трупом дочери, несмотря на уговоры священника, произнесла обет идти в монастырь.

Несколько лет прошло в колебаниях, трудно было отказаться от привычных условий жизни. Приходилось выезжать в свет; между прочим, Александра Сергеевна ездила в Ярославль, для свидания с расположенной к ней издавна великой княгиней Екатериной Павловной, которая передала ей желание вдовствующей Императрицы поручить ей один из петербургских институтов. Это предложение Александра Сергеевна отклонила. В трудные минуты уныния Александра Сергеевна находила утешение в письмах о. Феофана.

В 1817 г., в начале ноября, она ночью спешила на быстрой тройке превосходных своих рысаков, на именины к невестке. Зная любовь барыни к быстрой езде, кучер гнал, и на реке, обгоняя обоз, взял в сторону; лед не выдержал, лошади с повозкой провалились. Александра Сергеевна, в тяжелой шубе и с муфтой — еле могла вытащить уж под водой одну руку и просунуть над водой два пальца, что и спасло ее. Обозные извлекли ее из воды. Проведя всю ночь в мерзлом белье, она, и приехав домой, не приняла никаких мер. Погибая в реке, она говорила: "Если теперь Ты спасешь меня — я пойду непременно в монастырь". А, вступив на сушу, сказала себе: "Если Тебе угодно, чтоб я была в монастыре, пусть это потопление обойдется без болезни". "Страшно вспомнить, — говорила потом мать Феофания, — мое тогдашнее малодушие". Никакой болезни не последовало. Тогда Александра Сергеевна стала делать тайные приготовления к поступлению в монастырь. Имение свое она передала родным с тем, чтоб ей выплачивалось известное содержание; ближе присмотревшись к монашеству и вдумавшись в основы его, она рассталась со своими прежними против него предубеждениями. Сестру свою Анну Сергеевну, жившую с нею неразлучно, младшая сестра уговаривала ехать с собою, но та не могла сразу согласиться на такую перемену.

В Великом посту 1818 г., простившись со своею усадьбою и отправив в Горицкий монастырь в ящиках множество церковных облачений и утвари, Александра Сергеевна выехала туда под предлогом говения, а на Пасхе было получено домашними письмо, объявлявшее о вступлении ее в монахини. С барыней была одна только молоденькая горничная, которая по утрам, в день Благовещения, убрала ее, как всегда, проводила до игумении, а чрез некоторое время генеральша вернулась к ней в монашеском платье. Горничная, увидев одеяние это и грубость холста, новины, выростковых башмаков и уродливой шапки, зарыдала, оплакивая умершую барыню. Впоследствии она сама постриглась и находилась при матери Феофании до смерти.

Через семь месяцев, свыкшись уже с монастырем, Александра Сергеевна неожиданно приехала в деревню, со всеми простилась, выбрала вещи, пригодные для жертвы на обитель и назначила мастеровых для постройки келлии. Скоро ее келлия была готова, и она поселилась в ней. Из преданности своей госпоже, 12 женщин посвятили себя Богу. В день рождения отца своего, 16 сентября 1818 г., Александра Сергеевна Готовцева пострижена в рясофор, с именем Феофании, старцем Феофаном, руководству которого она себя поручила.

Начался путь прискорбный, тяжелый — путь смирения, отречения от воли, понуждения, — путь монашеского воспитания. Этот путь мать Феофания прошла вполне и без всяких послаблений.

Игуменьей в то время была замечательная старица Маврикия. Она, при великой твердости и опытности, имела особый дар управления; подвижническая жизнь и мудрость ее привлекали в монастырь ее много монахинь, и, приняв его с 60 инокинями, она, после 40-летнего

управления, постригаясь в схиму, передала его преемнице своей с 600 сестер. На этот строго общежительный монастырь и указал духовной своей дочери о. Феофан, который был постоянным его руководителем.

Приучая ее к смирению, игуменья брала с собою мать Феофанию при разъездах, и она должна была, подъехав к домам, исполнять служительские обязанности — спрашивать, принимают ли хозяева. Для научения правильному церковнославянскому чтению и выговору, ее поручили старице грубого обращения, строго выговаривавшей ей за каждую ошибку. Трудно было привыкать ей к постоянной пище отшельниц — щам с сырой капустою на зеленом постном масле и гороху. Однажды, изнемогая от этой пищи, мать Феофания собралась после ранней обедни пить чай, как вошла игуменья и сказала: "Вы не так еще молоды и слабы, чтоб давать себе такое послабление". Любимым послушанием матери Феофании было чтение в церкви, которое исполняла она замечательно. "Словно каждому слова раздает", говорили монахини. "Пойдем в церковь; сегодня Готовцева будет читать" — говорили миряне. Она имела надзор за пением и чтением и была сама, как живое правило и устав. Подвиги ее были неустанны. Она не пропускала ни одной церковной службы; на правиле читала со слезами; чреду зауспокойной псалтири отправляла ночью, заменяя других. Работала на пекарне, копала огороды, носила в ушатах воду из реки на трапезу. Кроме того, она завела в монастыре и поддерживала рукоделья — ковровое, золотошвейное и живописное. И, провидя духовную высоту, которой может достичь Феофания, игуменья продолжала смирать вольную чернорабочую послушницу. Прежние названия — дворянки, превосходительной, француженки — были забыты, и в монастыре звали Феофанию "Монастырский Златоуст" — или — "наша Белокаменная".

Однажды к воротам монастыря подъехала карета, из нее вышла Анна Сергеевна и спросила у привратницы, может ли она видеть г-жу Готовцеву. В это время мать Феофания с другой послушницею подымалась в гору с ушатом воды. Привратница молча указала на нее рукою. Анна Сергеевна, принимая ее за работницу, подошла к ней. В эту минуту Феофания подняла глаза и бросилась в объятия сестры. Анна Сергеевна приехала к ней, чтоб разделить ее судьбу. Приняв пострижение с именем Маврикии и затем схиму, она явила в себе удивительный пример отвержения всего земного. Полная противоположность неутомимой, деятельной, любознательной, хозяйственной матери Феофании, она тяготилась всеми внешними заботами; деньги свои она поручала сестре, и, раздавая скоро все бедным, просила "вперед". Однажды, в церкви к ней прибежали сказать, что ее келлия горит. "Когда все кончится, сказала она, не смущаясь, придите мне сказать". Пребывая в молитвенном состоянии и занимаясь вышиванием параманов и схим для монашествующих, она достигла глубокой старости. Кроме Анны Сергеевны, еще три родственницы последовали примеру матери Феофании.

После пятилетнего пребывания в монастыре Господь послал матери Феофании великую отраду — спостницу, собеседницу и сомолитвенницу, с которою она прожила душа в душу до самой смерти.

Воспитанница графини Анны Орловой-Чесменской, Мария Крымова — с ранних лет тосковала по Боге и отдавалась тайной молитве. Посещения с графиней старцев-подвижников еще сильнее вкоренили в душе ее благое семя. Красавица, прекрасно образованная, она страшно скучала при блестящих выездах и приемах, куда являлась с графинею; божественная ревность жгла ее, и ни насмешки, ни препятствия не могли поколебать ее сердца, издавна предавшегося Богу. После пятилетних настояний, она в 1824 г. вступила в Горицкий монастырь, славившийся строгостью и духовными старицами. Она казалась там ангелом, слетевшим с неба. По брошенному жребью, она была отдана в научение матери Феофании, и ее духовная жажда нашла себе исход в подвигах.

Имея прекрасное контральто, она была определена на клирос; кроме того, подавала кушанье

на трапезе, и, с матерью Феофаниею, месила квашню в хлебной и носила щебень к стройке собора. Вскоре она была пострижена с именем Варсонофии. Ее постигла болезнь ног, не оставлявшая ее до смерти. Тогда ее послушание было заменено перепискою святоотеческих книг. Душа ее была невинна, как у младенца, и не знала она зла в людях. Все, получаемое от графини Орловой, она отдавала обители; лакомств не ела, но собирала их про запас в шкаф и оделяла детей, которые были ее друзьями. Милостыни ее были велики и трогательны. Всю жизнь неотлучно находясь при матери Феофании, она была ей верным другом и помощницею, как мать Феофания была ей твердою опорою.

В 1823 г. мать Феофания сопровождала игумению в Петербург. Здесь она представлялась членам царской семьи и в последний раз видела императрицу Марию Феодоровну, которая опять предлагала матери Феофании занять место начальницы Екатерининского института, не снимая монашеского сана. В 1835 г. мать Феофания с матерью Варсонофией ездили в Воронеж и Задонск на богомолье; в этих городах они видели преосв. Антония и затворника Георгия. Оба называли мать Феофанию игумениею.

Назначенная ризницею, мать Феофания обогатила ризницу многими превосходными облачениями, изготовленными трудами сестер, под ее присмотром.

Кроме того, обучившись сама у иконописца живописи масляными красками и вслед затем обучив ей своих келейниц, мать Феофания расписала иконостас в одном из монастырских храмов, посылала также образа в Петербург и на вырученные деньги украшала ризницу.

Поступив в монастырь, мать Феофания отказалась от состояния, но желала сохранить пенсию за заслуги мужа, которую она расходовала на помощь монастырю и на милостыню. В 1836 г. она обратилась к Государю Николаю Павловичу с ходатайством сохранить ей пенсию по пострижении, на что и последовало соизволение.

8 ноября 1837 г. в день рождения дочери своей, мать Феофания пострижена в мантию.

Как старая ветвь со множеством веток, которую нельзя без боли отнять от дерева — срослась мать Феофания с Горицким монастырем. Высокий пример и постоянная ревность в жизни воодушевляли сестер; ее поучительные речи, исполненные глубокой веры, теплоты и твердости, вразумляли их, а высокое обаяние, веявшее от ее цельной прекрасной личности, составляло отраду и утешение монастыря, который гордился матерью Феофаниею. Тут, в благословенном уединении, она надеялась окончить свои дни, а между тем Господь судил иначе.

Данными ей от Бога дарами должна была она послужить сложному, тяжкому и святому делу. Для этого дела трудно было отыскать более подходящую инокиню. Ее неутомимая деятельность, твердость воли, жизненная опытность, умение обращаться с людьми, до всего доходившая распорядительность, презрение к себе, аскетическое понимание, нравственная выносливость и способность переносить самые жестокие обстоятельства, наконец, ее доброжелательная природа и та глубокая любовь и доверие, которые она вселяла во всех соприкасавшихся с нею, — все эти качества, помимо еще ее искреннего благочестия и духовной славы, окружавшей ее имя — указывали на нее как на превосходную настоятельницу. Еще в первые годы ее пребывания в Горицком монастыре арх. Феофан видел во сне невыразимо прекрасное место, и на нем много обителей, которые ему называли по имени. "А эти кто, незнакомые мне?" — спросил он. "Это Петербургские", был ответ. Тогда не могли понять этого предзнаменования.

В 1845 году Император Николай Павлович повелел восстановить Петербургскую женскую

обитель, основанную в 1744 г. Императрицею Елисаветою Петровною и обращенною Екатериною II в воспитательное общество благородных девиц (носящее и поныне название Смольного Монастыря). В настоятельницы несуществующего еще монастыря митрополит петербургский Антоний представил мать Феофанию, как хорошо известную ему инокиню "отлично хороших качеств, ревностную в богослужении, неутомимую в трудах и послушаниях, примерную в житии и кротости нрава".

Предварительно был послан в Горицкий монастырь викарий, чтоб лично видеть мать Феофанию здоровою и действующею, чтоб отрезать ей путь ко всем отговоркам на слабость и нездоровье.

Вечером в день отъезда архиерея был получен указ, которым строжайше предписывалось матери Феофании немедленно прибыть в Петербург.

Невозможно описать горя Феофании и общего смятения, плача и рыданий, поднявшихся в монастыре. В эти последние дни открылись многие благодеяния матерей Феофании и Варсонофии: как, под видом посылок из дому, посылали они гостинцы новоначальным, скучавшим по дому. Припомнили, как по весне келейницы увидели на чердаке, что в беличьей шубке матери Феофании поселился рой пчел и из рукава устроили улей. Все припомнили, каждую вещь Феофании оплакали.

Феофания еле могла собрать деньги на проезд. С нею ехали Варсонофия и еще две монахини. Никто не спал в ночь перед отъездом. Когда в последний раз простясь земным поклоном с сестрами, мать Феофания села в экипаж и скрылась из глаз, сестрам казалось, что солнце померкло. Схимница Маврикия от горя согнулась и состарилась; она не могла выйти на провожанье сестры, ради которой оставила мир и с которою расставалась на веки. Игумению держали под руки; от потрясения у нее иссякли слезы; она почернела от глубокой гнетущей скорби.

Так провожал сокровище свое Горицкий монастырь, принявший около тридцати лет назад молодую, богатую и знатную женщину, уезжавшую теперь, по чужой воле, смиренною, убогою старицею. И в те годы, когда время было думать об успокоении в обители, ставшей ей родною — вышла она во всеоружии света в холодный, безответный и гордый город. В такие годы подняла она на плечи тяжелый крест, и несла его до конца, сгибаясь, но не падая никогда под невыносимым почти бременем — и доказала она, что может совершить во славу Божию беззаветная вера и горячая ревность.

II. Настоятельство.

Приехав в Петербург, мать Феофания с Горицкими сестрами остановилась в пустой квартире своего брата. Деньги все вышли, и они питались сухарями с чаем.

Явившись к митрополиту, мать Феофания слезно умоляла отпустить ее; митрополит же увещевал ее претерпеть до конца, приказал выписать двадцать монахинь из Горицкого монастыря и переселиться в казенный дом, на Васильевском острове, у церкви Благовещенья, при которой монастырь должен был устроиться. Не считая себя в силах понести такое иго, мать Феофания написала о всех обстоятельствах старцам-подвижникам в разных концах России, — но отовсюду получила один и тот же ответ — принять назначение, как волю Божию.

Переехав в большой четырехэтажный дом, пришлось терпеть нищету — в доме не было решительно ничего — ни мебели, ни припасов. Не на что было купить дров для варки пищи; в мелочной лавке брали в долг. Все четыре монахини были слабого здоровья, а прислуги не было. Одна добрая женщина вызвалась помочь трудами. Впоследствии мать Феофания

говорила: "Никогда не забуду, что в богатом Петербурге первая монастырю оказала помощь и благодеяние бедная женщина".

Между тем, после трехнедельного плавания на лодке, прибыли двадцать выписанных из Горицы монахинь, и, увидя, на что они приехали, подняли такой плач, что мать Феофания не знала, как их утешить. Наконец, приехал митрополит взглянуть на учреждаемый монастырь, и, увидев положение сестер, умилился и прослезился. Он расспросил их о всем нужном, и прислал для каждой кровать, комод, шкаф, столик, стул, тюфяк и белое шерстяное одеяло, что казалось сестрам роскошью; кроме того прислал воз муки, рыбы, постного масла, меда и посуды; хотел прислать зеркала; мать Феофания сказала на это: "Владыка, зеркала нам не нужны. Не пожалуете ли нам вместо них корову? сестер нечем кормить, так хоть молочком когда потешить". С тех пор престарелый митрополит приезжал часто и наставлял сестер, называя себя благочинным монастыря.

28 октября было назначено поставление матери Феофании во игумении. Служил митрополит, на клиросе пели шесть монахинь, из коих две новые, и пели умирительно, так что молящиеся пришли в восторженное состояние. С великим благоговением, точно возносясь умом к небу, стояла матушка, с трепетом ожидая принять власть — вести и отдать отчет Богу за вверенное стадо. Когда, по выходе с Евангелием, иподиаконы взяли ее под руки, у нее из глаз, как крупные жемчужины, полились слезы на грудь, и когда была прочитана молитва рукоположения, ее лицо просветилось.

С тех пор и начинается существование Петербургского женского монастыря, который был матерью Феофаниею поставлен на строгих началах общежития. Для матери Феофании началась трудовая вдвойне жизнь; сохраняя обязанности инокини, она должна была управлять, изыскивать средства к жизни, сноситься со всеми ведомствами, за всех отвечать и руководить внешним и духовным бытом сестер.

Штат сестер был определен в 70 человек, и на каждую отпускалось казною 20 руб. в год ассигнациями. Земель, как у загородных монастырей, которые могут стоять и собирать хлеб, не было. Были некоторые доходы от церковных домов и продажи рукоделий; остальное надо было собирать милостынею. Монахиням было тяжело, что прихожане церкви Благовещения были раздражены тем, что приходится расстаться с родным храмом; некоторые даже уносили к себе домой пожертвованные раньше иконы; в первое время на монахинь иные показывали пальцами. Все это их очень смущало.

Большое утешение послал Бог монастырю в лице престарелого священника Василия Дубягского, который, по личному выбору митрополита, из села был назначен духовником сестер. Полный благоговения, усердия и теплой веры, он был живым примером для сестер. В продолжение девяти лет неопустительно и ежедневно совершал он все службы; войдя в алтарь в четыре часа, к заутрене, часто выходил он из него после поздней обедни; он имел особую ревность о поминовении покойников, и служивал панихиды и молебны один; его незлобие и смирение изумляли окружающих. Исповедь у него оставляла неотразимое впечатление. Он скончался прекрасною смертью в Великий четверг, за час до того исповедавав, лежа на смертном одре, одну духовную дочь.

При приеме новых сестер мать Феофания соблюдала большую осторожность. Особенно огорчали ее те, которые приходили проситься с рекомендательными письмами знатных лиц. Всем, вообще, она объясняла тяжесть монастырской жизни, трудность отсечения воли, и тем предохраняла от необдуманного шага тех, которые идут в монастырь не по влечению, а чтобы скрыться от приключившейся неудачи, или найти бездеятельность и покой, а потом, не вынося подвижнической жизни, выходят и клеветают на монастырь. Особенно опасалась она за

дворянок, по опыту зная все трудности, и говорила, что дворянство надо оставлять за воротами, и, хотя бы средства были, — трудиться наравне с другими. Вступавших сестер матушка помещала под начало опытным.

От всех мать Феофания требовала чинности, точного положения крестного знамени, неспешного и благообразного отправления службы, пения и чтения. Еженедельно в воскресенье, за час до обедни, все сестры собирались в церковь, и игуменья, прочтя канон Св. Троице и акафист Иисусу Христу, говорила сестрам наставления о монашеском житии. Заливаясь слезами, она кланялась им в ноги, умоляя жить хорошо, наставляла и по одиночке, в своей келлии. В церковь мать Феофания приходила первая, уходя после всех.

Обиход монастыря был налажен; стали уже появляться некоторые пожертвования, как вдруг разнесся слух, что монастырь переносят на другое место. От огорчения мать Феофания заболела, но должна была ехать к Московской заставе, осмотреть назначенное место. То был пустырь, состоявший из песков и болота, небольшого овсяного поля и рожицы; жилищ не было; а место это служило притоном мошенников и праздношатающихся. Между тем, не назначая никаких средств, сюда велено было перенести монастырь.

В это тяжелое время совершенно невозможных, по человечеству, обстоятельств, скончалась благотворительница монастыря, графиня Орлова-Чесменская, на щедрую помощь которой, при жизни ее, можно бы было опереться — оставив монастырю лишь неприкосновенный небольшой капитал, 10,000 р. В то же время, поручив обитель заступлению Царицы Небесной, скончался митрополит Антоний.

Игуменья была послана Высочайше утвержденный план построек, который она обливала слезами. На ее вопрос, на что строить, когда требуется, по меньшей мере, миллион — ей отвечали, что это уж не ее дело, а дело архитектуры и комиссии строить по плану.

Для начала поселили на отведенном месте, в маленькой часовне — странницу и сборщицу Дарьюшку; однажды к часовне подъехал генерал, и Дарьюшка в простоте сердца рассказала ему, как убивается игуменья над неисполнимым приказом и как стеснен весь монастырь. Генерал этот, как оказалось, был обер-прокурор Синода, граф Протасов. По его представлении, государь повелел ежегодно отпускать по 25,000 р., пока не будут выстроены два корпуса для келлий и домашняя церковь, но все дальнейшее возлагалось на игуменью. Кроме того, игуменья обязывалась подпискою не посылать сборщиц.

Строительная комиссия Министерства путей сообщения действовала недобросовестно и в ущерб монастырю. Много слез пролила игуменья, видя плохую стройку корпусов и непроизводительные чрезмерные расходы; наконец, когда комиссия ассигновала пять тысяч на пустой мостик, игуменья обратилась лично к государю, умоляя отстранить комиссии, поручив дело ей одной. Государь соизволил, сказав ей при этом: "Я сам буду вашим инженером". Встретив потом мать Феофанию на юбилее Екатерининского института, — государь спросил ее: "Не сердитесь ли вы на меня, что я перевожу ваш монастырь на другое место?"

Еще прежде корпусов, матушка приступила к возведению деревянного храма. Для того она взяла в долг леса у лесного промышленника Громова. Время уплаты пришло; денег не было. Видя глубокую скорбь и слезы игуменьи, мать Варсонофия взяла счета и со стесненным сердцем поехала просить у Громова отсрочки. Выслушав ее, Громов разорвал счета.

3 ноября 1849 г. совершилась, в присутствии государя, закладка монастыря. Но до переселения в него монахинь было далеко. Надо было из болота и песку образовать сносное место. Прокопали осушительный канал, распланировали и рассадили сад, который еще при

жизни матери Феофании давал и ягоды, и плоды, при чем эту дорогую работу матушка совершила без больших затрат. Таким же хозяйственным способом был украшен и храм. Иконы, роспись стен и облачения — все было устроено сестрами. Выбрав хорошего художника, мать Феофания пригласила его давать уроки монахиням и просила его руководить их работами. Сама она несколько раз объездила с монастырскими художницами петербургские церкви и выбирала для образцов лучшие иконы. Когда, впоследствии, пришлось приступить к украшению собора, было уже 12 опытных живописиц. Золотошвейки изготовляли облачения и пелены. 5 июня 1854 г. игуменья и все сестры переселились на новое место; вскоре монастырь был окружен каменной оградой, и выстроен за оградой дом для духовенства. 27 июня 1854 г. освящена церковь келейная во имя Афонской иконы Богоматери "Отрада и Утешение". Здесь стоит присланная с Афона иеромонахом Серафимом Святогорцем икона. В этой-то церкви, проходя в нее по внутреннему коридору из своей келлии, мать Феофания до конца жизни слушала все службы. В том же году заложена церковь Богоматери "Скорбящих Радости", вдовую А. Н. Карамзина, убитого во время Крымской кампании.

Между тем, фундамент соборного храма, выведенный комиссией и затем оставленный за более нужными постройками, стоял закрытый. Народ не вмещался в маленькой келейной церкви, и игуменью осуждали, зачем она не выстроит большого храма, и мать Феофания много о том плакала.

Одна женщина обещалась ежегодно давать по 500 р. на стройку; один помещик объявил, что, если мать Феофания помолится об улучшении его дел, — он придет на помощь — и, действительно, дела его поправились, и он, вместо обещанных двух, дал десять тысяч. Многие сестры приносили последние лепты; бедный народ приходил с копеечками и рублями. Наконец, по общим просьбам, в крайней скудости, мать Феофания приступила к великой и многоценной постройке. Бог послал ей настоящего благодетеля в подрядчике Кононове, который обещал, что не будет требовать уплаты денег, а ждать, когда соберутся с силами; все время, при самой добросовестной работе, уступал со счетов, и без того скромных, и делал пожертвования.

После Святой 1856 г. фундамент раскрыли и принялись выводить стены. Когда, не дойдя еще и до куполов, пришлось остановиться за неимением денег, в это трудное время подошло неожиданное облегчение. Один огородник предложил снять в аренду участки под обителью, вывезти из них для полотна железной дороги песок, и покрыть землю для овощей. Эти деньги и были употреблены на достройку собора.

Когда опять остановились над печами, какой-то неизвестный помещик проезжал мимо обители и зашел в нее. Вызвав игуменью, он поклонился ей в ноги, в запечатанном конверте подал сумму, как раз нужную на печи, и сейчас же уехал. При закладке куполов тоже оказались усердствующее. Когда кресты были подняты на купола, игуменья тут же положила земной поклон, восклицая: "Слава Тебе, Господи, слава Тебе!"

Затем было приступлено к внутренней отделке. Архитектор составлял планы, исправляя их по указанию игуменьи, а монахини рисовали, переделывая то, на что она указывала. Мать Феофания возила своих живописиц в академию, просила помощи у профессоров, и некоторые давали и работу свою, и указания. Также миряне доставляли из-за границы кисти, краски и оригиналы. В два года все пять иконостасов расписаны, и истрачено лишь 2 тысячи, вместо предположенных десяти. Позолотчик работал тоже со всяким снисхождением. Утварь, лампы и паникадила, хоругви — все было пожертвовано благотворителями. Постом 1861 г. все было готово; а игуменья от столь долгого напряжения сил и постоянных скорбей, при построении собора — слегла, так что боялись, что ей не видать освящения собора. Но молитвами сестер она оправилась.

Выстроенный матерью Феофаниею величественный пятиглавый и пятипрестольный собор принадлежит к лучшим в России. Живопись его и все украшения чрезвычайно изящны; его внутреннее благолепие и соразмерность полных света частей производит сильное впечатление. На построение только вчерне была составлена смета в 360 тысяч; между тем игуменья истратила всего, с внутреннею отделкою, 150 тысяч. Смотри на соборный храм, часто говорила Феофания с тихими слезами: "Велий еси, Господи, чудны дела Твоя!" По освящении собора, мать Феофания выхлопотала награды архитектору и живописцу.

Проведением в монастырь воды закончилось внешнее благоустройство обители.

Так, терпя скорбь из-за всякого рубля и вымаливая его слезною молитвою, воздвигла Феофания монастырь, совершив послушание, которое вначале казалось смешным и странным, по неисполнимости своей, когда привели ее, нищую, к пустому месту, с приказом строить.

Последние годы жизни мать Феофания провела в подвигах благочестия, работ над духовным преуспеянием сестер и милостынях.

У нее были заведены мастерские, и из ее монастыря стали выходить первые дешевые и порядочно написанные иконы. В обращении с сестрами, как настоятельница, она была очень строга. К родным сестры отпускались только раз в год; принимать родственников в келлии запрещалось, кроме сыновей и отцов. Монахини веровали в благодатную силу, поддерживавшую матушку, и одна сестра была ею исцелена. Молодых игуменья приглубливала и возила в город к святыням.

Многим людям помогала она, помещала сирот в институты и корпуса, посылала им гостинцы, призрела много стариков. Великое всегда имела мать Феофания попечение о поминовении усопших. В подвигах благотворения действовала она заодно с матерью Варсонофиею, которая скучала, когда ей некому бывало помочь. Они часто подавали, таясь друг от друга. В монастырь принимала игуменья и грешных женщин, и в ответ на укоризны тому, отвечала, что первый вошел в царствие небесное разбойник и что монастырь есть место покаяния. Подозрительность и сомнение в добрых намерениях людей не были в характере старицы. Не видя иную сестру в церкви, игуменья шла в ее келлию и отправляла ее. Незадолго до смерти, в виду наплыва монахинь, она выстроила новый корпус.

До смерти мать Феофания пользовалась особым уважением членов царствующего дома.

Являясь в мир, мать Феофания не делала ему ни малейшей уступки и несла за собою ту же строгую атмосферу духовности. Ее видели не иначе, как сосредоточенной, смиренной и бедно одетой, как была она и в стенах монастыря.

Когда монастырь был окончательно устроен, мать Феофания совершила назначение свое на земле и жила недолго. Вместе с нею заболела и мать Варсонофия, которая умоляла Бога взять ее раньше игуменьи, чтобы та могла помолиться за нее. Перед смертью она взглянула с улыбкой на мать Феофанию и тихо уснула.

Доктор, вызванный к игуменье, объявил, что, если она не будет плакать, то безнадежна; и на первой панихиде слезы полились из ее доселе воспаленных и сухих глаз. При последнем целовании Феофания произнесла: "Прости, моя родная. Благодарю тебя за любовь ко мне. Твое желание исполнилось. Прости!" И затем, поклонясь в ноги сестрам, благодарила их за любовь к усопшей. После отпевания, созвав сестер в свою келлию, она подняла над коленопреклоненными монахинями икону "Отрада и Утешение" и сказала: "Вручаю всех вас и святую обитель Пресвятой Богородице. Да оградит она вас от всякого зла! Молитесь Ей. Она

ваша Заступница". Затем, указывая на скорое свое отшествие, Феофания поучала сестер подчинению и хранению обетов, благодарности благодетелям, надежде на Бога.

Мать Феофания перешла жить в келлию матери Варсонофии; часто слезы струями катились по ее лицу, но ни жалобы, ни стоны никто не слышал от нее. С великим усердием совершала она сорокоуст, говоря, что не умрет до истечения его. В последние дни жизни игуменья, благодаря неизвестным благодетелям, могла заключить условие на позолоту всех пяти соборных куполов, чего она давно жаждала.

В последней болезни своей, продолжавшейся десять дней, терпеливо вынося страдания, мать Феофания всех благословила, со всеми простилась. Она предсказала день своей смерти. За три дня до конца, призвав сестер, она снова осенила их иконой "Отрада и Утешение" и твердым голосом сказала: "Поручаю вас милости и заступленно Царицы Небесной. Она да будет всегда вашею покровительницею! Сестры, молитесь Господа, чтоб наша обитель стояла до скончания века твердо и нерушимо!" Несколько выдающихся архипастырей посетили в эти дни мать Феофанию, а московский митрополит Филарет прислал ей икону. За два дня до смерти она поручила келейнице четыре свечи, чтоб поставить за нее, когда все кончится. Другим двум сестрам поручила выполнить данный ею обет — съездить в Киев, который не могла совершить по болезни матери Варсонофии. Последнею молитвою, слышанною ею, был акафист Пресвятой Богородице. Она скончалась 16 мая 1866 года в 3 часа пополудни, в Духов день, на восьмидесятом году.

При торжественном ее отпевании было читано архиереем ее духовное завещание, в котором, между прочим сказано:

"Един Господь ведает, каких трудов и попечений стоило мне, грешной, основать и поддерживать святую обитель в желаемом благоустройств ее, вначале на Васильевском острове, а впоследствии на этом месте. Но во всем, имея твердое упование мое на милость Царя Небесного и Царицу мою Пресвятую Богородицу, ощущала я, недостойная и немощная, великую и всеильную помощь и укрепление, в особенности, что относилось к пользе и благопоспешению возлюбленных сестер моих о Господе. Их стремление к благочестной жизни, усердные труды и беспрекословное святое послушание поддерживали и утешали меня во все время пребывания моего с ними. Да воздаст им Господь Бог Своим небесным воздаянием! Неисчислимые ко мне милости Августейшего Дома, архипастырей наших и всех благодетелей святой обители поселяли во мне постоянные чувства истинного к ним благоговения и истиннейшей благодарности. С такими чувствами оканчиваю последние дни мои, умоляя Вседетеля, да наградит их всех, по велицей Своей милости.

Молчальница Вера Александровна

Молчальница Вера Александровна большую часть подвижнического времени своей жизни провела близ Новгорода, в лежащем в шести верстах от Новгорода Сырковом девичьем монастыре.

Тайна происхождения ее осталась необнаруженною. Могла знать это только графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, которая была известна своим усердием к Церкви и которая приняла участие в Вере Александровне и определила ее в Сырков монастырь.

Вера Александровна появилась в 1834 году в Тихвине под видом странницы. Она приютилась здесь у набожной тихвинской помещицы Харламовой и прожила у нее три года, ежедневно посещая церковь, а дома занимаясь молитвою и чтением священных книг.

Затем целый год прожила она в Веницком погосте и здесь ходила за дьячковской женой, находившейся 40 лет в параличе.

Говоря всякий пост, она и тогда находилась уже на такой высокой духовной степени, что иногда эта высота ее подтверждалась необычайным способом.

Тихвинский помещик Ив. Н. М. однажды, в то время, как Вера Александровна приобщалась, подошел в алтарь к северной двери и увидел причастницу, как бы окруженную особым светом. В страхе вернулся он в алтарь и потом спросил священника, кто приобщался. Тот ответил, что это известная ему Вера Александровна.

— Не могу согласиться, — заметил помещик, — это было подобие ангела, окруженного божественным светом.

Слухи о строгой жизни Веры Александровны и о том, какую видел ее этот человек, стали распространяться с такою быстротой, что Вера Александровна пожелала удалиться из Тихвина.

Идя из Тихвина по направлению к Валдаю, она на субботу остановилась на погосте Березовский Рядок. Ей понравилось, как там служили, как церковь была полна народом, как истово исполняются религиозные обряды. Поэтому она с охотой согласилась на просьбу приютившей ее крестьянской семьи Трофимовых пожить у них, почитать им священные книги и поучить их по-христиански вести себя.

Ей отвели маленькую избушку, там она и поселилась, не выходя никуда, кроме церкви. Никого она у себя не принимала. Только созывала у себя временами малых детей, учила их правильно креститься, учила молитвам и грамоте, рисовала для них картинки — изображения Спасителя, Божией Матери и святых.

Так прожила она девять месяцев.

Становой пристав заподозрил Веру Александровну в бродяжничестве, потребовал от нее паспорт. Паспорта у нее не было. За это ее препроводили в Валдайский уезд. Там присудили ее к заключению в тюрьму.

Снова начали допытываться, кто она такая. Наконец, она ответила следователю:

— Если судить по-небесному, то я прах земли. А если судить по-земному, то я выше тебя.

Это были последние ее слова. С тех пор до самой смерти, более чем 25 лет, она уже ничего не произносила, приняв на себя подвиг молчаливчества. Только два раза перед смертью она сказала по несколько слов.

Из Валдая Веру Александровну перевели в новгородский острог. Здесь она содержалась почти полтора года. Затем ее заключили в дом умалишенных, где она провела тоже полтора года. В обоих местах она по-прежнему отдавала себя подвигам молитвы, и, наконец, по ходатайству графини Орловой, была помещена в Сырков девичий монастырь.

Терпеливо переносила она унижения и страдания тюрьмы, и так впоследствии писала об этой поре: "Мне хорошо там было, я блаженствовала там. Благодарю Бога, что Он удостоил меня пожить с заключенными и убогими".

Когда настоятельница монастыря приехала в заведение умалишенных, и спросила Веру

Александровну, желает ли она жить в монастыре, та пала на колени перед иконою Спасителя, сделала несколько земных поклонов и, сложив руки на груди крестом, поклонилась настоятельнице в ноги, выражая тем свое согласие. Очень может быть, что она давно мечтала приютиться в монастыре, но не смела проситься туда, не имея паспорта.

Весть, привезенная игуменией, была для нее очень радостна, но лицо ее осталось спокойно. На нем не видали никогда ни слез, ни улыбки.

Та любовь к Богу, которая всегда наполняла молчальницу, теперь пылала в ней всепоглощающим огнем. Она написала на келейной записочке слова Амвросия Медиоланского: "Ты ми еси, Боже, дражайший, желательнейший, люблю Тя паче неба и земли и всего, яже на них".

Жизнь ее была сурова, жестока: из кельи молчальница выходила только в церковь, к себе принимала сначала только одну служившую ей сестру. От посетителей она уходила из монастыря и пряталась в ближайшие кустарники.

Однажды в год она выходила за стену монастыря на то место, откуда был виден Новгород с его храмами, и острог, и дом для умалишенных, где она жила.

Здесь молилась она, задумчиво смотрела на город с его святынями, на место, где страдала, и потом тихо шла в келлии, опять на целый год.

Пища ее была убога. Однажды в день ей приносили из трапезы немного кушанья и хлеба и подавали в окно келлии. Но и из этого она уделяла нищим, а, если нищие не приходили, то вечером она выносила это в садик и кормила птиц, которые сейчас же слетались к ней.

Небольшая просфора с чашкою чаю или воды составляла, кажется, весь ее стол. На Страстной неделе только раз, в четверг, она ела просфору.

Деньги, которые ей присылали чтившие ее люди, она сейчас же раздавала.

Одежда ее состояла из белого коленкорového платья и такого же чепца; у нее для выхода в церковь было только самое необходимое. Когда графиня Орлова прислала ей лисий салоп, она написала: "Много благодарю, но лучше бы она прислала овчинный; этот мне не годится".

Однажды келейница купила ей новый теплый платок. Она отдала его бедной страннице. Келейница купила другой. И этот постигла та же участь. Келейница стала тогда упрекать ее. Она тогда написала: "Матушка, не скорби! У меня все цело, а я его подальше спрятала, поцелее будет. А после и тебе пригодится. Мне довольно и того, что имею".

Она заботилась только о чужих нуждах, а не о своих. В келлии ее было лишь несколько икон, и чтимый ею, всегда бывший с нею, большой образ на холсте — Христос во узах, — шкаф с книгами, налойчик для чтения, два простых стула, — самоварчик, убогая, жесткая кровать и стенные часы.

Спала она очень мало. Глухою ночью, сквозь занавески, видели ее молящуюся.

Когда она не читала или не стояла на молитве, тогда она вязала четки или клеила из бумаги маленькие коробочки, на которых помещала места Св. Писания, наполняла коробочки мелкими хлебными сухарями и раздавала, когда посетители просили что-нибудь на память.

Особенно любила она странников, нищих, убогих и детей.

В праздники и воскресенья она принимала посетителей.

Положив несколько поклонов перед иконою Спасителя, она низко кланялась гостю и сажала его. Когда ее просили помолиться, она вставала на молитву и молилась долго. При просьбе советов, знаками объясняла, что нужно делать. Если же посетитель был грамотный, она подавала книгу, сама раскрывая ее или предлагая открыть ее посетителю. И всегда в книге открывались мысли соответствовавшие обстоятельствам гостя.

И однако этим молчаливым свиданием во многих укреплялась их вера в Бога, другие утешались в горе. Над некоторыми вскоре сбывалось то, что показала знаками Вера Александровна.

Например, одна мать привезла к ней постоянно болевшего пятилетнего сына. После долгой молитвы, она поцеловала мальчика и указала рукой сперва на икону Спасителя, а потом на землю.

Через месяц, мальчика действительно опустили в землю.

В другой раз, когда одна, служившая при Дворе, барыня привезла ей своего ребенка, Вера Александровна положила его к иконе Спасителя и, поцеловав в голову и поклонившись ему, написала: "Блажен Саша". Через несколько дней, младенец скончался.

Когда, по нетерпению, кто-нибудь оскорблял ее, она благодушно сносила это. Однажды подошла к окну ее ходившая за нею келейница и постучалась. Она положила руку на стекло, что значило, что она не может ее принять. Обиженная этим, послушница закричала: "Ой ты, затворница, притворница!" Все это слышали, но молчальница кротко приняла эти слова.

Но Бог тут же наказал обидчицу. Не успела она сделать пятидесяти шагов от этой келлии, как вывихнула себе ногу. Вера Александровна принесла тогда все для утешения ее и помогала ей до самой своей смерти.

В церковь Вера Александровна приходила первой; до начала службы прикладывалась к иконам, ставила пред ними принесенные с собой свечи, потом становилась сзади, чтобы ее не видали, и молилась, стоя на коленях.

Последние пятнадцать лет она приобщалась всякую субботу. Исповедь свою она писала на бумаге и вручала ее для прочтения духовнику.

Она узнала заранее время своей кончины и назначила место для погребения. Исповедуясь в последний раз в церкви, она подала духовнику записку о своих грехах, потом, когда он прочел, обернула ее другой стороной. Там было написано: "Батюшка, помолитесь Господу о поминовении души моей. Конец мой близок, и дни мои изотчены". Ей было от 55 до 60 лет.

В четверг Светлой недели она в последний раз вышла из келлии за ворота монастыря, к той башне, откуда виден Новгород. То вставала она и молилась, то садилась и задумчиво смотрела на город. Потом прошла она к месту, откуда виден монастырь преподобного Варлаамия Хутынского, и смотрела на него. Долго ходила и сидела она на этот раз за монастырем, отдавшись глубокой, никем никогда не узнанной думе.

Вернувшись в келлию, она слегла, чувствуя себя дурно. У нее, по-видимому, открылось воспаление в легком, с сильным жаром. Без одного вздоха она выносила сильные страдания.

В четверг Фоминой ее приобщили. Когда келейница просила в другой комнате, чтоб и завтра

приобщили больную, она вдруг появилась на пороге своей келлии и знаками показала на землю. Священник понял, что уже завтра ее не станет.

К ночи она совсем ослабела и забылась. В 12 часов, при бое часов она пришла в сознание и громким, твердым голосом произнесла: "Господи, спаси мя грешную!", потом она опять забылась.

В два часа ночи она хотела произнести ту же молитву, но слова замерли на устах, и она произнесла лишь: "Господи!".

6 мая, незадолго до 5 часов вечера, улыбка, которой никогда у нее не видали, осветила ее лицо. Вздохи становились все реже. Когда пробило пять часов, умирающая несколько раз редко вздохнула, закрыла глаза и печать вечного молчания легла на ее уста, которые своим великим молчанием как бы ограждали жившую в ней правду.

Множество народа из Новгорода и окрестностей служило по ней панихиды. Тело ее за пять дней не подверглось ни малейшему тлению. С усопшей снят был портрет.

Тело ее торжественно схоронено в монастыре и один почитатель ее воздвиг над нею памятник.

Кто была Вера Александровна?

Вот вопрос, без которого трудно обойтись, представляя себе образ этой праведной женщины.

Все ее приемы, внешность ее, какая-то изысканность при всем ее убожестве, чистота, которую она тщательно поддерживала вокруг себя, все это говорило о ее высоком происхождении.

Однажды, когда она, больная горячкою, ушла из монастыря и келейница еле отыскала ее в кустах, на просьбу келейницы вернуться, она вдруг ответила словами: "Матушка, мне здесь хорошо!"

Потом, когда келейница стала умолять ее сказать, кто ее родители, она вымолвила наконец:

— Я прах земли, но родители мои были так богаты, что я горстью выносила золото для раздачи бедным; крещена я на Белых Берегах.

Схимонах Игнатий, возобновитель Задне-Никифоровской пустыни

Схимонах Игнатий родился в 1780 году в селе Пересы, Новгородской губ., Старорусского уезда на реке Ловати, в набожной крестьянской семье. Звали его в миру Иван.

С 18-ти лет он почувствовал влечение отдать себя всего Богу. Чтоб узнать Священное Писание и чрез него понять, чего Бог требует от человека, он обучился грамоте. Потом решил он отстать от мира.

У себя в саду он выстроил уединенную келлию и поселился в ней. Тут он читал Священное Писание и книги св. отцов; время проходило еще в молитве, посте и рукоделии, чтоб питать себя.

После двух лет такой жизни, Иван отправился на поклонение в Киево-Печерскую Лавру, оттуда ходил в Соловки.

Вернувшись, он поселился опять в своей келлии, весь уйдя в духовное чтение.

Прослышав про опытность в духовной жизни архимандрита Песношского монастыря Макария, Иван собрался поступить в этот монастырь. Предварительно он обеспечил престарелую свою мать достаточным пропитанием.

В монастыре Иван просил архимандрита непосредственно руководить им, на что тот и согласился. Руководителю пришлось не возбуждать, а сдерживать ревность Ивана. Видя его способности и высокое настроение, архимандрит хотел постричь его в монахи и поручить ему послушание казначея.

Иван испугался, зная, сколько рассеяния принесет ему эта должность, как она лишит его возможности самоуглубления, нарушит мир его внутренней, сосредоточенной жизни.

Он тайно ушел из Песношского монастыря, выбрал себе уединенное место в дремучих лесах Порховского уезда, устроил себе хижину в подошве горы и поселился в ней. Вскоре к нему присоединился его брат Феодот. Трудную жизнь в пустыне отшельники отягчали еще разными подвигами. О пище заботиться им было нечего: ее доставлял им один добрый крестьянин.

Так провели они четыре года. Здесь приобрел Иоанн очень много: горячую любовь к ближнему, чистую, углубленную молитву, смирение и утешительные слезы, которые в минуту сосредоточенности лились у него из глаз, доставляя ему высокую отраду.

Через четыре года этой жизни, во время отсутствия Феодота, пришли к Иоанну двое разбойников с ружьями, требуя денег. Они не поверили ответу Иоанна, что денег у него нет, и кормятся они милостыней, и один из разбойников стал прицеливаться в Иоанна.

Тогда он вдруг, по какому-то внушению, назвал по имени этого человека, и тот был так этим поражен, что ружье упало у него из рук. Оба разбойника просили прощения у Иоанна и поскорее ушли.

Так как существование отшельников стало известно, и появлялись посетители, нарушавшие излюбленную ими тишину, Иоанн решился бежать из этого места: он отправился на Афон. Здесь в 1818 г. он принял монашество с именем Исаии. На Афоне он заслужил такое уважение, что многие обращались к нему за духовными советами.

В 1821 г., когда началась война между Турцией и Грецией, и на Афоне не могло быть прежнего спокойствия: русские иноки, и в их числе о. Исаия со своим братом вернулись в Россию чрез Вену.

В Вене о. Исаия имел объяснение с тремя учеными католиками.

Сначала они стали уничижать писания Иоанна Лествичника и Ефрема Сирина за, будто бы, просторечие и грубость слога и сказали, что напишут лучше их.

После долгих убеждений, о. Исаия закончил так: "Святые отцы не надеялись на себя и свой разум, но всегда были в смиренномудрии и самоуничижении, прося у Бога сил для Богоугодной жизни. А все прочие немощные члены нашей Церкви приносят смиренное покаяние Господу Богу, прося милосердия и помощи, а не хвалятся своим бесплодным высокоумием".

На это католики промолчали.

На другой день они стали доказывать, что напрасно русские надеются на войне на помощь Божию: "Вот и Наполеон, воевал, не призывал Бога и побеждал".

— Кто не уповает на Промысл Божий, — отвечал о. Исаия, — тот живет в самонадеянности и самовосхвалении, и о нем давно сказано: "Рече безумец в сердце своем — несть Бог!"

После этого разговора русским монахам было велено немедленно оставить Вену.

По прибытии в Россию, и пройдя чрез ряд неожиданных затруднений, вследствие пострижения своего на Афоне, о. Исаия поселился в Коневском монастыре.

Пожив там год, он удалился в уединенную келлию, находившуюся в расстоянии двух верст от монастыря. Только раз в неделю приходил он в монастырь, именно в субботу, чтоб быть в церкви при совершении воскресной службы.

Он имел от Бога особые откровения; так однажды, во время литургии, он видел, что воздух как бы сгущается, и в полусумраке видны блестящие звезды, опускающиеся на головы некоторым присутствующим. И тут же послышался ему голос: "На кого эти звезды садятся: те достойно приобщаются Св. Христовых Таин".

Вследствие недоброжелательства настоятеля, о. Исаия должен был покинуть Коневец, и избрал себе пустынное место, удаленное от селений, затерявшееся среди густых лесов: Задне-Никифоровскую пустынь Олонецкой губернии.

Пустынь эта находится в ста верстах от Петрозаводска, в 11 от почтовой дороги. В ней были тогда две ветхие деревянные церкви, деревянная часовня над мощами преп. Никифора и Геннадия Важеозерских, две небольшие келлии и кухня. Земли было мало и для обработки неудобная.

О. Исаия установил в пустыни общежитие, которое соблюдать строго требовал. Так как братии было мало, и в числе ее не было иеромонаха, то некоторое время призывали сельского священника, пока брат о. Исаии Феодот не был рукоположен во священника.

Богослужение было заведено истовое, неспешное. Вся братия должна была без исключения ходить в церковь. Монастырские работы все исполняла братия. О. Исаия, несмотря на свою старость, трудился вместе с прочими — рубил дрова, носил воду, хлопотал на поварне, летом работал в огороде, косил сено. Все это возбуждало трудолюбие братии.

Но еще более незаменимым, чем в заботах о внешнем благоустройстве монастыря, был о. Исаия, как руководитель духовной жизни иноков. О силе его влияния можно судить, например, по тому, что двое монахов, магистров богословия, имевших случай познакомиться с о. Исаией в Коневце, через год просили митрополита отпустить их в Задне-Никифоровскую пустынь к о. Исаии.

Через десять лет по поступлении о. Исаии, число братии дошло до 15 человек.

Несмотря на упадок сил, о. Исаия вел ту же подвижническую жизнь. Его келлия была вроде землянки и неудобна для жилья. Но он не соглашался перейти в лучшую келлию, и говорил, что если земная жизнь не вечная, то зачем заботиться об ее удобствах?

Он продолжал выходить на монастырские работы. Всегда, и на работах и в келлии, он поучал учеников, и неотразимо действовали эти поучения от сердца, полного любви и смирения.

Эта добродетель особенно была высока в нем. Свои дела он называл ничтожеством, надежду спасения возлагал на заслуги Искупителя, о страданиях Которого говорил всегда с горячими слезами.

О гордости он отзывался так: "Я, да свинья, да третий сатана: свинья по безумству, сатана по гордости — вот товарищи гордых".

Со всеми обращался старец, как простой монах, не давая замечать своего преимущества, а между тем невольно привлекая к себе сердца.

Это смирение доставляло ему духовные дары и видения. Он открыл однажды следующее монаху, который спрашивал его, верно ли, что некоторые благочестивые люди еще при жизни видят свои души.

— Однажды, когда я сидел в своей келлии, ум мой занят был богомыслием, а из глаз текли слезы. Вдруг я пришел в какое-то исступление, душа моя увидела невещественный свет, и в то же время увидела самое себя как бы составленную из света, а тело мертвым, и она как бы уже вышла из этого тела.

В 1846 г. обер-прокурор Синода, много наслышавшись об о. Исаии, вызвал его в Петербург. Здесь многие искали знакомства с о. Исаиею и удивлялись его непритязательной мудрости.

Известный путешественник по святым местам, Норов, показывая ему свою библиотеку, сказал: "Вот, старец, я занимаюсь переводом полезных книг с иностранных языков на русский язык".

— А читаете ли вы, — отвечал ему о. Исаия, — "свою-то" книгу, которую более других нужно прочитывать?

Норов, подумав, заметил на это:

— Со сколькими духовными лицами мне случалось беседовать, а никто из них мне не сказал этого, — простой старец напомнил о дорогой и весьма важной вещи.

В другой раз, находясь между разными влиятельными лицами, о. Исаия спросил:

— Не знаю, отчего вы так усердно со мною беседуете, тогда как я и говорить-то по вашему не умею.

Ответом было следующее:

— К нам приходят ученые и важные лица, но мы видим, что большая часть из них старается или нам угодить, или себя выказать с отменной стороны; в тебе же ничего такого не заметно. Мы видим в тебе одно смиренное и доброжелательное простосердечие, а потому охотно беседуем с тобою и находим себе в этом пользу.

Во время нахождения о. Исаии в Петербурге, Задне-Никифоровская путынь была сделана самостоятельной — раньше она была приписана к Александро-Свирскому монастырю.

Все в тех же трудах прошли последние годы жизни старца, скончавшегося на 72-м году.

В 1849 г. он принял схиму с именем Игнатия.

Он знал задолго о времени своей смерти.

Одному молодому крестьянину он часто говорил:

— Вот, Петр, мы часто с тобой говорим вместе, да в одно время и умрем.

— Нет, батюшка, — отвечал ему тот, — мне-то нужно бы было пораньше вас умереть, чтоб вы могли еще здесь помолиться за меня.

Этот разговор слышали некоторые из братии.

Весной 1852 г. пришел в пустынь из своей деревни, отстоящей от нее на 250 верст, брат этого Петра с известием, что Петр умер и на смертном одре приказал ему немедленно известить об этом о. Исаию.

О. Исаия сказал тогда:

— Петр умер, время пришло и мне умереть.

В то же воскресенье он скончался.

Последние годы жизни о. Исаии с особенною силою были им посвящены приготовлению к переходу в вечность. Всякое воскресенье старец приступал к причастию и при этом слезы текли по его щекам.

Великим постом 1852 г. он сказал:

— Близок мой конец. Но, по милости Божией, я буду ходить на ногах до отхода моего из этой жизни.

В воскресенье, 20 апреля 1852 г., чрез три недели после Пасхи, старец приобщился и с особенною задумчивостью вглядывался в местные иконы.

Как он себя ни чувствовал слабым, но по просьбе братии, ради праздника, он пошел на трапезу, но почти ничего не ел.

Когда в два часа некоторые из братии пришли к нему, он сказал:

— Затеплите пред иконами лампадки. Я умираю. Слава Тебе, Господи!

Братия в страхе заплакала.

Старец сидел молча, в полном самоуглублении.

Пробило три часа (по восточному девять), время крестной смерти Спасителя, и один брат подумал, не в этот ли час отойдет к Богу душа старца.

Проникая в эту мысль, старец обернулся к этому брату и посмотрел на него долгим любящим взором. Через несколько минут душа старца отлетела.

Архимандрит Паисий (Величковский), настоятель молдавских монастырей

I. Молодость и иночество

Схиархимандрит Паисий (в миру Петр Иванович Величковский) родился в 1722 г. в Полтаве. Отец его, дед и прадед были преемственно протоиереями соборной Успенской церкви. Когда пришло время обучения грамоте — выучили его по букварю, часослову и псалтири; старший же брат выучил Петра письму.

Едва обучившись грамоте, отрок стал горячо прилежать священному чтению, и уже тогда мысль о монашестве стала посещать его. По природе кроткий, стыдливый, тихий — он любил затворяться в своей комнате, и даже домашние редко слышали его голос.

Когда Петру было 13 лет, его брат, бывший уже священником, скончался, и мать повела Петра к архиерею в Полтаву. Она ходатайствовала пред архиереем об оставлении за ее младшим сыном места его брата. О том же просили и граждане. Архиерею понравился Петр, он велел отдать его для школьного обучения в Киев и утвердил за ним место.

Только четыре года провел Петр в Киеве. Желание идти в монастырь сильно уже владело им. С несколькими единомысленными товарищами он делил мечты об иноческой жизни, и все они, вероятно, по тем аскетическим книгам, которые изучал Петр, решили, что спастись нужно в монастыре бедном, удаленном от молвы, и в начале иночества положить послушание, труд, смирение, неосуждение. Ревность Петра достигла такой степени, что он расстался с товарищами, не решавшимися сразу на такой великий шаг, и, пришедши в Любечский (у местечка Любеча над Днепром) монастырь, просил игумена принять его в число братии.

Чрез три месяца по вступлении Петра в монастырь, на место кроткого и духовной жизни игумена назначен был другой, человек в высшей степени беспокойного и жестокого нрава. Большая часть братии разбежалась. Однажды игумен дал Петру приказание, которого он не расслышал, и потому не мог в точности исполнить. Раздраженный игумен больно ударил его по щеке и вытолкнул его с побоями вон, так что он не устоял на ногах. В страхе от такого обращения, Петр ночью тайно бежал из монастыря, и поступил в Николо-Медведовскую обитель, где пострижен в рясофор, с именем Платона. Когда начались гонения на православных от униатов, и церковь монастырская была запечатана, Платон перешел в Киево-Печерскую Лавру. Там он узнал о судьбе своей матери. Сначала, при известии о том, что сын ее скрылся из Киева, она пришла в отчаяние и хотела умерить себя голодом, но по бывшему ей видению, которое открыло ей, что есть на то воля Божия, успокоилась и сама решила поступить в монастырь, что и исполнилось.

Пребывая в Лавре, Платон горячо молил Бога указать ему нужный путь и устроить его в обители со строгим уставом. Двое иноков собрались идти в Валахию, и он отправился с ними. Там поселился он в Тройстенском ските Николая Чудотворца и пользовался советами старца высокой жизни, схимника Василия.

В этом ските случилось с Платоном одно обстоятельство, прекрасно рисуящее его юношескую ревность. Как-то в воскресную ночь ему случилось не расслышать била к заутрене, и проспять. Когда он подошел к церкви, уже было прочитано евангелие, и шел канон. Угнетаемый раскаянием, он не смел войти, и, пав под деревом на землю, горько плакал. Между тем, отошла утренняя, отслужили обедню, братия села за трапезу, и Платона стали в недоумении искать по монастырю. Найдя его под деревом плачущим, привели в трапезу, где он рассказал о своем проступке, и, как ни утешали его старцы, он был печален и не мог от горя ничего есть. Игумен обратил внимание братии на этот пример печали и пламенной ревности по Боге, а Платон с тех пор не ложился, а отдыхал ночью, сидя. В этом ските, по отшествии старца Василия, Платон пользовался советами старца Михаила, который научил его строгому исполнению обрядов и преданий церковных и утвердил его в учении Православной церкви.

Из скита святителя Николая, Платон перешел в Кыркульский скит, отличавшийся особою красотою местоположения.

Здесь Платон стал проходить образ жизни отшельнический. Братия собиралась вместе только по воскресеньям, остальное-же время проводила отдельно, в келейных молитвах и трудах. Занимаясь постоянной молитвою и изготовлением ложек, Платон за наставлениями ходил к старцу Онуфрию, жившему верстах в пяти от скита, на вершине горы. Онуфрий научил его постоянному вниманию к себе и неослабной духовной борьбе.

Три года пробыл в Валахии Платон, пройдя за это время путь старческого окормления (руководства). Из этих трех годов он вынес убеждение в полезности этого пути, в той успешности, с какой достигаются этим путем главные добродетели инока, послушание и смирение.

В 1746 г. Платон простился со старцами, советы которых воспитали его; старцы с сожалением отпускали его; его добродетели их радовали; они называли его юным старцем. Из Валахии Платон отправился на Афон, которого достиг лишь с большим трудом и после долгих препятствий.

II. Старчество

Прибыв на Афон, о. Паисий поселился в уединенной келлии. Тщетно искал он себе наставника — такого не находилось, и ему пришлось одному, 26 лет от роду, пройти великие и опасные труды предоставленного себе безмолвника. Три с половиною года нес Платон это тяжелое бремя, и мера его духовных подвигов, кровавая борьба с мысленными искушениями, со злобою врагов спасения, известна только Богу. Внешние его подвиги состояли в великой нищете: у него не было даже рубашки, а только подрясник и ряска; пищу его составляли, кроме только праздников, сухарь и вода, и то через день. Единственным достоянием его была духовная книга. По прошествии трех с половиною лет пришлось посетить Афон молдавскому старцу Василию. Он побывал у ученика своего и, наставив его, постриг Платона, на 28-м году, в мантию, с именем Паисия, и возвратился затем на родину.

Вскоре пришел на Афон юный монах Виссарион. Он открылся Паисию в том, что ищет и не может найти себе наставника, которому бы он мог вручить свою душу. Его горе было тоже горем Паисия, и Паисий подробно описал Виссариону, как необходимо иметь старца, чтобы воспитать в себе покорность, смирение, и непрестанно идти путем самоисправления и отсечения грехов; описал ему и трудность найти мудрого старца, и указал, что замену старца приходится искать в писаниях опытных и великих иноков. Выслушав Паисия, Виссарион умолял его стать его руководителем. Долго отказывался Паисий и, наконец, согласился, но с тем, чтобы и самому отсекал пред Виссарионом свою волю. Так, в единомыслии прожили они четыре года.

Между тем, несколько монахов святой Афонской горы, привлекаемые слухом о высокой жизни о. Паисия, многократно молили его о принятии их в сожительство. Несколько лет отказывал им о. Паисий, и, наконец, решился принять их; всей братии собралось 10 человек, и они с о. Паисием заняли келлию св. Константина, при которой была церковь. По неотступному убеждению братии, о. Паисий принял сан священства.

Число желающих жить под руководством о. Паисия все увеличивалось, и тогда он испросил себе пустующую келлию пророка Илии, зависящую от монастыря Пантократора. Тут устроил о. Паисий церковь, трапезу, пекарню, поварню, странноприимницу и шестнадцать келлий, с расчетом не иметь более пятидесяти братии, и разделил монашествующих по происхождению

их — на русских и молдаван. Но число братии не могло не возрасти, потому что многие жаждали жить в его скиту. Всех привлекало благочинное, благоговейное отправление служб, тихое и смиренное предстояние во храме братии, общие рукоделия, отеческое попечение настоятеля и то обаяние истинного монашества, которое веяло в скит о. Паисия. Новоприбывшая братия устраивала себе келлии внизу, у стены, и селилась там. Старец днем трудился с братиею, а по ночам работал над переводом отеческих о монашестве книг.

Духовная слава о. Паисия распространилась по Афону, и многие старцы-подвижники избрали его своим духовником; начальствующие монастыря Пантократора приглашали его на служение в праздники, и исполнялись благоговения все присутствующие, видя умиленное служение о. Паисия, так как во всю жизнь не мог он совершать литургию без слез, и от плача едва мог произносить возгласы.

Но, среди дружелюбного к себе отношения, пришлось о. Паисию испытать и злобу. Один старец, по зависти к о. Паисию, много младшему его летами, стал обвинять его в еретичестве и охуждать то учение об умной молитве, которой о. Паисий обучал братию. Наконец, старец этот написал все эти укоризны в длинном послании. Тогда духовные отцы посоветовали о. Паисию, раньше спокойно терпевшему хулы брата, опровергнуть обвинение в еретичестве, что о. Паисий и сделал, и примирил с собою того брата.

Братии все прибывало, и предстояла неременная нужда в приискании обширного монастыря, и тогда о. Паисий решился отправиться в Валахию. На двух кораблях доплыл он со спутниками до Царьграда, а оттуда сухим путем достиг Ясс. Митрополит дал ему монастырь Сошествия Св. Духа, называемый Драгомирна, с его вотчинами, а господарь утвердил за ним грамотою свободу от пошлин. Поселясь в этом монастыре, о. Паисий принял пострижение в схиму, сохраняя то же имя.

На новом месте о. Паисий стал утверждать чин общего жития, по уставу Василия Великого и Феодора Студита.

В церкви завел он пение, ради разноязычия братии, — на правом клиросе русское, а на левом — молдавское. Слова мое, твое, были изгнаны из монастыря, все имущество, утварь и одежда считались монастырскими. Трапеза была всем общая, кроме больных. Все работы исполнялись братиею.

На общих послушаниях, на которые часто выходил и о. Паисий, соблюдалось молчание, и творилась немая молитва. Особенное внимание было обращено на то, чтоб братия не была праздна, в чем начало всякого зла. В келлиях они должны были читать Священное Писание и класть поклоны; вечером было установлено ежедневное откровение помыслов. Гневавшихся не пускали и на порог церковный, и не позволяли читать молитву Господню, пока не смирятся. Для больных была устроена больница, и доверенный к старцу монах, ею заведывавший, мог приходить и во всякое время брать без спросу в его келлии, сколько потребуется денег для успокоения больных.

В зимнее время, с начала Рождественского поста, о. Паисий поучал своих учеников чтением переведенных им святоотеческих творений. Чтения эти, продолжавшиеся до Лазаревой субботы, совершались ежедневно, кроме праздников, по вечерам, в трапезе, самим старцем. Вместе с чтением, о. Паисий произносил от себя исполненные воодушевления поучения. Говоря о добродетелях монашеских — вечном плаче о грехах, теплом умилении, распяющей жажде правды, он предостерегал учеников от того, что могло извратить дух монастыря: нерадения, любостяжания и заботы о внешнем, о поведении других более, нежели о своей душе. Особенно же боялся о. Паисий для своего монастыря страсти вещелюбия, склонности

иметь свою собственность, что совершенно противно всем началам общежития.

По отношению к братии о. Паисий был любвеобильным отцом и мудрым наставником. Всякому он умел предложить именно то поучение и то утешение, в котором кто нуждался, и со всяким обращался так, как того требовало устройство человека. Мягкость и твердость, просьба и настояния, суровость — все было в его руках разнообразными и действенными орудиями, смотря по человеку. Часто случалось, что, ведая по откровению Божию, зачем пришел к нему брат — старец первый заводил о том речь. С простецами говорил старец просто; с разумнейшими касался высочайших истин. Не было в нем никогда скорби и гнева о погибели внешних вещей, внешних препятствиях, скорбел же о преступлении заповедей. Как незлобивое дитя был он, безмятежный и бесстрастный старец. Келлия его была открыта для братии весь день, до девятого часа, и всякий шел к нему беспрепятственно.

В таких условиях процветало в Драгомирне житие монашеское; были там иноки совершенной жизни, были заблуждавшиеся и снова кающиеся; были лишь приступавшие к исправлению, но все горели ревностью, и радовался о. Паисий, и ободрял их, повторяя слова апостольские: "Чада, не унывайте, куплю деюще. Ныне время благоприятно. Ныне день спасения".

В 1774 г. та часть Молдавии, где находится монастырь Драгомирна, перешла к Австрии, и о. Паисий испросил у господаря Григория Гики и митрополита позволение занять монастырь Усекновения Главы Иоанна Предтечи, называемый Секул. С великою скорбью простившись с местами долговременных подвигов, старец со всею братиею переселился на новое место. Секул был расположен на тесном месте, у подошвы высокой горы, у ручья; подъезд к нему был труден, особенно во время разлива ручья; но, по безмолвию своему, место это было удобно для монашеской жизни. Крайняя теснота принудила о. Паисия обратиться за помощью к князю Мурузи, который, посоветовавшись с главнейшими сановниками, настаивал на том, чтобы старец переселился с тою частью братии, которая не вмещалась в Секул, — в монастырь Нямец, в двухчасовом от Секула расстоянии, оставляя за собою и Секул. Многих и долгих слез и сильных нравственных страданий, — так что братия боялась за жизнь старца, — стоило о. Паисию это приказание. Нямец, по материальной обеспеченности своей, пользовавшийся слишком большою известностью и посещаемый богомольцами, во множестве приходившими на поклонение чудотворной иконе Божией Матери, — не представлял удобных условий для строгой иноческой жизни. С великою скорбью водворился о. Паисий в Нямце.

На новом этом месте, уже последнем житейском пристанище своем, о. Паисий, так же, как и прежде, продолжал поучать братию, которой было в Нямце до 400, и в Секуле до 400 человек, устроил больницу, о малейших нуждах которой неотступно заботился, успокаивал странников. Раз в год, на 10 дней к празднику Усекновения главы, отправлялся он в Секул, для пользы монастыря и братии. Когда же в Нямце со всех сторон сходилась на праздник народ, он, в хлопотах о успокоении богомольцев, не знал отдыха. Назначив опытных иноков для приема богомольцев, он не закрывал дверей своей келлии, и множество народу приходило к нему тогда.

В 1790 г. архиепископом Амвросием, прибывшим с армией Потемкина в Яссы, — о. Паисий был возведен в архимандриты.

Последние годы жизни о. Паисия прошли в тех же неустанных трудах. Он не имел утешения видеть в своем монастыре то высокое воодушевление и отрешенность от земных забот, которыми украшались все ученики его во время пребывания в Драгомирне: достаток, молва и мятеж оживленного места наносили великий ущерб духовному делу.

Переводных трудов своих старец не оставлял до смерти: покрытый ранами в правом боку, лежа

на одре, он облагал себя книгами — Библиями славянской и греческой, греческой и славянской грамматикой и тем сочинением, которое переводил, — ставил свечу — и писал всю ночь, забывая немощь тела и болезнь свою. Вообще он не спал более 3 часов в сутки.

Так совершал он до конца трудный свой путь.

Великой душевной красоте старца соответствовал и внешний облик его: его лицо было бело и светло, как у ангела Божия; взор тих, слово смиренно, весь он полон был благочестия и дышал милостью. Ум его всегда был соединен с Богом, при беседах о духовных предметах его лицо цвело радостью, и из глаз текли слезы. По благодати Божией обрел он в сердце своем источник воды живой, и, напоаясь сам ею до сытости, поил ею и других. Действовал в его чистом просветленном уме дар предвидения, чудеса же свои он приписывал Богоматери.

Старец Паисий тихо отошел к Богу 15 ноября 1794 г., 72 лет от роду. Пред смертью посмотрел он и исправил в нужных местах свои переводы и преподал чрез двух духовников — славянского и молдавского — благословение монастырям. Никаких распоряжений и завещаний он не оставил. Старец Паисий похоронен на правой стороне соборной церкви Нямецкаго монастыря.

Память этого крепкого подвижника благочестия, с юных лет подъявшего иго Христова, кроме высокой жизни его, священна его великими книжными трудами.

Получив от Бога способность к языкам и переложению, и стяжав дар духовного разумения, он с неослабевающею ревностью принес эти способности на пользу Церкви. Плодом его деннонощных трудов явилась возможность пользоваться драгоценнейшими аскетическими творениями, которые без него лежали бы втуне, а теперь служат азбукою для монашествующих и руководством для мирян, внимательных к делу своего спасения.

Заслуга издания этих переводов принадлежит оптинским старцам.

Схимонах Феодор

Жизнь схимонаха Феодора представляет пример неустанного стремления к нравственному совершенствованию среди постоянной борьбы и множества испытаний.

Он родился в 1756 г. в городе Карачеве Орловской губернии. Его отец был из купеческого звания, мать из духовного. Отца он лишился еще, когда был ребенком.

Его мать не щадила ни того немногого, что ей осталось после мужа, ни своих трудов, чтоб воспитать и обучить его.

Она поместила его в дом одного своего родственника, протоиерея, где его учили грамоте и пению. Имея приятный голос, он особенно привязался к пению и любил со сверстниками петь в церкви. Умный и скромный, он с чрезвычайным вниманием вдумывался в учение Церкви, вникал в молитвы... Обычные забавы его возраста не привлекали его. Он все более стремился к уединению, старался больше молиться, искал духовного чтения.

Придя в возраст, Феодор по желанию матери устроил в Карачеве небольшую лавочку и начал заниматься торговлей. Но она не удовлетворяла Феодора. Он чувствовал, как претит его душевным запросам это дело, которое так незаметно развивает в человеке корыстолюбие, наводит на обманы и на обиды ближнего. Два года провел Феодор в этой борьбе.

Наконец, в нем созрело твердое решение оставить мир и мать и уйти в какой-нибудь

монастырь. Феодор знал, что открывать свое намерение матери было невозможно. Бедная вдова никогда бы не могла примириться с такою мыслию.

В одну ночь, помолясь, поручив и себя и мать промыслу Божию, он тайно ушел из дома и пробрался в Площанскую пустынь, лежащую от Карачева в 80 верстах, в густом лесу, далеко от людского жилья. Пустынь эта тогда отличалась особенно стройным чином богослужения, и это еще укрепило духовное настроение Феодора.

Между тем мать его страшно тосковала от такой неожиданной разлуки с сыном. Потерять его ей было еще тяжелее, чем схоронить мужа. Она неутомимо искала его и, наконец, узнала, где он находится. Она пришла в пустынь и со слезами молила сына вернуться домой. Не смог сын устоять против слез матери. Он вернулся с нею в Карачев и начал по-прежнему заниматься торговлей.

Но тоска по дорогом и вынужденно оставленному образу жизни не давала ему покоя: он опять глухою ночью ушел из дому, на этот раз в пустынь Белые Берега, лежащую тоже в Орловской губернии.

Эта пустынь, в красивой, но дикой местности, среди густого леса — была малочисленна по составу, и стояла ниже Площанской по устройству и удобствам для начинающего инока найти нравственную поддержку. Феодор, убедившись в этом, перешел опять в Площанскую пустынь. Снова слух о том дошел до матери и она снова увела его домой.

Сколько мог, Феодор и в миру старался думать более о духовном.

Он принимал у себя странников, кормил голодных. Нищий не отходил от его окна без милостыни. Он вникал в положение вдов и сирот, навещал и служил больным. Он был известен за набожного и истинно доброго человека.

Но и такое настроение не спасло Феодора от падения. Его жизнь показала, как велика сила зла и соблазна, но вместе с тем, как велика сила истинного покаяния, и до какой высоты может достигнуть и согрешивший человек, если он всею душою стремится к Богу.

Открылось в Карачеве место приказчика в богатом купеческом доме. На это место поступил Феодор. Хозяин в скором времени умер, и остались в доме вдова его с четырьмя взрослыми и пригожими дочерьми. Все распоряжение было предоставлено Феодору. Пылкий, увлекающийся, постоянно соприкасаясь с обольстительным соблазном, Феодор поддался сперва дурным мыслям и пожеланиям, а затем последовало падение. Он допустил себя до телесной нечистоты.

Не долго оставался Феодор без борьбы, не много наслаждений взял он от жизни. Он быстро опомнился. В невыразимом раскаянии он проклинал свою слабость, вспоминал о том времени иночества, когда жизнь не была омрачена никаким пороком. Решимость покончить раз навсегда с миром и его грехами была теперь бесповоротна.

Он начал молиться о прощении, усилил раздачу милостыни и всякие благотворения. Но он ясно сознавал, что только в уединении, в трудах иночества он может залечить свою глубокую душевную рану.

Он надумал удалиться в какую-нибудь обитель подальше от дому и прежних воспоминаний. Скрывая свое намерение, он прежде всего пошел на богомолье в Киев.

Прекрасное местоположение Клево-Печерской лавры, множество ее святынь и нетленных

мощей, ее многовековая духовная слава, чин богослужений, все это чрезвычайно привлекательно было для Феодора. Ему очень хотелось остаться в Лавре.

Но он боялся, что его здесь сумеют найти, и он отправился в Молдавию, в знаменитый Нямецкий монастырь, где в то время несколько сот человек братии жили строгою монашескою жизнью под руководством великого старца архимандрита Паисия.

О. Паисий был тогда уже очень изнурен и почти не выходил из своей келлии. Рассчитывать на принятие в монастырь было трудно, а Феодор находился в крайности. Те малые деньги (четыре с полтиной), которые он взял с собой из России, были истрачены. Летнее его платье обносилось, и наступила зима. В этих затруднениях Феодор просил, чтоб его допустили до о. Паисия, чтобы, по крайней мере, принять его благословение.

Видя его ветхое рубище и узнав, как он бедствует, о. Паисий заплакал, стал утешать его и велел принять его в число братии. Он запретил также с этого дня отказывать кому-нибудь в приеме без его ведома.

Для ближайшего руководства Феодора поручили старцу Софронию. Феодор исповедал ему свои грехи, и для усиления покаяния был на пять лет отлучен от приобщения св. Таин.

По уставу он проходил все степени послушаний: рубил и носил дрова, приготовлял инокам пищу, топил печи, мел келлии, ходил за пчелами. Его никогда не покидала глубокая сердечная молитва, и дух его светлел.

За строгость жизни и исполнительность Феодора чрез два года сделали помощником в просфорне, а вскоре он стал пустынником.

В совершенно пустынной местности жил старец Онуфрий, родом из дворян Черниговской губернии. В юности он юродствовал десять лет, потом постригся в одном из Украинских монастырей, а затем ушел в Молдавию, к о. Паисию. После некоторого времени он стал пустынником со своим другом, иеромонахом Николаем. К ним просился и Феодор.

В Онуфрии особенно силен был дух веры и мудрости, в Николае — страха Божия. Феодор же отличался послушанием и трудолюбием. Так жили они, поддерживая друг друга в подвигах. Ежемесячно они приобщались.

Незадолго до смерти о. Онуфрия, во время отсутствия Феодора, на двух старцев напали разбойники, тщетно искавшие у них денег, и с досады сильно их изранили. Феодор самоотверженно ходил за ними.

Вскоре по смерти Онуфрия, Феодор возвратился в монастырь. Здесь он переписывал книги св. отцов, переведенные о. Паисием с греческого на церковно-славянский язык, пел и читал на клиросе.

Не долго пришлось ему оставаться в Молдавии. Он схоронил и Николая, и о. Паисия.

Так как в то время вышел манифест императора Александра I, разрешавший вернуться в Россию всем, самовольно из нее удалившимся (а к числу этих лиц принадлежал и о. Феодор) — он решил идти на родину. Оставляя Нямецкий монастырь, Феодор был пострижен в схиму.

Вернувшись в Орловскую епархию, о. Феодор, по совету архиерея, устроился в Чолнском монастыре. Здесь он заведывал порядком богослужения, и, что особенно важно — давал братии советы, как то делалось у о. Паисия, то есть завел дух старчества.

Между тем молва о возвращении Феодора дошла до его родных мест, его стали оттуда посещать. Он решился переселиться в Бнлобережскую пустынь, где находился тогда о. Леонид, с которым он встретился еще в Чолнском монастыре.

В двух верстах от монастыря, в глуши леса, устроили о. Феодору уединенную келлию, и здесь он поселился с подвижником иером. Клеопою и о. Леонидом.

Слава о мудрости о. Феодора, между тем, все увеличивалась, к нему шло много народа, и, избегая славы, он перешел на север России, в Новоезерский монастырь, где был тогда архимандрит Феофан.

На дорогу с собой он взял всего 30 копеек, и, когда нашел при себе тайно вложенные кем-то из братии пять рублей, тотчас отдал их бедной женщине.

Митрополит новгородский назначил о. Феодору жить в Палеостровской пустыни, на Онежском озере.

Здесь старец перенес тяжкое гонение из-за клеветы. У него не было ни одежды, ни обуви. Он не мог ни выходить, ни принимать никого из иноков, ни разговаривать со странниками. Перед смертью тот, кто был причиной этого гонения, раскаялся и просил со слезами, валяясь в ногах, прощения у о. Феодора.

Утомленный завистью, гонением, о. Феодор удалился в скит Валаамского монастыря, к переселившимся туда своим единомышленникам Клеопе и Леониду.

Шесть лет провел он здесь. Но новое гонение заставило его искать убежища в другом монастыре, Александро-Свирском.

"Слава Богу, слава Богу, — повторял он, — и я вижу, наконец, берег житейского моря, по которому доселе как утлая ладья носилась душа моя".

Он почил в вечер Светлого пятка, 1822 г.

Он был особорован и приобщен.

Пред смертью лицо его просияло. Его озарила радостная улыбка. Ученики, с плачем стоявшие вокруг него, теперь пораженные, перестали плакать и в благоговейном трепете смотрели на светлую кончину.

Архимандрит Моисей, настоятель Оптиной пустыни

"Монастырь согради и братию собра". Всякое дело само себя оправдает.

(Изречение о. Моисея)

Высокая дивным смирением своим, поучительная стройностью, постоянным горением духа и ежедневным самопонуждением к исполнению заповедей — жизнь настоятеля и обновителя Оптиной пустыни архимандрита Моисея — замечательно важна не только, как пример личного подвижничества, но и во многих других отношениях.

Имя этого образцового настоятеля навсегда будет запечатлено на страницах истории монашества: с этим именем связано восстановление старчества, и, следовательно, истинного монашеского жития в Оптиной пустыни, явившейся светлую звездой великорусского

иночества. В роды родов, вместе с незабвенными именами оптинских старцев Льва, Макария, Амвросия — с благословением будет поминаться смиренное, чистое пред Богом имя отца Моисея. Он останется навсегда высоким "образом" монастырского настоятеля. О. Моисей представляет удивительное сочетание аскетической уединенности келейной жизни с доступностью, твердости с кротостью, хозяйственности с крайнею нестяжательностью, самостоятельности с полною покорностью началу старчества, живой деятельности с неистощимым терпением многих и тяжелых скорбей. Каким мягким родным светом озарен трогательный лик сурового к себе и снисходительного к другим инока, неудержимого нищелюбца, спешившего передать земные сокровища чрез руки страждущих — Богу, и вместе с тем, упрочившего и украсившего знаменитую обитель, страдальца, понесшего тяготы, труды и оскорбления за Оптину пустынь.

I. Семья и первые годы иночества

Отец архимандрит Моисей, в миру Тимофей Иванович Путилов, был старший сын серпуховского гражданина Ивана Григорьевича и жены его Анны Ивановны, и родился 15 января 1782 г. в городе Борисоглебске, Ярославской губернии, где жил Путилов. Всех детей у отца его было десятеро; из них четверо умерли в младенчестве.

Иван Григорьевич, служивший по питейным сборам, жил благочестиво, держался неопустительно уставов св. Церкви, прилежал службе Божией и чтению священному, и был человек обходительный. У жены его, женщины безграмотной, но умной, было в родне несколько монашествующих строгой жизни.

В страхе Божиим воспитывали Путиловы своих детей. Обучались дети дома у отца, а в школу не ходили, отец боялся для них дурного товарищества. В праздники водил их отец в церковь, и, вернувшись домой, расспрашивал о службе. В церкви Путилов, имея хороший голос, певал на клиросе; любил заниматься церковным пением и дома с детьми. Чаще всего посещали Путилова духовные лица, и потому дети его с детства слышали много назидательного.

Дочь Путилова стремилась в монастырь, но, по желанию отца, вышла замуж — и вскоре скончалась; ее муж удалился тогда в Саровскую пустынь.

По девятнадцатому году, Тимофей, вместе с 14-летним братом Ионою, были определены отцом на службу в Москву к откупщику Карпыщеву. Москва, с ее множеством святынь и храмов, соответствовала духовным стремлениям Тимофея, развившимся в нем еще в отцовском доме; здесь же легче было доставать духовные книги. С книгою Тимофей не расставался, и в лавке отлагал ее лишь при приходе покупателя и потом снова брался за нее.

Молодые люди имели знакомство с истинно-духовными людьми. Чрез монахиню Досифею^[6] они познакомились со старцами Новоспасского монастыря — Александром и Филаретом, которые находились в духовном общении со знаменитым молдавским архимандритом Паисием Величковским.

В таком расположении, в братьях окончательно созрело желание монашеской жизни, особенно, когда в Саров удалился их зять. В 1804 году (когда Тимофею было 22 года) он приписался с отцом своим к московскому купеческому обществу и, взяв на три года паспорт, отправился с братом Ионою в Саров. Зная, что отец не дал бы на то своего согласия, они написали ему, что от хозяев отошли за невозможностью жить у них, и что есть у них на примете другой Хозяин, которому они дали слово — поступить в услужение. Уже из Сарова написали они откровенно отцу о своем намерении; но Иван Григорьевич разгневался и приказал детям немедленно вернуться домой; но они не показывались ему два с половиною

года. За это время Путилов разболелся, и, когда Тимофей приехал к нему мириться, хотя не сразу, — но решился отпустить сына; через год, после долгих уговоров, отпустил и Иону.

После того Иван Григорьевич жил не долго.

В городе Мологе, Ярославской губ., на городском кладбище, у алтаря церкви Всех Святых стоит простой мраморный памятник с обозначением имени Ивана Григорьевича Путилова. На обратной стороне написано, что памятник воздвигли: "Путилова дети: Моисей, игумен Оптиной пустыни; Исаия, игумен Саровской пустыни; Антоний, игумен Малоярославецкого Николаевского монастыря".

Саров, где полагал начало Тимофей, находился в то время в полном процветании. Уже 37 лет жил там великий старец Серафим, там же пребывали схимонах, носивший подвиг юродства, Марк, и на покое восстановитель Валаама, игумен Назарий.

Строитель Саровский, Исаия, был тоже известен строгостью жизни. Тимофей имел тяжелое послушание в хлебне, а потом ходил за больным строителем, о. Исаиею; во время трехлетнего пребывания в Сарове, Тимофей много воспользовался наставлением Саровских старцев.

Неизвестно почему, простившись с отцом, Тимофей не вернулся более в Саров, как его брат, который, оставшись там, был впоследствии Саровским игуменом. Тимофей поступил послушником в Свенский Успенский монастырь Орловской епархии. Вероятно, его привлекала близость Рославльских и Брянских лесов, где в то время спасалось много пустынножителей. К числу этих отшельников, в 1811 г., присоединился и Тимофей Иванович.

II. Рославльские леса и начало Оптинского скита

В Рославльских лесах Тимофей Иванович провел десять лет. Он вручил себя руководству иеросхимонаха Афанасия. Этот мудрый старец пребывал постоянно в духовном трезвении и имел дар умной молитвы. Беспечительность его о всем житейском была безгранична. Этим старцем и пострижен Тимофей Иванович в монашество, с именем Моисея. Это имя было дано ему по общей мысли пустынников, в знак гостеприимства, которое с любовью оказывал о. Моисей странникам, доходившим до пустынников. Преподобный Моисей Мурин любил успокаивать странников.

Пустынники, с которыми поселился в лесу о. Моисей, числом 8, жили в трех келлиях. Место уединения их находилось в дачах помещика Броневского, в сорока верстах от Рославля, в пяти от сельца Якимовского, в семи от села Лугов и в 30 от сельца Межова, на берегу лесной речки Богдачевки.

Всю церковную службу пустынники правили каждодневно у себя в келлии, начиная с 12 часов ночи; в воскресные и праздничные дни случалось им отправлять службу вместе; в Рождество, Пасху, и великие праздники приходил из села Лугов священник, с запасными Дарами.

В свободное от молитвы время пустынники занимались рукоделием; так, о. Моисей переписывал полууставом священные книги.

Огород, который обрабатывали пустынники, родил только репу. Летом собирали грибы, ягоды для благодетелей, присылавших печеный хлеб, крупу и иногда бутылку масла. При недостатке соблюдали сухоядение. Целую зиму кругом выли волки; и медведи обижали пустынников, расхищая иногда огород; они подходили близко, но не трогали монахов — только по лесу слышался шум ломаемых ими ветвей. Однажды отшельники чуть не были перебиты разбойниками; полиция иногда придиралась к ним.

Но всего страшнее были бури, ломавшие столетние деревья. Однажды громадное дерево упало около келлии с ужаснейшим треском, и о. Моисей думал, что все кончено; но дерево задало келлию лишь ветвями.

В 1812 г., при нашествии французов, отшельники покинули пустыню, и о. Моисей удалился в Свенск и Белые Берега, а потом вернулся опять в пустыню.

В 1816 г. к отцу Моисею приехал его младший брат Александр, чтобы разделить с ним его жизнь. Через четыре года Александр келейно пострижен иеросхимонахом Афанасием, с именем Антония, и поручен руководству брата своего о. Моисея, к которому всю жизнь сохранял великое послушание.

С братом своим, в 1816 г., о. Моисей был в Киеве, где радушно принят митрополитом Серапионом и наместником лавры Антонием (впоследствии арх. Воронежский). По дороге в разных обителях о. Моисей посетил старцев: о. Василия Кишкина, о. Макария (будущего Оптинского) и о. Филарета Глинского.

Во время пустынной жизни окреп и созрел духовно о. Моисей. Он приобрел сосредоточенность и молчание, внимание и дар молитвы и уничижения себя; все эти качества высказались в нем в многопопечительном звании настоятеля. Следями той постоянной и неуклонной борьбы, какую вел с собою в тиши уединения о. Моисей, осталось несколько разрозненных листков из числа тех, на которых о. Моисей записывал иногда свои думы. Вот отрывки из них:

"Нб. 15. 1819 г. — По принесении молитвы исповедания грехов слагался^[7] в сердце на все следующее время блюстися опасно, чтобы не ужинать отнюдь, ибо бесчисленно страдал от того и искусом наставлен, что нет лучшего средства к благоустроению души, как вкушать пищу по однажды в сутки. Господи, не остави мене, вонми в помощь мою, отсели воздержатися от вечернего употребления пищи и в обеденном трапезовании не пресыщатися и принять искус употребления одного рода пищи.

1819 г. Дек. 14 (после причастия). Занимаясь правилом, пришло мне на мысль: исправя, с Божиею помощю, труд поста обучением себя в одном роде простой пищи, начать хранение уст, в разуме грехов своих и недостойнства еже глаголати, за нечистоту и неисправленность сердца и ума моего: чтобы вовсе не говорить устно ничего ни с кем, а по крайней нужде изъясняться через брата, краткими словами на письме полууставом. Боже, помоги мне не начатое и начатое совершить, определяя лучше умереть, нежели начатое нарушить и несовершити.

Дек. 15. Во время трапезы блеснуло в уме разумение относительно до сожителствующим со мною братии, чтоб их погрешности, видимые мною и исповедуемые ими, принимать на себя и каяться как за собственные свои, дабы не судить их строго и гневом отнюдь не воспламеняться. Ошибки, проступки и грехи братьев да будут мои".

Эти уцелевшие на общее вразумление и поучение записки, являются драгоценными чертами из жизни о. Моисея. Какую рисуют он исполненную строгой, духовной красоты картину непрестанной кровавой борьбы во исполнение закона евангельского!

В Рославльских же лесах о. Моисей постоянным прилежанием к чтению приобрел глубокое знание учения св. Церкви и святоотеческих творений. Здесь же началось и дело руководства им других лиц. Он сносился, по послушанию, с помещиками, заботившимися об отшельниках; и эти помещики обращались к нему за советами.

Когда о. Моисей возрос до меры учительного и крепкого в духовной жизни мужа — Господу угодно было призвать его на высшее служение и вручить ему трудное и многоплодное дело.

В 1820 г. отец Моисей, проездом из Москвы, где ему было необходимо побывать, посетил Оптину пустынь, и был представлен ее игуменом Калужскому преосвященному Филарету. Этот знаменитый подвижник (скончавшийся в сане митрополита Киевского и в схиме) и мудрый архипастырь всю душою от юности любил монашество. Дикий сосновый бор, окружающий Оптину пустынь, навел его на мысль, устроить при Оптиной скит. Он слышал о рославльских пустынножителях, и именно им желал поручить устройство скита.

Знакомство с о. Моисеем утвердило его в этом намерении. После переписки и приглашения, о. Моисей с братом Антонием и еще двумя монахами 6 июня 1821 г. прибыли в Оптину и поместились на монастырской пасеке.

В 170 саж. от обители, где стояла, среди вековых сосен и порослей орешника и липы, уединенная келлия, избрано место, составлен план и приступлено к работам.

С великим трудом новоприбывшие пустынножители должны были очистить избранное место от сосновых, вековых деревьев — вырубить и выкорчевать их. В этом помогали им немногие нанятые работники. Из срубленного леса выстроили небольшую келлию, обвели свое место забором и поставили церковь во имя Св. Иоанна Предтечи; вслед затем число келлий стало увеличиваться.

В декабре о. Моисей поехал за сбором в Москву и вернулся в повозке столь нагруженный, что самому ему еле можно было сидеть.

В начале 1822 г. храм был освящен, и преосв. Филарет немедленно затем прибыл в Оптину. О. Моисей просил у него разрешение принять схиму. "Не у приде час", — был ответ. По отъезде владыки, о. Моисей послал ему о том же письменное прошение. Но преосвященный ответил предложением священства, от которого пустынножитель решительно отказался. Видя, какие дары кроются в о. Моисее, мудрый архипастырь не уступал; спор длился шесть недель. Наконец, еп. Филарет сказал: "Если ты не согласишься, буду судиться с тобою на страшном суде Господнем". Только тогда умолк о. Моисей и 22 декабря 1822 г. рукоположен в иеромонахи и определен духовником Оптиной.

Между тем, о. Моисей продолжал устраивать скит, сажал и сеял деревья, которые теперь такою красотой осеняют место Оптинского скита. Бог посылал и пособия; но значительные расходы на постройки и долги потребовали в 1825 г. поездки о. Моисея за подаянием в Москву, где он получил известие об избрании его в настоятели.

III. Труды настоятельства

43 лет от роду принял о. Моисей в свое заведывание Оптину пустынь и 37 лет пекся о ней. За это время, трудами настоятеля, Оптина совершенно преобразилась. Число братства увеличилось во много раз, были сделаны, несмотря на то, большие хозяйственные запасы, почти удвоена монастырская земля, разведены фруктовые сады, заведен рогатый скот, устроена обширная монастырская библиотека, расширен собор, воздвигнуты две церкви, выстроены трапеза, гостиницы, конный и скотный дворы, семь корпусов келлий, два завода, мельница и знаменитая белая Оптинская ограда; служба стала совершаться благолепно, но, что всего важнее, возвысился нравственный строй обители.

Все эти громадные постройки были производимы без денег, на веру — и столько же для обители, сколько на помощь бедным, для заработков.

"Есть ли у вас, батюшка, деньги? — спрашивали приближенные при начале стройки. — Есть, есть, — и покажет 15, 20 рублей. — Да ведь это не деньги — дело тысячное". А о. Моисей улыбнется и скажет: "А про Бога забыл: у меня нет, так у Него есть". И вера эта не была посрамлена. Очень часто бывало, что рабочие просили уплаты, когда у настоятеля было всего несколько медных монет; он просил обождать, и чрез день-два по почте приходили деньги. Когда же и этого не было, он занимал и при первом случае возвращал все сполна.

Каменные гостиницы, для которых иногда срывали гору и возили землю в озера, и обширная ограда строились в голодный год, когда пуд муки продавали по 5 руб. асс. Хлеба и у братии было мало; монастырь был набит голодным людом из окрестностей, и в это самое время о. Моисей вел постройки и кормил народ. Народная беда прошла глубоко к его сердцу. Однажды, когда его стали уговаривать оставить стройку в таких тяжких обстоятельствах, от глубокого волнения отверзлись его всегда молчаливые уста, и, обливаясь слезами он ответил: "Эх брат, на что же мы образ-то ангельский носим? Для чего же Христос Спаситель наш душу Свою за нас положил? Зачем же Он слова любви проповедал нам? Для того ли, чтоб мы великое Его слово о любви к ближним повторяли только устами? Что же народу-то с голоду что ли умирать? Ведь он во имя Христова просит... Будем же делать, дондеже Господь не закрыл еще для нас щедрую руку Свою. Он не для того посылает нам Свои дары, чтоб мы их прятали под спуд, а чтоб возвращали в такую тяжелую годину тому же народу, от которого мы их получаем".

Вообще нищелюбие о. Моисея не знало предлов. Он покупал иногда за высшую, чем просили, цену вовсе ненужные вещи только для того, чтоб помочь нуждающемуся продавцу, покупал гнилые припасы, сам и употребляя их в пищу, держал на жалованьи сирот, одних для отпугивания ворон, других для ловли кротов.

При отце Моисее образовался значительный приезд богомольцев в Оптину. Все они встречали самый заботливый прием. Архимандрит сам обходил гостиницы, был радушен и у себя в келлии. Он имел способность говорить со всяким согласно его пониманию и развитию.

Когда кто просил чего-нибудь из обители "на благословение", о. Моисей отдавал лучшее и иногда последнее.

В гостинице не было установлено (как ведется и поныне) платы, но всякому предлагалось класть в кружку по усердию. Один богатый купец спросил настоятеля, не боится ли он, что все не будут платить, а жить даром?

— Не заплатят 99? Бог пошлет сотого, который за всех заплатит, — сказал о. Моисей.

Купец после того стал благодетелем Оптиной.

Значительным пожертвованиям о. Моисей не дивился. Одно семейство, много дававшее Оптиной, пришло жаловаться за что-то на гостиника и упомянуло о своих благодеяниях.

— Мы думали, — отвечал о. Моисей, — что вы благодетели ради Бога и от Него ждете награды, а мы, убогие и неисправные, чем воздадим?

Но не сухостью сердечною отвечал о. Моисей на благотворение искреннее, а горячими молитвами.

При приеме в пустынь о. Моисей не требовал денежного вклада; он любил принимать и хилых, больных, слепых, которые ничем не могли воздать обители.

В отношении братии о. Моисей держал себя необыкновенно мудро. По природе горячий, он

совершенно переделал себя и приобрел замечательную кротость. Если же находил на него гнев, он торопился уйти, смирял себя молитвою и возвращался успокоенный. Не любя выказывать власть, он однако не упускал ее из своих рук и держал крепко монастырь.

При чрезвычайной деятельности о. Моисея, в нем не было никакой суетливости; все, казалось, шло само по себе, невидимо руководимое одною волею. Мелочными подробностями при назначении послушаний о. Моисей не стеснялся; к неудачам других относился с совершенным спокойствием и покрывал их любовью.

Все замечая, о. Моисей часто отлагал вразумление на долгое время и потом напоминал о проступке; такое вразумление действовало сильно. Прежде чем наставлять монаха, о. Моисей молился за него и всегда вглядывался, спокоен ли тот, с кем он должен говорить.

Помня твердо слово Златоуста: "О исправлении того только должно сомневаться, кто в аде находится с бесами", о. Моисей имел неодолимое доверие к совести человеческой. Одного печника, много раз обманывавшего о. Моисея и много раз им прощенного, экононом хотел прогнать. Печник обещал исправиться; у него не было и рубашки на теле, а только кафтан, и о. Моисей жалел его.

— Когда же он исправится, батюшка, — уговаривал эконома, — он известный негодяй!

— Как, — ответил о. Моисей, — человек хочет исправиться, а ты говоришь, что он негодяй! Сам ты негодяй, ступай!

Крутых, строгих мер о. Моисей не употреблял и говорил, что нужно подождать, пока Господь коснется сердца человека. Вообще же о. Моисей приравнивался к характеру и духовной степени каждого.

Получив в жизни великую пользу от чтения духовных книг, о. Моисей любил приобретать их. Из Калуги он много привозил их, выписывал духовные журналы. Прочтя книги, он отдавал их в монастырскую библиотеку.

При о. Моисее Оптиная пустынь, под непосредственным руководством старца о. Макария, издала 16 духовноаскетических книг древних подвижников. Эти книги о. Моисей целыми тучками рассылал бесплатно в разные стороны.

Всюду ища пользы духовной, он говорил: "Наше дело сеять; Бог даст, когда-нибудь будут и плоды".

Посылая за сбором на обитель, о. Моисей заповедывал монахам, входя в дом, читать "Отче наш" для смягчения сердец; при переправах через реки советовал призывать на помощь св. Николая Чудотворца.

Так, вникая во все многообразные отрасли монастырской жизни, совершал о. Моисей свое служение; но главная его заслуга состоит в поддержании в Оптиной старчества.

С любовью приняв в Оптину старцев Леонида и Макария, он и сам преклонил пред ними свою волю, никого без их совета не определял и не постригал, советовался с ними во многом. Обладая сам в высокой степени даром рассуждения, о. Моисей, зная, что руководитель в духовной жизни должен быть один, на всю жизнь воздержался от руководства братии словом, касаясь ее лишь по внешним делам послушания. Мало того, он ото всех и посторонних скрывал свои старческие дарования. И многие, слыша его общеназидательный разговор, не знали, какой высокой духовности перед ними муж. Только однажды, в присутствии о. Макария,

пришлось о. Моисею сделать наставление. Исполненная силы речь так и лилась из его уст, и все изумлялись не столько речам его, сколько постоянному его молчанию при таких дарованиях. Таким образом, столь много потрудившись для духовного преуспеяния Оптиной, о. Моисей сумел казаться большинству простым и добрым иноком, способным заботиться лишь о внешних нуждах обители, и утаил то высокое духовное разумение, какое стяжал подвижничеством своею жизнью.

В довершение перечня подвигов, понесенных о. Моисеем за время настоятельства, следует сказать, что он вынес одно ничем не заслуженное, тяжелое, соединенное с великими скорбями и многолетнее гонение, и терпел его с неистощимым смирением. Столь же тягостно для отца Моисея было гонение на столь дорогое ему старчество, гонение, прекратившееся, по видимому, заступничеством митрополита Киевского Филарета.

IV. Келейная жизнь о. Моисея. Кончина.

Келейная жизнь о. Моисея была постоянным понуждением себя.

Спал он мало, не раздеваясь и вставая едва ли не в полночь. К утрени ходил неопустительно, говоря, что за литургиею приносится за нас бескровная жертва, а в утреню мы сами приносим в жертву свой покой, — также к обедне и вечерне.

У службы стоял прямо, не облакачиваясь, и погружался иногда в такую молитву, что не замечал ничего вокруг. Также иногда, ходя, был так углублен в себя, что не видел и не слышал подходивших к нему, и слезы, орошавшие его лицо, выказывали его настроение. Молитва, которую постоянно творил он, поддерживала его — ею он, горячий нравом, стяжал кротость.

Всякую свободную минуту о. Моисей посвящал чтению, и, когда его отрывали от книги, замечал, где остановился, чтоб, исполнив дело, вернуться вновь к чтению. В трапезу о. Моисей ходил постоянно, и брал пищи понемногу. Дома же ел самое простое, и часто, для смирения себя, испорченное.

Непрестанным наблюдением за собою, о. Моисей приобрел кротость и молчание, и в минуту тревоги углублялся во внутреннюю молитву.

Однажды в Оптиной случился весьма убыточный пожар в гостинице. О. Моисей, зная, что все меры приняты, смотрел спокойно на огонь, который был потушен, когда против него стали с Казанскою иконою. Всегда молчаливый, особенно скрытен был о. Моисей, если кто пытался расспрашивать о его жизни и внутреннем его делании. Тут ничего нельзя было от него узнать. Когда кто говорил о. Моисею о его заслугах, он недоверчиво улыбался. Однажды посетил Оптину один архиерей — и, осмотрев скит, спросил о. Моисея, кто это устроил. О. Моисей уклончиво ответил, что это устроилось постепенно на здешнем месте.

— Я и сам вижу, что на здешнем, но кто именно построил?

— Настоятель с братиею.

— Говорят, что вы все это устроили.

— Я тоже при этом находился...

После таких ответов гость уже более не допытывался.

Говорил о. Моисей медленно, взвешивая каждое слово, и, слушая других творил молитву

Иисусову, перебирая четки.

Одевался о. Моисей в простую, но чистую, по званию, одежду.

Подвиги поста и благотворения прикрывал иногда шутливым словом. Один торговец упросил о. Моисея купить бочонок сельдей, которые, по его словам, были прежде вкусные и сорта хорошего, да от жары испортились. Келейник нашел, что селедки вовсе не годятся и что их девать некуда.

— А ему-то, подумай, куда их девать, у нас все разойдутся, — и велел подавать себе к ужину по одной селедке, с хреном — и все их съел. Также иногда делал вразумление в виде шутки.

О. Моисей желал как-то купить для монастыря яблок сорта "добрый крестьянин". Один мужик привез ему много антоновки, и, когда архимандрит спросил про сорт, отвечал.

— Добрый крестьянин, батюшка, добрый крестьянин!

— Добрый-то, добрый, да не Антоном ли его звали? — сказал о. Моисей.

Великую нестяжательность, поражавшую в о. Моисее, развил он в себе смолоду. "Когда я был в Сарове, — промолвился он однажды, — присматривался я к тому, как кто живет и что имеет, и сказал себе: умру с голоду, но никогда в жизни ничего не буду иметь. Вот, и хожу всю жизнь с сумою". Как говорил келейник о. Моисея, он был "большой гонитель на деньги", а богат был, как сам выражался, только нищетой.

Когда, по кончине о. Моисея, открыли ящик, где он держал деньги, нашли один гривенник, застрявший между дном и стенкою.

— Верно батюшка не заметил его, — сказал его брат, о. Антоний, — а то он бы непременно и его истратил.

В 1856 году игумен Исаия приехал в Оптину повидаться с братьями Моисеем, — которого не видал 38 лет, и Антонием. (О. Антоний из Оптиной был взят в настоятели Малоярославецкого монастыря, и потом водворился в Оптиной на покое). В день коронации три брата служили литургию и молебен, представляя великий и трогательный пример.

В 1860 г. о. Моисей был утешен Высочайшим дарованием пустыни 108 дес. леса, весьма ей нужного. Хотя на обители был еще долг в 17 тыс. р., о. Моисей успокаивал себя тем, что принял ее с большим долгом, а теперь много запасов, и тем, что Господь силен пополнить эту нужду, что вскоре по кончине о. Моисея и случилось.

Ряды сверстников о. Моисея редели и редели. В 1860 году преставился о. Макарий, на 6 лет его младший; о. Моисею шел восьмой десяток к концу.

И в этом преклонном возрасте, подавая пример понуждения, о. Моисей отказался от чая по утрам, и стал еще больше заботиться о строжайшем исполнении устава. В то же время, дойдя до глубины смирения, он говорил: "Теперь дознал я, что, действительно, я хуже всех".

15 мая 1868 г., на 81 году, о. Моисей заболел карбункулом на спине, и уже больной ездил в Калугу. Здесь тяжкую скорбь причинил ему донос на него некоторыми из братии. 26-го о. Моисей пришел в устроенную им оптинскую библиотеку, и молча, как бы прощаясь, осмотрел ее. Вскоре к первой болезни присоединилась водяная. О. Моисея приобщали всякий день; он много страдал, но иногда, перемогаясь, подымался, чтоб заняться монастырскими делами.

Лежа, он говорил вслух о пользе старчества, благословляя приходивших прощаться с ним иноков; и в болезни понуждал себя и уклонялся от услуг.

6 июня о. Моисей, сохраняя свое имя, постригся в схиму, при чем вид его был чрезвычайно благолепен.

Между тем, при слухе об опасном недуге о. Моисея, со всех сторон стали приезжать, чтоб проститься с ним, и больной оделял всех образками; их роздано было до 4,000. 14-го о. Моисей приказал вынести из комнаты все вещи и поместить пред собою икону Св. Тихона Задонского, стоявшую пред ним до кончины, последовавшей в день тезоименитства этого святителя. 15-го по движению руки умиравшего старца было замечено, что он благословляет отсутствующих. В это самое время, как узнали из полученного впоследствии письма, одно преданное старцу лицо в Петербурге в тонком сне видело, как о. Моисей благословляет поочередно членов его семейства.

16-го июня, в 10 часов утра, при чтении слов евангелия от Матфея: "Прийти имать Сын Человеческий... и тогда воздаст комуждо по делам его" — о. Моисей тихо отошел.

О. Моисей погребен в Казанском храме Оптиной пустыни. С ним рядом лежит его брат, игумен Антоний. Над их общей могилой устроено богатое мраморное надгробие, иждивением г-жи Небольсиной, которой о. Моисей дал первый совет о принятии православия, и старанием оптинского постриженника (ныне архиепископа Варшавского) Ювеналия Половцова, которому принадлежит прекрасный труд жизнеописания о. Моисея, послуживший руководством при составлении настоящего очерка.

Оптинский старец Леонид

I. Молодость и монашество

Отец Леонид, в миру Лев Данилович Наголкин, родился 1768 года в г. Карачеве, Орловской губ., от простых граждан; в молодости, по должности приказчика, объездил почти всю Россию, приобретая тем большое знание людей и житейскую опытность. 29 лет от роду он поступил в Оптину пустынь, чрез два года перешел в Белые Берега (Орл. губ.), где и пострижен в иночество настоятелем, старцем строгой жизни, бывшем на Афоне, Василием Кишкиным; вскоре за пострижением рукоположен в иеромонахи. В монастыре о. Леонид обращал на себя внимание ревностью и постоянными трудами. Однажды клиросные, недовольные настоятелем, пригрозили ему, что не будут петь всенощную. Настоятель велел петь о. Леониду, с другим монахом. О. Леонид только что вернулся с лугов, где возил сено — и, пыльный, усталый, собирался ужинать; по слову настоятеля, он все бросил, и, как был, пошел исполнять его волю.

Удалившись на время в Чолнский монастырь, о. Леонид вошел в близкое духовное общение со схимонахом Феодором, учеником старца Паисия Величковского, архимандрита Молдо-Влахийских монастырей, восстановителя старческого руководства иноков.

В 1804 г. о. Леонид был определен настоятелем Бело-Бережской пустыни. Когда братия избрала его, он на квасоварне, в фартуке, был занят изготовлением для братии кваса, и прямо оттуда повезли его к архиерею.

В 1805 г. о. Феодор переселился в Белые Берега, и под его руководством много преуспел о. Леонид. В это же время был о. Леонид в общении с инспектором Орловской духовной семинарии, игуменом Филаретом (впоследствии митрополит Киевский).

В 1808 г. о. Леонид сложил с себя звание настоятеля — и чрез три года, ища уединения и безмолвия, последовал за о. Феодором в скит Валаамского монастыря.

Около шести лет прожили здесь подвижники, и своею мудростью и смирением привлекли к себе многих братьев, которые стали обращаться к ним за духовным руководством. Один из валаамских подвижников, недоумевая, как, среди постоянных бесед, старцы сохраняют несмущенность и сосредоточенность, спросил их о том. — Экий ты, братец, чудак, — отвечал старец, — да я из любви к ближнему два дня пробеседую с ним на пользу душевную, и пребуду несмущенным.

За иноками стали искать советов старцы и миряне.

Настоятель Валаамский, видя себя как бы оставленным своими учениками и умаленным в своей чести, пожаловался митрополиту Петербургскому на пришельцев, возмущивших мир обители и введших новшества. Но произведенное следствие и заступничество архимандритов Филарета (впоследствии митрополит Московский) и Иннокентия (еп. Пензенского) показали истинную суть дела. Тем не менее, в 1817 г., о. Леонид и о. Феодор решили покинуть Валаам и водворились в Александро-Свирском монастыре. Здесь в 1822 г. последовала блаженная кончина о. Феодора. После кончины наставника своего, о. Леонид задумал искать уединенного места, чтобы поселиться там со своими учениками. Когда это стало известно, ему было сделано несколько предложений, и он остановился на новоустроенном о. Моисеем ските при Оптиной пустыне, в которой положил начало монашеству. "Того желала, — как говорил старец, — монахолюбивая душа нашего прежнего любителя и благодетеля преосв. Филарета" (Калужского, впоследствии Киевского).

В продолжение пяти лет Свирская обитель не отпускала о. Леонида, и, наконец, получив увольнение из нее и проведя полгода в Площанской пустыни, в единении с о. Макарием (Ивановым), которому было суждено разделить труды о. Леонида по насаждению старчества, о. Леонид в апреле 1829 г. прибыл с 6 учениками в Оптину. На пасеке близ скита ему отвели келлию, и разместили его учеников. С прибытием о. Леонида возникло в Оптиной старчество.

Скрытно от людей осталось духовное воспитание о. Леонида. О его внутренней жизни мало сохранилось известий. Можно сказать только, что высочайшая ревность никогда не покидала его, снедая его душу, и что он прошел полный путь послушания своему старцу. В последний год жизни о. Феодора, о. Леонид преуспел более, чем во все предшествовавшее время, и из Свирского монастыря вышел во всеоружии духовной силы.

Можно предположить также, что о. Леонид был делателем умной молитвы^[8]. Одному ученику он сказал так: "Кого посетит Бог тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из ближних, тот и невольно помолится всем сердцем и всем помышлением своим, всем умом своим. Следственно, источник молитвы у всякого есть; но отверзается он или постоянным углублением в себя, по учению отцов, или мгновенно Божиим сверлом".

2. Оптина и старчество

В чем состоит старчество и значение его?

Дело спасения души есть многотрудное дело. Непрестанная борьба с собою, т. е. борьба духа с зараженною первородным грехом природою, и постоянное самонаблюдение, необходимое для успешности этой борьбы, еще недостаточны. Нужно еще многое знание — знание человеческой природы и ее отношения ко внешнему миру, и той доли духовной пользы и вреда, какую можно извлечь из соприкосновения с этим миром, знание путей, которыми

снискивается благодатная помощь. Нужно непрестанное руководство, для поддержания души в ее деле, для соблюдения, так сказать, равновесия ее, чтобы работа совершенствования шла, не останавливаясь и последовательно, а не обращалась в духовные прыжки в перемежку с привычными падениями, как то часто бывает с людьми, не имеющими руководителя. Нужно лицо, узнавшее данную душу, ее расположения, способности и грехи, — лицо, которое, умудренное духовною опытностью и разумением, вело бы эту душу, ободряя ее в дни лености и уныния, обуздывая в дни неумеренных восторгов, смиряя в гордости, предусматривая опасности, врачую покаянием во грехе.

Спокоен и верен путь человека, подчинившего себя такому руководству, потому что тем исполняет он две великие добродетели — послушания и смирения. То откровение помыслов, которое является непременным условием отношения к старцу, есть могущественное орудие совершенствования, страшное для врагов нашего спасения. Помысл не открытый тревожит и смущает душу; исповеданный — отпадает и не вредит ей.

Вот как говорит о таком руководстве преп. Иоанн Лествичник: "Якоже корабль, имеющий искусного кормчего, благополучно, Божиим содействием, входит в пристанище; тако и душа, имущая доброго пастыря, удобно на небо восходит, хотя бы прежде и много зла соделала. Как идущий по неизвестному пути без путеводителя удобно на оном заблуждает хотя бы был и весьма разумен, так и путь монашества самовластно проходящий, удобно погибает, хотя бы и всю мира сего премудрость знал".

"Молитвами и слезами, говорит один учитель благочестия, умоли Бога показать тебе человека, который бы мог хорошо упасти тебя".

"Невозможно впасть в бесовскую прелесть тому, кто живет не по своему хотению и разумению, а по наставлению старцев. Не может лукавый враг посмеяться над неопытностью того, кто не привык, по причине ложного стыда, скрывать все возникающие в сердце его помышления".

Таково значение старца, великое для мирян, еще более обширное в жизни иноков. Значение это духовное; внешней власти управления старец не имеет, хотя ничего не должно делаться в монастыре важного без его благословения. Об этом высоком положении старца, как общего наставника и вдохновителя монастырской жизни, сохранились следующие слова в предсмертном завещании великого учителя иноков, преп. Феодора Студийского:

"Во-первых, оставляю вам наставником господина и отца моего и отца вашего, преподобнейшего затворника, и отца, и светило, и учителя. Ибо он о Господе выше и меня и вас, и он наша глава, хотя и подчинил себя, живя безмолвно в хриstopодражательном смирении; его наставлениями и молитвами, верую, спасетесь, если только окажете ему должную благопокорливость и послушание". — Далее преп. Феодор Студит говорит о выборе настоятеля.

Вот этот дух старчества и принес в Оптину о. Леонид, и крепко его в ней утвердил.

Это было вновь обретенное и внесенное в Россию сокровище, так как, известное встарь в Египетских и Палестинских киновиях, на Афоне и в России, в последние века старчество было вовсе забыто, но открыто в аскетических творениях старцем Паисием Величковским, который, переведя на славянский язык учение об отношении к старцам, ввел его в молдавских монастырях, откуда принесено оно учеником о. Паисия, Феодором, в Россию и передано о. Леониду.

Со времени водворения о. Леонида в Оптиной, изменился в ней строй иноческой жизни. Вся

братия стекалась в келлию старца с душевными откровениями своими, и чудную картину представлял старец, в белой одежде, в короткой мантии, окруженный стоявшими на коленях учениками. Особое воодушевление стало видно в иноках, и, замечая благотворное влияние на них старца, миряне вслед за ними пошли к о. Леониду, с недоумениями и скорбями своими. Расти стала слава обители, и подвижники благочестия стали посылать в Оптину людей, искавших надежного пути спасения.

В 1834 году прибыл в Оптину иеромонах Макарий Иванов, и, пребывая послушным о. Леониду, стал в то же время сотрудником его. Делили они труды свои, покорствовали и смирялись друг пред другом, вместе подписывались на письмах, а в последние пять лет жизни о. Леонида были как бы один дух в двух телах, передавая друг другу обстоятельства духовных чад своих и вместе иногда выслушивая откровения их. Так что, когда не стало о. Леонида, осталась живую другая половина его — о. Макарий.

Влияние старчества, через Оптину, распространилось еще на две обители Калужской епархии и на несколько женских монастырей.

Как труженику на такой святой ниве, тяжкое гонение пришлось претерпеть о. Леониду за старчество. Некоторые непонятливые монахи смущались невиданным новшеством, считали его за ересь, смешивали откровение помыслов с таинством исповеди. На о. Леонида был послан к архиерею донос. Опасаясь неприятностей, архиерей приказал перевести о. Леонида с пасеки скитской в монастырь, и воспретить к нему вход мирян. Смиренно подчинился старец этому распоряжению — и, как он делал и после, в неоднократных принудительных перемещениях, взял на руки келейную свою икону Богоматери, Владимирскую, запел "Достойно есть яко воистину", — и пошел в новую келлию, и, пока ученики переносили келейные вещи, он уже сидел на новом месте, спокойно занимаясь рукоделием своим — плетением поясков.

Между тем, настоятель о. Моисей был поставлен в очень трудное положение между повелением начальства и сочувствием тем многим скорбящим, которые были лишены духовного утешения. Некоторые столь настоятельно просили свидания со старцем, что отказать им не было возможности; но, раз приняв одного, — случалось, с разрешения самого архиерея, — о. Леонид считал себя не в праве отказывать другим.

Но доносы не прекращались. Вместе с подтверждением запрещения принимать посетителей, о. Леониду велено было архиереем снять схиму, так как он был пострижен в нее келейно, без консисторского указа.

Однажды о. Моисей, идя по монастырю, увидел огромную толпу народа пред келлиею старца и заметил ему о запрещении архиерея. Вместо ответа о. Леонид приказал келейникам принести недвижимого калеку, лежавшего у его дверей. "Посмотрите на него — он живой в аду, — сказал старец, — но ему можно помочь. Господь привел его ко мне для искреннего раскаяния, чтоб я его обличил и наставил. — Что вы скажете? Могу я его не принять?"

Игумен содрогнулся, смотря на несчастного, но молвил: "Преосвященный грозил послать вас под начал".

— Ну так что ж? Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь поставьте — я буду все тот же Леонид. Я к себе никого не зову, а кто приходит ко мне, тех гнать от себя не могу. Особенно в простонародии многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу презреть их вопиющие душевные нужды?

Гонение на о. Леонида улеглось, когда Оптину, в 1837 г., проездом в Киев, в сопровождении

Калужского архиерея, посетил Филарет, митр. Киевский, давно знавший о. Леонида. Между прочим, архипастырь сказал ему при архиерее: "Почему ж ты не в схиме?" Старец молчал. — "Ты схимник, и должен носить схиму".

С этого дня, до кончины, старец начал снова носить схимнический великий параман.

Много душевной тяготы принял за время гонения о. Леонид, но остался тверд.

Проживавший в Оптиной помещик Желябужский, при переводе старца в монастырь, выстроил для него келлию. Но и это жилище изгнанника не было последним. В 1839 г. было воздвигнуто гонение на Белевских (женского монастыря) учениц о. Леонида, отразившееся и на нем. Старца велено было перевести в другую келлию, подальше от ворот, и запрещен прием посетителей; дан ему приказ, не взирая на болезнь ежедневно ходить в церковь. Народ ждал этих выходов, падал на землю, целовал края одежды его, выражал жалость к нему.

Малое расстояние до храма о. Леонид, обуреваемый народом, шел не менее получаса. В церкви, близ старца, собиралась толпа.

Разнеслись слухи, что о. Леонида сошлют в Соловки или в больницу Боровского монастыря, под надзор. Ученики, в ужасе разлуки со старцем своим, решили написать Сергиевскому настоятелю о. Игнатию Брянчанинову, чтоб он сыскал старцу защиту у членов Синода. Долго отказывался старец, но, наконец, по неотступным просьбам, подписался, не читая, под письмом, составленным о. Макарием. Митрополит Филарет московский, бывший в то время в Петербурге, по просьбе о. Игнатия написал калужскому архиерею, и слухи о заточении замолкли. Письмами же обоих Филаретов к тульскому преосвященному были оправданы и вновь приняты изгнанные Белевские ученицы старца. Впоследствии эти изгнанницы были игуменьями.

Так перенес старец гонения, не прерывая сношений с народом и монашествующими, по близости с Оптиным скитом.

В монастыре о. Леонид, как и в скиту, никому не отказывал; особенно же прилежал простому народу, как имеющему особую нужду в помощи. Некоторые, придя к нему, только стопами могли выразить свою скорбь, а он так понимал свою обязанность.

— Это бы ваше дело, — отвечал старец одному священнику, попрекнувшему его в том, что застал его толкующим с бабами, — а скажите, как вы их исповедуете? Два, три слова спросите — вот и вся исповедь. Но вы бы вошли в их положение, разобрали бы, что у них на душе, подали бы им полезный совет, утешили бы их в горе. Делаете ли вы это? Конечно, вам некогда долго с ними заниматься. Ну, а если мы не будем их принимать, куда ж они, бедные, пойдут со своим горем?

Потому и говорил о нем народ: "Он для нас бедных, неразумных пуще отца родного. Мы без него, почитай, сироты круглые".

3. Келейная жизнь. Кончина

Советы о. Леонида имели огромный вес потому, что он соблюл сам в своей жизни то, чему учил других. Все же, что говорил, говорил не от себя, а подкреплял изречениями св. Писания или св. отцов.

Больше всего заботился о. Леонид о том, чтоб приходящие к нему сознали грехи свои и страсти и положили исправиться. Уча соблюдению церковных постов, старец не одобрял чрезмерных

самочинных телесных подвигов, и со многих снимал вериги. Чтоб врачевать других, о. Леонид прежде всего должен был уврачевать себя, и в годы старчества он действительно являл в себе великую мирность духа — никто не видал его нетерпеливым, ропщущим, раздраженным, унылым. Что и как говорить посетителям, о. Леонид о том не заботился и действовал по внушению Божию.

Чтоб не смущать духовною высотой своею приходящих к нему, о. Леонид прикрывался шутливым обращением. Самая его речь, состоя из слов Писания и выразительного меткого народного наречия, была особенная. Старец был неизменно и безусловно прямодушен, представляя полную противоположность тем, о ком сказано: "Умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы".

"Свой своего всегда найдет", — говорил он, — т. е. всякий поймет нужное ему наставление, как бы оно ни было выражено. Не любил старец "ученого штиля политику и душевного ^[9] человечества художественное соображение". "Ребята, за что купил, за то и продавай!" — наставлял он учеников.

Простота о. Леонида доходила иногда до полуюродства, и некоторые не могли понять таких действий старца смирения, и осуждали его, как осуждали за тучность, происходившую от болезни. Но прозорливый старец исправлял таких людей, открывая им их помыслы и напоминая им грехи, которые должны бы больше их касаться, чем тучность о. Леонида.

Внешних изъявлений привязанности о. Леонид не любил, называя их "химерою". "Я был при о. Феодоре без фанатизма, — говорил он, — мысленно же готов был кланяться ему в ноги".

Внутренний мир, успокоение сердечное и радость ощущались в присутствии старца; помыслы исчезали, горе утихало при виде его.

Жизнь о. Леонида была правильная. Спал он не более трех часов в сутки, если братия не отнимала у него и ночных часов. В два часа ночи начиналось утреннее правило. Время положенных молитв было единственным свободным временем старца. После вечерней трапезы ученики его собирались послушать у старца вечерних молитв, — две главы Апостола и одну Евангелия. Пришедшие с летних работ садились на полу.

Приобщался старец через две недели в скитской церкви; пищу принимал дважды в сутки; за трапезой вел оживленную беседу. Рукоделия старец не покидал никогда. Принимая посетителей, плел пояски, которые и раздавал им на память, а в скиту рубил после обеда дрова. Одевался старец крайне просто. Заботясь об учениках своих, живших в Тихоновой пустыни (верст 50 от Оптиной), старец ездил иногда туда недель на шесть.

Болея о ближних, старец не отказывался от помощи им и в телесных болезнях. Много раздавал он "горькой воды" (особый состав), которая по кончине его не имела уже той целебной силы; помазывал елеем от неугасимой лампы, теплившейся перед келейной его иконою Владимирской Божией Матери, посылая часто к святителю Митрофану, и иногда больные возвращались к старцу, получив исцеление на пути.

Наружность о. Леонида была весьма замечательная. Прямой, как юноша, с мерной, легкой и мужественной, несмотря на болезненную полноту его, походкой, хорошего роста, он был чрезвычайно силен и поднимал до 12 пудов. Его небольшие сероватые глаза пронизывали человека. Лицо осенялось густыми волосами, которые под старость стали как бы гривой, волнистою, желто-седою. Вообще он имел поразительное сходство со львом. Сохранившиеся изображения старца не достаточно точно передают то спокойствие и неустранимость, которые

сияли на лице о. Леонида.

Все человеческие беды, которых зрителем был о. Леонид, извлекали у него глубокие вздохи, слезы и потрясали всю внутренность его. Тогда за облегчением обращал он взор на лик Владычицы. Оставаясь же один, до того углублялся в молитву, что не слышал ничего, происходившего вокруг.

В 1841 году старец ясно стал говорить о конце своем. В начале сентября он сильно занемог, но 7-го и 13-го, поддерживаемый под руки, еще пел величание. 15-го он был особорован и прощался с братиею, давая кому книгу, кому образ.

С 28-го он никакой пищи, кроме малых частей воды, не принимал и почти ежедневно приобщался.

С 6 октября страдания усилились, и старец взывал: "О Вседержителю, о Искупителю, о Премилосердный Господи! Ты видишь мою болезнь; уже не могу более терпеть; прими дух мой в мире". Взывал и к Пречистой Деве, а приходящим говорил: "Помолитесь, чтоб Господь сократил мои страдания!"

В 10 час. утра субботы, 11-го октября, о. Леонид начал креститься, говоря: "Слава Богу!", потом сказал: "Ныне со мною будет милость Божия!" Тогда, несмотря на тяжкие телесные страдания, он исполнился великой радости, и лицо его становилось все светлее. Заблаговестили к вечерне и старец благословил читать ее, но не дослушал.

— Батюшка, — сказал ему один послушник, — прочее вы, верно, будете править там, в Соборе св. отец?

Наступало празднование памяти св. Отцов седьмого вселенского собора, и накануне этого дня отходил старец, как бы в обличение тех, кто упрекал его в еретичестве.

В 7 ч. 30 м., в последний раз взглянув на икону Пресвятой Владычицы, о. Леонид закрыл глаза и тихо испустил дух. Ему было 72 года.

Тело его в гробу не издавало никакого запаха, и согрело одежду и нижнюю доску гроба. Руки были как у живого, и особенной белизны. В болезни же руки и ноги были холодные. Многим говорил старец: "Если получу милость Божию, тело мое согреется и будет теплое".

Старец Леонид (в схиме Лев) покоится у восточной стены соборного Оптиного храма. Близ него погребены преемники его, старцы Макарий и Амвросий.

Иеросхимонах Макарий, старец Оптиной пустыни

I. В миру и пустыни

Иеросхимонах Макарий, в миру Михаил Макарович Иванов, происходил из дворян Дмитровского уезда Орловской губ. и родился под Калугою, в сельце родителей, Железняки (у Лаврентьева монастыря), 1788 года, 20 ноября. Прадед его был инок-подвижник, дед и бабка — благочестивые люди, таковы же были и родители его. Мирно прошло время детства Михаила в родном его сельце, которое отличалось особою красотою расположения; несколько раз в день доносился до его детского слуха монастырский благовест. Из детских воспоминаний своих о. Макарий рассказывал впоследствии, как однажды, стоя с родителями у обедни и увидев в алтаре настоятеля, которого он очень любил, он стремительно побежал к нему, прямо через

царские двери. Из четырех сыновей своих больше всего любила мать старшего, Михаила, и говаривала: "Чувствует мое сердце, что из этого ребенка выйдет что-нибудь необыкновенное!" Мальчик был тихий, молчаливый и не отходил от матери. На девятом году Михаил потерял мать, и отец перевез семью сперва в орловское имение свое, а потом в г. Карачев. Тут отдал он мальчиков в городское приходское училище.

Окончив курс и пожив с год в деревне у тетки, где не переставал учиться, четырнадцатилетний Михаил поступил бухгалтером в Льговское уездное казначейство: его родной и двоюродный братья были у него помощниками. Трудную должность свою он исправлял так хорошо, что чрез три года был вызван в казенную палату, в Курск, и здесь тоже служил с отличием. Свободное время он посвящал игре на скрипке и чтению.

Схоронив на восемнадцатом году отца, Михаил, выплатив братьям наследство деньгами, принял имение отца и поселился в деревне, выйдя в отставку с чином губернского секретаря.

Хозяйство у Михаила Николаевича, по крайней снисходительности его, пошло плохо, и сам он очень скоро убедился в неспособности своей к этому делу, но любил деревню, где мог свободно заниматься музыкою и чтением. Родственники хотели женить его, но когда, предположенный ими брак расстроился, он сказал: "Слава Богу, я сделал послушание братьям, но теперь меня никто уж не уговорит".

По некоторым данным можно заключить, что желание отдать свою жизнь Богу уже созрело в нем. Накупив на Коренной ярмарке много книг, большею частью духовных, он углубился в них, а для смирения плоти до усталости работал за верстаком. Осенью 1810 г. он поехал на богомолье в Богородицкую Площанскую пустынь, и оттуда написал домой, что остается в пустыни, от имения отказывается, обязывая только братьев, выдать тысячу руб. асс. на постройку каменного храма там, где погребен был их родитель.

Вероятно, в пустынь привело юношу тайное влечение, и, увидев ее, возгорелся в нем божественный огонь.

По воспоминаниям родственников, Михаил Николаевич с детства был набожен, нравственно чист, и кроток. От детских игр уклонялся, а любил чтение, клейку домиков или вырезывание фигур. С детства был он слаб, худощав и страдал бессонницею. Многие, по скромности его, называли его монахом.

Удаленная от всякого жилья, окруженная со всех сторон лесами, Площанская пустынь вполне располагает к иноческой жизни. В десятых годах прошлого столетия в ней были иноки строгой жизни... Но преимущественное внимание было обращено на внешнее поведение, а не на внутреннее делание, и не было установлено правила откровения помыслов старцам, благодаря которому процветают Афонские скиты и некоторые русские обители. Богатая угодиями, пустынь страдала недостатком во всем, что покупается на деньги. Братия ходила в многошвенных рубищах и лаптях, и исполняла все черные и полевые работы. С полною ревностью принялся Михаил за эти труды, и, кроме того, изучил церковный порядок и устав и монашеское благочиние.

Вскоре по вступлении в пустынь, молодой послушник постригся в рясофор, с именем Мельхиседека, и стал заниматься письмоводством. В 1815 г. пострижен в мантию с именем Макария, рукоположен в иеродиакона, и назначен ризничим.

В скором времени в Площанскую обитель перешел схимонах Афанасий (Захаров), ученик старца Паисия, и с ним о. Макарий вошел в близкое общение, поселился у него в келлии и

служил ему до кончины.

Этот старец, бывший в миру гусарским ротмистром и 30-ти лет вступивший в обитель, под руководством о. Паисия, достиг высокой степени духовной жизни, и о. Макарий много попользовался его наставлениями. Подражая своему старцу, о. Макарий делал выписки из отеческих и церковных учительных книг. У о. Афанасия были писания великих иноков, необходимые для монашеского воспитания (впоследствии они изданы Оптиною пустынью) — и ученик его с жаждою читал и переписывал эти писания. В 1817 г. о. Макарий рукоположен в иеромонахи.

Вскоре затем настоятелем в Площанскую пустынь был назначен ученик старца Василия (Кишкина) — одного из ближайших учеников о. Паисия — иеромонах Серафим. Он установил Киевское пение и учредил повсюду благоустройство. При нем о. Макарий продолжал трудиться по письмоводству и по церковному благочинию.

В эти годы о. Макарий совершил пешком, в убогой одежде, второе уже свое богомолье в Киев, где приветливо принят наместником лавры Антонием. В 1824 г. ездил в Ростов и Оптину. В 1825 году он схоронил старца Афанасия. В 1827 г. о. Макарий определен духовником Севского Троицкого девичьего монастыря. С этого времени начинается новая деятельность его — наставническая, прекратившаяся только с его смертью; тут же начало и обширной его духовной переписки.

В следующем году в Площанскую пустынь прибыл с учениками своими о. Леонид, и, проведя в ней полгода, переселился в Оптину. Прибытие о. Леонида прекратило то духовное сиротство, в котором чувствовал себя о. Макарий. В его пронизательном уме при чтении свято-отеческих книг, а в особенности при назначении духовником, — возникло множество вопросов, которых не мог объяснить, конечно, никто из окружавших его, и он молился, чтобы Бог послал ему наставника с даром духовного рассуждения. Именно этот дар и был в отце Леониде, как плод понесенных им великих искушений и борьбы.

С тех пор установилась духовная связь этих старцев. О. Леонид считал о. Макария сотоварищем по монашеству и разумению, но, уступая просьбам и смирению его, решился с ним обращаться как с учеником. По отъезде о. Леонида в Оптину, о. Макарий вступил с ним в переписку.

Несколько лет исправляя должность благочинного, о. Макарий в 1831 году был взят архиереем в качестве казначея и эконома в Петербург, где и пробыл ровно год.

Пребывание среди шума городского, внешние заботы и лишение пустыни сильно тяготили о. Макария. По возвращении своем, он подал прошение о переводе в скит при Оптиной пустыни, о чем заранее сговорился с о. Моисеем и о. Леонидом Оптинскими.

После долгих ожиданий, все устроилось, и 5 февраля 1834 года о. Макарий, которому было тогда 46 лет, поселился в Оптинском скиту, начальником коего был о. Антоний (брат о. Моисея). К Площанской обители о. Макарий до конца дней сохранял любовь и благодарную память.

II. Оптина и деятельность старца

В первые два года своего пребывания в скиту о. Макарий, находясь при о. Леониде, помогал ему в обширной его переписке; в 1836 году определен духовником обители, а с 1 декабря 1839 года назначен скито-начальником.

Иго послушания своему старцу о. Макарий понес до конца; зная высокое духовное устройство своего ученика, о. Леонид испытывал терпение о. Макария, дабы, по слову св. Иоанна Лествичника, доставить подвижнику венец. Так, однажды о. Макарий, уже будучи духовником, не спросясь старца, согласился на просьбу о. Моисея — принять от мантии некоторых новопостриженных. Возвратясь в скит, о. Макарий сказал о. Леониду, окруженному в то время народом, — зачем звал его настоятель. Тогда, притворясь гневающимся, о. Леонид, возвыся голос, стал укорять о. Макария, который, поникнув головою, повторял только: "Виноват! простите Бога ради, батюшка", — и, когда старец умолк, поклонился в ноги. Все присутствовавшие смотрели на эту картину одни с недоумением, другие с благоговейным удивлением. Когда о. Леонид был перемещен из скита в монастырь, о. Макарий продолжал посещать его ежедневно — то приходил за разрешением возникавших в нем, по должности духовника, недоумений, то приносил приготовленные, по приказанию старца, письма. Когда скончался о. Леонид, о. Макарий оплакивал его не менее чем первого старца своего Афанасия. Этот насадил, а о. Леонид укрепил в нем семена духовного ведения.

В должности скитона начальника, о. Макарий много потрудился и над внешним и над духовным благоустройством скита. Скит не только содержал себя, но излишек после расходов отдавался настоятелю, на монастырь; в 1858 г. скит был обеспечен в своем существовании и на будущее время вкладом г. Полугарского. Во время управления о. Макарием скитом, в ските сделано много новых построек, обновлены старые, устроена библиотека в особом помещении и украшена церковь. Церковь скитская, составлявшая особую заботу старца, совершенно при нем преобразилась. Доселе она сохраняет какую-то печать великой любви, усердия и благоговения старца, которую он на нее наложил. Ризница скитская обогатилась новыми облачениями, из которых многие были работы монахинь, духовных дочерей старца. Избытком облачений скит делился с монастырем и с бедными церквами Востока и нашего Западного края. Продолжая дело о. Антония, о. Макарий способствовал разведению цветов в скиту, и окаймляющие поныне скитские дорожки шпалеры разнообразных цветов — обязаны своим появлением старцу. Плодовые деревья скита и пчельник скитский приведены в цветущее состояние. Имея особую привязанность к лесу, — старец заботился о сохранении его, как живой ограды и лучшего украшения обителей.

Когда сильная буря произвела опустошения, особенно в участке, отделяющем скит от монастыря, — старец засеял новые хвойные деревья, которые прекрасно взошли, и теперь этот участок имеет вид девственного бора. В 1857 г. при участии московского митрополита Филарета, уважавшего о. Макария, утверждены штаты для скита, чем скит избавлен от нареканий монастырской братии в занятии монастырских вакансий.

Прекрасный знаток церковной службы, старец ввел в нее порядок и точность, завел канонарха и пение "на подобны" — перенятые и монастырем; в церкви старец замечал и исправлял малейшие упущения. Иногда сам он пел в церкви, и особенно поразителен был его вид во время пения на страстной седмице, "Чертог твой вижду, Спасе мой, украшенный". Слезы катились по бледным ланитам его, и, казалось, что действительно, взору его открыты таинственные чертоги.

По должности старца, которому иноки открывают помыслы, — его внимание и двери его келлии были постоянно открыты для учеников. Предварясь Иисусовой молитвою, можно было войти во всякое время и час. Он даже беспокоился, не видя у себя долго тех, кто постоянно обращался к нему. Подавая всюду пример, присутствуя в церкви и на трапезе, старец искусно распредлял по характеру и способности всякого послушания и назначал келейные занятия. Каждому указывал на соответствующее его духовной мере чтение, а во избежание мельчайшей праздности, внушал заниматься поделием. Он завел и поддерживал в скиту рукоделие токарное, переплетное, футлярное и ложечное, из коих три первых знал сам. Материал шел от

старца, а за сработанные вещи давалось им "утешение" — чай, сахар, четки, книги. Вещи же раздавались посетителям обители.

Трудно изобразить влияние старца на монахов и умение его руководить каждым, по складу его; понимание, в чем нуждается именно в данную минуту душа. Одного не любил он — желавших все делать по своей воле и лукаво вопрошавших его. Иногда старец предостерегал таких самочинных об ожидавшей их битве, которая и приходила. "Враг, — учил старец словами св. Отцов, — не только не любит откровения помыслов, но и самого голоса не терпит, каким оно произносится. Вот отчего и старается отвлекать от него".

Старец принял для пострижения в Оптину всего 60 человек.

По смерти о. Леонида, на попечении о. Макария естественно осталась вся духовная паства мирян почившего старца, и эта паства все расширялась. В последние годы жизни, удрученный усталостью, старец не раз выражал скорбь о том, что не должен и не может уклоняться от обуравшего его народного множества. И он нес с верою возложенный на него крест.

Служение о. Макария совершалось посредством устных бесед и разговоров с приезжавшими для свидания с ним в Оптину и переписки с лицами, издали к нему обращавшимися. На все это нужно было урывать время и без того заполненное иноческими и начальническими обязанностями.

Мужчин старец принимал у себя в келлии во всякое время, от раннего утра до закрытия врат; женщин — за вратами, или во внешней келлии, у ворот. Кроме того, после трапезы, отдохнув с полчаса на узкой кровати, он отправлялся в монастырскую гостиницу. По скитской дорожке и повсюду на пути ждало много народу, сошедшегося сюда к старцу со своими грехами, горестями, недоумениями, скорбями.

Седой старец, среднего роста, летом в мухояровой поношенной рясе и башмаках, зимой в старой драдедамовой шубе, шел с костылем и четками. Некрасивое и неправильное по внешности лицо его, с выражением самоуглубления, сияло неземною красотой, умягчая сердца.

Не только души врачевал старец. Помазуя елеем из лампады, горевшей в его келлии перед чтимой им Владимирскою иконою, старец приносил великую пользу больным телом, и случаи таких исцелений немалочисленны. Особенно часты были исцеления бесноватых.

Следующий случай заслуживает большого внимания. Один образованный человек подвергся припадкам беснования, проявлявшимся при приближении к священным предметам; долго родные, не хотевшие признать сущность болезни, лечили его за границей, у докторов и на водах; пользы не было. Один верующий товарищ привез его в Оптину, и из гостиницы послал потихоньку просить старца. Больной, не слыхавший о нем никогда, стал беспокоиться и заговорил: "Макарий идет, Макарий идет!" — и, едва вошел старец, бросился на него с неистовым криком и зашил его. Великий подвижник, познав козни врага, употребил сильнейшее орудие — смирение, и быстро подставил ему другую ланиту. Опаленный смирением, бес вышел из страждущего, который в оцепенении лежал долго у ног старца, а потом, не помня о своем поступке встал исцеленным.

Слово старца было со властью. Оно заставляло повиноваться неверующего, обнадеживало безнадежных, и власть его была в великом опыте и примере, и в кротости. С верою приходившие к нему получали не только духовную пользу, но и устройство своих земных дел.

Споров он не любил, зная, что пользы в них нет: с лицами, приходившими из любопытства или

с желанием поучить его, был смиренен и молчалив. Когда же пред ним были действительно скорби, душевные и болезни, какое одушевление и сочувствие наполняло его! Он забывал и слабость сил, и необходимость отдыха, и пищу, и нередко выходил после бесед, едва переводя дыхание, изнеможенный совершенно. После такого утомления обнаружилась и его последняя болезнь.

В отношениях к старцу требовалась простота сердца; поэтому люди из народа всего скорее получали от него пользу.

Кроме скита Оптиной пустыни, под духовным руководством старца находились женские монастыри: Севский, Белевский, Казанский, Серпуховский, Калужский, Елецкий, Брянский, Смоленский, Вяземский и некоторые другие. Из монастырей Калужской епархии о. Макарий посещал мужские монастыри: Малоярославецкий, Мещовский и Тихонову пустынь.

Переписка у старца была обширная. На вопросы, требующие духовного рассуждения, он отвечал сам. Ученики же помогали ему в письмах практического содержания, малосложных и кратких, не составлявших тайны. Письма не сходили с его стола. Отрываясь от них для бесед или скитских правил, он, освободившись, сейчас же брался за них снова. Только два раза в неделю, в день отхода почты, по утрам, старец прекращал прием посетителей, и занимался исключительно письмами. Помощниками в переписке старца были: иеромонах Амвросий (впоследствии оптинский старец), монах Иустин (Половцов, ныне архиепископ Варшавский) и Леонид (Кавелин, почивший наместник Троице-Сергиевой Лавры). Лучшим памятником по себе старец оставил свои письма, изданные по кончине его в нескольких томах и представляющие сокровищницу духовных советов.

III. Келейная жизнь, кончина

Добродетелью, проникавшею все существо о. Макария, было смирение, которое есть мать всех дарований. Хотя и окончив свое образование в приходском училище, 14-ти лет: исполнением заповедей, вдумчивым чтением священного Писания и Отцов Церкви, о. Макарий достиг высокого духовного понимания, и не только знал в совершенстве церковное учение, но даже сбылось слово св. Исаака Сирина: "Смиренномудрым открываются таинства".

В великой мере действовал в о. Макарии дар рассуждения. Вот как представляет этот верховный дар св. Антоний Великий: "Он учит человека оставлять обоюдное безмерие, шествовать путем царским (средним) и не попускает, чтоб он был окрадаем, с одной стороны, безмерным воздержанием, а с другой — был низвлечен к нераднию и расслаблению. Он, испытывая все помышления и дела человека, разделяет и отлучает всякое лукавое и неугодное Богу дело и удаляет от него прелесть. Без рассуждения ни одна добродетель не может составиться или пребыть до конца твердою, ибо рассуждение есть хранительница всех добродетелей".

"От послушания, — говорит св. Иоанн Лествичник, — смирение, от смирения — рассудительность, от рассудительности — проницаемость, а от последней — прозорливость".

Руководствуясь этим даром, старец всякому и преподавал нужное по обстоятельствам и свойствам человека наставление.

Смирение старца выражалось во всяком движении, слове и виде его. Это же глубокое смирение давало ему и мирность духа. "Слава Богу, — говорил он, узнавая, что кто-нибудь злословит его, — он один только и уразумел обо мне правильно; вы прельщаетесь, считая меня нечто быти. А его о мне слова — духовные щетки, стирающие мою душевную нечистоту".

Пламенная любовь старца выражалась делом; он не отвращался никого, требующего душевной или внешней помощи. Долготерпение и кротость вместе с детскою простотою и незлобием растворяли его любовь.

Портрет был снят со старца лишь за год до его кончины. Лицо у него было, некрасиво по внешности, но бело и светло, озаряемое внутренним светом духа, взор тих, слово смиренно. Святых Тайн приобщался он ежемесячно с великим умилением.

Летом носил он белый холщевый подрясник, на голове черная вязаная шапочка, для молитвы — краткая мантия. Выходя из дому, надевал черную мухояровую ряску; зимою еще легкую, крытую старым темно-зеленым драдедамом шубку.

Нрав старца был чрезвычайно живой и подвижный. Излишней медленности, вялости, долгих сборов не любил. Послушания надо было исполнять скоро. Память была у о. Макария изумительная. После одной исповеди он навсегда запоминал главные обстоятельства жизни человека.

Страдая косноязычием и недостатком дыхания, старец не служил в церкви.

Относительно внешних подвигов о. Макарий держался среднего пути, не вдаваясь в крайности, и вкушал на трапезе всего, но весьма понемногу. На вечернюю трапезу редко удавалось ему поспеть, и он вкушал дома, из горшочков. Подобно своему старцу, о. Афанасию, о. Макарий жалел животных. Зимою он ежедневно сыпал на особую за окном полочку конопли для птиц, и на полочку слеталось много синичек, коноплянок и маленьких серых дятлов. Заметив, что сойки обирают малых птиц, поедая разом всю дневную порцию, старец сначала, отрываясь от письма, отгонял соек стуком в окно, а потом стал сыпать зерна в банку, в которую могли влетать только мелкие птицы.

Старец занимал небольшой деревянный домик, слева от скитских врат. Первая комната, стены которой были украшены изображениями архиереев и подвижников благочестия, была приемная; вторая, выходившая окном на главную скитскую дорожку, — его келлия. У окна стоял простой стол, обремененный письмами, книгами; у стола — кресло; по стенам — много икон и крестов и, между прочим, особо чтимая старцем Владимирская икона с неугасимою лампадой. Под иконами — угольник для чтения правил и аналоец с Евангелием и служебными книгами. У западной стены — узкая кровать.

Старец вставал ежедневно по звону к утрени в два часа, а в случае нездоровья — не позже трех и будил келейников; затем совершалось длинное утреннее правило, и старец оставался один. В седьмом часу, после нового правила — старец выпивал чашку-две чаю и принимался за письмо или книгу. С этого же времени начинали к нему приходить. Дверь скрипела на ржавых петлях, предупреждая, вместо доклада, о приходящих; все чаще и чаще входят чрез ворота скита. В 11 часов звон к трапезе, к которой старец всегда ходил. После трапезы час-полчаса единственного во весь день свободного времени, а затем опять посетители. Часа в два старец идет в гостиницу, где ждет его множество народа, и всех он выслушивал с удивительною кротостью и терпением.

Измученный, чуть переводя дыхание, с языком, усталым до того, что не мог уже более внятно произнести ни одного слова, — старец возвращался домой и вместо отдыха слушал краткое правило. Потом принимал скитскую братию, после ужина слушал вечернее правило, и, когда огни во всем ските давно погасли, в окне келлии старца еще был виден свет.

Молитва старца была непрестанна. В беседе, на правиле, за письменным столом, на пути и

даже во время сна из уст его слышались восклицания: "Боже Милостивый... Мати Божия... Иисусе мой!" Страдая бессонницею, просыпаясь или вовсе оставаясь без сна, старец славословил тогда имя Божие. По временам он приходил, при размышлении о Божестве и Промысле Его, в духовный восторг и запевал одну из любимых церковных песней своих. Иногда удивлялся премудрости Творца, переходя от цветка к цветку гряд, окаймлявших скитские дорожки.

Готовясь к причастию, старец усугублял пост.

С начала пятидесятих годов здоровье старца, всегда слабое, особенно пошатнулось; тщетно преданные лица убеждали его съездить в Москву, ко врачам. Наконец, московский митрополит Филарет написал ему письмо, оканчивавшееся так: "Если бы я звал вас к себе, вы могли бы отказать, не думавши. Но как я зову вас к московским чудотворцам и к преподобному Сергию, то, надеюсь, вы подумаете о сем не без внимания. Господь да устроит Ему угодное. Прошу молитв ваших". После этого письма старец не решился далее отказываться, и поездка в Москву принесла пользу его здоровью.

В 1853 г. старец, чтобы избавиться от хозяйственных хлопот, сложил с себя звание скитона начальника. В 1853 г. о. Макарий награжден наперсным крестом, в 1857 г. — другим, в память Крымской кампании.

Он с живейшим участием следил за нею. Когда пришла весть об оставлении Севастополя, старец зарыдал и, упав на колени, долго молился без слов пред иконою Богоматери. Вообще, старец чутко относился к общественным вопросам и понимал их, постоянно соприкасаясь с людьми всех положений; очень он сочувствовал вопросам об улучшении народного быта, грамотности, воспитания.

За два года до кончины старец келейно постригся в схиму. Мысль о том подала ему кончина митрополита киевского Филарета (в схиме Феодосия).

Последняя болезнь старца началась 26-го августа, в день празднования чтимой им Владимирской иконы.

30-го он был особорован, и потом делал распоряжения на случай своей кончины, благословлял входящих и оделял их крестиками, четками, книгами. На следующий день преподавал спрашивающим краткие, но выразительные наставления, и все чувствовали, что это последние наставления. В пустынь со всех сторон прибывали лица, пользовавшиеся советами старца, и в церквях непрерывно служились о нем молебны. Монахи еще допускались к старцу. От московского митрополита была привезена финифтяная икона и обещание молиться о нем. За два дня до смерти старец приказал вынести себя из тесной своей келлии и положить в более обширную приемную, на полу. Из окна, со-вне, посетители могли видеть умирающего старца. Накануне кончины страдания старца ожесточились. Вечером он, сидя, выслушал отходную. Во время чтения канонов и акафистов Христу и Божией Матери страдания утихали. Со слезами взирая на образ Спасителя в терновом венце и на Владимирскую икону, он взывал: "Слава Тебе, Царю мой и Боже мой, Мати Божия, помози мне!" — и, простирая руки, молил о скорейшем разрешении. Ночь прошла крайне беспокойно. Старец задыхался. Взглядами, благословениями, пожатием руки выражал он благодарность ходившей за ним братии.

7-го сентября, в предпразднество Рождества Богородицы, в среду, 1860 г., в 7 часу утра — чрез час по приобщении, по окончании чтения канона на разлучение души с телом, — о. Макарий, окруженный учениками, тихо предал дух в руки Божии.

Тело о. Макария не издавало смертного запаха; перенесение его из скита в монастырь, среди народного множества, — не имело вида похорон, а чего-то светлого и торжественного.

О. Макарий погребен возле отца Леонида.

IV. Издание свято-отеческих книг

Имя отца Макария тесно связано с великим делом издания свято-отеческих аскетических творений, драгоценных и для иноков и для мирян.

Промысл Божий соединил в Оптиной пустыни лиц, который воспитались на переводах творений этих, сделанных старцем Паисием Величковским. О. Моисей, о. Леонид и о. Макарий оптинские — все трое были наставлены в духовной жизни ближними учениками о. Паисия и все наследовали от старцев своих великую любовь к переводным трудам о. Паисия. Путем переписки этих переводов, они распространяли их среди мирян и монахов. Господу было угодно скоро извлечь из-под спуда это духовное сокровище, для общей пользы.

По просьбе И. В. Киреевского, редактора "Москвитянина", о. Макарий поместил в этом журнале статью о жизни и заслугах пред православным иночеством о. Паисия. Затем как-то о. Макарий коснулся, в разговоре с Киреевским, вопроса о недостатке духовных книг, руководствующих к деятельной христианской жизни.

Киреевский стал убеждать старца — издать переводы о. Паисия, и взялся просить на это дело благословения митрополита московского Филарета. Митрополит обещал свое покровительство, которое, действительно, и оказывал этому делу.

Бог, — как говорил о. Макарий, — посылал на благое дело чрез добрых людей, и потихоньку было издано большое число книг. Занятия о. Макария состояли в приготовлении к печатанию славянских переводов (снабжении примечаниями малопонятных мест) и переводе некоторых на русский язык. Деятельность в этом отношении о. Макария была изумительна. Он жертвовал для этого дела своим кратким отдыхом, и, не отказываясь от обычных старцевых трудов своих — руководил непрестанно учениками из скитской братии, помогавшими ему. Это были о. Амвросий, о. Ювеналий, о. Леонид, о которых уже было говорено. Всякое слово взвешивалось, обсуждалось, и без благословения старца ни одно не вписывалось в рукопись, приготовляемую для типографии.

Самые драгоценные книги — св. Исаака Сирина и аввы Дорофея. Помня, что издание было произведено на пожертвования, и в изъявление благодарности пособникам этого дела — оптинские старцы не могли ничем лучше воздать им, как широким распространением душеполезных этих писаний.

В этой цели, от Оптиной пустыни издания были разосланы в дар: во все библиотеки, как академические, так и семинарские, почти всем архиереям, ректорам, инспекторам семинарий и академий, высланы во все общежительные русские монастыри на Афонскую гору.

Вот заглавие изданий, вышедших с 1846 до 1860 г.:

- 1) Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского.
- 2) Четыре огласительные слова к монахине.
- 3) Преподобного отца нашего Нила Сорского, предание ученикам своим о жительстве скитском.

- 4) Восторгнутые классы в пищу души.
- 5) Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответ на вопрошание учеников.
- 6) Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, игумена, слова весьма полезные (12 слов).
- 7) Оглашение преподобного Феодора Студита.
- 8) Пр. отца нашего Максима Исповедника, толкование на молитву "Отче наш" и его же слово постническое по вопросу и ответу.
- 9) Св. отца нашего Исаака Сирина, епископа Ниневийского, слова духовно-подвижнические.
- 10) Книга преп. отцев Варсонофия и Иоанна, руководство к духовной жизни (в рус. переводе).
- 11) Преп. отца нашего аввы Фалассия, главы о любви, воздержании и духовной жизни.
- 12) Преп. отца нашего аввы Дорофея, душеполезные поучения и послания.
- 13) Житие преп. отца нашего Симеона Нового Богослова.
- 14) Преподобного и богоносного отца нашего Марка подвижника, нравственно-подвижнические слова.
- 15) Преп. отца нашего Орсисия аввы Тавенисиотского, учение об устройении монашеского жительства.
- 16) Преп. отца нашего аввы Исаия, отшельника египетского, духовно-нравственные слова.

Архимандрит Исаакий, настоятель Оптиной пустыни

Архимандрит Исаакий происходил из потомственных почетных граждан, из богатого купеческого, жившего в Курске, дома Антимоновых и родился приблизительно в 1809 году.

Антимоновы торговали скотом и держали на откуп черноморские рыбные ловли.

Несмотря на свои средства, они жили попросту, по старинному. Старый дед Ивана Ивановича, Василий Васильевич, был настоящим патриархом в своем роду. Ревностный до церкви, строгой жизни, он в праздники ходил в храм со всей своей семьей.

Все шли чинно, по старшинству, и с благоговением стояли в церкви. Особенно же усерден был молодой Иван.

Дед больше всех любил внука Ивана и часто в будни брал его в церковь, так как ежедневно ходил к утрени и обедне.

В 1809 г. отец Ивана был в Киеве и посетил тут известного о. Парфения. Говорят, что о. Парфений при входе его приветствовал словами: "Блаженно чрево, родившее монаха".

Семья Антимоновых пользовалась большим уважением в городе за строгую жизнь, соблюдение церковных уставов, безукоризненную честность и милосердие. У них для раздачи милостыни был назначен особый день в неделе.

Воспитание Ивана Ивановича было суровое. Отец держал детей так, что они без позволения не смели пред ним садиться. Несмотря на это, они его любили.

Иван приучал себя ко всяким лишениям, довольствовался самою грубою пищею, во всем себя стеснял.

Он с юности отличался особою скромностью и степенностью, любил уединение, избегал игр. Несмотря, однако, на свою молчаливость, он не был угрюм, и его природное оживление прорывалось в остроумных шутках.

Близко стоял он к простому, работавшему у них народу и, разговаривая с ними, внушал им память о Боге. Он старался искоренить их дурные стороны, например, отучал от божбы и сквернословия.

Несмотря на доброту, он был, как хозяин, очень тверд.

Торговлю он вел очень удачно и был незаменим для отца. Вследствие честности своей, никогда ничего, кроме благодарности, он не слышал от покупателей за отпущенный им товар.

Эти занятия торговлей не нарушали его религиозного настроения. С юности он принимал на себя тяжелые подвиги, которые умел скрывать. Так, даже в скоромные дни, сидя за столом со всеми, умел не есть мяса. На молитве, как рассказывают, клал по тысяче поклонов.

Очень он любил церковное пение, певал на клиросе и устроил даже хор, который по праздникам спевался у него на дому.

Уже тогда несколько случаев убедили его в непосредственном воздействии Промысла Божия на судьбу человека: он несколько раз был спасен от опасностей, грозивших его жизни.

Неизвестно, как сложилось в нем желание идти в монастырь. Много препятствий было к исполнению этого желания. Он очень нужен был дома. Между тем, одно обстоятельство укрепило его в его намерении. Отец его хотел, чтоб он женился. Но всякий раз сватовство расстраивалось. Наконец, уступая отцу, он съездил посмотреть последнюю невесту. Она ему не понравилась, и он решил окончательно идти в монастырь.

Незадолго до того его старший брат Михаил поступил в Оптину. Посещая брата, Иван познакомился с оптинским старцем Львом. В первый раз увидев его, старец, которому раньше доложили, что пришел Иван Иванович Антимонов, позвал его: "Ванюшка!"

Тот сперва не понял и не двинулся с места. Уж келейник объяснил, что старец зовет именно его. "Губернский франтик", как потом рассказывал о. Исаакий, нисколько этим не обиделся, хоть ему было за тридцать лет. Эта простота даже обрадовала его. Этим именем звал его обыкновенно покойный дед.

В это свидание старец предсказал ему, что и он будет монахом.

Семь лет таил Иван Иванович свое желание, решался совсем и колебался вновь. Наконец, в 1847 г., когда отец послал его по делам в Украину, он, исполнив поручение, отправился прямо в Оптину. Чем ближе подъезжал он к ней, тем сильнее становилась борьба, которая стала невыносимой на последней станции. И, чтоб не вернуться назад, не соскочить с повозки, он чуть ли не привязал себя к ней веревками.

Отец его, получив от него письмо с вестью о его бесповоротном решении, — долго не мог

прийти в себя, плакал и, наконец, воскликнул: "Он, варвар, убил меня!"

Впоследствии о. Исаакий приезжал домой, вполне примирился с отцом, и тот умер на его руках.

При поступлении Ивана Ивановича в Оптину, брат его вышел уже из Оптиной. Впоследствии он был наместником Киево-Печерской Лавры. Старца Льва не было на свете.

Он поселился в скиту. Старец Макарий обратил на него особенное внимание. Простота характера его казалась старцу особенно ценною. Он по прозорливости видел в нем будущего настоятеля, о чем и высказывался близким лицам. И ради того он испытывал его, чтобы приучить к смирению и терпению.

Иван Иванович нес послушания на пасеке, на хлебопекарне и на поварне. Он выходил также на общие работы, где приводил в действие свою телесную силу: он мог подымать до 15 пудов.

Келейным трудом для него было переплетание книг.

К храму он питал особое влечение, неопустительно ходил на все службы, являлся первым, оставлял церковь последним. Всегда старался о сохранении между братиею мира и соблюдал, как и в миру, молчание.

Он хранил строгий пост, не имел у себя ничего съедобного и довольствовался лишь тем, что подавали на трапезе.

Одевался бедно и, когда родные прислали ему меховую шубу, вовсе не стал носить ее. В келлии у него было убого, — деревянная кровать с ватным одеялом, даже не было шкафа для одежды, а ряса висела на гвоздике.

Денег он у себя не держал, а все относил старцу. И ценных икон у него не было.

Когда его одели в рясофор, потом постригли — он увеличил еще суровость к себе и свою сосредоточенность.

Тут он оставил и те шутки, которые раньше говорил.

Постриженный в 1854 г. (5 октября), он в 1858 году посвящен в иеромонахи, хотя умолял не возвышать его.

Все с большею настойчивостью шел о. Исаакий к своей цели — нравственного обновления. И оптинские старцы — о. Макарий и склонявшийся к своему концу настоятель о. Моисей — оба желали видеть его преемником о. Моисея, что и совершилось.

С величайшею скорбью, сознавая себя недостойным, неспособным, принял о. Исаакий в 1862 году бремя настоятельства.

Не надеялся он на свои силы. Больше веровал в наставления о. Амвросия, на которого перенес после смерти о. Макария (1860 г.) все то доверие, которое имел к почившему старцу.

Как-то сказал о. Исаакий Калужскому архиерею:

— Я лучше бы согласился пойти в хлебню, чем быть настоятелем.

— Ну что ж, — ответил архиерей, — пеки хлебы.

— А кто же настоятелем-то будет?

— А ты же и настоятелем будешь.

На это о. Исаакий не нашелся, что ответить.

О. Амвросий с первых шагов умерял ревность о. Исаакия, который считал, что все способны переносить те же лишения, в которых проходила его собственная жизнь.

Известно, что о. Моисей не оставил Оптиной денег.

О. Исаакий начал с помощью благотворителей расплачиваться с долгами, но мысль о невозможности содержать братию до того тяготила его, что он нередко плакал.

Пришло как-то известие, что значительный долг уплачен и оставлен еще по завещании капитал в 15 тысяч. Тогда он в радости воскликнул:

"Господи, я неблагодарный, не имею на Тебя надежды, стал было сетовать. А вот, Ты уже послал и помощь".

С тех пор о. Исаакий перестал страшиться безденежья.

Доходы монастырские все возрастали вследствие большого приезда к о. Амвросию, и о. Исаакий, сам не одобрявший раньше строительной склонности почившего своего предшественника о. Моисея вынужден был возводить новые здания. Перестроены внутри и украшены церкви, выстроены гостиницы, множество хозяйственных служб, расширены плодовые сады, повешен прекрасный колокол в 750 пудов, куплены 700 десятин леса, и обитель обеспечена топливом, разработаны из-под болот луга для пастьбы скота, устроен восковой завод.

Во внутреннем управлении о. Исаакий считал необходимым для инока постоянное откровение помыслов старцу, сохранял между братией мир. Наставления его были немногоречивы и просты, но, исходя от любящего сердца, действовали сильно.

Для того, чтоб чаще видеть братию, о. Исаакий в начале каждого месяца раздавал чай и сахар и при этом делал замечания, кого в чем заметил, например: "Ныне, брат, ты в церковь не ходишь, тебе чаю не дам!"

За посещением церкви он зорко следил и в будни становился обыкновенно у дверей, чтоб видеть братию.

Затем он очень следил за исполнением послушаний и говорил: "Бог накажет ленивых!"

Он не любил, чтоб монахи напрашивались сами на послушание, считая это за самоуверенность. Особенно претили ему упрямство и дерзость. Но всегда он помнил, что ответит Богу за всякую душу, и удалял из монастыря лишь в крайних случаях.

Дав иноку послушание, он не требовал точного отчета, полагаясь во всем на его монашескую совесть.

Твердость настоятеля не препятствовала его смирению.

Один монах хотел ударить его и замахнулся. Он спокойно сказал: "начинай". Тот в смущении вышел.

Другой беспокойный послушник из образованных явился к нему с целым коробом дерзостей и, наконец, закончил:

— Вот ты игумен, а не умен.

— А ты, — отвечал ему, усмехнувшись, о. Исаакий, — ты вот и умен, да не игумен.

Если же о. Исаакию по недоразумению случалось сделать замечание без вины, он тогда просил прощения у обиженного.

Он не любил отпускать монахов погостить к родным, находя, что всегда возвращаются оттуда худшими, нравственно ослабевшими. Не допускал также, чтоб монахи, особенно молодые, без нужды ходили по гостиницам, собирались бы или гуляли по вечерам с иеромонахами.

И совне он требовал полного благочиния, которое так поражает приезжающего в Оптину, где все иноки так смиренны, подходят при встрече под благословение, радушно кланяются при встрече друг с другом.

Ни к кому о. Исаакий не выказывал особой привязанности: все одинаково были ему равны и дороги.

Угощением братии никогда не занимался, а, когда просили его купить в редкие дни вина для престарелых и слабых, он хватал себя за голову и говорил: "Ох, уж это мне вино, вино!"

С самой величайшей простотой он обращался с братиею. Когда он не говорил с ними о делах, как начальник, он считал их за равных, сажал рядом с собой, иногда шутил. В словах и вопросах его была видна нужная забота. Многие уже при виде его успокаивались, придя к нему расстроенными.

— Какие у нас скорби, — говорил он. — У нас не скорби, а скорбишки. Вот в миру так скорби: жена, дети, о всем забота. А у нас что? Полно Бога гневить; надо только благодарить Его, живем на всем готовом.

В монастырь принимал он не иначе, как по благословию старца, и сразу налагал послушания потруднее, чтоб видеть, велика ли решимость человека. Давал советы, указывал на необходимые в духовной жизни книги.

К мирянам старец относился с неизменным сочувствием. Он радушно принимал тех приезжих в Оптину, которые заходили к нему, и беседовал много о духовных предметах. Но сам никого к себе не звал.

Беседа о. Исаакия была при внешнем его спокойствии одушевленная. За всяким его словом слышалась такая безграничная вера, такой духовный опыт, и глубочайшее чувство.

Он любил с образованными людьми говорить о великой пользе духовного чтения. Часто в глазах его блистали слезы.

После таких бесед ясно становилось, какое горячее греющее сердце в этом человеке, с виду столь суровом, потому что внешность его внушала некоторую робость: простая его суровая одежда, сосредоточенный вид, опущенные книзу глаза.

Вставал о. Исаакий в полночь и молился у себя до утрени. Непременно шел к утрени и ранней обедне, а вечером к вечерне. На проскомидии поминал своих родных и благодетелей пустыни.

После обедни принимал посетителей или ходил по работам.

Когда он служил, было слышно глубокое волнение в важнейшие минуты, и иногда его голос от слез прерывался. Он не выносил никакой небрежности или спешки в службе.

Занимал он лично для себя две маленькие комнатки. В спальне — кровать и конторка для занятий. На ней часы с надписью: "Не теряй времени".

Одевался он очень просто, иногда сам чинил свои носки.

Всегда он ходил на трапезу. Посты соблюдал очень строго, в распределении времени придерживался точного порядка. Он сохранял и настоятелем любовь к уединению и склонность к молчанию. Однажды на обеде в Шамордине ^[10] архиерей пригласил его принять участие в беседе. А он ответил, что его участие то, что он слушает: ведь надо же кому-нибудь исполнить и эту обязанность.

Еженедельно в субботу ходил он к отцу Амвросию и ждал — иногда не мало — в приемной своей очереди, наравне с другими.

После же смерти его ходил к преемнику о. Амвросия, старцу о. Иосифу.

Смирение его все возвышалось с годами.

— Это не вдруг приходит, — сказал он однажды, — а со временем. Это то же, что пролить кровь.

Как-то, во время похорон одного монаха, о. Исаакий, желая бросить земли в могилу, чтоб подняться на холм у могилы, взялся за руку одного брата; тот отдернул ее, так что о. Исаакий чуть было не упал.

Ничего не сказав, он стал в стороне ждать своей очереди.

— Мы никогда не видали, — говорили монахи, — чтоб он взыскивал за подобные поступки. По делам он наш начальник, а держит себя, как брат.

Доброту его доказывает то, что, быв богатым человеком, он ничего по себе не оставил. Он снабжал бедных жителей Козельска строевым лесом, позволил им собирать для топлива сучки в монастырских дачах. Но милостыню свою он таил.

Однажды, когда его окружили на глазах одной посетительницы нищие, он заметил ей:

— Удивляюсь, зачем они ко мне пришли, никогда ничего им не подаю.

А эти нищие пошли за ним и, как всегда, получили.

Когда митрополит Иннокентий настоятельно вызывал о. Исаакия в наместники Троице-Сергиевой Лавры, он употребил величайшие усилия, просил заступничества влиятельных лиц, чтоб избежать этого высокого назначения.

Простая, бесхитростная, пылкая вера о. Исаакия бывала подтверждаема не совсем обыкновенными событиями.

Однажды поехал он на монастырскую мельницу под городом Болховом.

На возвратном пути лошади понеслись и стали бить. Кучер соскочил с облучка и смотрел с ужасом, как сани уносятся, подпрыгивая по дороге. О. Исаакий не мог двинуться в закрытом возке, и, видя опасность, призвал на помощь святителя Николая Чудотворца.

Лошади тогда мгновенно остановились. О. Исаакий вышел из возка, чтоб погладить лошадей, и увидал, что они находятся на краю крутого, очень глубокого оврага. Еще несколько аршин, и он бы погиб.

— Батюшка, — закричал кучер, — вы целы?

— Как видишь.

— А я думал: и косточек ваших не соберешь.

Чем ближе подходила смерть, тем больше сокрушался над собою о. Исаакий:

— Ах, как умирать-то! — говорил он.

Переезд отца Амвросия в Шамордин, и кончина его очень повлияла на него.

В июне 1894 г. о. Исаакий заболел дизентерией. Братия, чуя конец его, ходила с ним прощаться. Он благословлял их иконою.

За две недели до смерти он начал ежедневно приобщаться.

— Страшно умирать, — говорил он. — Как явиться пред лицом Божиим и на страшный суд Его. А сего не миновать!

Его вынесли наружу, положили под большим деревом. И тут и монахи, и народ прощались с ним, выжидая, когда он открывал глаза.

— Батюшка, как жить после вас? — спрашивали его некоторые монахи.

— Живите по совести и просите помощи у Царицы Небесной, и все будет хорошо, — отвечал он.

Он почил в 8 ч. вечера, 22 августа 1894 г., 85 лет от роду.

Тело его погребено внутри оптинского Казанского собора.

Великий старец Серафим Саровский

I

Широко по Руси славится имя отца Серафима Саровского. Его чтут больше всех подвижников последнего времени, наравне с уже прославленными святыми.

По времени своей жизни отец Серафим принадлежит нам: еще наши отцы хаживали к нему наставляться; доселе должны еще быть живы люди, слышавшие его голос, говорившие с ним. А по своим великим подвигам он принадлежит давно прошедшим временам. Мера его трудов переносит нас в древнезаветные времена, как та мера благодати, которую он стяжал своею жизнью.

Хотя отец Серафим бегал постоянно от людской молвы, его ученики в подробных описаниях сохранили память о важнейших событиях его жизни — и она, на наше счастье, становится нам

известною.

В жизни этого великого старца удивительно то, как он умел совместить в себе одном исполнение самых трудных подвигов монашества: с детства отдавшись Христу, он прошел путь общежительного инока, далее пустычника, столпника, молчальника и затворника. Потом он был старцем, т. е. не отказывался от руководства и попечения о всех, кто приходил к нему, и в этом высочайшем подвиге кончил свое трудовое и праведное существование.

19 июля 1759 года в древнем городе Курске, на Сергиевской улице, близ храма преподобного Сергия, у зажиточного купца Исидора Мошнина и жены его Агафии родился сын, которого они назвали во святом крещении Прохором. Это был второй их сын.

Мошнин занимался каменными подрядами по стройке домов и храмов и исполнял их очень добросовестно. Он, по рождении сына Прохора, прожил только года три. Незадолго до смерти он взялся строить новый храм во имя преп. Сергия, по плану известного архитектора Растрелли и, умирая, передал это дело жен.

Мать Прохора была к церкви еще усерднее, чем ее муж, слывший в народе за очень богобоязненного человека. Она творила много милостыни. Агафия сама продолжала и завершила стройку храма.

В семилетнем возрасте, когда мать Прохора осматривала стройку, мальчик с нею взобрался наверх недостроенной колокольни и упал на землю; мать в неопisanном ужасе сбежала вниз, зная, что найдет его разбитым до смерти. Но Прохор был цел и невредим, и мать не могла не видеть в том особого попечения Божия об ее сыне.

Через три года, когда Прохора с большим успехом стали уже учить грамоте, он заболел и был при смерти. В самый отчаянный час болезни, в сонном видении, отроку явилась Божия Матерь и обещала посетить его и исцелить от болезни. Вскоре затем в городе шли крестным ходом с Коренною иконою Божией Матери по той улице, где стоял дом Мошниных. Полил дождь. Для сокращения пути ход свернул через двор Мошниных. Мать Прохора поспешила вынести сына к иконе, — и с этого дня он стал быстро поправляться.

Учился он хорошо и полюбил чтение священных книг. Его старались также приучить к торговле разным деревенским товаром, которую вел его брат. Эти занятия не позволяли ему бывать у обедни и вечерни, и потому он подымался пораньше, чтоб отстоять заутреню. В праздничные дни он занимался духовно-назидательным чтением и любил читать вслух сверстникам, но более предпочитал уединение.

За это время он сблизился с одним юродивым, в то время чтимым в Курске и имевшим на Прохора большое влияние.

На семнадцатом году решение оставить мир окончательно созрело в Прохоре.

Прощание с матерью сына, покидающего родину для Бога, было трогательно. Она благословила его медным крестом. Это материнское благословение Прохор свято хранил всю жизнь и всегда носил открыто на груди.

В то время недалеко от Киево-Печерской лавры, в Китаевской пустыни, жил затворник Досифей, прозорливый старец. Ему Прохор открыл свою душу. Старец Досифей указал ему на Саровскую пустынь.

20 ноября 1778 г., в канун праздника Введения, Прохор прибыл в Саровскую пустынь, где ему

Бог судил возрасти и сделаться образцом и славою русских иноков. Саровская пустынь основана лишь в 1700 году и, благодаря непрерывному ряду прекрасных настоятелей, к концу прошлого века стала на высокую степень духовной жизни. Затеряна она и поныне в глубине лесов, вдали от шумных путей, от неправды мирской. Строителем в Сарове в то время был старец Пахомий, родом из курских купцов, знавший родителей Прохора. Он ласково принял пришельца и, определив в послушники, отдал в научение казначею, иеромонаху Иосифу. У этого старца Прохор должен был исполнять келейную службу. За образцовое поведение послушник Прохор был переведен в хлебню, потом в просфорню, столярню и сделан потом будильщиком, после же и пономарем.

Несомненно, что уже в те годы молодой послушник начал борьбу с мысленными врагами, которые не оставляют в покое строгих к себе иноков, и с духом печали, скуки, уныния, действия которого он ясно описал в годы своего старчества. Он боролся и постоянным наблюдением над собою, и трудовым распределением своего времени.

К службам церковным он приходил как можно ранее и неподвижно выстаивал непременно всякое богослужение до самого конца. В свободное время он не ходил по келлиям, а уединялся у себя, предаваясь чтению и телесному труду. Читая духовные книги, Прохор старался в мыслях все сказанное в них применять к человеку и разным его отношениям — отсюда умение его впоследствии осветить всякое жизненное положение ясным решением, согласным со словом Божиим.

В часы, свободные от духовных занятий, Прохор работал — вырезывал кресты из кипарисного дерева для благословения богомольцам. Во время работы он всегда, не переставая, творил про себя Иисусову молитву: "Господи, Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного!"

Точное исполнение монашеских послушаний, усердная церковная молитва, духовное чтение и труд не могли утолить в Прохоре ту жажду строгой пустыни и тяжелого подвига, которая наполняла его душу.

Вокруг Сарова, в глубине монастырского леса, не далеко друг от друга, жили пустынники, удалившиеся на полное уединение из монастырской ограды. По благословию своего старца Иосифа, и молодой Прохор стал в свободные часы уходить в лес для одинокой молитвы. В чаще леса он устроил себе шалаш и там погружался в созерцательную молитву.

Тут, в пустыни — вдали от всех людей, он с умилением погружался в свой молитвенный подвиг, среди природы, раскрывавшей ему величие Творца, под небом, сиявшим звездами, из которых каждая говорила ему о невыразимой небесной славе. В это же время он усилил пост: в среду и пятницу не вкушал вовсе пищи, а в другие дни недели принимал ее по одному разу.

Необыкновенное уважение, которое вселил к себе среди саровских старцев молодой Прохор, выразилось ясно во время его тяжкого недуга.

В 1780 году он жестоко заболел. Тело распухло, болезнь не поддавалась никаким средствам; врача не было; по-видимому, это была водянка. Безропотно в продолжение трех лет послушник выносил сильные страдания, плакал, молился. Его старец Иосиф, строитель Пахомий, старец Исаия ходили за ним, находясь при нем почти неотлучно.

Болезнь приняла самый опасный оборот, строитель советовал пригласить врача или открыть кровь. Прохор отказался.

Старец Иосиф особо отслужил о здравии Прохора всенощную и литургию; братия была в сборе. Прохора исповедывали и приобщили.

Тогда, в несказанном свете, ему явилась Пресвятая Дева Мария с апостолами Иоанном Богословом и Петром. Указывая Богослову на больного послушника, Она сказала: этот нашего рода, и возложила правую руку на его голову. Материя, наполнявшая тело больного, начала выходить через отверстие, образовавшееся в правом боку, и вскоре он выздоровел. Признаки этой раны навсегда остались на теле.

Необыкновенное выздоровление все приписали общей молитве и причастию. Явление же стало известно только много лет спустя, когда, приближаясь к смерти, подвижник рассказал о нем одному доверенному лицу.

Эта болезнь еще более закалила дух Прохора, и подготовила его к принятию великого монашеского образа.

Вскоре в Сарове приступили к новым постройкам. На место кельи, где болел Прохор, поставили больницу с богадельней и при больнице церковь в два этажа — нижний престол во имя преп. Зосимы и Савватия Соловецких, в верхнем — Преображения Господня.

Прохора послали за сбором денег на церковь. Обходя Русь, он зашел и в Курск. Мать его уже умерла, и он долго молился на ее могиле; но родной его брат хозяйствовал с успехом, и много пожертвовал на церковь.

В то время внешний облик послушника Прохора был таков. Ему было более 25 лет; росту высокого (2 арш. 8 вершк.); несмотря на строгий пост, лицо было белое и полное, нос правильный и острый; светло-голубые, выразительные и пронизательные глаза, густые брови; густые светло-русые волосы на голове; окладистая борода соединялась с густыми усами; он был крепко сложен и очень силен; он обладал увлекательною речью, необыкновенною памятью и светлым, отчетливым соображением.

13-го августа 1786 года он был пострижен в монашество и ему дано было, без его ведома, подходящее к нему имя, избранное монастырским начальством: Серафим, что значит пламенный.

В декабре 1787 года он посвящен в иеродиакона. С того дня в течение шести лет он почти непрерывно находился в служении. Ночи на воскресенья и праздники проводил все в молитвах, стоя. Бог подавал ему силы, — он не нуждался почти в отдыхе, забывал о пище и с сожалением уходил из церкви.

По временам он видал при церковных служениях ангелов, сослужащих и воспевающих с братиею.

Особенно же знаменательного видения удостоился он во время литургии в Великий четверг, когда, после малого выхода, он увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа во образе Сына Человеческого во славе, сияющего, светлее солнца, и окруженного небесными силами. От западных церковных врат Он шел по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши Свои руки, благословил служащих и молящихся.

От видения о. Серафим мгновенно изменился видом — и не мог сойти с места, вымолвить слова. Иеродиаконы под руки ввели его в алтарь, где он стоял неподвижно около двух часов.

По служению своему о. Серафим не мог удалиться совершенно в пустыню, но по вечерам он уходил как в то время, когда был послушником — в пустынную келью, и там ночь проводил в молитве, а к утру возвращался в Саров.

2-го сентября 1793 года в Тамбове о. Серафим был рукоположен во иеромонаха, и с этого дня, пока жил в самой пустыни, стал ежедневно приобщаться св. Таин.

II

О. Серафим был достаточно подготовлен к многотрудному и великому деланию пустынножительства: всецелому посвящению всех мыслей Богу.

"Мы бегаем, — говорил о. Серафим, — не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых. Удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому неместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог".

Чтобы душе о. Серафима развиться на просторе, ей нужны были особые условия, полное удаление от людей, и быт, свободный от всяких уз общежития: пустыня.

От постоянного стояния в церкви и на домашней молитве, у него ноги опухли, открылись раны; он не мог служить, был освобожден от исполнения послушаний и просился в пустыню. Он удалился в свою пустынную келью, 20-го ноября 1794 года, ровно шестнадцать лет после прихода своего в Саров, 35 лет от роду, т. е. "на преполовении" своей жизни.

Его келья находилась в густом сосновом бору, на берегу реки Саровки, на возвышенном холме, в 5-6 верстах от обители. Выстроенная из дерева, она состояла из комнаты с печкой, сеней и крылечка. Вокруг — гряды огорода и забор. Потом он завел у себя и пчельник, приносивший очень хороший мед.

Одежда о. Серафима была самая убогая. На голове он носил поношенную камилавку, на плечах балахон из белого полотна, на руках кожаные рукавицы, на ногах кожаные бахилы (род чулок) и лапти. На белом балахоне висел медный крест, который при прощании надела на него мать, а за плечами, в сумке, он неразлучно носил Евангелие, чтоб всегда читать его и в напоминание о ношении ига Христова. Летом и зимой одежда у него была та же. Его время проходило в телесных трудах, чтении книг и молитвах.

В холодную пору он собирал дрова для отопления своей келлии, а летом возделывал гряды на своем огороде. Для удобрения его, он в жары ходил на болотистые места и приносил оттуда мху. Насекомые нестерпимо кусали его, высасывая кровь, а он радовался, потому что, как говорил он впоследствии, "страсти истребляются страданием и скорбью — или произвольною, или посылаемою Промыслом".

Работая, он приходил в светлое, радостное настроение, которое изливал пением священных песен. И посреди этой трудовой молитвы он погружался иногда в столь глубокое созерцание духовных тайн, что орудия падали на землю, руки опускались, во взгляде его, устремленном в себя, выражалось что-то чудесное, и, если кто проходил мимо, с благоговением смотрел на него и не смел нарушить его созерцаний.

Во время молитвы он достигал высшей радости, доступной человеку.

Пища о. Серафима состояла из сухого и черствого хлеба, который он брал с собою из монастыря по воскресеньям на целую неделю. Есть сказание, что из этого количества он уделял еще зверям и птицам, которые любили собираться к нему. Но потом он отказался и от хлеба насущного, довольствуясь овощами огорода; и исполнились над ним слова ап. Павла — он питал себя, добывая себе сам пропитание. Всю первую неделю Великого поста он ничего не вкушал. Наконец, он дошел до того, что в продолжение почти трех лет питался травой

сниткою, которую варил в горшечке, а на зиму засушивал ее себе на запас.

Накануне праздников и воскресных дней о. Серафим приходил в обитель, выстаивал вечерние службы и приобщался за раннею литургиею в дорогой ему церкви преп. Зосимы и Савватия; до вечерни в келлии принимал нуждавшихся в его совете из монастырской братии, а затем, взяв хлеба, удалялся в пустынь. Только всю первую неделю Великого поста он оставался в обители.

Молва стала распространяться о пустынном старике, и многие приходили к нему в его пустынную келью.

Но в эти годы о. Серафим всячески избегал посетителей. Особенно же он сторонился некоторых, видя в них одно любопытство. Действительно же нуждающимся духовно из иноков не отказывал. Иногда соседние пустынники, Александр и Марк, находили о. Серафима до того погруженным в богомыслие, что он не замечал их присутствия; прождав с час, они уходили. Если же старец встречал кого в лесу, то смиренно кланялся и отходил, ибо как он говаривал впоследствии: "от молчания никто никогда не раскаивался".

На людей, видевших старца в первый раз, эти неожиданные встречи производили неизгладимые на всю жизнь впечатления; уже один внешний образ его поучал, говоря о чем-то возвышеннейшем и духовном... Существует большая картина: о. Серафим в полуклобуке, полумантии, с сумкою на плече, с четками в руках, опираясь на сучковатую палку и пригнувшись к земле, как ходил он после ран, совершает свой переход по лесу. Трудно оторваться от этого чудного лика саровского пустынножителя. Какие же чувства испытывали те, кто видели его живым, ощущая действовавшую в нем благодать?

О. Серафим, достигнув высоты мирного духа, и диким зверям внушал благоговение. Несколько раз посещавшие его в дальней пустыни видели близ него громадного медведя, которого он кормил. По его слову, медведь уходил в лес — и потом приходил снова и старец кормил его, и давал иногда кормить его посетителям. Лицо у старца было тогда светлое, как у ангела, и радостное. Но он запрещал говорить о том до его смерти.

Видя такую великую жизнь подвижника, исконный враг нашего спасения яростно вооружился против него, насылая на него тяжкие искушения.

Иногда ему видимо представлялось, что келлия рушится на четыре стороны, и что к нему рвутся страшные звери с диким ревом.

Все эти внешние видения и искушения подвижник побеждал силою крестного знамения. Дважды был избран о. Серафим в игумены и архимандриты монастырей, но отказался. Видя такое смирение, враг ополчился на него новою бедою и воздвиг в его душе со страшною силой соблазна мысленную брань — самую ужасную из бед... Трудно было о. Серафиму. Призвав на помощь Господа Иисуса Христа и Пречистую его Матерь, он решился для победы над кознями на новый подвиг.

В лесу, на полпути от келлии в Саров, лежал гранитный камень громадной величины. На нем решился о. Серафим начать жизнь столпника. Всю ночь теперь он стал проводить на этом камне, в молитве, стоя во весь рост, или на коленях, с воздетыми руками, взывая, как мытарь: "Боже милостив буди мне грешному!" — В келлии о. Серафим на весь день становился на другой камень, сходя с него только для принятия пищи и редкого отдыха. Так прожил он тысячу суток — и мысленная брань утихла от великого труда плоти и непрестанной молитвы.

Но болезнь в ногах открылась опять, и уже не оставляла старца до конца его дней. Достигнув цели, он окончил этот подвиг, совершенный в такой тайне, что никто о нем не знал, — и только

пред смертью он, в назидание, рассказал о том ближайшей братии. Когда его спросили, как он мог это перетерпеть, была ли ему Божья помощь, он отвечал:

"Да иначе сил человеческих не хватило бы. Внутренно подкреплялся и утешался я этим небесным даром, нисходящим от Отца светов. Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами".

Камни о. Серафима существуют. Но от большого остался только один осколок. Многие откалывали себе от них куски. В семьях встречаются эти куски, иногда с изображением молящегося о. Серафима. Богомольцы пробили в пустынь Серафимову вместо тропинки просторную дорогу, по которой ездят экипажи.

А старца ждало новое испытание, изгонявшее его из пустыни.

12-го сентября 1804 года, когда он рубил в лесу дрова, к нему пришли три неизвестные крестьянина, и нагло стали требовать денег. Он ответил: "Я ни от кого ничего не беру". Первый бросившийся на него упал, и они все испугались, а о. Серафим, хотя был очень силен и был при топоре, вспомнил слова Спасителя: "Все приемшии нож, ножом погибнут". Он опустил топор, сложил на груди крестом руки и сказал: "Делайте, что вам надобно". Они ударили его обухом топора в голову — из рта и ушей хлынула кровь, старец упал замертво. Разбойники повлекли его к келлии, продолжая топтать его ногами, связали веревками — и, думая, что он убит, кинули его, и бросились в келлию для грабежа. Но нашли только икону и несколько картофелин; на злодеев напал страх, и они убежали.

О. Серафим, придя в чувство, кой-как развязал себя, поблагодарил Бога за безвинное страдание, помолился о прощении грабителей и к утру приплелся в обитель, в самом ужасном виде, истерзанный, окровавленный, с запекшейся кровью. Врачи нашли, что голова проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана и по телу смертельные раны, и удивлялись, как он еще жив. Когда они совещались по-латыни, что делать, о. Серафим уснул и имел видение.

Пресвятая Владычица, во славе, с апостолами Иоанном Богословом и Петром явилась к его одру и произнесла в ту сторону, где были врачи: "Что вы трудитесь?", а старцу: "Сей от рода нашего!" — слова, уже слышанные старцем.

Проснувшись, о. Серафим отклонил лечение, и, в тот же день почувствовав возвращение сил, встал с постели. Но пять месяцев он провел, оправляясь, в обители, а там снова возвратился в пустыню.

Когда грабители были уличены, о. Серафим объявил и Саровскому настоятелю, и их помещику, что, если крестьян накажут, то он навсегда уйдет из Сарова в дальние места. По мольбе старца, злодеев простили; но в скором времени пожар сжег их дома; они раскаялись и приходили к о. Серафиму.

С той поры он остался навсегда совсем согбенным (еще прежде он был однажды придавлен деревом, при рубке леса), и ходил, опираясь на топорик, мотыгу или палку.

Умножая свои труды, о. Серафим после 1806 года, приступил к подвигу молчальника, основываясь на словах св. Амвросия медиоланского: "Молчанием я видел многих спасающихся, многоглаголением же ни единого" — и еще другого учителя: "Молчание есть таинство будущего века; словеса же — орудие сущего мира сего".

Он не выходил теперь, если кто посещал его в пустыне; встречаясь с кем в лесу, он падал ниц, пока не уходили. Он перестал ходить в обитель; однажды в неделю ему приносили оттуда

пищу. Услышав стук, он на коленях, как Божий дар, принимал в сенях пищу с земли, куда ставил ее приносивший монах, не смотря на него, и клал возле кусочек капусты или хлеба — чтобы показать, в чем он нуждается на следующий раз. Сущность же подвига состояла в отречении от всех житейских помыслов.

Около трех лет провел о. Серафим в таком молчании, и от него перешел к новому высшему подвигу, называемому затвором.

Ему было тогда пятьдесят лет.

Все, что имел тогда у себя в келлии о. Серафим, — была икона с горящей лампадой и обрубок пня взамен стула. Для себя он не употреблял и огня. В келлии лежала охапка дров для печи, никогда не топившейся. Для умерщвления плоти он носил под рубашкою, на плечах, поддерживаемый веревками, большой пятивершковый железный крест; вериг и власяницы он не носил никогда и говорил: "Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски — вот и вериги наши, вот и власяница!"

Питьем его была одна вода; пищей — толокно и белая рубленая капуста; это ему приносили ежедневно; иногда уносили непочатым.

Часто он на коленях целыми часами безмолвно стоял пред иконой, созерцая в сердце Господа.

В течение недели он прочитывал весь Новый Завет. Сквозь дверь было слышно, как он вслух толковал себе Писание; многие приходили и внимали ему.

В праздники к нему приносили св. Дары, и он приобщался. Чтобы яснее помнить о смерти, он упросил сделать себе гроб, и поставил его в своих сенях, и завещал, чтобы его схоронили в этом гробе.

Случайно открылось, что по ночам он трудился, перенося поленца к своей келлии, читая чуть слышно молитву Иисусову.

III

Прошло пять лет затвора, и о. Серафим внешне ослабил его: он открыл дверь келлии; всякий мог войти к нему; он же продолжал свои духовные занятия — и на вопросы не отвечал.

Еще через пять лет он уже начал вступать в беседу, и прежде всего с иноками.

Он учил их точному выполнению иноческих правил, ревности к церковному служению.

В деле спасения души великую силу придавал о. Серафим Причастию.

Приступать ко Св. Причастию и монахам, и мирянам о. Серафим советовал во все двенадцатые праздники — и никак не опускать без говения четырех постов. Вот, что говорил он о высокой милости евхаристии: "Если бы мы и весь океан наполнили слезами, то и тогда бы не могли удовлетворить Господа за то, что он изливает на нас жизнь и питает нас пречистою Своею кровию и телом, которые нас омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Но приступай без сомнения и не смущайся, а веруй только".

Открыв дверь инокам, старец не отказывал уже более и мирянам. Его слово действовало с большою властью, потому что все приходившие к нему знали, что сам он исполнял то, что проповедывал. А как говорил о. Серафим, "учить других так же легко, как с нашего собора

бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно, как бы самому носить камешки на верх собора".

Теперь двери его келлии были открыты от ранней обедни до 8 ч. утра. Он принимал в белом балахоне и мантии; а в дни, когда приобщался, еще в епитрахили и поручах. Людей искренних встречал с особенною радостью. Побеседовав, он заставлял наклонить голову, и, возложив епитрахиль, произносил с посетителем молитву: "Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами... волею или неволею, ведением или неведением". И затем читал разрешительную молитву. В эту минуту испытывалось необыкновенное облегчение совести. Потом он помазывал крестообразно лоб маслом от иконы — и давал пить богоявленской воды и частицу антидора, по утрам; потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время — Христос Воскресе, и давал прикладываться к образу Божией Матери или кресту, висевшему у него на груди.

Особенно он советовал и настаивал на том, чтоб люди постоянно имели в сердце молитву Иисусову. "В этом да будет все твое внимание и обучение". Этой молитве он придавал великое значение и считал непременно обязательною для каждого христианина.

Насчет ежедневных молитв, он оставил следующее правило, исполнимое решительно для всех.

Вставши от сна, читать "Отче наш" трижды, "Богородице Дево, радуйся" — трижды, и "Верую во единого Бога" — один раз. Затем, до обеда читать, по возможности всегда, и на пути, и на труде, Иисусову молитву, а при людях повторять мысленно "Господи помилуй". Перед обедом повторять утреннее правило.

После обеда до вечера вместо Иисусовой молитвы читать "Пресвятая Богородице, спаси мя грешного". Перед сном — опять утреннее правило.

Кто же не имеет времени, пусть совершает эти правила хоть на ходьбе, на постели, помня: "всякий призывающий имя Господне, спасется".

А имеющие время — пусть читают еще зачала из Евангелия, акафисты, псалмы. Малое же это правило — высокого достоинства: первая молитва, образец молитв, дана Господом; вторая — принесена архангелом с неба; в третьей — все догматы веры.

Знатным посетителям о. Серафим говорил много об их обязанностях к отечеству и вере, умолял их служить верно Церкви Христовой и блюсти Ее учение. Простолюдины кроме душевных скорбей шли к нему со своими несложными нуждами, и он не отказывал.

Однажды прибежал в обитель крестьянин, растрепанный, в отчаянии и, отыскав о. Серафима, упал в ноги и закричал: "Батюшка, у меня украли лошадь. Без нее семью нечем кормить. А, говорят, ты угадываешь!"

О. Серафим, ласково взяв его за голову, сказал: "Огради себя молчанием и иди в "такое-то" село. Подходя к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома. Войди в калиточку, отвяжи лошадь от колоды и выведи молча".

Лошадь нашлась.

Особенно доступен стал о. Серафим с 1825 года, когда он окончил свое затворничество.

Верстах в двух от монастыря издавна существовал родник, и близ него на столбике была икона св. Евангелиста Иоанна Богослова, почему и родник называли Богословским. О. Серафим

всегда очень любил это место: в четверти версты стояла келлия одного умершего подвижника.

На это место и начал ходить старец, строение над родником возобновили; вокруг устроили гряды; старец работал, унижая дно родника камнями, которые сам собирал, и возделывая овощи. На берегу горы, у родника, поставили сруб, под который он укрывался во время жары. Он постоянно проводил тут все будничные дни, с 2 или 4 ч. утра, лишь на ночь возвращаясь в монастырь, в холщевом белом балахоне, камилавке, с топором в руке, с сумою, набитою камнями или песком, на которых лежало евангелие — и на вопросы о суме, по св. Ефрему Сирину, отвечал: "Я томлю, томящего мя". Это место — "ближняя пустынька", а колодезь, чудесно открывшийся явлением Богоматери старцу — "колодезь о. Серафима".

По пути, и в обители, и в пустыньке — всюду ждало его множество народа. Его возвращение в келлию в дни причастия представляло необыкновенное зрелище. Он шел в мантии, епитрахили и поручах; народ, окружавший его, старался хоть взглянуть на него; но он не благословлял никого, и шел, весь погруженный в себя.

Также дивно было видеть уже прославленного чудесами, прозорливостью, даром благодати старца, согбенного, в убогой белой одежде, рубящим дрова или копающим гряды, подпираясь топором, с сумою с камнями на плечах. А иногда он покрывался выделанною кожею, и вспоминались слова ап. Павла: "Проидоша в милотех и в козиих кожах, в пустынях скитающиеся, скорбяще, озлоблени, — их же мир не бысть достоин" (Евр. II, 37)

Теперь открылось людям великое сокровище: беседа о. Серафима. Она дышала проникающею, тихою, живительною властью. Его речи были смиренны, грели сердца, снимали завесу с глаз, озаряли ум духовным разумением, приводили к раскаянию, рождали желание исправиться, стать лучшим — возбуждали надежду, что это исправление возможно, и, охватывая разум и волю, осенили душу человека тишиной. Его вид, его беседа были как ясный луч солнца, просветляющий всякую темноту.

Как всю свою жизнь, так и слова свои, о. Серафим основал на слове Божиим и разъяснял все спрашивавшим у него решения самых трудных обстоятельств жизни — на основании мест из Писания и примеров святых.

Особенно выделялись в нем любовь и смиренномудрие. Всякого приходившего, — богача, барина и нищего, и грешника, изболевшего грехами, — он целовал, кланялся до земли и, благословляя, целовал руки. Никогда он не говорил строгими укорами, — никогда не обличал жестокими словами; а если замечал дурное — то тихо и кротко; более просил и советовал, чем обличал. Иногда не понимали люди в ту минуту, когда он говорил, что его слова относятся именно к ним; но впоследствии, при нужде, всегда вспоминалась старцева речь.

Множество народа шло теперь в Саров, к о. Серафиму. Ежедневно в его келье, в многолюднейшее время, бывало тысяч до двух. Со всяким было у него время побеседовать на пользу, причем в кратких словах он говорил много, разом давая наставление, которое бы охватило всю жизнь человека, и, при нужде, открывая самые затаенные мысли и чувства. Его любовь с такою силою грела всякого приходившего, что от ее воздействия неудержимо плакали люди с самым твердым и окаменелым сердцем.

О. Серафим придавал очень большую важность православному сложению креста, а лиц, знаменовавшихся двухперстным знамением, старался отклонить от этого обычая.

Вот, как он говорил об упадке благочестия и о силе православной веры: "Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного; прогневаем Господа и нехранением св.

постов; ныне христиане разрешают на мясо и во св. четырехдесятницу, и во всякий пост среды и пятницы не сохраняют, а Церковь имеет правило: нехранящие св. постов и всего лета среды и пятницы много грешат... Не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера православная, Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна, и непреоборима, имущая веру и благочестие в щит и во броню правды: сих врата ада не одолеют".

Детям о. Серафим внушал уважать родителей, даже преданных унижительным порокам, и не позволял детям говорить об этих пороках родителей, закрывая им тогда рот рукой.

О. Серафим имел в сильнейшей степени дар прозорливости. В настоящем коротком описании будет вовсе опущено множество случаев, занесенных в подробные жития о. Серафима; но необходимо указать на мнение старца об этой прозорливости.

После одного обнаружения прозорливости, на удивление одного из своих детей, — старец объяснил: "Он шел ко мне, как и другие, как и ты; шел, яко к рабу Божию; я, грешный Серафим, так и думал, что я грешный раб Божий — что мне повелевает Господь, как рабу своему, то я передаю требующему полезное. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только веруя, что так мне указывает воля Божия. Своей воли не имею; а что Богу угодно, то и передаю". Получая письма, о. Серафим часто, не распечатывая их, знал их содержание и давал ответы: "Вот что скажи от убогого Серафима". После кончины его нашли много таких нераспечатанных писем, на которые были даны ответы.

Одному мирянину В. о. Серафим говаривал часто, что на Россию восстанут три державы и много изнурят ее. Но за православие Господь помилует и сохранит ее. Это он говорил о крымской кампании, как показали события.

Еще не было ни откровений, ни явлений у гроба святителя Митрофана Воронежского, а о. Серафим письменно поздравил архиепископа Антония воронежского с открытием св. мощей.

Духом о. Серафим знал и был в единении со многими подвижниками, которых никогда не видал и которые жили от него за тысячи верст. Когда в затворнике задонского Богородицкого монастыря Георгия возник помысл, — не переменить ли ему своего места на более уединенное, и никто, кроме него, не знал этого тайного смущения, пришел к нему какой-то старик от о. Серафима и сказал: "О. Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтоб оставить свое место. Никуда не ходи: Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться". Старик сказал и вышел.

Он равно видел прошедшее и будущее, в нескольких словах очерчивал предстоящую жизнь человека и говорил вещи и давал советы, казавшиеся странными, доколе они не оказывались полными духа прозрения. Подробные жития его сохраняют множество удивительных проявлений этого дара.

О. Серафим имел также дар исцелений. У него был обычай мазать больных маслом от лампы, горевшей пред его келейною иконою Богородицы — "Умиления", которую он называл "Всех радостей Радость" — и, когда ему был предложен вопрос, зачем он это делает — он отвечал посланному: "Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом, и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?" — и помазанные им получали исцеление.

А о колодце "Серафимовом" старец сказал: "Я молился, чтобы вода сия в колодце была

целительною от болезней". Эта вода получила тогда особые свойства. Она не портится, хотя бы много лет стояла в незакупоренных сосудах; во всякое время года, и в холода, ею омываются больные и здоровые, и получают пользу. Один саровский монах остановил дворового человека, гнавшегося за старцем и спросил: "Что ты гонишься за ним?" — "Как же не гнаться мне за ним, — отвечал поспешно тот, — я был слеп, а о. Серафим сделал меня зрячим", — и он побежал далее за старцем.

М. В. Сипягина была больна, чувствовала в себе ужасную тоску и от болезни не могла в постные дни есть пищи, положенной уставом. Старец приказал ей напиться воды у его источника. Тогда без всякого принуждения из нее гортанью вышло много желчи, и она стала здорова.

Многим, даже в ранах, о. Серафим приказывал окатиться водой из его источника. Все получали от этого исцеление — и в различных болезнях.

В начале двадцатых годов, г. Манторов заболел недугом, которого врачи не могли определить и которого не могли облегчить. Страдания вынудили его выйти из военной службы, и поселиться в имении Нуче, в 40 в. от Сарова. Об о. Серафиме уже шла молва: слух дошел до больного, и он был принесен на руках, своими людьми, к старцу. Старец его трижды спросил: "Веруешь ли ты несомненно в Бога?" Больной трижды отвечал: "Несомненно верую". Старец помазал больные места маслом из лампы; все струпья, покрывавшие тело, мгновенно отпали. Манторов, исцеленный, вышел здоровым из келлии. Он всю свою последующую жизнь прожил под рукою старца, и много сделал для Дивеевской его общины.

У генерала Ладыженского сильно болела левая рука от раны, полученной в турецкую кампанию. По просьбе сестер своих, ему пришлось быть у о. Серафима.

Вернувшись, он рассказал, что с ним совершилось чудо. "Пока я передавал о. Серафиму поручения — он взял меня за больную мою руку и так крепко сжал, что я только от стыда не вскрикнул, но теперь не ощущаю в руке решительно никакой боли".

О. Серафим за несколько лет говорил о приближавшейся холере и, когда она наступила, открыто предвозвестив, что ее не будет ни в Сарове, ни в Дивееве, исцелял тех, кто обращался к нему. Так, один крестьянин, заболев, приполз к старцу, который приложил его к своему образу, напоил св. водою, дал просфоры и велел обойти кругом обители и помолиться в соборе. Крестьянин был исцелен.

Ничем нельзя лучше описать любви и заботы старца о. Серафима к своим детям, как следующим. В келлии у него горело много лампад и теплились целые кучи восковых свеч, больших и малых, на разных круглых подносах. И, на мысль одного посетителя, к чему это у него так много лампад, старец отвечал:

— Как вам известно, у меня много особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим (т. е. сестрам Дивеева). Он приносят мне елей и свечи и просят помолиться о них. Вот, когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала единожды. А, как я не смогу повторять их на каждом месте правила, то и ставлю эти свечи за них в жертву Богу — за каждого по свече; за иных — за несколько человек одну большую — и, где следует, не называя имен, говорю: "Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кандила".

IV

Наступили последние годы жизни старца. Он говорил: "Скоро я не буду жить здесь; близок

конец мой!"

С прежнею любовью и заботою продолжал старец служить приходившим к нему. Вот одно из описаний посещения о. Серафима.

"Мы нашли старца в ближней пустыне, на работе: он разбивал грядку мотыгой. Когда мы поклонились ему до земли, он благословил нас и, положивши на мою голову руки, прочитал тропарь Успения: "В рождестве девство сохранила еси". Потом он сел на грядку и приказал нам также сесть; но мы невольно встали пред ним на колени и слушали его беседу о будущей жизни, о жизни святых, о заступлении, предстательстве и попечении о нас грешных Владычицы Богородицы, и о том, что необходимо нам в здешней жизни, для вечности. Эта беседа продолжалась не более часа; но такого часа я не сравню со всею прошедшею моею жизнью. Во все продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую, небесную сладость, Бог весть каким образом туда переливавшуюся, которой нельзя сравнить ни с чем на земле. До тех пор для меня в духовном мире все было совершенно безразлично. О. Серафим впервые дал мне теперь почувствовать всемогущего Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство".

Мимо Сарова проезжает за ремонтом кавалерийский молодой офицер. Он сомневается в учении Церкви об иконах, и боится обличения прозорливого старца — и минует пустынь. Но чрез полгода, отправляясь в поход, он, по просьбе своего отца, заезжает в Саров. Старец в толпе народа делает ему знак подойти, и ведет в келью. На просьбу молиться, чтоб он уцелел в битве, старец благословляет его медным крестом и исповедует, говоря ему вслух его грехи, и потом наставляет его: "Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и помнить, что мы, хоть и грешные, но все находимся под благодатью нашего Искупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей. Искушения диавола подобны паутине; дунуть на нее — и она истребляется; стоит оградить себя крестным знаменем, и козни вражеские исчезают совершенно". Потом старец разъясняет все заблуждения слушателя на счет св. икон, благословляет солдат командуемой им части и предсказывает, что они все уцелеют в походе. Уходя, офицер кладет около старца три рубля на свечи, и вдруг в душе помысл, на что старцу нужны деньги. Он возвращается с раскаянием к о. Серафиму, а старец, прежде чем тот вымолвил слово, говорит: "Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на св. храм, и молитвами св. Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устройство Дивеевской общины, за твое здоровье". Подавая ему выпить святой воды, старец говорит: "Да изженется благодатию Божиею дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна". Потом старец дает ему на дорогу просфору, св. воды и сухариков.

В другой раз приходит к старцу генерал и рассказывает, что, окруженный со всех сторон турецкими полками, оставшись без надежды с одним своим полком, он твердил: "Господи, помилуй молитвами старца Серафима", ел его сухарики и пил св. воду — и спасся. А старец объясняет ему, что молитва веры — непобедимая победа.

Вот, о. Серафим соединяет снова неблагополучную жизнь разошедшихся супругов и разлученных ради того детей. Вот мать, потерявшая из виду сына, припадает к ногам старца, и он говорит: "Подожди в Сарове!" Через три дня, входя в келью о. Серафима, она находит в ней своего сына, которого о. Серафим подводит к ней за руку и поздравляет.

Приближаясь к концу, о. Серафим не смягчал своего жестокого жития. Пищу он вкушал однажды в день, вечером. От дождя и жара надевал полумантию из цельной кожи, с отверстием для головы и рук. Поверх одежды опоясывался белым чистым полотенцем и

надевал свой медный материнский крест. Один богатый человек спросил его: "Зачем ты носишь такое рубище?" Старец отвечал: "Святой Иоасаф-царевич данную ему пустынною мантию счел выше и дороже царской багряницы".

Спал он не ложась, а сидя на полу, прислонившись к стене и протянув ноги; иногда же прислонял голову на камень или деревянный отрубок; часто же укладывался на кирпичях и на поленьях; а в самое последнее время нельзя было без ужаса смотреть на его сон: он становился на колени и спал лицом к полу, поддерживая руками голову. Небо стало для него, действительно, родным и, когда тот офицер, о котором было рассказано, спросил старца, не передать ли от него чего курским родственникам, старец, указав на лики Христа и Богоматери, с улыбкою сказал: "Вот мои родные, а для живых родных я уже живой мертвец".

Вот событие, засвидетельствованное княгиней Е. С. Ш.

Она привезла к старцу своего племянника Я.; больного внесли в келлию на постели. Старец сказал ему: "Ты радость моя, молись, и я за тебя буду молиться, только смотри — лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся". Но больной не выдержал и увидел молящегося о. Серафима стоящим на воздухе, и от ужаса вскрикнул.

Окончив молитву, старец запретил рассказывать виденное — до его смерти. Я. из келлии вышел уже сам.

В то время о. Серафима чтит уже вся Россия, а современные ему подвижники смотрели на него как на "град, веру горы стоящий" — и широко шла о нем благочестивая молва.

На вид о. Серафим был светел и радостен, хотя тяжкие страдания ног, которые мучительно болели от непрерывных бдений и из которых текла материя — не оставляли его до конца.

Образованные люди, близко его знавшие, говорят, что он был гениальный человек. У него был ясный, меткий, широкий, основательный ум; счастливая память и живое, творческое воображение. Это был дух в тонком, прекрасном, необыкновенно миловидном теле. Лицо у старца было белое, глаза пронизательные, светло-голубые, детский румянец на щеках под седыми волосами головы.

25-го марта 1831 г. в праздник Благовещения старец был обрадован дивным посещением. Свидетельницею того посещения была одна старица Дивеева, которой о. Серафим приказал прийти к себе и сказал: "Нам будет видение Божией Матери", молился над нею и успокоил: "Ничего не бойся!"

Сделался шум, как шумит лес от большого ветра. Когда он утих, послышалось пение, подобное церковному. Дверь в келлию сама собою отворилась, сделалось светло — белее дня, и благоухание наполнило келлию.

О. Серафим стоял на коленях, воздев руки к небу и произнес: "Вот Преславная, Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица грядет к нам!.." Впереди шли два ангела с золотистыми волосами, держа по ветви, усаженной только что расцветшими цветами. Они стали впереди. За ними шли: св. Иоанн Предтеча, и св. Иоанн Богослов, в белой, блистающей от чистоты одежде. За ними шла Богоматерь и двенадцать дев. Царица Небесная имела на себе мантию, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, несказанной красоты, застегнутую камнем, выложенным крестами; поручи Ее на руках, и епитрахиль, наложенная сверх платья и мантии, были тоже убранны крестами. Она казалась выше всех дев; на голове Ее сияла в крестах корона — и глаз не выносил света, озарявшего лик Богоматери. Девы шли за Нею попарно, в венцах, и были разного вида, но все великой красоты. Келлия сделалась

просторнее, и ее верх исполнился огней, как бы горящих свеч. Было яснее полудня, сияние больше дневного луча, светлее и белее солнца.

Когда инокиня пришла в себя, о. Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Пресвятою Богородицею, и Она говорила с ним. Девы сказали инокине свои имена и страдания за Христа.

Из беседы Пречистой Владычицы с о. Серафимом, инокиня слышала: "Не оставь дев моих! (дивеевских)". О. Серафим отвечал: "О Владычице! Я собираю их, но сам собою не могу их управлять". Царица Небесная отвечала: "Я тебе во всем помогу. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помяновен будет пред Богом". Потом Она сказала инокине: "Эти девы Мои возлюбили единого Господа; иные оставили земное царство и богатство, и за то видишь, какой славы сподобились. Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние тайно, сердечными скорбями, и мзда будет такая же". Благословляя о. Серафима, Пресвятая Богородица сказала: "Скоро будешь с нами!" Св. Предтеча и Богослов благословили его, а девы целовались с ним рука в руку. — В одно мгновение все стало невидимо.

Это было двенадцатое явление старцу Серафиму от Господа Бога.

V

Старцу было 72 года. Телесное изнеможение все усиливалось; старец реже мог ходить в пустынную келлию, и многие подолгу проживали в монастырской гостинице, чтобы видеть его и насладиться благоуханием его последних бесед.

Говоря о пустыньке с одною дивеевскою старицею, о. Серафим пришел от представления чаемого блаженства в восторг; он встал на ноги и с воздетыми руками смотрел в небо и говорил: "Какая радость, какой восторг объемлют душу праведника, когда ее сретают ангелы и представляют пред лице Божие!"

Одному подвижнику он сказал: "Сей, о. Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро".

О. Серафим уже приготовлялся окончательно к смерти. Нередко он, сидя в сенях, у своего гроба, размышлял о загробной жизни, и земной путь его казался ему столь несовершенным, что он горько плакал.

Старец некоторым лицам разослал письма, призывая к себе, а другим поручил после смерти своей передать полезные для них советы.

В самый день Рождества о. Серафим долго беседовал с одним мирянином. Это была, может быть, последняя длинная его беседа.

"Добро делай, — говорил он, — путь Господень все равно! Враг везде с тобой будет. Кто приобщается, везде спасен будет; а кто не приобщается — не мню. — Вот что делай: укоряют — не укоряй; гонят — терпи; хулят — хвали; осуждай сам себя, так Бог не осудит; покоряй волю свою воле Господней; никогда не лести; познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это. Люби ближнего: ближний плоть твоя. Если по плоти поживешь, то душу и плоть погубишь; а если по Божьему, то обоих спасешь. За уступки миру многие погибли: еще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех и больше всех — Бога..."

"Подчиненных храни милостями, облегчением от трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь

справедлив, Господь терпит; Бог знает, может быть, и еще протерпит долго. Ты так делай: еще Бог прощает, и ты прощай".

"Что приняла и обლობызала св. Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней; будь воздержан, ходи в церковь, разве немощи когда; молись за всех; много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает. По постам скоромного не ешь: хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по 100 лет жили? Не о хлебе едином жив человек. Что Церковь положила на семи вселенских соборах, исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением? Господь призывает нас, да мы сами не хотим. — Смирение приобретаешь молчанием. Бог сказал пророку Исаии: на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих".

Все время этой беседы о. Серафим был очень радостен. Он говорил чрезвычайно поспешно; посетитель едва успевал прочитывать вопросы, как тотчас получал на них ответы. Старец стоял, опершись на свой дубовый гроб, и держал в руках зажженную восковую свечу.

В этот же день старец приобщался, долго беседовал с игуменом и просил его о многих иноках, особенно из младших.

Сбоку алтаря Успенского собора он отметил себе могилу.

Как-то в конце 1832 года один монах спросил старца: "Почему мы не имеем строгой жизни древних подвижников?"

— Потому, — отвечал старец, — что не имеем решимости; а благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде — и мы могли бы жить, как древние отцы: ибо, по слову Божию, Иисус Христос "вчера и днес, той же и во веки!"

Эти слова — печать жизни о. Серафима.

Наступил новый 1833-й год, пришедшийся на воскресенье.

О. Серафим выстоял раннюю обедню в дорогом ему больничном храме, во имя преп. Зосимы и Савватия, обошел все иконы, прикладываясь к каждой и ставя свечи, чего прежде не делал, — и приобщился.

В келлии у него пылали негасимые им свечи, потому что на все предостережения он говорил всегда: "Пока я жив — пожара не будет, а смерть моя откроется пожаром".

После службы, старец простился со всеми молившимися монахами, благословил, поцеловал и говорил: "Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днес нам венцы готовятся!" Он приложился еще ко кресту, к иконе Богоматери, поклонился в алтаре св. престолу и вышел северными дверями, как бы в знамение того, что человек входит в жизнь рождением, а уходит смертью. В нем заметили крайнее изнеможение.

Сосед его по келлии заметил, что три раза в этот день он выходил на место, указанное для погребения, и смотрел долго в землю, а вечером пел в келлии пасхальные песни и победные молитвы.

Второго января в шестом часу утра из келлии о. Серафима показался дым. Изнутри было заперто, и на стук не отпирали. Дверь должны были сорвать с петель. В сенях тлел холст от оставленной свечи. В келлии все было тихо.

О. Серафим в своем белом балахончике стоял перед иконою Пречистой Девы Умиления, названной им "Всех радостей Радость", на обычном месте, перед малым аналоем, на коленях, с открытою головою, с медным распятием на груди. Его руки лежали крестообразно на книге молитв, а на руки была опущена голова. Сперва думали, что он уснул.

— Батюшка, вы не видите, что у вас книжка горит! — сказали ему, но он не отвечал.

Глаза были закрыты; лицо оживлено выражением молитвы и духовной мысли, тело было еще тепло.

В эту ночь подвизавшийся в Глинской пустыни Курской губернии старец Филарет, выходя от утрени, указал братии на необыкновенный свет, видимый на небе и произнес: "Вот, как отходят души праведных. Ныне в Сарове душа о. Серафима возносится на небо".

Над его гробом не было произнесено ни одной речи; только звучало слово Божие и раздавались церковные песни, сильнее всяких речей — песни, которые он так любил в свою молчаливую и великую жизнь.

Его опустили в землю у собора Пресвятой Девы, во имя преславного Ее Успения, в дубовом гробе, и, по его завещанию, положили ему на грудь финифтяное изображение преп. Сергия, присланное ему с мощей, из Лавры. Он родился в приходе преподобного Сергия, подражал ему в подвигах и лег в могилу с его иконою.

Множество народа сошлось и съехалось на отпевание старца о. Серафима. Но, опустив в землю тело подвижника, столь славно озаренного при жизни сиянием святости, Русская земля не схоронила своего любимого старца. — Он остался живым для нее.

Вещи о. Серафима — его медный материнский крест и большой железный, который он носил на теле, его топорик, камни, икона Всех Радостей Радость, евангелие и несколько сухариков хранятся в Сарове и Дивееве, где прославилось его имя.

Вот как говорил, вскоре после кончины о. Серафима, архиепископ воронежский Антоний, известный подвижничеством своею жизнью: "Мы как копеечные свечи, а он как пудовая свеча, всегда горит пред Господом, как прошедшею своею жизнью на земле, так и настоящим дерзновением пред Святою Троицею".

VI

Много уже записано явлений о. Серафима, после блаженной его кончины. Вот немногие из них.

Нижегородский помещик Д. А. А. под старость вовсе лишился зрения; а его единственная радость состояла в чтении священных книг. Двоюродная сестра его прислала ему воды из источника о. Серафима. Он приказал подать себе чистое полотенце, намочил его этою водою и с молитвою: "Господи Иисусе Христе Сыне Божий, молитвами угодника Твоего Серафима исцели меня" — три раза прикладывал к глазам. После первого раза он видел как в туман, после второго стал различать предметы и после третьего мог читать: он прозрел. Исцеленный съездил в Саров и стал ежегодно уделять часть своих доходов на Дивеев, где, по его смерти, его имя записали на вечное поминовение.

Русский подвижник Афона, иеромонах Серафим, известный под именем Святогорца, в своих келейных записках передает следующее: "В 1849 году я заболел. Болезнь моя была убийственна: я не думал, что останусь живым. Никакие средства не могли восставить меня. Я

отчаялся. Только в первый вечер 1850 года вдруг кто-то тихо говорит мне: "Завтра день кончины о. Серафима, саровского старца; отслужи по нем заупокойную литургию и панихиду, и он тебя исцелит". Это меня сильно утешило. Я хотя лично не знал о. Серафима, но в 1838 году, бывши в Сарове, возымел к нему веру и любовь. Вот я попросил отслужить по нем литургию и панихиду, и тотчас болезнь моя миновала, и поныне я благодатию Божиею здоров".

В июле 1856 года единственный сын костромского вице-губернатора Борзко, 8 лет, занемог спазмами в желудке; болезнь осложнилась, появились припадки, с тоской, разрешавшиеся пеной; врачи помогали мало, и родители боялись за жизнь сына. В это время С. Д. Давыдова, бывшая рясофорной в женском монастыре (впоследствии костромская игуменья мать Мария) подарила матери ребенка книгу об о. Серафиме. Родители читали ее вместе.

В одну ночь ребенок видел во сне Спасителя в красной одежде, в сонме ангелов; Он говорил: "Ты будешь здоров, если исполнишь то, что прикажет тебе старец, который придет к тебе". Потом явился старец, назвал себя Серафимом и сказал: "Если хочешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в Саровском лесу и называемого Серафимовым и три дня утром и вечером омывай голову, грудь, руки и ноги, и пей ее". Ребенок рассказал сон няне, а няня родителям, которым сын повторил все это и сам. На утро он открыл, что после первого сна ему являлась еще с ангелами Пресвятая Дева, и с любовью приказывала исполнить слова старца. В этот самый день вернулась из путешествия г-жа Давыдова, и родители просили помочь им достать воды из источника о. Серафима. Она прислала сейчас же бутылку этой воды; когда поступили по наставлению старца, дитя совершенно выздоровело.

Один монах саровский, подвижнической жизни, был вовлечен духом злобы в страшное уныние и отчаяние. В эту минуту он вскрикнул: "Батюшка Серафим, помоги мне!"

Тут же, в своей келлии, он увидел тогда близ икон угодника Божия, который, благословляя его, совсем, как живой, сказал: "Радость моя, я всегда с тобою. Мужайся, не унывай, но воюй против врага — дьявола".

28-го мая 1844 года один пензенский и другой саранский купцы с семьями, княгиня и княжна Еникеева с племянницею ясно видели о. Серафима у его источника; сперва в самом источнике, в полурост, а потом в одном месте — сидящим на обрубке, а в другом — идущим спешно к монастырю.

Все это было рассказано ученику старца, о. Иоасафу, и на другой день они все вместе отправились туда. Когда о. Иоасаф замедлил по дороге, к нему подбежали с известием, что о. Серафим уже виден. В воде было ясное его изображение, как пишется он на портретах. В епитрахили, а в руках книга и образ.

Племянница княжны, 10-ти летний ребенок, бросила в воду, в изображение, камешек. Вода заколебалась и изображение сделалось точно живое.

Начальница Влахерской пустыни, Е. А. Татарина, засвидетельствовала, что одному неизвестному больному в Сибири явился святитель Митрофан и сказал: "Что не просишь помощи у Бога чрез саровского старца о. Серафима? Он не прославлен еще на земле, но имеет великое дерзновение у Господа. У тебя есть частица камня, на котором он молился; погрузи его в воду и пей". Так больной исцелился.

Одна богомолка шла Муромскими лесами. В глухом месте услышала она страшные крики и стоны. При ней было изображение о. Серафима, она вынула его и перекрестила им себя и то место, откуда шли крики. Все затихло. Она пошла дальше. На дороге стояла повозка, и при ней

лежали двое изувеченных людей. Они рассказали, что разбойники хотели их убить, но вдруг разбежались. Через несколько времени подъехал исправник и подобрал их троих, а женщину заподозрил, как соучастницу разбоя.

Разбойники долго еще ходили на свободе и были пойманы за другим делом. Каясь, рассказали они и о разбое в Муромском лесу. Когда они готовились нанести своим жертвам последний удар, вдруг из лесу на них выбежал седой, согбенный, в измятой камилавке монах, с грозющим пальцем, в белом балахоне, с криком: "Вот я вас!" А за ним бежала с кольями толпа народа.

Им показали изображение о. Серафима, отобранное у странницы, и они признали его.

Шацкой купчихе Петаковской, знавшей старца при жизни, во сне о. Серафим сказал: "В ночь воров подломили лавку твоего сына; но я взял метелку, и стал мести около лавки и они ушли".

Поутру все запоры были найдены вырванными.

В 1864 году у г-жи Сабанеевой в Петербурге заболел сын Дмитрий, а он как раз должен был держать экзамен и перейти в горный институт. Мать была в горе и молилась о. Серафиму.

Ночью видела она во сне старца, и он сказал ей: "Сын твой выздоровеет и испытание в науках выдержит". В лазарет мать уже не нашла сына: он был на экзамене.

Вернувшись с успехом и радостный, он рассказал ей, что и он видел во сне любимого и чтимого им о. Серафима, который сказал ему: "Выздоровеешь и испытание выдержишь".

Монахиня Понетаевского монастыря, Афанасия, в тяжелой болезни просила с верою о помощи о. Серафима. Он явился ей в тонком сне, в белом балахончике и камилавке, сел у кровати больной и участливо спросил: "Что ты все плачешь?" — "Батюшка, я думаю, что не спасусь!" — "Не думай сего, моя радость: все те спасутся, которые призывают имя мое!"

По свидетельству послушницы Гоглачевой, "одна знаменитая госпожа" приехала в Саров и, увидя изображение о. Серафима, залилась слезами и рассказала о себе следующее.

У нее в горле был нарыв; голос пропал, вода проходила только каплями. Однажды ночью она сидела в постели, обложенная подушками; служившие ей уснули. В комнате светила лампа и лампада у икон. Вдруг неожиданно вошел старец с открытой головой, в белом балахончике, с медным крестом на груди. Он благословил больную и сказал ей: "Простая и добросердечная!" — и вышел. В ту же минуту больная громко воскликнула: "Старец Божий, скажи еще чтонибудь!" Этот голос разбудил ее прислугу, и та спрашивала ее, с кем она говорила.

По выздоровлении ей принесли изображение о. Серафима, и в нем она узнала своего исцелителя, а в Сарове ее поразило, что и одеяние его было то же, в каком старец являлся ей.

В 1865 году в доме г-жи Бар..., пред Рождеством, раздавали, по обычаю, пособия нуждающимся.

Вошел отдельно старичок, седой, согбенный, и, помолясь, говорит: "Мир дому сему и благословение". Раздатчица спросила его: "Ты за подаянием?"

— Нет, не за тем.

— Что ж тебе? Бери, если надо.

— Нет, мне ничего не надо, а только видеть вашу хозяйку и сказать ей два слова.

— Хозяйки нет дома. Что передать — скажи нам.

— Нет, мне надо самому.

Одна из прислуги шепнула другой: "Что ему тут — пусть идет — может, бродяга какой".

Старичок сказал: "Когда будет хозяйка, я зайду, я скоро зайду", и вышел.

Раздатчица видела плохую обувь старичка и раскаялась, на нее напало какое-то смущение. Она выбежала на крыльцо, но и там, и дальше никого не было; он точно исчез. От хозяйки это скрыли, а подозрительной слуге во сне кто-то сказал: "Ты напрасно говорила: у вас был не бродяга, а великий старец Божий".

На следующее утро г-же Бар... по почте пришла посылка. Это оказалось изображение чтимого в доме старца о. Серафима — кормящим медведя.

Велико было изумление всех, когда те, кто говорили со старичком бедным, узнали его в изображении о. Серафима.

VII

Саровская^[11] пустынь расположена верстах в ста по грунтовой дороге от станции Сасово Рязанско-Казанской линии. При половодье можно ехать также от Рязани на пароходе по Оке, до пристани Ваташка, откуда на лошадях верст 60-70.

Расположен Саров чрезвычайно живописно, на высоком обрыве, и издали виден куполами своего обширного Успенского собора, похожего совне на Великую церковь Киево-Печерской лавры. У подножия горы, на которой расположена обитель, сливаются речки Сатис и Саровка. Кругом дремучий бор, и на дальнее пространство вокруг нет жилья.

У алтарной стены Успенского собора, в стеклянной часовне стоят памятники над могилами великого старца Серафима и подвижника Марка-молчальника. Из-под памятника богомольцы берут песок.

Чрез дорогу лежит келлия старца. Раньше она была одною из комнат каменного корпуса, где жило много иноков. Но в 1897 г. была заложена тут церковь, внутри которой будет заключена эта келлия, а прочие части здания будут уничтожены.

В келлии служат панихиды, доканчиваемые обыкновенно на могиле старца.

В двадцати минутах ходьбы от монастыря — ближняя пустынька и целебный колодезь отца Серафима. Далее в лесу — места, где он совершал на камне свое тысяченочное моление, и где была дальняя пустынька.

В двенадцати верстах от Сарова, уже в Нижегородской епархии, находится любимое детище о. Серафима — Серафимо-Дивеев женский монастырь, имеющий около тысячи сестер. У него, как то многократно предсказывал о. Серафим, великая будущность.

Начало ему положила великая подвижница, Агафия Симеоновна Мельгунова (в иночестве Александра). Очень богатая владимирская помещица вдова, она, по повелению Богоматери, поселилась в селе Дивееве, где прожила 20 лет в великих трудах. Забывая свое знатное

происхождение, она у местного священника исправляла всякую домашнюю и черную работу. Когда у бедных крестьян хлеб долго оставался на корню, она тихонько ходила в поле, ожинала и вязала снопы, присматривала за детьми, творила тайком милостыню, ходила за больными. Бедным невестам давала приданое, наставляла крестьян.

Вся история Дивеева есть великое чудо старца Серафима. Дивеевский собор, в котором один из приделов не освящен и ожидает прославления отца Серафима — невыразимо прекрасен. Ему нет подобного. Описать его нельзя, его нужно видеть. Вся живопись произведена трудами инокинь-сестер.

В Дивееве хранятся перенесенные сюда "хибарки" ближней и дальней пустыnek, и там раздают, в память старца и на благословение, сухарики. Много вещей старца хранятся в алтаре Преображенской церкви, который сделан из одной из его хибарок.

Что-то неземное запечатлел Дивеев, и время, проведенное там, вспоминается как дни на земном небе.

Счастлив, кто теперь, прежде чем имя о. Серафима промчалось трубным гласом по всей России: посетит места его подвигов, послужит его любимому, в скудости живущему детищу Дивееву.

Между прочими трудами, сестры дивеевские много занимаются иконописью.

Господь дал монахине, заведующей обширной живописной мастерской обители, матери Серафиме, дар духовного выражения ликов. Она заканчивает своею кистью все выходящие из мастерской работы, и на всех них лежит отпечаток высокой духовности.

Почитание о. Серафима распространяется все шире и шире.

Его изображения вешают с иконами, зажигают пред ними лампы, дают их в благословение.

Часто в Саров приходят письма, с просьбой, по незнанию, отслужить молебен о. Серафиму.

Года два назад о. Иоанн Сергиев (Кронштадтский) в проповеди, сказанной в Рыбинском соборе, прямо возвестил, что время открытия мощей о. Серафима приближается.

Уверуем же в него, еще не прославленного. Он так умеет откликаться любящим его!

Открытие мощей преподобного Серафима состоялось 19-го июля 1903 года.

Саровской пустыни схимонах Марк

Схимонах Марк подвизался одновременно с великим старцем о. Серафимом.

Схимонах Марк родился, как и о. Серафим, в городе Курске, тоже в купеческой семье, имя которой неизвестно. Во св. крещении назван он Михаилом.

С детства он чувствовал призвание к духовной жизни, к уединению и подвигам пустынножительства. Ему было одно духовное видение, и это видение побудило его окончательно оставить мир и служить Богу, готовясь к страшному Суду Христову. В чем состояло это видение — осталось сокрытым. Но на молодую душу Михаила это видение, бывшее в состоянии среднем между сном и бодрствованием, подействовало так, что до конца его жизни день Страшного суда постоянно стоял, как бы живым в его памяти.

На 24-м году от рождения он пришел в Саровскую пустынь, которую он выбрал по ее удаленности от мира, и в 1778 г. пострижен строителем Пахомием в иночество с именем Мефодия. В 1811 году он пострижен был в схиму с именем Марка.

Еще в первые годы иноческой жизни в нем стал проявляться дар юродства.

Юродство есть один из самых тяжелых путей спасения, есть всецелое распинание себя во имя Христа. Юродивый подвергает себя постоянным поруганиям, презрению и ударам, голоду, жажде, зною, всем лишениям бесприютной жизни. Принимая на себя личину малоумного, странного человека, истинный юродивый полон высокой мудрости, в поступках с виду низких сохраняет дух возвышенный; непрестанно осмеиваемый миром, полон величайшей любви к человечеству, а в бесстрашных обличениях своих имеет в виду назидание и спасение ближних.

Такой путь избрал себе и Марк.

Его одежда, многошвенная и часто ветхая, необыкновенная молчаливость, иногда употребление не во время пищи пред братиею и посторонними, отрывочность и непонятность речи — казались странными окружающим. Осуждения их он принимал благодушно; задумал удалиться из обители, и без ропота ушел в дремучий лес, окружающий Саров. Так исполнял он мудрое слово преп. Ефрема Сирина: "Кто хочет быть монахом и не переносит оскорбления, унижения и ущерба, тому монахом не бывать".

В лесу о. Марк не имел постоянного пристанища. То он ютился в подземельных пещерах, оставленных зверями, то в шалашах, которые сам устраивал из хвороста. Иногда же постелью служила ему голая земля, а крышею — небо. Так жил он довольно долгое время. Наконец, братья, видя чрезвычайное терпение его в этой отреченной жизни, поняла, что его юродство есть дело великой благодати Божией и стала питать к нему большое уважение. Особенно возросло это уважение с тех пор, как за о. Марком стали замечать некоторую прозорливость. Часто его отрывочные слова, с виду ничего не значившие, касались внутреннего содержания говоривших с ним лиц. Другие же его слова, казавшиеся ни с чем несообразными, оправдывались впоследствии точными событиями. Но и, освободясь от насмешек братии, о. Марк не остался в монастыре. Хотя ему там отвели келлию, он, увлекаемый жаждою пустынной и безмолвной жизни, удалился, по благословию строителя Пахомия, на совершенное безмолвие в лес, принадлежавший пустыни.

Придя в лес с тем, чтоб всегда остаться там, он сперва, как и прежде, не имел постоянного жилища, и укрывался то в пещерах, то в шалашах, то в маленьких келлейках, которые едва защищали от холода и которые он сам себе устраивал в лесу в разных местах. Впоследствии для него была устроена деревянная теплая келлия в одной версте от обители. Здесь он принимал приходившую к нему братию и посторонних посетителей, искавших его наставлений.

Но теплая келлия была единственным послаблением, какое позволил себе подвижник. Сюда укрывался он только, чтоб согреться и принять пищу, а все почти время проводил или на открытом воздухе, или в прежних убежищах своих.

Летом и зимою одеждою ему служили многошвенные ветхие рубища, во исполнение слов преп. Исаака Сирина: "Возлюби убожеские ризы в одеянии твоём, дабы уничтожить возникающие в тебе помышления. Ибо, любящий блеск не может стяжать смиренного помышления, потому что сердце внутри принимает образ, подобный внешним образам". Он носил на теле тяжелые вериги; никогда не разбирал кушанья, вкусно ли оно или не вкусно, свежо или гнило. Не позволяя никому служить себе, он до глубокой старости сам ходил за пищей в обитель, сам ходил и за водой, хотя многие желали бы служить ему.

В таких подвигах провел он последние двадцать лет своей жизни. Нестяжательность его была так велика, что у него не было ничего, кроме ветхого рубища, вериг, рогожины, тыквенного кувшина для воды и пищи и немногих инструментов для ручной работы. Кроме восковых свеч, он ни от кого ничего не принимал. Он говорил: "У меня нужное все есть, а лишнее никогда не полезно".

Кто-то спросил его: "Батюшка, как ты не имеешь в келлии своей даже самого нужного?" Он отвечал на это: "Я тридцать лет так веду себя, следуя словам Христа: "Иже не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик". Не в чем ином богатство монаха, как говорит о том преп. Ефрем Сирин, как в утешении, сотворшемся от плача".

Некоторые просили его принять от них денег для раздачи нуждающимся. Он отвечал: "Это не мое призвание, а дело мирян. Отшельники должны быть свободны от мысли о внешних вещах и хранить свой ум в молитве". Молчание его простиралось до того, что из братии он беседовал не более как с пятью человеками, с прочими же не говорил.

Если кто посещал его, он выходил тогда из келлии, имея на груди образ Богоматери с Предвечным Младенцем, который и давал целовать посетителям.

Советов, наставлений никому не давал. Он следовал тут словам Исаака Сирина: "Пусть лучше признают тебя невеждою по малому твоему сведению в том, как вести споры, нежели мудрым по бесстыдству. Учащих противному обличай силою добродетелей твоих, а не убедительностью слов. Кротостью и тихостью уст своих заграждай уста и заставляй молчать бесстыдство непокоряющихся истине. Невоздержных обличай благородством твоего жития".

Любимую его молитвою была молитва преп. Иоанникия Великого: "Упование мое — Отец, прибежище мое — Сын, покров мой — Дух Святой; Троице Святая, слава Тебе!" Эту молитву творил он постоянно, ощущая от нее великую радость.

В ночное время он большею частью ходил по лесу и говорил, что ощущает сердечную сладость, когда вся природа безмолвствует, а наша молитва так легко возносится к Богу. В это время он любил, ходя, петь стих: "Воскресение Христово видевше".

Рукоделие о. Марка состояло в изготовлении серных спичек, которые он пучками раздавал посетителям. Летом он занимался возделыванием грядок, на которых сажал картофель и другие овощи. Этим он и питался в пустыне.

Имея великое усердие к храму, он, не взирая на суровое время и отдаленность келлии, в воскресные и праздничные дни, — зимою, по глубоким нерасчищенным снегам, приходил к службам.

Правило, то есть последование молитв, которые совершал старец, было многосложно.

Из того, что говорил он нескольким инокам о том, как жить, памятно следующее:

"Ходи в церковь, имей послушание к настоятелю и братии. Сидя за трапезой, внимай себе и чтению. Каждого брата предваряй поклоном; много не говори, а более молчи. Ходи как мертвый, закрыв глаза, уши и уста. В келлии имей поделение, и молись почасту, а "умную" молитву твори на всяком месте навсегда. Ни с кем не спорь, но всякому уступай, и себя считай хуже всех. Всякому только и говори: благослови и прости".

Больше же всего о. Марк учил смирению, терпению, самоукорению, вниманию. "Мы должны смиряться пред другим, говорил он, и считать себя худшими его, какие бы недостатки ни

видели в его жизни. Мы должны навсегда мысль свою утверждать в том, чтоб представлять себя худшими всех".

Однажды один инок, принеся ему пищу, увидел его сидящим в глубокой задумчивости, с лицом, обращенным на восток. Долго не смел он прервать размышления старца. Наконец, спросил: "Что ты, отче, так задумался?" — Старец отвечал ему: "Я размышляю об изгнании Адама из рая, когда он плакал и вопиял ко Господу: "Милостиве, помилуй мя, падшего!"

Господь послал верному рабу Своему благодатные дары: прозорливости и исцеления недугов.

Как-то летом пришли к старцу два странника, попросить его молить и принять благословение. Старец встретил их и дал им приложиться ко кресту; потом он оторвал от полы своей ветхой рясы лоскут и дал одному из них, говоря, чтоб тот обмахнул им голову и разогнал комаров. Тот сделал это и, выйдя из келлии старца, рассказал своему спутнику, что, когда шел к о. Марку, его тяготили хульные и злые помыслы. Но, только он обмахнул голову лоскутом, эти помыслы рассеялись как комары, и он почувствовал какую-то легкость и спокойствие на сердце.

От долгого стояния и трудного хождения ноги старца чрезвычайно распухли: он не мог ходить. Братия советовала ему позвать врача, но старец отказался от человеческой помощи, возлагая всю надежду на Бога. Он взял в храме из лампы, горящей пред иконою Богородицы "Живородица", елеем, помазал им ноги и вскоре получил облегчение.

Один из братии, живший отшельником в лесу и думая, что пост есть удобнейший путь спасения, без благословения духовного отца назначил себе строжайший пост. Начав это дело без рассуждения, он ослаб так, что дело могло кончиться плохо. От долговременного поста силы его истощились, и он еле мог держаться на ногах. Марк узнал об этом и пошел навестить неблагоуменного постника. Он с собою принес кусок хлеба и, подняв правую руку свой посох, а левую подавая хлеб, говорил ему: "Ешь!" Брат, утраченный угрозой, съел принесенный хлеб и получил прежние силы. А. о. Марк этим показал, что пост спасителен только тогда, когда бывает с рассуждением.

В 17 верстах от Сарова, в селе Круглые Паны, был помещик, женатый на лютеранке. О. Марк знал еще предков его и любил семейство за благочестие. Он часто к ним хаживал, и для него в их саду была выстроена уединенная келлия. Он часто убеждал лютеранку принять православную веру. Его уговоры произвели на нее сильное впечатление, и она соглашалась присоединиться к православной Церкви, если б Бог показал ей какое-нибудь знамение в удостоверение того, что Греко-Российская Церковь есть Церковь истинная. На это о. Марк сказал ей: "Я помолюсь об этом с твоим супругом, и надеюсь, что Господь для спасения души твоей дарует знамение". Вскоре она увидела такой сон. Она находилась на берегу быстрой и широкой реки. На той стороне, где она стояла, не росло ничего, была лишь одна сухая земля. У берега стояла лодка без людей; по другую сторону реки расстилался сад, и оттуда несло благоухание. Над садом в воздухе был виден ангел, державший в руках святую Чашу. В саду ходил и о. Марк. В восхищении от красот сада, она всем сердцем захотела перенестись на ту сторону реки в прекрасный сад и начала просить о. Марка, чтоб он помог ей переехать в лодке. О. Марк сказал ей: "Если ты присоединишься к православной восточной Греко-Российской Церкви, то можешь безопасно перейти эту быструю реку и без лодки". И, указывая правую руку на ангела, сказал: "Вот, тогда этот ангел и причастит тебя св. Тайн". Когда она согласилась на это предложение, старец велел ей оградить себя крестным знаменем, и она пошла с берега по реке. Но, дойдя до половины реки, испугалась ее быстроты и со страха проснулась. Она сейчас же рассказала этот сон своему супругу, и, так как они оба сочли его за указание Божие: она решила перейти в православие.

Незадолго до кончины о. Марк был утешен таинственным видением небесных радостей, уготованных праведным. Это видение утешило его от тех искушений, которые наводил на него враг спасения, внушавший ему, что "несть спасения ему в Бозе его".

В конце октября 1817 года о. Марк сделался болен в своей пустыне и весь ослаб так, что ходить сам собою не мог; его перевели в отведенную ему в монастыре келлию. Здесь он простился со всею братиею, прося их молитв. Чувствуя кончину, он позвал духовника, исповедывался и приобщился св. Тайн, Тела и Крови Христовой, и, по совершении над ним таинства Елеосвящения, тихо почил между раннею и позднею литургиею. Это было в воскресенье, 4 ноября 1817 года.

И по кончине своей праведный старец не переставал давать спасительные советы и благодатную помощь своим верным ученикам, являясь им с такою помощью в видениях.

Благоговение Саровской братии к памяти подвижника Марка было так велико, что на местах, ознаменованных особыми проявлениями его подвигов и дарований, были воздвигнуты деревянные кресты. Один был воздвигнут на горе в лесу, другой в лесу на берегу речки Саровки, неподалеку от келлии старца. Чтившие его иноки приходили сюда на поклонение утром, в полдень и вечером и пели церковные песни.

Один инок, искушаемый чрез врага тяжкими помыслами, которые лишали его душевного покоя, неопустительно приходил сюда каждое утро и каждый вечер и со слезами в молитве говорил: "Суди, Господи, обидящие мя, побори борющие мя: приими оружие и щит и восстани в помощь мою!" Однажды, когда он произнес эту молитву, его сердце вдруг озарил божественный свет, разогнал тягостные помыслы и разлил в душе невыразимую радость.

И нельзя ли думать, что тот, кто так уничижал себя на земле, теперь сияет незаходимую славою и кто избрал такой тяжкий путь на земле, теперь на небе утешен вечным покоем избранных Божиих?

Пелагия Ивановна, юродивая Дивеевская

Как необычайна и удивительна была жизнь великого старца Серафима, так же необычайна жизнь и его послушницы, Христа ради юродивой Серафимо-Дивеевского монастыря, Пелагии Ивановны.

Эта избранница, мощная духом, сильная телом, отреклась от удобств всех и радостей мира, от требований житейских, от родства, наконец, от образа и подобия человеческого. Она перенесла насмешки, брань и истязания с кротостью и духовною радостью. Она бесстрашно обличала сильных мира в их неправых делах, как гром с неба, как сверкающая молния; и ласково как солнце грела смиренных и несчастных. Она знала сокровенные тайны людей, предсказывала будущее, исцеляла больных и, ни разу не ослабев на своем тяжком пути, до конца пронесла свой крест.

Пелагия Ивановна родилась в октябре 1809 года в городе Арзамасе Нижегородской губернии в семье зажиточного купца Ивана Ивановича Сурина, имевшего свой кожевенный завод. Сурин был человек умный, тихий, набожный. Умер он рано и мать Пелагии, оставшись с дочерью и двумя сыновьями, вышла замуж второй раз. Дети от первого брака не полюбили вотчима, Королсва, человека строгого, сурового. Жизнь девочки была не радостна.

К тому же еще в детстве с нею случилось что-то странное. Она точно заболела и, пролежав целые сутки в постели, встала не похожую на самую себя. Из исключительно умного ребенка

она превратилась в какую-то дурочку, причем глупость эта была напускная. Несмотря на то, что следовало оставить Пелагию одинокою, не принуждая ее к браку, мать ее смотрела на вещи иначе.

Пелагия выросла высокою, стройною, крепкою и красивою, и мать надеялась, что при ее красоте сыщутся женихи, не смотря на ее странности. Минуло ей 16 лет — и мать поспешила ее пристроить.

Пришел смотреть невесту Арзамасский мещанин Сергей Васильевич Серебrenиков, молодой человек, не имевший собственного дела и служивший приказчиком у купца. По обычаю сели за чай и вывели невесту, наряженную в дорогое платье.

Пелания Ивановна, чтоб расстроить свадьбу, стала дурить — поливать чаем цветы на своем платье... Когда мать, смущенная этим, начала делать ей знаки, она отвечала: "Что вы, маменька: или вам больно жалко цветочков-то. Ведь не райские это цветы".

Не смотря на отговоры родных, Сергею Васильевичу невеста чрезвычайно приглянулась. Он утверждал, что она не глупая, а только не ученая; и, на что ни решалась Пелагия Ивановна, чтоб расстроить этот брак, ничего не помогало — едва минуло ей 17 лет, ее выдали за Серебrenикова — 23 мая 1826 г.

Уже замужем, Пелагия Ивановна поехала с мужем в Саров. Старец Серафим беседовал с нею наедине чрезвычайно долго — говорят, до шести часов, дал ей четки. Содержание беседы этой осталось никому неизвестным.

Вскоре по возвращении домой, от одной Арзамасской купчихи Парасковьи Ивановны, тоже подвизавшейся подвигом юродства, она научилась Иисусовой молитве, которая стала на всю жизнь ее занятием. В ночное время Пелагия Ивановна целые ночи, стоя на коленях лицом к востоку, молилась в холодной стеклянной галерее, пристроенной к дому. Вместе с тем она приступила и к юродству. Бывало, наденет на себя самое дорогое платье, шаль, а голову обернет грязной тряпкой и пойдет в церковь, на гулянье, где побольше народу. Чем больше над нею смеялись, тем более она радовалась, потому что в ее душе была горячая жажда принять от жизни одно страдание.

В 1827 и 1828 гг. у нее родилось два сына, но оба вскоре умерли.

Поведение жены крайне не нравилось мужу, который стал ее бить так, что она начала чахнуть. Когда у нее родилась дочь Пелагия, она принесла ее в подоле платья к матери и сказала: "Ты отдавала; ты и нянчись теперь; я уже больше домой не приду". Она стала бегать по городу от церкви до церкви. Все уносила с собой, что попадало под руку, и раздавала это, а также и деньги, которые ей из милости совали, — бедным, или ставила в церкви свечи. Муж ловил ее и жестоко бил поленьями, палкою, морил ее взаперти холодом и голодом, а она делала свое и твердила: "Оставьте, меня Серафим испортил". Вместе с тем она всячески уклонялась от мира. Выведенный из терпения, муж решился на крайнюю меру, просил городничего без пощады наказать его жену в полиции. Наказание было так жестоко, что присутствовавшая при нем мать ее, с согласия которой наказание производилось, оцепенела от ужаса. Тело ее висело ключьями, кровь с нее лилась на пол, а она не издала ни стоны. После наказания городничий видел страшный грозный для него сон и запретил кому бы то ни было обижать Пелагию.

Полагая, что она порченная, муж поехал с ней в Троице-Сергиеву лавру. Всю дорогу она была тиха и ласкова. Муж в радости, торопясь по важному делу, отпустил ее домой одну и дал ей денег. Вернувшись, он узнал, что все деньги она раздала, ведет себя по-прежнему и из дому

все старается раздать.

Он заказал тогда железную цепь с железным кольцом, своими руками заковал жену и, приковав ее к стене, мог издаваться над нею, как хотел. Иногда ей удавалось разорвать цепь и тогда, гремя цепью, она полураздетая бегала по улицам города, к общему ужасу. Потом муж ее ловил, снова заковывал на худшие мучения. "Сергушка во мне все ума искал, говорила она впоследствии, да мои ребра ломал; ума-то не сыскал, а ребра-то все поломал". Однажды, сорвавшись с цепи, она в зимнюю стужу приютилась на паперти Напольной церкви в гробе, приготовленном по случаю эпидемии для умершего солдата. Здесь, коченея от холода, она ждала смерти. Когда мимо пошел сторож, она бросилась к нему, прося помощи. А он, приняв ее за призрак, в ужасе забил в набат и поднял на ноги весь город.

После этого муж отрекся от нее и притащил ее к матери. Здесь она тоже много терпела от отчима, который бил ее своими руками, и от его шестерых от первого брака детей. Как-то мать ее послала ее с другими богомолками на поклонение святыням в Воронеж и Задонск. В Воронеже зашли они к архиепископу Антонию. Благословив всех, он сказал Пелагии: "А ты, раба Божия, останься", — и побеседовал с нею наедине три часа. Спутницы ее роптали в это время на такое его внимание к "дурочке". Выйдя, наконец, с Пелагией, архипастырь сказал: "Ну уж, ничего не могу говорить тебе более. Если Серафим начал твой путь, то он же и докончит", а затем, по прозорливости своей, добавил ее спутницам: "Не земного богатства ищущая, а душевного".

Второй раз побывала с дочерью мать в Сарове, рассказала о Серафиму, что дочь от рук отбилась, что на цепь ее пришлось посадить.

— Как можно, — воскликнул старец. — Пусть она по воле ходит. А то страшно будете за нее Богом наказаны.

Тогда родные не стали уже держать ее на цепи. Получив свободу, она почти всю ночь проводила на погосте Напольной Арзамасской церкви. Ее видели здесь молящуюся по целым ночам Богу под открытым небом с поднятыми вверх руками, со вздохами и слезами. Днем же она юродствовала, бегала по улицам, кричала, прикрытая лохмотьями, без куска хлеба, голодная и холодная. Так прошли четыре года.

Великого старца Серафима уже не было в живых.

Наконец, одна монахиня из Дивеевской общины предложила взять Пелагию в Дивеево, на что она с радостью согласилась. Эта монахиня высокой жизни и добрая увезла ее с собою. Ей было 28 лет. В Дивеево Пелагия Ивановна провела последние 47 лет своей жизни.

В монастыре она продолжала подвергаться побоям, которые вызывала своими поступками в приставленных к ней суровых женщинах. Она бегала по монастырю, бросая камни, била стекла в келлиях, колотилась головой и руками о стены. Большую часть дня она проводила на монастырском дворе, сидя или в яме, ею выкопанной и наполненной навозом, или в сторожке в углу, занимаясь непрерывно Иисусовой молитвой. Летом и зимой она ходила босиком, становилась нарочно ногами на гвозди, прокалывала их насквозь и истязала себя вообще всеми средствами. Питалась она хлебом и водою, которых иногда не бывало. Случалось, вечером голодная она пойдет нарочно просить хлеба по келлиям сестер, которые ее не жаловали, и вместо хлеба получала толчки и пинки. Она была, если одна, в постоянной возне. Возьмет платок, салфетку, тарелку, наложит большими камнями и перетаскивает с места на место.

Конечно, в этих действиях ее заключался какой-нибудь смысл, какая-нибудь цель.

Как-то стала она бегать в кабак... Тут-то нельзя было обобратиться пересудов. А, между тем, ее милосердная и прозорливая душа шла к великой цели. Она сохранила двух людей. Целовальник замышлял покончить со своей женой. Однажды, ночью, завел он ее в винный погреб, и занес было над нею руку, как притаившаяся за бочками Пелагия Ивановна схватила его за руку и закричала: "Что ты делаешь? Опомнись, безумный!" — и тем спасла обоих. Больше уж она в кабак не ходила.

Лет семь о родных ее не было ни слуху, ни духу. Наконец, как-то собралась посмотреть на дочь ее мать со своей падчерицей. Прозорливая Пелагия Ивановна была весь этот день скорбная и объяснила, что мать не хочет показаться ей на глаза, а думает увидеть ее из окошка одной келлии. Видимо, как крепок ни был ее дух, ее глубоко огорчало отчуждение от нее ее родных. Она предложила ходившей за ней доброй монахине Анне Герасимовне пойти к ним: "Они боятся, чтобы я с ними не поехала. Так вот что: как запрягут лошадей-то, я в их повозку взойду, да и сяду. Они и подумают, что я с ними хочу". Она грустно, точно сквозь слезы улыбнулась, и у монахини сердце перевернулось от жалости.

Поздоровавшись с родными, Пелагия Ивановна вдруг побежала, прыгнула в запряженную повозку и ударила по лошадям. Через несколько времени она вернулась и сказала рассерженной матери и сестре: "Нате, Бог с вами; не бойтесь; до гроба я к вам не поеду".

Раз приехал ее родной брат, велел сшить ей кожаные коты, — и кожу привез, чтоб она босою не бегала, сшили ей, а она их забросила.

Пелагия Ивановна всегда заранее знала про приезд родных. Раз говорит она Анне Герасимовне.

— Ныне Арзамасские приедут, я буду у церкви, тогда придешь за мною, — и ушла.

Подходит в этот день к этой монахине хорошо одетый молодой, бравый мужчина и спрашивает:

— Королсва здесь?

Это было имя отчима Пелагии.

— Здесь, а что вам, что нужно?

— Кажется, будто сродником считался, — говорит он.

Монахиня повела его к церкви. Увидав Пелагию Ивановну, мужчина говорит:

— Полно дурить-то, будет; поедем-ка в Арзамас.

Это был ее муж. Сопровождавший его приказчик стал ему доказывать, что она безумная, дура, а он говорил, что она притворяется.

Поклонившись мужу, Пелагия Ивановна сказала: "Не ходила я в Арзамас, да и не пойду, хоть всю кожу сдери с меня".

Муж молча ей поклонился и пошел.

Это было их последнее свидание.

Через несколько лет, летом 1848 г., Пелагия Ивановна стала вдруг стонать и плакать.

"Умирает он, — кричала она, — да умирает-то как: без причастия!"

Чрез несколько времени приехал приказчик почившего. Оказалось, что все, что телодвижениями показывала Пелагия Ивановна, то и случилось с Сергеем Васильевичем: его схватило и, корчась, он бегал по комнате, стоная и приговаривая: "Ох, Пелагия Ивановна, матушка, прости ты меня, Христа ради. Не знал я, что ты терпишь Господа ради. А как я тебя бил-то. Помоги мне! Помолись за меня!"

Затем в течение почти 40 лет Пелагия Ивановна не упоминала о муже. А как-то 25 сентября 1883 года сидит она печальная, подпершись рукой.

— Что это ты, матушка? — спросила ее Анна Герасимова.

"Ох, Сергушка, Сергушка, — отвечала она с тяжелым вздохом; — по тебе и просфорки-то никто не подаст!"

Вероятно, это был день именин покойного и, конечно, Пелагия Ивановна постоянно молилась за него.

Из дому Пелагии Ивановне не прислали ничего из ее имущества, когда она переехала в Дивеев. Как-то в одно из посещений ее матери она сказала вскользь:

— Ведь Палага безумная. Куда хотят, туда и мытарят серебро-то ее.

Тогда мать привезла ей две серебряные ложки.

— А что ж мой жемчуг не привезла? — спросила она.

— Я его внучке Наде отдала.

— Напрасно. Я и сама нашла бы куда поместить.

Из этих двух ложек блаженная одну сунула келейнице игуменьи, кратко поясняя ей: "Отдай матушке", а вскоре сказала Анне Герасимовне: "Мы с тобой люди-то кой-какие; к чему нам это? — отошли матушке", и подала ей другую ложку.

Она вообще находила несправедливым, что братья и мать не отдали ее имущества в монастырь.

Когда Пелагия Ивановна кончила возиться с камнями, которые она собирала, чтоб бросать в ямы, — она полюбила цветы — всегда ее руки были полны цветов. Их ей наносили целые пуки, так что был ими покрыт весь пол келлии. И с этих пор она меньше бегала, больше сидела дома. Ее любимое место в келлии, где она прожила все время, было на проходном месте, между трех дверей у печки на войлоке. Здесь она повесила изображение старца и первоначальницы обители, матушки Агафьи Симеоновны Мельгуновой, и все время вела с ними беседу, подавая им цветы.

Сна она себе почти не давала — иногда днем подремлет, а ночью выходила и в каком-нибудь месте обители, не обращая внимания ни на дождь, ни на стужу, стояла лицом к востоку, вероятно, молясь.

Больна она никогда не была. Только раз, за три года до смерти, на ночной молитве она была застигнута бураном. И, заблудившись, в бессилии упала на гряды монастырского огорода, ее сарафан примерз к земле, а отделить его и подняться у нее не хватило сил. Ее нашли и еле

отходили. Эта 72-х летняя женщина пробыла тогда в одной рубашке и сарафане на буране 9 часов. С тех пор она уже не выходила из келлии.

У Пелагии Ивановны было то, что называется на языке подвижников — даром слез... Ее заставляли иногда в поле плачущею так, словно реки текли из ее глаз, и, когда Анна Герасимовна спрашивала, не побили ли ее, она отвечала: "Нет; это я так; надо мне так плакать. Вот я и плачу".

В последние годы жизни, слыша, сколько беззаконий творится на Руси, она, уже не скрываясь, страшно плакала.

— Что это, значит, матушка? — спрашивала мать Анна.

— Эх, если б ты знала это! Весь бы свет теперь заставила плакать.

Она была очень покорная и послушная при всей несообразности своего поведения. Когда она бегала, всегда о том предваряла. Когда мать Анна просила ее помочь ей в шитье, она подвязывала фартучек, надевала наперсток и прилежно шила. Пряла также нитки.

Терпение у нее было замечательное. Если ей нарочно наступали на ноги, давя их, она только морщилась. На всю ругань, побои, она только улыбалась или скажет: "Я ведь вовсе без ума, дура". Она любила поношения и не выносила похвал.

Она одевалась в то, что ей давали из милостыни; но приносимого не брала: все получала мать Анна, и уже надевала на нее. Некоторые только вещи Пелагия Ивановна клала "в свою житницу" — себе за пазуху. Для того, чтоб удручать себя, носила она там бездну вещей, как бы большой мешок, привязанный к шее.

Деньгами она никогда ничего не брала. Раз пришла к ней бедная барышня и после беседы дала ей рубль медью.

— Оставь, — сказала ей Пелагия Ивановна: — у тебя у самой это последнее.

Так и оказалось — это был последний ее рубль.

Все ей были равны: ругатели ее и благодетели — она одинакова была со всеми, говоря лишь то, что надо было каждому для его пользы. Кого она бранила, кому улыбалась, от кого отворачивалась, с кем плакала.

Народ не переводился у нее с раннего утра до поздней ночи. Все шли к ней со своими недоумениями, за советом.

Примеров прозорливости ее не перечить. Она также исцеляла, причем крепко была по больному месту.

Вот, один из примеров прозорливости этой дивной старицы.

Художник Петров, после бурной жизни побывав на Афоне и в Иерусалиме, не знал, жениться ли ему или идти в монастырь. В 1874 году он приехал в Дивеево и в первое свидание с Пелагией Ивановной спросил ее, как ему быть в его колебании. Она ничего не ответила на его трехкратный вопрос, и он вышел от нее очень недовольный. Целый месяц прожил он потом в Дивееве, занимался живописью в соборе; и не был у нее. Наконец, по уговорам игумении, он с неохотою пошел к ней.

Пелагия Ивановна встала пред ним во весь рост. То была женщина высокого роста и красивого сложения с необыкновенно живыми, блестящими глазами. Постояв, она начала бегать, хохотать и ударила посетителя по плечу. "Ну что?" — сказала она. От этого удара ее прекратилась у него боль в руке, давно болевшей от паралича. Посетитель стоял пред старицей в стороне. Затем она рассказала ему всю его жизнь с подробностями, о которых он знал один на свете, рассказала, что писано в полученном им из Петербурга письме. Волосы стали у него на голове дыбом. Он невольно упал на колени. С тех пор ни шагу не делал он без ее совета. "Она, говорит он, вытащила меня со дна ада".

В 1881 г., больной в дифтерите, он лежал в Петербурге. На шестой день болезни, взглянув на ее портрет, он сказал: "Что же ты меня не навестишь? ты была больна? я нарочно к тебе ездил". Он увидел во сне стоящую рядом с собой Пелагию Ивановну. Она сказала: "Вот, я пришла навестить тебя. Не бойся, не умрешь". И он выздоровел.

Однажды Пелагии Ивановне налили чаю, а она, схватив чашку, выбежала на улицу и вылила чашку по направлению к одной деревне. На следующий день пришла из этой деревни женщина и рассказала, что у них накануне был пожар, и, когда стал загораться ее амбар с хлебом, она, упав на колени, закричала: "Матушка Пелагия Ивановна, спаси!" — ветер тотчас подул в другую сторону. Это случилось в ту самую минуту, когда Пелагия Ивановна выплеснула чашку.

В жизнеописании великой подвижницы ^[12], по которому составлен этот очерк, приведено много удивительных случаев ее прозорливости.

Старица Пелагия имела дивные посещения. К ней приходил из лучшего мира великий старец Серафим, подолгу беседуя с ней — бывали и другие посещения.

Незадолго до кончины Пелагия Ивановна сказала как-то: "Кто меня помнит, того и я помню. И, если буду иметь дерзновение, за всех буду молиться".

Она тихо скончалась в час с четвертью по полуночи 30 января 1884 года, 75 лет.

Ее убрали в белую рубашку, сарафан, голову повязали шелковым платком — как никогда не наряжалась она при жизни. В правую руку положили букет цветов, так как она при жизни так любила их; на левую надели те самые шелковые четки, которые дал ей старец Серафим, благословляя на тяжкий подвиг юродства Христа ради.

Восемь дней стояла она сперва в маленькой душной келлии, где не переводился народ, горели свечи и служились непрерывно панихиды при нестерпимой жаре, потом в теплом Тихвинском храме. С каждым днем народу все прибывало, так что пришлось разрешить доступ к гробу и ночью. От жары в церкви текла вода струями по стенам, и в холодных папертях было тепло, как в топленных келлиях. А раба Божия не предавалась тлению, лежала как живая, сияя духовною красотой. Вся она была осыпана цветами, которые разбирались народом и заменялись другими.

Пред закрытием гроба многие брали ее руки, которые были гибки, мягки и теплы, как у живой.

Против алтаря Дивеевского Троицкого собора возвышается чугунный памятник. На нем четыре надписи:

1) Пелагия Ивановна Серебренникова, урожденная Сурина, по благословию старца Божия иеромонаха Серафима за святое послушание оставила все счастье земной жизни, мужа и детей, приняв на себя подвиг юродствия и приняла гонения, заушения, биения и цепи Христа

Господа ради. Родилась в 1809 году, прожила в монастыре 47 лет, и 30 января 1884 года отошла ко Господу 75 лет от роду.

2) Блажени есте, егда поносят вам, и изжденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех. Все здесь претерпевшая и все превозмогшая силою любви твоей к Богу, любви Его ради потерпи нашу немощь духовную, и крестом подвига твоего заступи нас.

3) Свято-Троицкого Серафимо-Дивеева монастыря Серафимов Серафим, блаженная Пелагия^[13]. Пелагия, взяв крест свой ради Бога, на земле жила вся в Боге и на небе живет вечно с Богом.

4) Блажени изгнани правды ради, яко тех есть царство небесное. На тернистом пути подвига твоего не оставляла ты никого, к тебе прибегающего; не забуди и там, в блаженстве вечной Божией славы, обитель, тобою излюбленную". Неприкосновенною сохраняется в обители келлия Пелагии Ивановны: ее иконы Спасителя с евангелием, раскрытым на словах: "Приидите благословеннии Отца моего!" — благословение отца; Владимирская икона Богоматери, благословение матери.

Вот место на полу у печки, и войлок, где проводила она ночи в молитве за мир; вот кровать, тюфяк и подушки, на которых она покоилась лишь трое последних суток своей жизни, ее убогая одежда, одяло, железный пояс, который восемь лет носила на себе в миру, так что он врос в ее истерзанное побоями тело, и она с кровью сняла его, придя в монастырь. Вот железная цепь, на которой муж и родная мать приковывали ее к стене...

Старец Иларион Троекуровский

Едва ли многим известно имя старца Илариона Троекуровского. Между тем, его необыкновенная жизнь повторяет вновь нашему веку повести дивные, повести "древних лет". На утешение русскому сердцу, не оскудело на Руси святое семя, — род людей, живших для Бога: отшельников, молитвенников, подвижников, старцев. Они дышат тем же духом, что заветные Антоний и Феодосий, что Сергей Радонежский со множеством иных Новгородских, Соловецких, Валаамских, Ярославских, Костромских, Вологодских, которых сияние пробило непроглядную чашу северных лесов и светило русскому человеку. Они шли разными тропами, но в одном направлении начинали с самоотречения и жестоких подвигов, и, очистив свою душу, служили беззаветно всем, кто шел к ним. Их любовь и их служба не прекращались по смерти; в душе народа они оставались живыми: их звали, они отвечали. Часто, отходя телом от людей, — они оставляли им своих учеников.

I. Детство

В 1774 году в зажиточной семье государственных крестьян Рязанской губернии Раненбургского уезда, села Зенкина (иначе Раковых Ряс) родился сын; называли его Иларион. Мальчик рос в семье, среди своих братьев, как-то особняком. Робкий и молчаливый, он чуждался не только своих сверстников, но даже и своих родных. Детских забав вообще удалялся; когда кто-нибудь его обижал, то он молился Богу за своего обидчика.

С самого раннего возраста он полюбил церковь, — и вот какое с ним, семилетним, было происшествие, оставившее след на всю его жизнь. Как-то раз очень рано заблаговестили в селе к утрени. От звука колокола мальчик сонный упал с лавки на пол и, опомнившись, почувствовал сильный испуг; но, когда он пришел в себя и узнал церковный благовест, то

быстро вскочил и побежал в церковь. Во время службы он испытал невыразимое желание угождать Богу.

То настроение, которое рано сказалось в мальчике, поддерживал в нем его старый дед с материнской стороны; жил он в своей отдельной избе, был простой неграмотный крестьянин, но вел жизнь чрезвычайно строгую и был мудр. Иларион очень был привязан к деду. Любимым его делом было ходить с дедушкой в церковь, а из церкви дед часто брал внука к себе в дом до следующей службы. Как ни был дед богобоязнен, он опасался, что слишком усиленная ревность может повлечь за собой охлаждение, и старался развлекать внука, понуждая его к невинным детским забавам. Но эта излишняя заботливость деда о своем внуке как-то не имела полного успеха. Бывало, как рассказывают домашние Илариона, в зимнее время дедушка дает ему хорошенькие салазки, и не то что отпустит, а просто прогонит его с ними на гору кататься. Благонравный мальчик волей-неволей послушается деда, пойдет с салазками на гору, но другие ребяташки подбегут, возьмут от него салазки и катаются на них, сколько кому угодно. Иларион не только никогда не сопротивлялся, но даже, чуть подметит в ком желание покататься на его салазках, сам тотчас же с готовностью отдает их. Когда же надо было возвращаться домой, он спокойно брал свои салазки и уходил с горы, не успев ни разу на них прокатиться.

Станным считали Илариона в родном селе: очень он отличался от других. Особенно же огорчались родители. Они видели, что он как-то не подходит к их быту: не будет хорошим работником и умелым хозяином. Та рассеянность, какую Иларион проявлял относительно внешней жизни, навлекла на него насмешки и укоры и, чтобы избавить от них мальчика, дед взял его к себе. Время, проведенное у деда, было началом подвижнической жизни Илариона, который мог теперь всецело отдаться молитвенным подвигам. Удивительно, какое поразительное пренебрежение выказывал Иларион к плоти. Он изнурял ее строгим постом, который, в виду юных лет Илариона, был поистине изумительным, так как будущий подвижник довольствовался двумя калачами в неделю, не более. При такой пище, без всяких притом других кушаний, мальчик мог только что не умереть с голоду, да и то подкрепляемый благодатию Божией. Часто дед и внук ходили на поклонение к святым местам, в Киев, к Троице. Цель этих далеких странствований, в отношении к юному Илариону, состояла в том, чтобы воспитывать в нем дух молитвенный. Нетленные мощи угодников Божиих, почивающие в продолжение многих веков, с залогом жизни вечной, наконец, самый вид св. киевских пещер — этих живых свидетелей великих молитвенных подвигов, все это сильно воспламеняло в душе Илариона огонь любви божественной.

II. Юность

На четырнадцатом году Иларион потерял деда. Но основание было заложено крепкое, — а в тех обителях, куда дед водил внука, у него остались опытные руководители.

По переселении к отцу, опять начались трудности, и, наконец, родители неотступно стали требовать от сына, чтобы он женился. Такое требование шло наперекор всем желаниям и мечтам его; но он решился отчасти покориться, только выговорил себе при этом, что, по совершении брака, тотчас же отправится в Киев, на богомолье. По совершении брака в храме, новобрачный, улучив удобное время, тайно от родителей и от жены, скрылся из дому и, пользуясь выговоренным условием, ушел в Киев. Вернувшись домой, Иларион притворился больным, сказав, что по пути из Киева с ним сделался паралич, и что правая рука у него отнялась. Его кажущаяся болезненность оставляла ему достаточно времени для молитвы, но, сколько мог, он старался участвовать в домашних работах. Так, он выпрашивал у матери молоть рожь на ручных жерновах, — и, если оставался один, делал эту работу обеими руками. Конечно, родные и жена, для которой он от самого венца так и остался чужим, очень

досаждали ему. Но Господь, посылавший сильному духом Илариону трудные испытания, облегчал их и духовными утешениями. Неподалеку от Зенкина, того же Раненбургского уезда, в с. Головинщине, жил в то время добрый и благочестивый священник о. Трофим. У этого доброго священника, всею душой любившего Илариона, во всякое время мог он находить радушный прием. Среди этих посещений, продолжавшихся два года, о. Трофим учил Илариона грамоте.

Но такое положение не могло продолжаться долго. Видя, что семейные узы опутывают его по рукам и по ногам, и дойдя до той степени, когда жажда служить Богу охватывает всего человека и уносит далеко от всех связей и отношений жизни, — Иларион решил разом покончить мирские расчеты. Он ушел на двадцатом году жизни навсегда из дому и стал странствовать.

После странствований Иларион решил избрать для жизни определенное место, — и поступил в один из монастырей Рязанской епархии. Но жена его, имевшая на него, по человеческим законам, свои права, подала на него просьбу в консисторию. Иларион вышел из монастыря и удалился в дремучий Зенкинский лес, недалеко от родного села.

Но первая неудача не отклонила его от мысли о монашестве, — он снова определился в Петропавловскую Раненбургскую пустынь, и был пострижен в рясофор с именем Илария.

Строгим соблюдением устава он выделялся среди прочей братии, а внимание настоятеля к безупречному иноку возбудило к нему общую зависть. Он ездил за сбором подаяний, его оклеветали и обвинили в утайке денег. Монахи не давали ему прохода укорами и насмешками; чтоб избежать их, он перестал ходить на трапезу. Настоятель же требовал этого. Иларион повиновался, но не принимал пищи за общим столом; его обвинили в упорстве и запретили как пускать на трапезу, так и давать ему хлеб. В продолжение года Иларион ел только в день по просфоре, которую тайно носил ему понамарь, жалевший его. О. Илариону не суждено было долго оставаться в Петропавловской пустыни, так как после нескольких посещений его жены, которая требовала его к себе, настоятель решил удалить отца Илариона из пустыни, что и было исполнено.

III. Подвижничество

После изгнания из Петропавловской пустыни, для отца Илариона начались годы невероятных подвигов.

Он поселился в четырех верстах от села Головинщины, в Воловом овраге. Тут он сам выкопал несколько пещер, одна из которых, главная, молельная, соединялась переходами с остальными. Громадный камень служил ему столом. Здесь он жил и совершал молитвенные правила: вечерню, всенощную и утреню; для литургии ходил иногда в село Головинщину. А в знойное летнее время, на открытой поляне, под лучами солнца, клал в день по три тысячи земных поклонов.

В продолжение шести лет, летом и зимою, исключительно пищею служила ему редька, которую он посадил в устроенном им самим огороде и ел без хлеба. Воды вблизи не было, и в летнее время, дожидаясь дождя, он дней по десяти страдал иногда жаждою. Раз он, во время великого поста, за обедней упал в обморок — он не ел ничего 18 дней. Тут обнаружили на теле тяжелые вериги и сорочка, сделанная из медной проволоки — и от нее тело было в ранах.

Постель его была устроена из самых жестких сучьев дуба, и на ней видны были следы крови. Он не носил ни зимой, ни летом обуви. Единственная его одежда — длинная рубашка из холста

и халат из белой тонкой материи.

И тут, среди этих безмерных подвигов, на него обрушилась грозная борьба вражьей силы. Нечистые духи принимали вид хищных зверей и гадов, иногда страшного змия, висевшего над входом пещеры с зияющею пастью.

Однажды темным вечером посетил Илариона священник села Головинщины, о. Трофим, а Иларион отправился на село, за огнем, предупредив гостя, чтоб он никого не впускал без молитвы Иисусовой. Хозяин ушел; священнику было жутко.

Вдруг за дверью раздался торопливый стук. С радостью стал священник отворять, думая, что вернулся хозяин, но вспомнил слова Илариона и сказал:

— Сотвори молитву.

— Отворяй.

— Не пущу без молитвы.

За дверью поднялся неистовый шум. Священник осенил с молитвою дверь крестом; тогда раздался страшный хохот и хлопанье в ладоши, и затем все стихло. Иларион застал священника в ужасе.

Между тем молва о подвижнике, как ни скрывался он, стала расходиться. К нему пошел народ, бедные и богатые, ища сочувствия в горе, совета в несчастьи и молитвы.

Он принимал всех, брал то, что давали богатые — и отдавал бедным, и даже сам просил у богатых с целью помочь этими деньгами неимущим. Но многолюдство тяготило его. Чтоб никто не мешал его молитвенным размышлениям, он оставлял временами пещеры, и иногда, чтобы скрыться, взлезал в гущу леса на деревья, причем проводил дня два или три без сна и без пищи. Однажды зимой во время такого отсутствия его землянка застыла от морозу; он протопил ее и чуть не умер от сильного угара. Но падая без чувств, он головой ударился об дверь и отворил ее, и свежий воздух привел его в чувство.

А молва все росла... К нему присоединились трое людей, которые хотели разделить с ним его подвиги. Но у них не было воды, и безуспешно они рыли землю. После долгой молитвы о воде, Иларион заснул и, проснувшись, увидел около себя прекрасный куст цветов, которого раньше тут не было. Он стал копать, и открылся чистый ключ. Колодезь этот обладает и поныне водой целебной для верующих.

Для того, чтобы точно распределять время для совершения молитвенных правил, у Илариона был петух, по крику которого он узнавал часы.

Предаваясь уединенной молитве, пустынный не лишал себя и присутствия при св. литургии, в храме села Головинщины. Однажды он поздним вечером возвращался из села. Была страшная вьюга. Он сбился с дороги. Босой, в своем тонком холщевом халате, борясь с ветром, он обессилел и упал в снег без чувств, но Господь не попустил его гибели. Вслед за ним ехал крестьянин и наткнулся на него. Он узнал отшельника по одежде, положил тело на сани и привез в село. В селе более часа пролежал замерзший на дровнях, потому что боялись принять мертвое тело в дом. Наконец, внесли его, без признаков жизни, и только через час привели в чувство. Он слабым голосом просил священника отслужить молебен Божией Матери Целительнице, и когда по окончании священник поднес к его губам крест, он благоговейно приложился к нему и затем, поклонившись священнику, ушел из дома, несмотря на бушующую

вьюгу.

А на следующее утро его видели совершенно здоровым в церкви.

Наконец, на весну он задумал устроить себе столп из кирпича, с дуплом, и провести остаток жизни в беспримерном затворе — на коленях, согнутым.

Но Бог судил иначе.

IV. Странничество

Отцу Илариону Бог не дал осуществить мысль о спасении на столпе. Ему были назначены тяжелые испытания.

Постоянный прилив посетителей обратил на отшельника внимание полиции, и ему приходилось часто покидать свое уединение. Он уходил тогда в Елец, или в Киев, или в Задонск.

В Ельце подвижнику пришлось испытать много искушений. Один протоиерей обвинял его в том, что он благословляет народ священническим знамением; между тем о. Иларион если крестил некоторых, — то крестом мирян, а при этом иногда ему целовали руку. Однажды, во время чтения двенадцати евангелий, какие-то люди, не из простых, так громко говорили, что Иларион им это заметил. На него пожаловались, и городничий засадил его в тюрьму, и выпустил только в среду, на Светлой неделе, и то только потому, что сам сильно заболел и боялся держать долее подвижника.

Однажды, на пути из Киева, о. Иларион в Коренной пустыни, под Курском, отчаянно занемог; по предложению настоятеля, хорошо его знавшего, он был тайно пострижен в монашество, оставив себе прежнее свое имя. Однако, он выздоровел и вернулся в свои пещеры. Опять к пещерам пошел народ за наставлением, молитвою и исцелением недугов, а отшельника все не покидали разные скорби.

Управляющий того помещика, на земле которого находились пещеры о. Илариона, не взлюбил подвижника. Ему казалось, что крестьяне ходят в пещеры жаловаться на трудность своей крепостной жизни, и он решил избить отшельника и выселить его. Но вышло иначе. Целый день он со своими работниками проплутал по знакомым полям и не мог добраться до пещер. Вернувшись к ночи домой, он видел страшный сон, который потом исполнился над ним и его семьей.

Вскоре после истории с управляющим на о. Илариона была возведена возмутительная клевета, что будто бы он проводит в своих пещерах беспорядочную и безнравственную жизнь. Вследствие этого доноса, подвижник был отослан в Петропавловскую пустынь, что под Раненбургом, для отбывания в ней шестимесячной эпитимии. Когда же положенное время истекло, то возвратиться в пещеры было уже нельзя: они не существовали, а здоровье о. Илариона было уже значительно расшатано.

Отец Иларион продолжал зиму и лето ходить в холщевом халате и без обуви, но для подкрепления стал употреблять чай с белым хлебом. От шести лет жизни в сырых пещерах начались страдания ревматизмом в голове и в теле. Он поселился теперь в селе Каликине, но пробыл там только два месяца. Отсюда он не надолго перешел в церковную караулку села Головинщины. В это время случилось, что засуха угрожала полным неурожаем соседнему помещику с. Карповки, кн. Долгорукову. Он письменно просил молитв о. Илариона. В тот же день обильный дождь прошел над его посевами. Благодарный князь предложил о. Илариону

перейти к нему в усадьбу, где его приняли необыкновенно радушно. Сама княгиня обивала сукном пол поставленной для него келлии.

Когда в 1812 году окрестные помещики, узнав о занятии Москвы, хотели уезжать из своих имений, старец убеждал их остаться на месте, молиться и сказал: "Пусть он взял Москву, на деревне остановится".

Слова старца сбылись. Вскоре наше победоносное оружие смирило надменного и незванного гостя древней русской столицы.

К 1817 году относится знакомство о. Илариона с юродивым Иоанном, который сделался потом затворником Сезеновским. Иоанн был привезен одною благочестивою женщиною к помещику с. Сезенова, кн. Несвицкому, который был предуведомлен во сне о его приходе. О. Иларион заботился об Иоанне, но также подвергал его и испытаниям, которые тот смиренно переносил. Так, в келлии, которую срубил для затворника князь Несвицкий, Иоанн поставил иконы в виде иконостаса, и отделил его решеткой от остальной части келлии. О. Иларион послал своего келейника с приказом разобрать решетку, и Иоанн спокойно смотрел, как келейник исполнял это поручение.

В другой раз тот же келейник был послан о. Иларионом к Иоанну с таким предупреждением: "Скоро будет тебе искушение. Во время молитвы в келлии твоей пронесется вихрь. Лампады пред св. иконами закачаются и погаснут, но ты стой твердо и веруй, что Господь не пошлет тебе искушения выше сил. Затем лампадки у тебя зажгутся сами собой. Но ты их так не оставляй, а погаси, потом достань огня из печки и с молитвою опять зажги их". Все так и случилось. О. Иларион предохранил затворника и от страха и от обольщения.

Между тем, хотя здоровье все слабело, о. Иларион не оставлял своей трудной жизни. По-прежнему и зиму, и лето он ходил в холодном халате и без обуви. Когда в сильные морозы он босой приходил в церковь и становился неподвижен на чугунном полу, то около его ног была заметна оттепель.

Когда князь Долгоруков умер, то дворня опустевшей усадьбы старалась выжить о. Илариона. Молодому князю, жившему постоянно в Москве, они доносили, что на подвижника одной покупной провизии в год выходит на 800 р. Князь приезжал нарочно исследовать эту клевету и, убедившись в ее несправедливости, приказал всячески беречь о. Илариона. Но дворня после отъезда князя стала обращаться с подвижником еще хуже.

Зимою келлии не топили по несколько дней, или натапливали очень жарко и рано закрывали трубу; не давали пищи; однажды от небрежности случился пожар, и о. Иларион должен был заливать его один без посторонней помощи. Наконец, в 1819 г. он просил почитавшую его семью Сухановых помочь ему переехать и перешел в село Колычево, но и тут должен был переменить несколько раз свое местопребывание.

В последнее время пребывания в Колычеве старец часто жила у помещика Менщикова, который для него устроил в глубоком овраге келлию и обил ее внутри черным сукном. Тут отец Иларион, все слабевший, написал и свое духовное завещание: "Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Боже жизни, у Которого мертвых нет! Все бо нисходящие во гроб к Тебе текут и у Тебя собираются в невидимом мире, — (Тебе живи суть, где тянут веки), куда вход нам неизбежен, исход невозможен. Боже праведный! У Тебя мерило наших дел. Ужасаюсь и трепещу, готовясь с часу на час к исходу от сей маловременной жизни предстать на вечное пребывание. И возвращаюсь в землю, от нее же взят был.

Рассудил я все свои тленные вещи представить тленным же людям. Молю и прошу, по кончине дней моих, раздать все мое беднейшее имение самобеднейшим, да нестяжание мое видимо будет там, пред лицом Господа Бога моего. Я виновен против всех, прошу меня простить. А я от всей души моей прощаю всех. Убогий архигрешник Иларион-отшельник".

В Лебедянском уезде жил в своем поместье Троекурове именитый и богатый человек Иван Иванович Раевский. Это был замечательный человек. Он посвятил всю свою жизнь на служение ближним и церкви; отыскивал бедных и помогал им, жертвовал много на бедные деревенские храмы. Троекуровский помещик Раевский, горячо привязавшийся к о. Илариону, неотступно просил его поселиться в Троекурове. О. Иларион отправился на богомолье в Киев, прося у Бога вразумления. На возвратном пути в дремучем лесу был ему голос: "Будет тебе ходить! Спасайся на одном месте". В благоговейном трепете блаженный упал на землю, прославляя милосердие Господа, открывающего волю Свою со смирением молящимся Ему; — о. Иларион тут же дал обет остаться до смерти на месте, на которое благоволил указать ему Господь.

В начале ноября, 1824 года, ранним утром о. Иларион переехал из Колычева в Троекурово в выстроенную для него келлию, состоявшую из трех комнат, украшенных св. иконами и снабженных всем необходимым. Иван Иванович Раевский сам отправился в Колычево за о. Иларионом, который только что за несколько часов до его приезда возвратился из Киева, и лично доставил старца на его новое местожительство.

V. Троекурово

Когда отец Иларион переехал в Троекурово, ему было пятьдесят лет. Здесь он провел последние 29 лет своей жизни.

Поселясь в Троекурове, о. Иларион, во избежание всяких недоразумений с полицией, приписался к мещанскому обществу г. Лебедяни, а один купец взялся ежегодно вносить за него все повинности.

Комнатка, в которой помещался о. Иларион, была меблирована небольшим угольником и кроватью с тюфяком и двумя маленькими подушками, покрытыми белой простынею. Холод, которым прежде смирял подвижник свою плоть, теперь стал совершенно невыносимым для него. В келлии его были постоянно вставлены двойные рамы и жарко натоплено. Часто, не взирая на жару, и даже иногда в летнее время он бывал в валенках. Однако и тогда он все теснил себя. Выйдя однажды в чудный весенний день в садик, на солнце, он быстро вернулся и сказал келейнику: "Хорошо, очень хорошо — пожалуй, и еще захочешь".

Наружный вид отца Илариона, который с первого раза поражал своею духовною красотой, был таков. Рост его средний, впалая грудь, правильные и тонкие черты лица, темно-голубые глаза и нос с горбинкою. Изнуренное постом лицо было очень худое и прозрачное, чрезвычайной белизны; губы его часто озарялись светлою улыбкой. Волосы были серебристые, длинные, и продолговатая борода.

Вот что говорит одно воспоминание о старце: "Вид его был как Ангела Божия. Нельзя было даже подумать, чтобы Господь на земле давал такую красоту своим рабам. Ему было уже почти восемьдесят лет, а казался он как в первой юности и редкой красоты. Глядя на него, невольно приходило на мысль: Дивен Бог во святых Своих". За шесть лет до смерти о. Иларион ослеп, но пред кончиной чудесно прозрел.

В Троекурове старец сумел соблюсти трудную меру: он остался затворником, хоть народ имел к

нему доступ, и сам он выходил в церковь.

По его просьбе, в храме стали ежедневно совершаться богослужения. Все нужное для литургии он доставлял от себя. Келейные же его правила состояли в следующем.

Утреннее его правило продолжалось с часу по полуночи до полудня и прерывалось раннею обеднею, — это было непрерывное полусуточное моление. Вечернее же правило шло с третьего до девятого часа. В этом часу он запирался в своей комнате, и ночное его бдение неизвестно, только он говорил своему келейнику: "Монаху должно спать весьма мало — никак не более четырех часов в сутки, и то после усиленных телесных трудов".

Литургию он стоял всегда в алтаре, приобщался каждый двенадцатый праздник.

В свободное время о. Иларион читал духовные книги, а иногда принимал посетителей. По окончании утреннего правила, дважды в неделю — воскресенье и четверг — бывала трапеза. В мясоед готовили рыбу и лапшу, и он брал по самой малой части блюд; так, горячего он кушал не более трех ложек. В остальные дни трапезы не бывало: он съедал кусок антидора и выпивал чашку кофе. В Великий же пост, для чистоты голоса, так как правила совершал громко, старец употреблял вместо пищи по стакану конопляного сока. В болезнях он пользовался домашними средствами (редечный сок и огуречный рассол), и указывал на них другим.

Число посетителей о. Илариона в Троекурове было чрезвычайно значительно. При входе каждого из них, он клал пред иконами три земных поклона и осенял входящего крестным знаменем. Весьма редким из посетителей предлагал маленький диванчик, а сам садился в кресло, но чаще всего принимал стоя. Доселе вспоминаются слова старца, которыми он приветствовал входивших в его тихую келлию: "Положим три поклона, помолимся Царице Небесной". Говорил он просто, кратко и часто притчами, иногда на устах его показывалась улыбка. Лично старец принимал немногих, а передавал советы и наставления чрез своих келейников. Во время же правила никого не принимал, кроме чрезвычайных обстоятельств. Иногда он отказывал в приеме достойным людям, и вслед за тем принимал потерянного человека. Это старец объяснял так: "Первые идут добрым путем, им не нужен руководитель, а этим несчастным нужна скорая духовная помощь". Он знал иногда, кто, откуда и зачем приехал, и, видя людей в первый раз, называл их по имени. Иногда посещения сопровождалось самыми трогательными обстоятельствами. Легко становилось около отца Илариона: к нему шли под гнетом тяжкого бремени, а летели от него, как птицы на крыльях.

Внешняя деятельность отца Илариона выражалась в благотворительности, исцелениях, добрых поучениях и советах приходившим к нему.

Хотя сам он был как нищий и странник, но его почитатели несли ему много денег, которые он раздавал. Один помещик принес ему 5,000 рублей; другой, чувствуя близкую смерть, просил принять от него, для раздачи по усмотрению старца, 100,000 рублей, но старец посоветовал отдать их затворнику Иоанну Сезеновскому на храм.

Особенно любил о. Иларион жертвовать на украшение и постройку храмов, церковные колокола, ризы, и многих побуждал к таким же пожертвованиям. Все же оставшиеся у него деньги он раздавал бедным. Кроме лиц, которые получали постоянное пособие, от него выдавалась трапеза странникам, а бедные получали хлеб и на дорогу.

В тюрьмы в великие праздники старец посылал по пяти рублей деньгами, сыру, белого хлеба и яиц, а на масляницу пуд рыбы; послушник старца, бывая в Лебедяни, должен был покупать острожным белого хлеба на один рубль.

Зашел однажды к о. Илариону бедный семинарист. Не имея денег, старец дал ему новое полукафтанье своего келейника, и, когда тот спросил об одежде, старец с улыбкою сказал ему: "Семинарист, должно быть, унес", и прибавил: "Беги по большой дороге, догони вора, отними свое платье, а, на случай сопротивления его, возьми с собой рубль и отдай ему взамен". Когда келейник нагнал семинариста, его убогий и кроткий вид так смутили его, что он дал ему рубль и оставил ему свое полукафтанье.

Такую же теплую заботу проявлял старец и к людям, не знавшим нужды, но обращавшимся к нему за молитвами. Особенно любил он одну семью К. из высшего петербургского общества. Молясь за них, он налагал на себя пост и всем окружающим приказывал поминать их. Он предсказал, что все пять сыновей этой семьи будут возведены в жизни до высоких почестей, что и сбылось.

Отец Иларион был нежным отцом для своих окружающих. Вскоре по переселении в Троекурово, умер верный его келейник Никита; его схоронил старец у церкви, поставил над ним памятник, и в течение сорока дней усилил свои молитвы. Всякий раз, до конца жизни, как старец приступал ко св. причастию, — он отправлял заупокойную литию на этой могиле.

Данковская помещица Е. Л. Шишкова, имевшая большую веру к о. Илариону и часто посещавшая его, просила однажды письмом угодника Божия помолиться Господу о ниспослании дождя на посеянную у ней свекловицу, которая пропадала по случаю засухи. Старец послал своего келейника Спиридона в Данковский монастырь с просьбой к настоятелю отслужить молебен пред иконою Успения Божией Матери и панихиду по схимонахе Романе, там похороненном. Во время панихиды ясное небо вдруг покрылось тучами и полил такой дождь, что служившие и молившиеся, как говорится, промокли до костей, и возвратились с могилы со слезами умиления и благодарности Господу за великую милость Его, явленную по молитвам старца.

Потом он же стал советовать г-же Шишковой купить имение Новинское Ефремовского уезда, которое владелец и не думал продавать, очень дорожа им. А вышло так, что вскоре владелец сам предложил г. Шишкову купить имение с самою выгодною рассрочкою, что он и сделал. По молитвам старца, земные блага продолжали изливаться на эту семью, а Новинское оказалось лучшим из их имений.

Однажды пришел к старцу бедный помещик Летошнев, содержавший свою семью доходом с огорода и пчельника, которые из-за засухи пропадали, и сказал, что он боится умереть с голоду. "Не скорби, Иван Феодорович, — отвечал старец, — а молись Богу! Я помолюсь. Вот тебе благословенный хлебец, ты с ним обойди огород. Иди с Богом, Он утешит. Только веруй!"

Он побежал домой, а его догоняла от Троекурова дождевая туча; и едва он обошел огород, полил обильный дождь. В этот год он получил двойной доход.

VI. Духовные дары. Кончина

Много сохранилось рассказов о тех исцелениях, которые совершались по молитвам отца Илариона. И, наоборот, поносившие старца бывали часто жестоко наказаны за презрение к праведнику.

Один петербургский богач, проезжая чрез Троекурово, любопытствовал посмотреть на о. Илариона. Было 9 часов утра, старец совершал свое обычное правило и отказал посетителю. Оскорбленный тем, что келейник предложил ждать до окончания молитв, то есть до полудня, — богач сильно рассердился на старца и ушел в гневе. Как только он ушел, старец позвал

келейника и сказал ему: "Даст Бог, воротится; догони его и дай эту просфору". Келейник застал богача у церковной ограды, державшегося за нее руками, и спросил, что он тут делает. "Доведи меня до лошадей, — сказал тот, — у меня что-то в глазах стало темно". Келейник довел его до коляски, и в минуту, как он подал ослепшему просфору от имени о. Илариона, тот прозрел. Он возблагодарил Бога, раскаялся в своем осуждении и заехал к старцу, к которому всю жизнь остался привязан, и впоследствии вручил ему очень значительное пожертвование.

Сила советов отца Илариона особенно ясно выказалась над А. М. Гренковым. В 1839 г. он, будучи преподавателем Липецкого духовного училища, почувствовав жажду уйти из мира, отправился за благословением к о. Илариону. Тот сказал ему: "Иди прямо в Оптину". А. М. Гренков получил монашеское воспитание под непосредственным руководством опытных старцев Льва и Макария и стал сам знаменитым старцем Оптиной пустыни, известным впоследствии под именем о. Амвросия. В келлии его всегда висело изображение о. Илариона.

Очень, очень часто советы о. Илариона во время предохраняли людей от угрожавших им бед. Иногда он присылал к кому-нибудь совет поскорее исповедываться и причаститься св. Таин, а потом оказывалось, что эти люди были на пороге смерти и, без его предупреждения, умерли бы без покаяния.

За неплатеж процентов имение г-жи Г. должно было идти в продажу. Несмотря на беспутницу, она поехала в Троекуров просить помощи и совета в своей горе у о. Илариона. Старец, в это время говевший, против своего обыкновения принял ее и сказал: "Все хорошо будет. Живи, Бог даст, деньги скоро будут — заплатишь". Вернувшись домой, она узнала, что имение назначено к описи. После слов старца, этот конец поразил ее до того, что она усумнилась в его словах. Но тут же ей доложили, что крестьяне принесли ей нужную для взноса сумму, которую собрали между собой. Вскоре от старца пришло письмо, помеченное днем ее приезда домой, содержание которого было следующее: "Что за маловерие! Имейте более упования на Бога и веруйте, что и волос с головы вашей не спадет без воли Отца вашего Небесного".

В другой раз, встречая г-жу А., старец сказал ей: "Вам бы еще помедлить дома, а то у вас теперь небывалые дорогие гости". Оказалось, что к ней приезжал родной брат, которого она не видала 10 лет.

Прозорливость старца отца Илариона засвидетельствована несомненными явлениями. И, если люди, обращаясь к нему за советами, шли наперекор им, тяжелыми последствиями приходилось убеждаться им в мудрости его слов.

Одному Ефремовскому помещику, Макаренкову, собиравшемуся ехать из Троекурова домой зимними сумерками, — старец советовал переждать до утра, но тот не послушался; простился и поехал. Но не успели лошади тронуться, как прибежал от старца келейник и, подавая в сани булки и икры, сказал: "Батюшка прислал вам это — годится сегодня на ужин".

Макаренков с улыбкой принял булки и поехал. Но, как только стемнело, поднялась вьюга, путники сбились с дороги и застряли в сугробах. Лошади стали, положение было тяжкое. Только тут почувствовал помещик, как прав был старец, и начал призывать его в горячей молитве, которая и была вскоре услышана. Вдали показался огонек. Путники поехали на него и добрались до убогих выселок. Они еле согрелись в курной избе, но были спасены от смерти, и Макаренков съел весь ужин, припасенный старцем.

Г-жа Голдобина купила мускатных орехов и понесла их старцу, отобрав себе два самых крупных. "Положи орехи и послушай-ка меня, — сказал отец Иларион. — Один старец послал учеников ловить рыбу. Они отобрали себе крупную рыбу, а мелочь принесли старцу. А старец

заметил им: "Дети-то тут, а мать с отцом где же?"

Отец Иларион в молодости сильно хотел идти на поклонение в Иерусалим, но это ему не удалось и тревожило его. Он, уже в старости, решил послать туда своего келейника Капитона и на дорогу дал ему три рубля, сказав: "Сходи за меня — я не мог сходить". Капитон ответил, что с этими деньгами и до Киева не дойдешь. "Не бойся, — возразил отец Иларион, — еще мне 25 рублей обратно принесешь". Келейник отправился, был в Иерусалиме и привез старцу 25 рублей.

В Клеве, до которого он дошел счастливо, встретился ему добрый и состоятельный человек, искавший попутчика до Иерусалима. Он довез его на свой счет туда и обратно и, расставаясь, подарил за сопутствие 25 рублей.

Приблизились последние годы жизни старца. Года за три до кончины он уже не мог ходить в церковь, еще реже говорил с посетителями. Но чрез келейника отвечать никому не отказывался.

От сурового поста его желудок сделался почти неспособным к принятию пищи, — так что трапеза готовилась ему по одному разу в месяц. За шесть недель до кончины он так ослабел, что не мог встать с диванчика и ничего не ел, даже просфоры; он единственно глотал воду из колодца, вырытого им когда-то в Головинщинском Воловом овраге. По молитвам старца о том, чтоб смерть была предсказана ему видимым знаком, за 6 недель до смерти почернел у него на левой ноге большой палец. Чувствуя близость конца, о. Иларион торопил окончание церкви в селе Губине, о которой особенно радел, и много думал, и молился о будущем открытии и устройении Троекуровской общины.

Он утешал сиротеющих сестер будущей обители, говоря: "Будет на этом месте обитель, как лавра цветущая — молитвенный дух мой пребудет вечно в этом благословенном месте. Во время скорби, болезни, или каких недоумений — отслужите молебен пред Владимирской иконой Царицы Небесной с акафистом. Я и сам пред ее иконою молился; потом и меня грешного помяните, отправивши панихиду".

Старец все слабел, говорил уже знаками и видался только с духовником. За три дня до кончины он пожелал воды из Тюшевского колодца (в 40 вер. от Троекурова), где находится чудотворная икона Богородицы "Живородный Источник". Г-жа Шиловская поспешила послать нарочного за водой. Он проглотил три ложки и ничего более не вкушал.

Пятого ноября 1853 года, в полночь, на 90-м году, тихо почил отец Иларион. Тело его стояло пять дней. Число народа, собравшегося на похороны, было свыше 10,000 человек. Весь народ свидетельствовал, что все время келлия почившего и храм были наполнены неземным благоуханием, разливавшимся от гроба старца.

Его схоронили 10 ноября в простом деревянном гробе, который он сам себе заранее сколотил, в пещере им выкопанной. Над пещерой поставили деревянную часовню.

II. Троекуровский Иларионовский монастырь. Заключение

Светлым памятником по себе оставил старец женскую Иларионовскую Троекуровскую общину, которая получила от него начало, им выросла и укрепилась.

Когда старец перешел в Троекуров, под его крылом, чтоб пользоваться его руководством, в трех убогих келлейках, похожих на скирды, поселилось несколько женщин. Мало-помалу число их умножилось до двенадцати. Главное занятие их состояло в печении просфор, и в услужении

посетителям старца. Они находились под его постоянным надзором. Кроме среды и пятницы, он приказывал им почитать постом и понедельник, как день Архангельский.

Научая искоренять в себе любопытство, он однажды серебряное паникадило, которое, по его просьбе, выписала на свои деньги одна послушница, — по получении, не распечатав и не показав ей, отправил по назначению. Уча презрению к вещам, он прислал к одной сестре, которая радовалась, что надолго наготовила себе запасов, просить того, чем она себя обеспечила. Ради послушания старцу, совершались необыкновенные дела. Пошлет, бывало, батюшка зимою сестру ночевать в нетопленную избу. "Иди, скажет, с Богом — тебе и там будет тепло". И точно: холод не ощущался тогда во всю ночь.

Старец требовал от сестер любви к уединению и к самоуглублению. Одна сестра, против его правила, пошла надолго вечером в келлию к соседке. Вернувшись, она увидела, что на ее двери висит второй запертый замок — повешенный келейником старца. Она должна была идти к отцу Илариону. Он простил ее, но навязал на ее ключ длинную веревку, и сказал, что теперь уж этот ключ не будет более бегать.

Видя, как преуспевают сестры под руководством старца, преосвященный Тамбовский Арсений, впоследствии митрополит Киевский, посещая отца Илариона, открыл ему свою мысль об учреждении в Троекурове женской общины. Эта мысль уже давно жила в старце — который предсказывал устройство общины еще с первых дней своего пребывания в Троекурове. Мысль же архиерея еще более укрепила его намерение.

Основание общины было необходимо для обеспечения сестер, как от внешних нужд, так и от гонения полиции, которая преследовала черные платья и четки сестер. Не было сомнения, что твердо установленный внешний строй иноческой жизни еще более укрепит духовное настроение сестер.

Нужно было начинать дело, и, прежде всего, обеспечить общину землею. И вот, несмотря на крайнюю скудость денежных средств, о. Иларион, не смущаясь, приступил к делу.

Близ Троекурова жила семья Голдобиных, тепло любимая старцем. Он так заботился о них, что упросил Раевского с выгодою для них купить их имение, чтоб они могли уплатить долги и приобрести деревню Савинки, близ Троекурова. Одну из сестер этой семьи, Александру Николаевну, старец избрал себе в помощницы.

Он прежде всего отправил ее в Лебедянь, к проезжавшему архиерею, за разрешением установить общину. Архиерей разрешил, если найдутся средства.

Старец указал Голдобиной на соседнее имение г-жи Клушиной, в 362 десятины, и приказал торговать его. Она ответила:

— Где же у нас деньги, ведь над нами смеяться станут!

— Пусть смеются, — кротко отвечал старец. — Нам Бог поможет. Только веруй.

Имение торговали за 30.000 р. Не имея вовсе денег, о. Иларион приказал составить условие покупки, выставить сроки уплаты и даже означить большую неустойку, в случае неисполнения обязательства.

Деньги стали приходиться — по почте получались тысячи. Голдобину старец посылал в Тамбов, Москву, Петербург, чтобы торопить производство дела. Но, наконец, пришел страшный день, когда оставалось еще уплатить 10.000 р., а денег не предвиделось. Совершенно упавшей духом

помощнице своей, старец сказал: "Что вы унываете, у меня есть такая добрая барыня, которая даст десять тысяч рублей".

Пророчество сбылось.

Доверенное к старцу лицо было у г-жи Громовой, в Петербурге. Она раздавала много денег, частным лицам не более сотни разом. Деньги лежали у нее в шкатулке, по достоинству. Не зная близко старца, она опустила руку на пачку сторублевых, и подала бумажку на общину отца Илариона. Вечером ей захотелось убрать десятитысячный билет, подаренный ей по утрам мужем, по случаю дня ее рождения.

Она стала искать его в ящике и не нашла, и тут только вспомнила, что он лежал у нее сверху сторублевых бумажек, и что она передала его невольно для отца Илариона.

Когда Голдобина благодарила Громову за щедрый дар, она рассказала ей, как мало считает себя достойною благодарности, и какое видит в этом деле благоволение Божие к старцу.

Земля была укреплена за о. Иларионом, а пред смертью он ее передал Голдобиною, с обязательством устроить женскую общину. Душеприказчиком старца был человек, близкий к нему — Ф. З. Ключарев, впоследствии инок Оптиной пустыни, бывший там близким и о. Амвросию. Ф. З. Ключарев и Голдобина участвовали в этом деле своими пожертвованиями.

Перед смертью старец завещал над святыми воротами будущей обители выстроить церковь во имя пророка Илии.

Хоть Голдобина была слаба, хоть требовался на то значительный капитал, хоть и та даже земля, где стояла келлия старца, была чужая — он убеждал Голдобину, что храм она выстроит. Также Ф. З. Ключарева старец умолял не оставить будущей общины. В последние дни он утешал сестер, что владельцы земли отведут нужный участок, что Матерь Божия не оставит этого места, а его дух пребудет в обители навсегда.

После кончины старца, сестры ходили в часовню над его могилою, читать псалтирь, вспоминать его наставления и молиться. Но полиция, по чьему-то доносу, запечатала часовню. В это время один человек, сомневавшийся в святости отца Илариона, — видел его во сне — что он, покрытый белым полотенцем^[14] ласково говорит: "Что ты смущаешься, что меня святым зовут? Какой я святой, когда и часовня моя запечатана и послушниц моих грозят разогнать". Когда до этого человека дошло известие о поступках полиции в Троекурове, он воскликнул: "Воистину святой человек был о. Иларион!"

Через год преследованиям был положен конец. Община была утверждена духовною властью в 1857 г. Законными актами за нею укреплено 362 десятины приобретенной земли, а наследник И. И. Раевского выделил для зданий монастыря свыше 3 десятин своей земли.

В 1868 г. в день назначения в Троекуровскую общину новой настоятельницы, матери Анфисы, ей было во сне такое видение. Будто в Сезеново ожидали митрополита Московского Филарета, и она вышла навстречу. Но в светлой мантии со струями и под золотою митрою она узнала дорогие черты святого лика старца Илариона. Она замерла от трепета и радости. "Что ты стоишь", — сказал он ей голосом никогда ею не слыханным, даже от него, тихости и кротости. — Она упала ему в ноги, а он осенил ее крестным знаменем, и она припала губами к его благословлявшей руке — и это ей казалось действительностью.

В настоящее время Троекуров — благоустроенный общежительный монастырь, с тремя

храмами, окруженный оградой с воротами и двумя башнями. Надвратная церковь св. пророка Илии давно существует. На четырехугольной площади монастыря разбросаны небольшие келлии инокинь, пред которыми разбиты садики.

На месте деревянной часовни, покрывавшей пещеру с могилою старца, стоит двухпрестольная церковь — во имя Владимирской иконы и преп. Илариона Великого. В правой же стороне храма находится пещера. В нее ведут пять ступеней. На гробнице лежит чеканная доска, на которой изображен лик старца. Над гробницею же находится живописное изображение отца Илариона во весь рост.

Около пещеры целы яблони, посаженные старцем, а в его келлии все осталось неприкосновенным.

Вот тесное место, где возвысился до неба великий дух: стены, хранящие столько тайн человеческой святости! Тут тихо, торжественно и безмолвно. — Но старец живет!

Несколько лет назад у Шамординской общины, устроенной отцом Амврсием, вспыхнула деревянная постройка в сухую погоду, при ветре. Огонь шел на созревшую и сухую ниву, и грозил большими бедами. С благословения старца близко известный ему г. Н. Н. С, живший в то время в Шамординской гостинице, бросился к себе за изображением о. Илариона, так как имел большую веру в этого подвижника, и с этим изображением пошел против огня. Тотчас же огонь повернул назад, и затушил сам себя.

"Я живу для тех, кто верует", — произнес отец Иларион в одном своем загробном явлении.

Он являлся еще и при жизни. Один умиравший мальчик, Николя, которому батюшка, крестя его, при последнем свидании, сказал: "Прощай, в последний раз я тебя здесь вижу!" — шептал, умирая, своей матери: "На что вы меня лечите! Батюшка не велит мне лечиться. Разве вы его не видите? Он около меня стоит в белом халатике с голубым поясом".

А теперь он еще ближе для тех, "кто верует".

Есть великое таинство веры в том, что в ее области нет ничего тленного, а все зреет из силы в силу, пока не откроется могущество ничем не нарушимой благодати в Царстве бесконечного и неотъемлемого блаженства.

Иоанн, затворник Сезеновский

Затворник Иоанн родился 24 июня 1791 г. в селе Горках, при реке Потудани, Коротоякского уезда, Воронежской губернии. Его отец был крепостным бедного мелкопоместного помещика Кузьмина, и Иван был сверстником господского сына Василия, с которым они вместе росли и вместе работали, насколько могли, в поле.

Особая тихость и незлобие отличали мальчика с детства. Часто в грустных глазах его были слезы, было что-то жалостное в его младенческом лепете.

С десяти лет он стал искать уединения. Игр и забав он не любил, и даже иногда прятался от них.

Не чуждался Иоанн из своих сверстников только молодого барина своего Василия Феодоровича. Они вполне подходили друг к другу своими наклонностями... Но некоторое время, когда Василия Кузьмина отец отдал обучаться грамоте, Ивану пришлось остаться

одному. Он ходил несколько раз с отцом на богомолье в Киев, а на 15-м году начал юродствовать.

Когда молодой Кузьмин вернулся домой, он часто работал на поле с Иваном. Во время этих работ они молились. Как чистое пение жаворонка, разносились в поле их серебристые голоса, и крестьяне, остановясь работать, заслушивались их. Часто также выходили они по ночам из дому и пели под открытым небом.

В знак своей дружбы и единомыслия, они задумали надеть на себя железные пояса, заперли их замками, и ключи бросили в реку Потудан. Но когда от них пошел дурной запах, так как железо врезывалось в тело, образуя раны: тайна их обнаружилась и обручи с них сняли. Пришлось тогда железо перепиливать подпилком.

Обычный ход жизни не мог удовлетворить Ивана. Ему чего-то не доставало. Он ходил в Острогжск, в Киев, Воронеж, Задонск и другие места, где пользовался советами выдающихся по высокой духовности лиц. Они были нужны ему, чтобы терпеливо и твердо сносить и насмешки, и осуждения, и наказания за то настроение, которое все сильнее и сильнее становилось в его жизни.

Чтоб удержать Ивана дома, помещик отдал его к столяру. Но он постоянно только портил материал, как будто ничего не понимал. Столяр отказался от него. Тогда господин сделал его пастухом. Но и тут, углубленный в молитву и размышления, он не замечал, как его скот заходил в засеянные поля. Помещик его наказывал, а другие пастухи били его иногда до того, что он терял сознание.

Безропотно сносил он все — и побои, и когда его в мороз запирали в холодный чулан. Никто не видал его слез, не слышал стона, и никто его не жалел. Приходский священник, к которому, особенно в более трудные дни, Иван ходил по ночам, — один принимал в нем участие. А друг его детства, молодой барин, находился тогда в военной службе.

Подкрепляемый священником, который беседовал с ним иногда целые ночи напролет, Иван не оставлял избранного пути.

Он молился целыми часами сряду, плача и вздыхая, и часто, обращаясь к иконе святителя Димитрия, он употреблял, как бы юродствуя, ласкательные выражения. Однажды во время такой ночной его молитвы, священник, бывший в соседней комнате, увидел от образа ослепительный свет, падавший на лицо Ивана.

Однажды Иван со своим старшим братом Ларионом пошли на праздник в соседнюю деревню и, возвращаясь, зашли ночевать на свой пчельник. В эту самую ночь Иван тайно ушел и сперва побыл у двух подвижников, потом вступил в Киево-Печерскую лавру, где три года провел послушником при трапезной, прекрасно исполняя не только обязанность распорядителя трапезной, но и просьбы и услуги разным инокам.

Между тем богомольцы с родины Ивана принесли с собою домой весть о том, где он находится, и после разной переписки, Киевская полиция потребовала у Ивана письменный вид, которого у него не было, и Иван вынужден был отправиться на родину.

Придя туда, он принял окончательно вид юродивого, вошел без доклада в контору барина, помолился на иконы, но не поклонился барину и на вопросы отвечал странными телодвижениями.

Тогда помещик, не понимая настроения Ивана, сковал его и запер под караулом в амбар,

приказывая не давать ему ни пищи, ни пития. Может быть, барин относился к Ивану с особым раздражением потому, что родная сестра Ивана, Марья, тоже вся проникнутая стремлением к Богу, — ушла неизвестно куда, так что о ней и слух пропал.

Сожалев о заключенном, брат его Ларион потихоньку принес ему пищи и хотел подать ему в окно. Но Иван не принял ее, говоря, что нужно с терпением переносить все испытания.

Пришел посетить его также священник, взяв с собой икону св. Дмитрия Ростовского, пред которой обыкновенно молился Иван. Это было ночью, но караульные спали, а собаки, обыкновенно очень злые, стали ласкаться к священнику. Поговорив с Иваном, священник, никем не замеченный, вернулся домой.

Кузьмин отправился за несколько дней в г. Острогожск, и в это самое время приехал из своего полка молодой барин. Узнав о заключении своего друга, он хотел сбить с двери замок, но Иван уговорил его прокопать крышу, и таким образом вылез из амбара. Когда принесли инструменты, чтоб снять с него железо, оно само упало к его ногам.

Чтоб уйти ночью, Иван, раздавшись, спрятался в камыш, но был замечен и приведен к возвратившемуся назад господину. Молодой барин еле уговорил отца, чтоб он его не наказывал. Но, чтоб помешать его побегам, Кузьмин приказал остричь ему половину головы.

Но Иван все-таки ушел в Острогожск к юродивому Ивану Васильевичу. И лишь письмо этого юродивого к помещику о том, что Иван — Христов раб, а не его раб и уверения о том же священника заставили помещика оставить Ивана в покое.

В продолжение шести лет Иван странствовал, посетив Киев, Почаев, Воронеж, Задонск, Саров.

Некоторое время он жил в Задонске, куда привез его купец Плетнев, раздавший все свое имение нищим и посвятивший себя на служение Богу. Иван ходил летом и зимою босыми ногами, в ветхом рубище, едва прикрывавшем его изнуренное тело.

Он был образцом воздержания и смирения, и поражал послушанием и услужливостью. Когда Воронежский архиерей, будучи в Задонске, пожелал видеть Иоанна, о духовной жизни которого он слышал, тот пришел к нему, прыгая и кривляясь. Но архиерей понял намерение Ивана отклонить от себя славу.

В таком юродстве Иван провел десять лет.

В Раненбургском уезде, в селе Головинщине, в особой келлии у церкви, жила крестьянка Дария Кутукова. Она занималась печением просфор для окрестных церквей и для жившего тогда в селе Колычеве, Данковского уезда, старца Илариона. Она также прислуживала ему.

Будучи для богомолья и говенья в Задонске, она увидела Ивана, и задумала взять его к себе и служить ему. Иван не противился ей.

По дороге они заехали в село Сезеново, к владельцу его, князю Несвицкому.

Под этот день (19 декабря 1817 г.) князь видел во сне, что из образа Божией Матери вышел младенец и сказал ему: "Возьми меня к себе на руки и дай место для молитвы — я Иоанн многострадальный".

Когда к князю вошла Дария с Иоанном, князь смутился: именно его лицо он видел во сне... Простившись с Несвицкими, путники поехали дальше к о. Илариону, которому Дария

предложила взять к себе Иоанна для услуг.

— Не Иоанн мне, а я Иоанну должен служить: он старше меня, — отвечал о. Иларион.

Между тем князь Несвицкий приехал к о. Илариону с рассказом о своем сне и о встрече с Иоанном. О. Иларион посоветовал князю взять к себе Иоанна.

В господском доме было тесно и шумно, и Иоанн упросил, чтоб ему отдали баню, из которой выбрали всю обстановку. Здесь Иоанн наглухо забил единственное окно, чтоб к нему не проникал дневной свет. Одна лампада боролась с темнотою.

После трех лет, проведенных в этом здании, Иоанну устроили особую келлию.

У князя был лес в споре с крестьянами. В первый раз, проезжая этим лесом к о. Илариону, Иоанн сказал: "Ах, лес шумит, топоры блестят, кровь льется, много слез будет!". И вот, чрез несколько лет от того дня, крестьяне напали в этом лесу на князя и прорубили ему в нескольких местах череп.

Несмотря на отчаянное положение князя, Иоанн говорил: "Князь не умрет, а, Бог даст, выздоровеет и жив будет"...

После выздоровления своего, князь подарил Иоанну леса на келлию, и она была построена близ Казанской церкви.

В этой келлии Иоанн жил еще уединеннее, не показывая никому и своего лица.

По смерти князя, его наследница, сестра, сперва сочувствовавшая затворнику, потом отняла у него келлию. Ее раздражало то, что он настоятельно советовал ей не обременять крестьян чрезмерными поборами. Но приверженный к Иоанну крестьянин Бирюков поставил ему другую келлию.

Ночь и большую часть дня Иоанн не выходил, кроме как в церковь, за водой для себя и для поливки деревьев на речку Скворню, также в лес за деревьями для посадки. В келлии он занимался рукоделием, молитвою, чтением, иногда писал. В девятом часу он пел херувимскую так сладко, что нельзя было слушать его без волнения. Пищею ему были — пшеничный хлеб, картофель, каша из манной крупы, яичница из одного яйца, капуста, — все с приправою деревянного масла. Иногда по два, по три дня он ничего не ел. Приобщать его ходил из недалекого города Лебедяни его духовник, и сам он ходил иногда к нему ночью для исповеди. Приобщался он сперва чрез всякие шесть, а потом чрез всякие три недели, и чаще.

Подаяние принимал он не всегда. Деньги сейчас же отсылал в церковь. Из вещей, оставив себе крайне нужные, отсылал остальные бедным или сам выносил ночью в лес или на дорогу — где и находили часто обернутые в салфетку или полотенце блюда с плодами, медом и разным съестным, или на кустарниках холсты, платье и обувь.

Келейник его роптал на него, когда он отказывался от вещей. Однажды принесли манной крупы, Иоанн не хотел их брать, но уступил келейнику и просил его на следующий день сварить из них кашу. Когда келейник взялся за чашку, он увидел в ней белых червей вместо крупы. Иоанн сказал ему тогда: "Знай, что не все приносится от усердия, а потому и не все так хорошо, как кажется с виду".

Очень часто келейник имел случай убедиться, что Иоанну известен каждый его поступок.

Иоанн не показывал никому своего лица. Только изредка случалось увидеть его келейнику и немногим избранным. Они говорили, что лицо его было смуглое, волосы черные, длинные, редкие, бороды почти не было, роста высокого с сутуловатостью, глаза немного прищуренные. На всем лице печать мирного и святого настроения души.

На теле его были раны, которые он не лечил, а закладывал щепочками. Рану, бывшую на ноге от топора, закрывал травой "медвежье ухо", накладывая сверху лубок и бинтуя полотенцем. Кроме того, он носил на своем слабом теле вериги в 18 фунтов, железные башмаки, обтянутые сукном и чугунные четки.

Далеко стал расходиться слух о строгой жизни затворника, и к дверям его келлии стали собираться толпы народа, — Иоанн не отказывал никому в беседе. Он говорил с посетителями чрез запертую дверь, речью приветливою и убедительною, хотя она и была прикрыта притчами. Особенно убеждал он надеяться во всем на Бога, стараться исполнять заповеди, иметь незлобие и воздерживаться от мщения.

Местный диакон постоянно поносил затворника пред его келейником, спрашивая: "Ну, что твой кормленный боров?" Сколько мог, келейник защищал его и с огорчением пересказывал все затворнику.

— Если б у нас не было врагов, — успокаивал его затворник: — как бы могли мы войти в царствие небесное? Мы должны быть благодарны им, как своим благотворителям. Они своим поношением даруют нам венцы.

Когда диакон этот тяжело заболел и был при смерти, Иоанн исцелил его, и тогда тот понял свое заблуждение.

Вообще затворник врачевал — маслом из лампады, просфорами, кореньями, сухим листом, чаем.

Когда же кто хвалил затворника, он говорил келейнику:

— Василий, я окаянный грешник и грешнее всего мира. Помилуй меня, Господи, очисти меня крестом Твоим и не дай земной славы, затворяющей врата небесные!

Часто затворник приходившим к нему в первый раз людям — одним намекал на то, что с ними может случиться в будущем, другим указывал, что с ними было.

Было бы долго рассказывать о многих случаях проявления старцем дара прозорливости, помещенных в жизнеописании затворника.

Между прочим, когда крестьянин Бирюков привез ему новую келлию, Иоанн, подойдя к гумну дьячка, сказал ему: "Положи три поклона!" — и затем в этом месте забил кол.

— Знаешь ли, что будет здесь? — спросил Иоанн: — тут выстроится колокольня, и здешний колокол будет слышен по всей России.

— Едва ли, батюшка, — ответил тот: — здесь не слышать и московских колоколов, а они известны всюду по величине и по звону.

И много вообще говорил затворник о будущем монастыре.

Действительно, местность, указанная затворником, занята теперь монастырем, имя которого

далеко известно, разошлось, как сильный удар колокола. В монастыре частицы мощей угодников Божиих, иконы из Киева, Афона — в исполнение слов затворника: "Здесь будет Киев, Афон".

Мало-помалу Иоанн собирал вокруг себя вдов и две, которые должны были стать первым зерном монастыря. Они устраивали себе неподалеку келлии и жили в благочестии.

Он приучал их к послушанию, и, чтоб укрепить веру их в силу послушания, давал им иногда поручения, с виду неисполнимые, которые, однако, становились возможны.

Так, одной из них он велел принести себе живую сороку — и, когда та, выйдя на дорогу, стала звать сорок, одна из них сама далась ей в руки. Другой приказал принести живого зайца, и та в лесу наткнулась на спящего зайца и без затруднений принесла его затворнику.

Полиция находила, что от Иоанна, как человека ей неизвестного, следует потребовать сведения, кто он такой и решила произвести у него обыск.

Когда исправник, после долгого стучания у запертой двери келлии, вошел, наконец, к Иоанну, в келлии горела лампада, а на столе лежали восковые свечи. Зажегши их, исправник осветил келлию, и затворник закрыл глаза рукою от сильного света. Осмотрев келлию, исправник спросил Иоанна, кто он.

— Ты знаешь Иисуса Христа? — спросил затворник.

— Знаю.

— И Божию Матерь знаешь? Ну, так я Их слуга.

На все дальнейшие расспросы Иоанн другого ничего не сказал, и исправник уехал, обязав Несвицких подпискою не допускать его никуда, пока не будут представлены доказательства, кто он такой.

Однако исправник возвращался домой с тяжелым чувством за свое грубое отношение к затворнику. Ему казалось, что он будет наказан Богом. И, действительно, вслед за тем в самое короткое время он потерял двух детей.

Когда, по совету Острогжского затворника Иоанна Васильевича, советами которого Сезеновский затворник пользовался с юности, он решил открыть неизвестное дотоле в Сезенове свое происхождение, двое лиц, уважавших его, выкупили его за тысячу рублей от Кузьмина и приписали к Лебедянскому городскому обществу.

В 1833 г. для Иоанна выстроили двухэтажную келлию в виде столба. Незадолго до смерти он приказал сделать там в подполье каменный склеп, говоря: "Где мой дом, там мой гроб".

8 сентября 1838 г. в День Рождества Богородицы затворник заложил в Сезенове новый семипрестольный каменный храм.

Предприятие казалось безумным, но возведение этого храма и возникновение около него обители было рядом чудесных явлений.

Подрядчик не хотел приступать к работам без задатка, а Иоанн говорил ему, что сейчас у него денег нет, но в том, что они будут ему заплачены, он представлял поручителями Пресвятую Богородицу и святителя Николая.

Мало это успокаивало подрядчика. Кроме того, не было материалов.

— Подожди до завтра, — сказал с твердостью Иоанн: — Бог даст, все будет.

На следующий день множество подвод привезли от неизвестных жертвователей камень, кирпич, известь, лес и другие нужные материалы, а один неизвестный помещик, посетив затворника, дал ему 500 руб. ассигнациями. В 1842 г. поднялась величественная церковь.

Но Иоанн не дождался ее. 14 декабря 1839 г. он почил после своей мученической жизни, на 49-м голу, после 22-летнего затвора.

Он скончался наедине.

Когда выломали двери, он оказался мертвым пред иконою Божией Матери, у аналоя.

Тело было немного наклонено на правый бок, правая рука, стоя на локте, поддерживала голову, а левая лежала на ладони правой. Лицо было обращено к иконе.

Во время приготовления тела в гроб, на лице был румянец: он имел вид спящего. Когда приехала полиция, и потребовала вскрытия тела, то руки, сложенные у почившего на груди, вытянулись, и из раны, заткнутой щепочкой, потекла кровь. Духовенство еле уговорило полицию не производить вскрытия.

Так как для погребения затворника в приготовленном им склепе потребовалось разрешение тамбовского епископа, то тело стояло в келлии 27 дней. С утра до поздней ночи в ней толпился сходящийся отовсюду народ, и, несмотря на спертый воздух, тело не только не предалось тлению, но от него исходило благоухание.

Наконец, 12-го января, состоялось погребение. Гроб продвинули в нарочно сделанную пробоину, так как в дверь он не проходил.

Во время заупокойной литургии на лице почившего выступил пот, и больные вытирали его своими платками и, прикладывая эти платки к больным местам, исцелялись. Все стремились коснуться ко гробу и многие больные и одержимые возвратились домой здоровыми.

Затворник Иоанн почивает в воздвигнутом на месте его келлии храме. Там же схоронены сезеновские подвижницы: начальница Сезеновской общины, старица Дария (Кутукова), и игуменья Сезеновского женского монастыря Серафима, устроившие по завету старца эту обитель.

Монастырь этот (свыше 400 сестер) принадлежит к числу многолюдных и благоустроенных.

Толпы богомольцев молятся у могилы затворника о заgrabном за них ходатайстве его.

Георгий, затворник Задонский

I

В конце восьмидесятых годов прошлого столетия в Вологде жила молодая дворянская чета Машуриных. Они были люди богобоязненные, тихие, милосердные и были совершенно счастливы; родилась у них дочь.

Однажды глухою ночью, когда все вокруг спало, молодой женщине, тоже успокоившейся до

того сном, было видение. Ее комната озарилась светом, дверь отворилась, и свет еще усилился, предстал ее духовный отец, почивший за три года до того, в руках у него была икона, украшенная тремя венцами. С этой иконой тихо приблизился Божий посланник к постели, благословил свою духовную дочь, стоявшую в радостном трепете, и сказал ей: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Бог даст тебе сына Георгия. Се тебе и образ святого Великомученика и Победоносца Георгия".

Она приложилась со священным волнением к образу и приняла его на свои руки. Тем видение кончилось. В великой радости пробудилась после видения от сна молодая женщина и с нетерпением стала ожидать возвращения мужа, которому она рассказала это событие. Узнали о нем вскоре и ближайšie родные, и чрез них многие другие.

Прошло несколько месяцев. Молодая жена поздно вечером как-то поджидала мужа, размышляя в тишине о непостижимых судьбах Божиих. Почему-то тяжелое предчувствие наполняло ее сердце: в нем было уныние, страх и ужас, и она не могла понять причину такого состояния. Вдруг кто-то ударил сильно в стену и раздался крик: "Возьмите убитого!.." В комнату вскоре внесли Машурина, бывшего при последнем издыхании. На Пятницком мосту злодеи, сторожившие другую жертву, убили его по ошибке. В нем оставалось еще немного жизни; он был в памяти. Успели позвать священника, особоровали отходящего и приобщили. Взором простившись со всеми, неповинно убитый тихо скончался.

Ужасно было состояние молодой вдовы; самой печали она не смела предаться, чтоб не повредить той жизни, которую носила в себе и о которой получила такое предсказание...

Наконец, родился у нее сын, нареченный Георгием, пришедший в мир среди такой великой скорби.

Через год по смерти мужа родные предложили вдове выйти замуж за хорошего человека, ими выбранного, но она отвечала им: "Промысл Божий свят, Ему угодно было взять от меня мужа и дать мне сына. Любовь к супругу моему не пресеклась во мне со смертью его. Соблюсти верность ему и воспитать детей — вот о чем я помышляю".

Вдова, у которой с миром не оставалось ничего общего, покинула город, выстроила себе дом в уединенном месте, у Татарских гор, близ храма святителя Николая, в недалеком расстоянии от кладбища, где лежал ее муж, и в этом доме поселилась со своими детьми. Часто ходила она на могилу, служа панихиды, и детей брала с собою. Эти посещения исполняли ее такой скорбью, что часто изнемогала она от плача, и нищие на руках относили ее домой. Эти горькие слезы пролиwała она до тех пор, пока не получила от мужа извещение. Он явился к ней во сне и сказал: "Не плачь обо мне — мне там очень хорошо: вот какая у нас там пища". При этом он подал жене из своих рук что-то сладкое, и неизъяснимое ощущение блаженства сошло на нее. С тех пор слезы ее стали радостны.

Дети продолжали плакать на могиле отца.

— О чем вы плачете, — сказала вдова старшей дочери, — когда посланы мне от Бога на утешение!

— Ах, маменька, — отвечала та, — как не плакать нам, что мы остались здесь. Папенька в раю, ему хорошо там. Когда же мы пойдем к нему?

— Молитесь Богу, — учила мать, — чтоб была над нами Его святая воля. Он возьмет нас, когда Ему будет угодно. Любите Его, творите Его заповеди, и Он не оставит милостью. Не плачьте же, а благодарите Бога.

Сама творя милостыню, она приучала к тому и детей. Дав им несколько денег и объяснив им, что деньги эти — их собственные, она старалась расположить детей так, чтобы они раздавали эти деньги ради Христа. Она говорила детям, что все, что есть у человека, принадлежит не ему, а вверено от Бога, во всем взыщется ответ.

Сестра Георгия жила недолго, — скоро он остался один у своей матери, предметом ее неусыпных забот. Георгий всегда сопровождал мать свою в церковь, и, по возвращении, она спрашивала его, какое чтение из апостола и евангелия было в церкви, при чем объясняла непонятое им; если он был не внимателен в церкви, она ставила его на поклоны и не позволяла обедать с собой.

С наступлением отрочества, мать пригласила к сыну наставников, — но продолжала сама руководить им. Он учился хорошо, в поведении был тих и послушен и любил уединение. Игр с сверстниками избегал, читал священные книги, а в праздничные дни, вернувшись из церкви, старался прежде чем идти к столу, найти время для размышления.

Так прошли годы воспитания Георгия. Наступила юность: ему исполнилось 18 лет. Мать не решилась держать его долее при себе, когда его звал долг дворянской службы. С великою грустью, хотя и с надеждой, что заложенными в душе началами сын ее достаточно укреплен против соблазнов мира, она отпустила его в военную службу. Прощаясь с сыном, мать чувствовала, что более с ним не увидится, и потому разлука казалась еще тяжелее. Заклиная Георгия остаться верным учению Христову, мать сказала ему: "Исполнив назначение мое здесь на земле, я скоро отойду к родителю твоему. Утешаюсь несомненною надеждою, что, по благодати Божией, ты по конец жизни пребудешь тверд в вере и учении Христа Спасителя. Помни, что это единственный путь, которым мы можем соединиться в вечности".

II

Георгий поступил в Лубенский гусарский полк юнкером: вскоре затем он получил известие о кончине матери, и остался совершенно одиноким. По производстве в корнеты, он был переведен в Казанский драгунский полк. Находясь на службе, Георгий не изменил привычек своей юности, и твердо удалялся от таких развлечений, которых не мог одобрить... Несмотря на такую самостоятельность среди товарищей, он был ими ценен, как впоследствии рассказывал его начальник, генерал Кологривов.

В свободное время Георгий старался уединиться, читал священное Писание, углубляясь в размышления. Ночью он любил ходить за город, на кладбище, и там думал о суетности быстро переходящей человеческой жизни. Тогда находило на него молитвенное настроение, которому он отдавался. Он отыскивал благочестивых людей, и в беседах искал поучения. Так прошли десять лет его службы.

Пламенная любовь к Богу, начавшаяся с детства, охватывала Георгия все сильнее и сильнее; мирские обязанности, вынужденные отношения с людьми сильно тяготили его; новая жизнь, проникнутая одним духом и одною мыслью о Боге, звала его к себе, и в 1818 г. Георгий, с чином поручика, оставил службу.

7-го сентября 1818 г., накануне праздника Рождества Пресвятой Богородицы, Георгий прибыл в Задонскую обитель и вступил в нее послушником. Ему было 29 лет.

С великою ревностью исполнял он обеты послушания, находясь в постоянной молитве, трудах и посте. Особенно старался он соблюдать безмолвие; в храме он не только не говорил, но и не отвечал на вопросы, так что некоторые в посмешище называли его немым.

Однажды настоятель монастыря, стоя за обедней в алтаре, упомянул о Георгии одному полковнику, которому захотелось видеть его, и, по просьбе гостя, настоятель послал за Георгием, отправлявшим в то время послушание у свечного ящика; затем объяснил ему, что полковник хочет с ним познакомиться.

Но послушник упал в ноги своему начальнику и со слезами сказал: "Прости меня, отче. Я пришел сюда плакать о грехах моих. В святилище Божиим одержимый страхом, я не осмеливаюсь говорить праздное на вред душе моей".

Один старый монах, который не знал еще Георгия, встретив его, спросил, может ли он нарубить ему дров. Георгий немедленно взяв топор, сказал только: "Благословите!" — и принялся за работу. Но непривычное дело не спорилось. Монах слышал долго звук топора, а, выйдя на крыльцо, увидал, что дров почти еще нет. Посмотрев еще на Георгия, монах догадался и сказал: "Ты, видно, из дворян, что не умеешь владеть топором; уморился понапрасну. Оставь". Георгий поклонился в пояс и пошел к себе.

С первым ударом колокола являясь в церковь и с горящим сердцем стоя во время службы, Георгий скорбел, когда некоторые из присутствующих своею рассеянностью мешали ему углубиться. Со слезами просил он у Бога, когда возвращался в келлию, исправить нерадивых. Эти обстоятельства навели его на мысль перейти в другое место. Не решаясь открыться никому в монастыре, Георгий пошел к отцу Иоанну, Елецкому священнику, которого многие уважали. Скрывая свои добродетели, о. Иоанн носил подвиги юродства — служил часто молебны в ночное время и со звоном, жил в чулане, ночевал в притворе. Отец Иоанн, раньше не выдавший Георгия, выбежал к нему на крыльцо и сказал: "А я, брат, сейчас только отслужил молебен со звоном Пресвятой Богородице. Она не велит монахам давать наставления, особенно смущенным и хотящим оставить свой монастырь. Ступай, брат, ступай! У вас есть схимник Агапит. Он тебе скажет, что делать". Тут он запел "Святым Духом всяка душа живится" — и спрятался в свой чулан.

По совету схимника, Георгий остался в Задонске. Вскоре он заболел; недуг длился полгода. Придя после болезни в церковь, он опять был повергнут в великую скорбь неблагоговейным поведением стоящих в храме.

III

Приблизительно чрез год по вступлении в монастырь, Георгий затворился в тесной самой худшей келлии. Она была каменная, закрыта со всех сторон, и в летнее время в ней был очень тяжелый воздух. От сырости в ней завелось множество насекомых. Зимой же она промерзала. Терпя в этом жилье тесноту, холод и удушливость, испытывая недоброжелательство приставленных к нему келейных, которых обязанность состояла лишь в подаче ему пищи, что они исполняли нерадиво, — Георгий начал жестокую жизнь.

Вот дневное правило его: Ночью — Полунощница, Помянник, поклоны с молитвами Иисусовыми, поклоны Богородице и Ангелу Хранителю. Канон всем Святым. Чтение трех кафизм. Чтение жития дневных Святых, с выписками. Утренние молитвы, утренняя, часы, последование изобразительных псалмов, Акафист Иисусу Христу, Апостол и Евангелие по главе. Книги — Благовестник, Камень веры, Толкование Деяний Ап. по 10 листов. Акаф. Богородице, Канон Предтече и Вм. Георгию. Чтение — Духовного Сокровища из творений Тихона Задонского. Канон покаянный И. Хр. Кан. молебный Божией Матери, канон бесплотным, чтение творений Василия Великого и Григория Богослова. Вечерня, 12 псалмов, молитвы на сон грядущий, поклоны.

Ложился Георгий очень редко, несколько суток проводил без сна, а изнемогши, отдыхал недолго, сидя на стуле до утреннего благовеста; одежду он носил до обветшания ее, пищу принимал не ежедневно, и только вечером. Мера была — на два дня пятикопеечная булка и две кружки воды с уксусом. Иконы были единственным украшением келлии.

Умножая свои труды, Георгий выкопал под полом глубокую пещеру, и в ней уединялся на день, так как тогда мимо келлии ходили и нарушали тишину. В келлию Георгия никто не входил. На записочке, которую он клал в небольшом окошке, он означал, что ему требуется. После пятилетнего пребывания в этой келлии по убеждению настоятеля, он перешел в деревянную, более просторную. В это время Георгий походил лишь на тень живого человека. Покинутую им келлию Георгий всегда вспоминал с сожалением.

В новой келлии половину помещения он отделил для келейников; теперь он иногда отпирал двери лицам, искавшим духовного назидания.

И после пятилетних усиленных трудов, невидимая тяжелая брань не оставляла подвижника в покое. Когда находило на него состояние сухости душевной, он старался оживить душу горячими слезами. При нападке лености, презирая страдание плоти, он обливался холодной водою, или ночью, обнажившись, бросался в снег; возлагал на себя вериги, и некоторые слова его заставляют предполагать, что он в известных случаях надевал пояс из проволоки с острыми шпильками.

Кроме внутренней борьбы, много терпел подвижник от великих осуждений, которым подвергали его многие, не понимавшие его, от зависти и наговоров. Но о таких людях он говорил: "Они мне благодетели; милостивым сотворят мне Владыку Господа моего и отверзнут мне врата вечного блаженства по гласу евангельскому: Блажены есте, егда поносят вам... Боже, помилуй их!"

Скромный во всем, особенно строго держал себя Георгий при других. Тогда он не позволял себе даже облокотиться.

Келлию свою Георгий содержал в величайшем порядке. У дверей коридора стоял гроб без крышки, далее шли небольшие сени, в которых следовало произнести краткую молитву. Отклик Георгия "Аминь" — означал позволение войти. В одном углу келлии стояла крышка гроба, на стене образ св. Троицы с неугасимой лампадою; по стенам скамьи, разделенные столиками; на полу рогожка вместо кровати; в каморке — книги.

Большим праздником для затворника было, когда приносили к нему, для совершения молебна, чудотворную икону Владимирскую. В келлии было много икон и некоторые осуждали это как роскошь. Свою убогую обстановку и сам Георгий считал роскошью и говорил: "Как я засорил свою келлию, как стал жить роскошно. Осмотрись, Георгий, так ли тебе надо поступать!"

Когда кто входил, Георгий, вместе с вошедшим, клал три земные поклона, прикладываясь к посетителю ко кресту и евангелию, лежавшему на столе, и затем, после взаимного поклона в ноги, давал братское лобзание. Затем начиналась беседа.

Многие передавали Георгию деньги, чтоб он наделял ими от себя бедных, но он принимал не от всех. Некоторые же вещи приказывал сжигать, провидя, вероятно, нечистоту побуждений принесших. Точно также, когда при конце жизни, он употреблял несколько улучшенную пищу, и некоторые посылали ему от своего усердия — он иногда приказывал выбросить кое-что, как нечистое. Больше всего радовали его простые сухари, принесенные простолюдными, и он говорил: "Как вкусны, как они услаждены усердием!"

Наружность затворника была такова: привлекательное лицо, истощенное постом и молитвой; глаза, от слез тусклые, но пронизательные, высокий рост, красивый стан, благородная осанка и приемы человека хорошего общества.

Много случаев подтверждают, что Георгий имел дар прозорливости. Когда некоторые из братьи, нуждаясь в совете, не смели обратиться к нему, он иногда посылал неожиданно просить их к себе. От тех же, которые по любопытству искали его, Георгий, не выдав еще их, уклонялся.

Своими речами он часто отвечал на внутренние, еще не высказанные запросы приходящего.

Многие писали затворнику письма, и он некоторые сжигал, не распечатывая, зная, что такие письма с лукавством и лестью; другие же истинно радовали его.

Когда стучались к нему посетители, он знал, с каким духом кто приходит. Часто называл своим келейным знакомых лиц, говоря: "Как замедлили они прибытием к гробу преосвященного Тихона". Такое замечание было всегда верным известием об их скором приезде. Иногда, провидя, что кто-либо из знакомых его страждет, затворник посылал утешительные письма. Предупреждал также он некоторых о близкой смерти, увещевая принести покаяние.

Вот переданный самим затворником случай духовного единения с ним великого Саровского старца Серафима. Около двух лет боролся Георгий с помыслом — перейти в другой монастырь, так как письма и посетители развлекали его.

Однажды келейный докладывает, что странник из Сарова принес от о. Серафима Георгию поклон и благословение и имеет сказать несколько слов наедине. Странник вошел и сказал: "Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться". Странник тотчас же вышел, оставив Георгия в изумлении, так как он никогда не видал и не писал отцу Серафиму. Опомнившись, он велел вернуть странника, но его нигде не могли отыскать.

Нарушение затвора ради пользы приходивших тяготило Георгия. Пробыв наедине в келлии несколько дней подряд, он выходил с лицом сиявшим радостью и говорил келейным: "В каком я находился утешении; желал бы все дни посвятить уединению, но жаль оставить вас!"

Георгий всю жизнь называл себя именем, еще до рождения таинственно указанным его матери. Между тем он был тайно пострижен в монашество — когда, неизвестно — с именем Стратоника.

Время кончины было открыто Георгию в сновидении. Он видел палаты неизъяснимой красоты, и два мужа указали ему, что эти палаты, кровля которых не была еще довершена, приготовлены для него. К этому времени относятся два письма еще к преосвященному Антонию Воронежскому и г-же Колычевой, глубоко чтившей затворника:

I

"Десять раз солнце круг свой совершило со времени вступления Вашего на Воронежскую епархию, и десять лет минуло, как вчерашний день, как минутный сон. Дел же и слов свидетель — один Бог. Вашему Высокопреосвященству уже обычно прилагать труды к трудам и сносить при помощи Божией, покудава угодно всеисполняющему Провидению, в Нем же и вечный покой. После всех приносимых и оконченных поздравлений с праздниками Рождества Христова, Нового года и святого Богоявления Господня, последнее уже поздравление Вашему

Высокопреосвященству приносит последний и непотребный раб, прося святых молитв и благословения, повергающийся в любовь Владыки, достойный осуждения и вечной муки, грешный Георгий".

Генваря 8 дня, 1836 г.

II

"...Вы можете посетить только гроб мой. Он дождется вашего сердца; хотя и далеко увлечены вы в море, но есть надежда, что сокрушенный корабль ваш достигнет мирного пристанища. Когда вы будете над моей могилой, то вспомните мою к вам искренность, что я уснул в чаянии воскресения мертвых и жизни будущего века. Ваше о мне воспоминание не останется тщетно пред Господом".

Георгий заболел к концу января. Болезнь выразилась в сильном поражении груди и в опухоли ног. С великим терпением он переносил тяжелые страдания, не давал себе послаблений, и только при изнеможении подпирался локтем. Потом началась глухота, но 23 апреля, в день именин затворника, в ту минуту как иеромонах благословил трапезу, устроенную затворником в последний раз для нищих (в количестве тысячи), его слух разрешился, и он весь почувствовал себя хорошо. В тот же день посетил его Казанский архиепископ Филарет (впоследствии митрополит Киевский), которому он рассказал о случившемся.

Через три дня Георгий опять занемог. Он исповедывался, приобщился и особоровался, и пребывал в молитве.

Келейнику, видевшему окончательное изнеможение подвижника, хотелось просить его позволения, чтоб списали с него портрет, но он не осмеливался. По прозорливости своей ведая мысли его, Георгий открыл, что в доме Колычевых есть его портрет, о чем другим никому неизвестно, и что он, по смерти, разрешает делать снимки.

Кроме того, просил Георгий иконы его раздать лицам, заботившимся о нем, и просил, чтоб поминали они его милостынею.

Совершенно ослабевая, он был бодр духом, для отдыха прислонялся на короткое время грудью к столу; сидя против икон, он совершал свое псалтирное правило. 24 мая он был особенно слаб, но исполнил свое ночное правило.

После ранней обедни он был найден бездыханным, перед образом Всех Святых и Страшного Суда, припадшим к земле. Лицо было как живое; пальцы правой руки, сложенные крестным знаменем, прикасались к челу.

Это было в понедельник, 25 мая 1836 г., в 7-м часу пополудни, на 47 году от рождения Георгия, после 17-летнего его затвора.

Матрона Наумовна (города Задонска)

Жизнь Матроны Наумовны Поповой показывает, что может сделать сила любви.

Несчастливая девушка, которую нещадно била тяжкая доля: она не была побеждена этими испытаниями, а сама одолела их. Такое сочувствие к людям одушевляло ее отзывчивую самоотверженную природу, что за страданиями других она забывала совсем о недочетах своего быта. И веруя в Бога, она взялась за то дело странноприимства, к которому лежало ее сердце, и

не только при жизни привела свою цель в исполнение, но поставила дело так, что это дело не умерло с нею.

Правдив и отраден образ этой крестьянки.

Матрона Наумовна родилась в 1769 г., в семье заштатного дьячка при храме св. Козьмы и Дамиана, в слободе Ламской, города Ельца. Ее отец с трудом кормил жену и четырех детей. Со смертью же его семья дошла до крайней нищеты.

Часто они сидели без пищи. Отчаянное положение заставило мать отдать одного сына в приемыши к мужику. Другой сын был от рождения неподвижно больной. Непосильное горе и нужда надорвали силы больной. Она занемогла грудью и тихо угасла.

Старшая дочь ее была в то время замужем за елецким мещанином, а Матрон было семь лет, и на руках ее был больной 12-летний брат. Надо было кормить его, и сестренка стала содержать брата, выпрашивая именем Христовым и работая. Когда, например, она видела, что крестьянки моют на реке белье, она бежала помогать им. Некоторые приглашали ее за то к себе в дом, кормили и давали еще про запас хлеба. Этим хлебом она и кормила брата.

Так провела сиротка три года, по истечении которых брат ее умер.

Схоронив брата, она продолжала все так же трудиться. Когда матерям не на кого было оставить малых детей — звали Матрону, и она сидела днем или ночами над колыбелью.

Сосед по избе, бездетный крестьянин, сжалился над положением девочки и взял ее к себе в дом вместо дочери. Но вскоре у него родились дети. Матроне было запрещено называть его и его жену отцом и матерью, и она осталась только работницею в немалом хозяйстве. Все лежало на ней — и присматривать за детьми, ходить за скотом и птицами, топить печь, стирать белье. Всюду она попевала одна. А летом прибавлялись еще полевые работы.

Но, когда выдавалось и свободное время, она не сидела без дела. Она садилась прясть для себя волну или ткала холст.

Детские игры ей были недоступны и потому, что времени на них не было, и выйти было не в чем: лапти да старое платье и по праздникам. "Все, бывало, в трудах. И за хлопотами так намаешься, что сидя и уснешь", — рассказывала она потом.

В такой тесноте, в таких безотрадных обстоятельствах выросла Матрона.

Подрастая, часто задумывалась она о будущем. Ей становилось жутко, и она молила пред иконою Богоматерь, руководить ею в ее жизни.

Так как Матрона была очень красива, а ее внутренние качества еще возвышали ее красоту, и так как она была известна своим трудолюбием, то к ней сваталось много молодых людей из Ельца.

Но брак был ей не по сердцу.

В этом намерении сохранить свою душу чистою от земной любви поддерживала Матрону старица Мелания, жившая в затворе в Знаменском девичьем монастыре.

Однажды Матрона провела целую ночь в беседе с Меланиею. Затворница говорила ей о беспредельной любви Божией к падшему роду людскому, и о том, как достичь спасения.

Матрона плакала, и жизнь в миру, с ее разочарованиями, потеряла для нее всякую притягательную силу. Она открыла затворнице, что хотела бы поступить в монастырь, но та посоветовала ей вместо того идти в Задонск.

Помолившись в Задонске, и возвращаясь домой, она, отойдя от города три версты, оглянулась на монастырь и горько заплакала, не умея понять, отчего вид города так ее взволновал.

Дома она стала работать по прежнему... На 26-м году возраста она сильно занемогла истерией, исхудала, и с ней стали случаться внезапные обмороки. В таком состоянии, не желая быть в тягость своим благодетелям, Матрона просила ее совсем отпустить.

Те не удерживали ее, и даже ничем не поблагодарили за то, что она пятнадцать лет работала на них, как раба купленная. В одном платье вышла от них Матрона и поселилась у своей сестры, тоже бедной женщины. Болезненные припадки повторялись чаще, иногда она еле одетая бегала по улицам. Три года пробыла она в этом положении, пока, наконец, сестра ее, набожная женщина, не свезла ее в Задонск на могилу св. Тихона. Здесь она получила исцеление.

Вернувшись в Елец, она опять просила у Мелании совета, поступить ли ей в монастырь. Но та сказала:

— Ступай-ка лучше в Задонск. Там будешь принимать странников, питать сирот!

— Как же это так, — думала Матрона, — когда мне самой там негде приютиться.

На эту тайную мысль ей Мелания возразила:

— Не сомневайся, но веруй. Правда, тебя теперь никто не знает там. Но придет время, тебя узнают и в Москве и за Москвою. Ты заживешь в каменных палатах. Не сомневайся, но молись и веруй!

Матрона тихо плакала при этих словах затворницы.

Желание сходить в Задонск стало овладевать ею; к этому склоняла ее и пережитая ею болезнь, от которой она там исцелилась, и совет Мелании, и сон, в котором она видела, что святитель Тихон с другим старцем зовут ее в Задонск.

Наконец, она собралась туда. Когда она входила теперь в Задонск безвестною странницею, ей было на вид лет 30. Изнуренность, бледность лица, и ветхое рубище говорили и о болезненности и о нищете ее. Но она не стала просить милостыни, а постоянно молилась в пещере, где был похоронен святитель Тихон, чтоб он сжалился над нею и позаботился о ней.

Не было у нее убежища, и ей часто приходилось оставаться под открытым небом не только в дневную непогоду, но и в ненастные ночи. Припадки ее, хоть в гораздо более легком виде, повторялись еще с нею, ее подбирали на улице в обмороке, и солдаты отвозили ее в тюрьму.

Двое иеромонахов, узнав о положении Матроны, уговорили одну задонскую жительницу приютить ее у себя. И только что у нее оказался более или менее верный кусок хлеба, она стала помогать другим.

Возвращаясь из монастыря, она приводила с собою нескольких странников, и кормила их тою пищею, которую ей давали с трапезы те иеромонахи, сама же довольствовалась остатками.

Кроме того, она брала к себе больных и кормила их. Это тихое доброе дело встретило некоторое сочувствие: ей стали подавать на ее странноприимство, и все больше и больше призревала она народу, так что бедные богомольцы называли ее "матушка кормительница".

Тогда та женщина, у которой Матрона Наумовна жила, стала ей завидовать и притеснять ее. Она иногда просто-напросто не впускала ее в дом, и тогда приходилось укладывать гостей на двор, под открытым небом. Матрона не обижалась за себя, но горевала, что ей некуда принять странников.

Тогда монастырские старцы решились помочь ей: за 12 рублей ассигнациями они ей купили небольшую хибарку против монастырской стены. Только 6 человек могло в ней поместиться, и, как только одни выходили, другие входили. Иногда ей самой на ночь не оставалось места в хижине, и она просиживала всю ночь на пороге.

Ей пришлось испытать неприятности от городничего, который велел забрать ее в острог, и ее били там палками.

Когда помогавшие ей старцы-иеромонахи умерли, она отправилась на богомолье в Соловки и в Киев, но затем снова вернулась к своему делу. Вскоре оно расширилось.

Один зажиточный задонский купец потерял любимого сына и решил в память его делать добрые дела. Он предоставил Матроне Наумовне нижний этаж своего дома, а ее келлию перенес к себе во двор, чтоб она могла там уединяться для молитвы.

Несколько девиц желали помогать Матрон Наумовне в ее деле и присоединились к ней, и дело призрения странников и убогих продолжалось на этих основаниях 19 лет.

Потом Бог помог обзавестись ей и своим домом.

Однажды видела она во сне святителя Тихона, который благословил ее, подал ей пшеничный хлеб и сказал: "Пора тебе, Матрона, самой быть хозяйкой!" При этом он указал к северной стороне монастыря и прибавил: "Вот и место, где ты должна устроить дом для принятия странников и бедных". Это повторялось три ночи подряд.

Она пошла на место, указанное во сне, и со слезами думала, как ей приступить к этому делу. Тут какой-то человек подходит к ней и говорит, что он каменщик и предлагает начать стройку, а деньги получить с нее позже. Кроме того, в то же время она неожиданно получила от одного лица 200 рублей ассигнациями.

Множество нужных предметов отпускали Матроне Наумовне даром или в долг. Как-то скорбела Матрона Наумовна о том, что, возведя четыре стены, не на что крыть крышу. Тогда пришла к ней какая-то казачка, и, уходя, оставила на ее кровати завернутую палочку вершка в три, которую во время разговора держала в руках. Женщины этой не могли разыскать, и на третий день, развернув палочку, Матрона Наумовна увидела, что это был столбик из золотых монет. На это она и покрыла крышу.

Когда в Воронеже открывались (в августе 1832 г.) мощи святителя Митрофана, приток богомольцев в Задонск стал особенно велик, — и тогда странноприимство Матроны Наумовны было чрезвычайно ценным.

К ней шли без робости, она строго приказывала послушницам не оставлять никого без приема.

— У Бога всего много, — говорила она. — Он питает нас Своим милосердием. Будьте же и вы

милостивы, и с благорасположением.

Особенное самоотвержение выказала она над холерными больными. Всячески облегчая их страдания при жизни, она приглашала иеромонаха к умирающим, покупала гробы и по церковному обряду хоронила странников или безродных; затем заказывала о них сорокоусты по церквам, и жившие при ней девицы читали по покойникам Псалтирь.

Были люди, которые нарочно приходили к ней перед смертью, зная, что за них будут молиться, когда они умрут.

Кроме странноприимства, сколько других добрых дел сделала Матрона Наумовна! Она воспитывала и пристраивала подкидышей, заботилась о сиротах.

Так, составитель жизнеописания ее, Задонский иеромонах Геронтий рассказывает, что он видел над собою особое попечение старицы, когда мальчиком еще, по совету Матроны Наумовны, был помещен в монастырь своею матерью, вскоре затем умершею. Он вспоминает разговор его матери со старицею, когда он стоял у ее кровати, а она издали крестила его. Она ласкала сироту, давала ему белье и другие нужные вещи, и благодаря ей, он не чувствовал гнетущей нужды и одиночества сиротства.

Вера ее в Божию помощь была часто подтверждаема не совсем обыкновенным способом.

Как-то оказалось, что за нею был долг по забору муки: около полутора тысяч. В ужасе она зарыдала и упала на колени, призывая на помощь Богоматерь и святителя Тихона. Утомясь от молитвы, она задремала на полу.

Тут, в тонком забытии, она увидела пред собою трех святителей. Они сказали ей: "Так как ты делала свой забор для прокормления Христа ради нищих и пришельцев, то мы не оставим тебя!"

По иконам она признала святителей Митрофана Воронежского, Димитрия Ростовского и Тихона Задонского. Чрез несколько времени к ней вошел в комнату казачий офицер и, быстро сказав ей: "Вы принимаете странников. Помолитесь за меня!" — сунул ей что-то под скатерть и вышел. Это оказалась пачка денег в 1,500 руб.

Она и своими трудами старалась помогать другим. Сидя у себя в келлии на постели, она готовила корпию для больных, или кроила и шила рубашки. Кроме того она раздавала полотенца, платки, шерстяные чулки, рукавицы, обувь, всякую одежду.

Молитва ее никогда не прекращалась.

Несмотря на то, что в последнее время окружало всеобщее уважение, — она оставалась как бы все тою же смиренной девочкой, которая содержала больного брата мытьем белья в речке.

Многие из приезжавших в Задонск стремились увидеть Матрону Наумовну и поговорить с нею.

Один богатый молодой человек удивлялся, как его мать, образованная женщина, всегда посещает старицу, бывая в Задонске. Из любопытства он пошел к ней и остался под таким впечатлением ее беседы, что продолжал знакомство с нею и благотворил ее делу.

В 1836 г. в праздник Сошествия святого Духа Матрона Наумовна в последний раз была в церкви... По окончании службы и простонародье, дворяне, приезжие окружили ее, больную, слабую, в дальнем углу церкви. Сочувственные слова, благодарные взгляды вызывали слезы на

ее изнуренном лице. Послушницы на руках вынесли ее из церкви. Но на дому еще можно было видеть ее и получить от нее совет.

Ежегодно 9 ноября праздновался день ее рождения, и к ней приносили чудотворную Владимирскую икону Богоматери. Народ собирался во множестве.

Сидя, молилась тогда старица пред иконою. В глазах ее стояли слезы, но лицо бывало радостно. Когда странники, проходя мимо окна, кланялись ей, она их не видала, вся погруженная в молитву, обливаясь слезами.

1 апреля, в день св. Марии Египетской, 1844 г. она приняла тайное пострижение с именем Марии.

Снисходительная к другим, она была строга к себе, держа себя в тех же лишениях, в каких началась ее жизнь.

Духовность ее и опытность развили в ней прозорливость. Часто ее осторожное слово впоследствии неожиданно сбывалось.

До чего она была благодарна, как в ней развито было то чувство, которое можно назвать памятью сердца, видно из следующего случая.

Одна из жительниц Задонска должна была покинуть на несколько лет Задонск. Жизнь ее в чужих местах, с братом, который терпел большое горе, была очень тяжела. Известия эти очень печалили старицу, и она сама и сестры, жившие при ней, молились о помощи страдавшей женщине. Схоронив брата, она вернулась в Задонск и, узнав, как много думала о ней во время ее отсутствия Матрона Наумовна, она горячо ее благодарила.

— А ты думала, — отвечала она, — что я забыла твоего брата... Нет, я помню его — и не за то лишь, что он помогал моему приюту... Многие давали мне больше золота, чем он, но не так радушно, как он. Я помню его веселый взгляд тогда, слезы умиления в глазах, все его сочувственные слова помню — и не забуду.

— Молитесь за него, — сказала та.

— Да, я и мои все молятся и теперь о нем. Ты же не скорби, что в жизни он много пострадал. Ведь всякий человек грешен. Нужно очищение, чтоб сошла с души скверна беззаконий!.. Господь вовремя посетил его.

Плача при рассказе о всем, что та за это время пережила, Матрона Наумовна говорила ей в утешение:

— Видишь ли, как Господь любит тебя! Ведь горе в жизни — это гостинцы, посылаемые нам из рая.

Незадолго до смерти, чуя конец свой, Матрона Наумовна отдала свой дом в пользу Задонского монастыря.

Кроме того, у нее был на северной стороне города дом и участок земли. Она предназначала его для своих сотрудниц и для продолжения начатого ею дела. Завещанием она поручала своему духовнику устроить там общину с небольшою церковью в честь иконы Богоматери, называемой Скорбящей.

Осенью 1851 г. старица совсем ослабела, и затворилась от посетителей.

Выбрав начальницу, вместо себя, она со слезами умоляла сестер повиноваться ей.

Затем она стала готовиться к смерти. Тут ее посетил архиерей и настоятель монастыря и некоторые почитатели.

Хотя она еще сидела на постели, но дыхание было тяжело, глаза мутны, посиневшие губы шепотом произносили молитвы.

Взглянув на иконы, она с любовью протянула стывшую уже руку к пришедшим к ней, — последний знак согревавшего ее душу сочувствия к людям.

Она скончалась 17 августа 1851 г., после 80-летней полной трудов и испытаний жизни.

Тело ее было схоронено в общей усыпальнице прочих подвижников Задонских, а в 1869 г. перенесено без огласки в устроенную по ее завещанию Тихоновскую общину сестер милосердия и предано земле в Скорбященской церкви.

Как бесконечно мало дала жизнь этой женщине, как она била и ломала ее!.. Сколько ужасного — казалось бы, — невыносимого было в этой жизни... Раннее сиротство, с 7 лет лицом к лицу с нищетой, да вдобавок с больным беспомощным братом на руках, потом горькое одиночество, унижения, непомерная работа...

Но не осилило ее это горе. И в своей доле она нашла еще возможность думать о других, и стольких людей поставила на ноги!

Какое понимание Христа и Его заповеди о любви, какая великая сила!

Нельзя без глубокого волнения вспоминать об этой самоотверженной женской жизни, если вдуматься в нее и понять всю ее высоту и правду.

Задонский юродивый Антоний Алексеевич

Уже не один раз в этой книге упоминалось о лицах, избравших для спасения души тяжкий путь юродства Христа ради.

Люди мира не понимают этого пути, и подвижники истинного "Христа ради юродства" встречают с их стороны одни глумления и осуждения. Постараемся же поглубже вдуматься в сущность подвига юродства.

Подвиг этот основан на двух, так сказать, началах: бесконечной скорби по утраченном рае и горячем желании смирить себя.

Человек создан для вечного блаженства. Одаренный величайшими дарами, сотворенный "по образу и подобию" Божию, он назначен был к величайшему уделу и поселен в раю, где жизнь его шла в невыразимых духовных радостях. И грехопадение лишило его той благословенной жизни, врата рая закрылись для него, он осужден на муки земного существования, и в утешение дано ему обетование о приходе Спасителя мира.

После нескольких тысячелетий ожидания пришел Искупитель, Своею смертью поправил смерть, внесенную в мир грехопадением первого человека и открыл ему райские двери.

И, казалось бы, что теперь весь род человеческий с особою силою должен стремиться к этой маячащей вдаль цели: приобретению путем светлой жизни и благодати Царствия Божия, и в этом стремлении своем забывать о внешних, временных, скорогибнущих благах. Но именно о небе, а не о земле чаще всего забывают люди, и стремятся к земным целям, точно вечно будут жить здесь, точно на земле все не приходит к одному неизбежному концу: смерти.

Они ради приобретения богатства готовы на всякое нечистое дело; они ненавидят друг друга, видя во всяком врага и помеху для достижения своих низменных целей, а жаждою безумных удовольствий уподобляются людям, которые стали бы плясать дикие пляски на краю бездонного обрыва.

В противоположность им, юродивые полны одной памятью о рае для которого были созданы, но которого лишены, и ничто не может их утешить. Все земное не имеет для них никакого обаяния, и все земное они распинают в себе.

Люди безумно жаждут денег, денег и денег. А эти презируют их. Одна богатейшая женщина, известная ревностью к людям Божиим, став на колени пред одним подвижником сказала ему: "Чем мне утешить тебя? Не пожалею для тебя и миллиона!" — "Вот, чем нашла, — отвечал старец: — на что мне этот навоз".

Люди любят пышность; сколько из них стараются затмить пышностью один другого! А эти полны жаждою убожества во всем. Свои, оскверненные грехами, тела люди прикрывают роскошными одеждами, а изможденное трудами и подвигами поста тело этих еле прикрывает нищенское рубище.

Люди ищут, чтоб их величали другие люди, жадно гонятся за земной славою, а эти жаждут насмешек, всяких унижений.

Нося в душе безусловную правду, они бывают глубоко оскорблены теми лживыми внешними выражениями несуществующей в большинстве случаев приязни, которыми люди прикрывают взаимную ненависть. У них же наоборот. Сердце их полно сочувствия к людям, а внешнее обращение грубо.

И так проходят они через жизнь, беря от нее только тягости и не желая заглушать великость тоски своей по утраченном рае теми ничтожными по сравнению с вечностью побрякушками, которыми люди тешат себя.

Другая основа подвига юродства — смирение.

Мы погибли чрез гордость, зараженные от искушителя желанием "стать, как боги".

И вот, это чувство с бесконечною силою юродивые распинают в себе.

Отрекаясь от богатства, всяких достоинств земных, от семьи, родства и знакомства, они становятся бездомными скитальцами и вольной волею ищут, чтоб их унижали и гнали. Вечно живым в душе их стоит крест, и на нем распятый Богочеловек, и память о заушениях, оплеваниях, бичевании, которое переносил Он, дает им жажду ради Него ежечасно терпеть на земле гонения.

Итак непонятые, гонимые, одинокие в распалюющей их ревности по Боге проходят они земной путь — путь изгнания, стараясь греть страдающих, обличать несправедливости сильных земли.

Труден путь этот, и немного истинных "Христа ради юродивых" насчитывает Православная

Церковь. Но все они были одарены величайшими дарами благодати.

Великий Царьградский Андрей Христа ради юродивый был свидетелем того явления Богоматери, в память которого установлен праздник Покрова. Московский Василий Блаженный, бесстрашный обличитель Грозного, еще при жизни являлся, будучи в Москве, на Каспийском море, спасая от гибели во время бури Персидских купцов, узнавших его позже, когда они пришли в Москву. Находясь в царских палатах, заливал пожар в Новгороде ^[15].

К лицам, спасавшимся путем искреннего юродства принадлежит и схороненный в Задонске Антоний Алексеевич.

Он родился в бедном селении Задонского уезда, Клиновом, в семье крепостных — Алексея и Екатерины Монкиных.

Когда ему было семь лет, он во время сильной бури, разразившейся над Клиновым, пропал из родительского дома и найден был чрез три недели в поле у ручья, где он питался это время росшим на берегу горохом. Когда его стали расспрашивать, зачем он скрылся — он или молчал, или отвечал совсем неподходящее. Тем началась его жизнь юродивого, продолжавшаяся свыше ста лет.

Когда он пришел в возраст, отчим заставлял его обрабатывать землю, и за неумение жестоко бил его, а, когда мать Антония умерла, то и вовсе выгнал пасынка из дому, так что тот остался без крова. Его взял к себе его племянник. Антоний часто ходил в соседние села и деревни, иногда для молитвы на целый месяц уединялся в лесу, иногда ходил в Задонский монастырь.

Однажды ночью, идя по лесу, он был окружен стаею волков, и, вынужденный из-за пазухи бывший там хлеб, стал спокойно кормить их. Но один волк бросился на него и искусал ему икру левой ноги. Добредя до дому, он спросил тряпку, насыпал на нее земли, привязал этот самодельный пластырь к ране, и рану затянуло; только на всю жизнь остался шрам.

Недоступная для людей духовная жизнь Антония Алексеевича, его невидные людям подвиги дали ему великие дары.

Антоний Алексеевич, каким знали его в последние его десятилетия задонские богомольцы, был сгорбленный древний старик с выразительными чертами лица. Одевался он в русский кафтан из толстого белого сукна, подпоясывался красным кушаком, носил на ногах суконные онучи и кожаные коты. Не раздеваясь и не разуваясь ни днем, ни ночью, он ходил всегда с набитыми у пазухи различными предметами; и давал встречным, вынимая из-за пазухи, — кому камень, кому огурец, кому хлеб. Вполне равнодушный к деньгам, он едва ли и цену им знал. Раз отправившись покупать рукавицы, он отдал за них 28 рублей и, показывая их, радостно говорил: "За серебряные-то".

Занятый стремлением к внутренней, душевной чистоте, Антоний Алексеевич не обращал внимания на внешность. Как-то он попросил одного дьячка подвезти его. Дьячок заметил у него на чекмене грязное пятно и мысленно осудил его нечистоплотность. В ту же минуту блаженный нагнулся к уху дьячка и тихо сказал ему: "Пускай будет чекмень замаран, лишь бы не душа!"

Летом Антония Алексеевича постоянно можно было встретить на монастырском дворе. Его всегда окружала тут толпа богомольцев, которые желали получить от него что-нибудь на благословение или слышать от него какое-нибудь слово.

Вот два примера обращения его с народом.

Шли на богомолье в Задонск две женщины. Одна из них считала себя великою грешницею, так как в ее жизни было одно большое греховное дело, преступная любовь. Другая же почитала себя за честную, хорошую, примерную женщину. Она жила в согласии с мужем; был у нее большой порок — суеверие, но это заблуждение нисколько не беспокоило ее и не умаляло ее высокого о самой себе мнения.

Приближаясь к Задонску, он разговорились так.

— Вот, — сказала та, которая почитала себя грешницею, — идем мы ко святому месту, а как мне недостойной туда показаться? Ведь я в каком тяжком грехе! Молитва моя будет ли принята Богом?

— А за мною — так на совести ничего нет, — сказала другая. — Благодарю Бога, мне нечем себя особенно попрекнуть. Живу по закону, как следует, совесть моя спокойна.

В таких чувствах подошли он к Задонску и вошли в город. Им навстречу идет Антоний Алексеевич.

— Здравствуйте, — говорит он им: — пойдите сюда. Я вот вам задам работу. Ты, грешница, найди мне большой камень — такой, какой поднять сил хватит, и принеси его ко мне... А ты, праведница, тоже принеси мне каменьев — сколько снесешь, только все мелкими набери.

Женщины исполнили приказание старца. Принесли камни, одна сложила свой большой, другая высыпала из мешка свои мелкие к его ногам.

— Хорошо, — сказал старец. — Теперь сделайте вот что! Вернитесь на те места, где вы взяли камни, и положите их так, чтоб всякий пришелся на том самом местечке, на каком прежде лежал.

Женщина, принеся тяжелый большой камень, легко нашла то место, с которого взяла его, и сложила его как раз в гнездо, которое он образовал своим лежанием... Но совсем не то пришлось делать другой. Так как камни ее были мелкие, и она набирала их из многих лежавших по бокам дороги кучек, то, конечно, она перезабыла все те места, где они лежали, и тщетно ходила, присматриваясь, нет ли каких следов, по которым бы она могла узнать, откуда взяла их... Ничего не сделав, она с тем же полным мешком вернулась к старцу, между тем как другая женщина уже давно стояла спокойно пред ним.

— Все места растеряла, ни одного не могла положить на свое место, — сказала смущенная женщина юродивому.

— Ну, послушай меня теперь, — сказал старец. — Вы шли сюда и говорили о своей жизни. Та осуждала себя и каялась, а ты хвалила себя и превозносилась. А обе вы одинаково грешили, обе набрали равный груз грехов. Бывает даже, что человек, сделавший один большой грех, не так обременен нечистою греховною, как тот, который не совершал тяжких падений, но постоянно грешит мелкими проступками. Вот большой и тяжелый камень эта женщина подняла, принесла ко мне и, запомнив, откуда его взяла, могла положить его на место: так бывает и с большим грехом. Такой грех сильно тяготит душу совестливого человека и не дает душе покоя. Человек окаивает себя, постоянно скорбит о том, что не сумел побороть искушения, сознание греховности глубоко смиряет его, и он может тогда сказать с царем Давидом: Беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну... И, быть может, когда грех давно разрешен милосердным Богом, человек продолжает оплакивать его и нести укоры

людей.

Не то бывает с мелкими грехами: человек постоянно грешит, но часто и не хочет понять, как дурно он поступает, а между тем эти, неважные по его мнению, поступки образуют греховную привычку. Постоянно поблажая ей, все меньше и меньше люди склонны видеть свою ошибку, и живут среди мелких, но нераскаянных и закоренелых грехов, не сознавая своего недостойнства, уверенные в своей правоте и осуждая других, хотя и тяжко согрешивших, но кающихся грешников. Так и вы, — обратился старец к женщинам. — Она совершила в своей жизни большой грех, и, идя сюда, каялась, как кается всю свою жизнь. Как тяжелый камень, висит он у нее на шее: она помнит, когда приняла на себя эту ношу и с ужасом вспоминает и прокликает место греха. Видя такое смиренное покаяние, Господь помилует ее и простит ей этот грех... А ты, — обратился он к женщине, считавшей себя чистой, — не имела в жизни таких падений... Но ты не лучше ее, — она, раз поддавшись греху, теперь строго оберегает себя, а ты, точно не боясь согрешить, живешь в небрежении... А сколько у тебя мелких грехов — и не счесть!.. Принимая на себя тот суд, который принадлежит одному Богу, ты судишь и рядишь людей: тот не гош, другой еще хуже, третий не ладен... Как то делают язычники, ты предаешься глупым гаданиям... Упадет у тебя со стола нож, ты кричишь: гости едут! — Верно, что так! Едут на твой крик гости! Да какие? Враги, дьявол к тебе едет! — Не так, родная, надо жить... Натворишь ты за день грехов, которых по гордости и за грехи не считаешь, и до ночи их забудешь. Не перечешь всех твоих грехов, и заставь тебя теперь припоминать, объяснять, чем грешна, так их у тебя так много, что и сама не упомнишь, как и когда грешила. И тянут они тебя к низу не менее грузно, как тяжесть одного смертного греха. Все мы грешны, все окаянны. Все погибнем, если не помилует нас неизреченное милосердие Божие.

Конечно, такое наставление произвело благотворное действие на обеих женщин: смягчило горечь раскаяния одной и смирило другую.

Шла к святителю Тихону на богомолье одна женщина, гонимая свекровью. Не влюбила ее свекровь, и гнала и унижала, и томила работой, и постоянно укоряла, так что ей житья не было. Нрава была она кроткого, тихого, никому не перечила, молча все сносила, только иногда украдкой плакала...

Идут себе богомольцы медленным шагом, гуськом и сзади всех понуро бредет молодая женщина, которой жизнь так тяжела... Идет она, и видит вдруг: лежат на земле четки. Она их подняла... Стали путники подходить к городу, выходит им навстречу Антоний Алексеевич, и говорит этой женщине: "Тебе, смиренная раба Божия, святитель Тихон четки послал. Ведь это из его раки четки, с его нетленных ручек".

И сама женщина, и ее спутницы были поражены словами старца и в смущении направились к монастырю.

Когда с трепетом подошли они к раке святителя, гробовой иеромонах спросил: "Откуда у тебя эти четки?" Женщина рассказала, как нашла их на дороге и что ей говорил Антоний Алексеевич.

Для проверки этого рассказа иноки подняли пелену с мощей и, действительно, тех четок, которые лежали раньше на руках и были совершенно такие же, как те, которые женщина нашла на дороге — этих четок на мощах не было. Тогда поняли, что святитель чудным образом послал утешение женщине, которая ни от кого в жизни не видала добра, и, вместе с тем, вразумил тех, кто особенно ее преследовал.

Утешенная женщина отдала четки к мощам, и после горячей молитвы святителю, успокоенная

и облегченная душой вернулась домой.

Вообще же обыкновенно Антоний Алексеевич говорил коротко, и слово его прямо определяло обстоятельство того лица, к которому относилось.

Часто находился он как бы в неземном настроении духа, был необыкновенно кроток, послушен и обходителен.

— Сударик мой, — с теплою ласкою говорил он обыкновенно людям, приходившим к нему с горем: — я ничего: — так Бог дал; знать, так мать тебе обрекала!

И от этих простых слов становилось легко и отрадно на сердце. То было действие посланного ему дара утешения.

Но были времена, когда его видали беспокойным, несговорчивым, даже грозным. Видно было, что он вел тогда борьбу с духами злобы. И тогда ночи проводил он без сна, целые недели без пищи и питья. Он с длинною палкой в руках ходил или бегал по монастырю, точно выгоняя кого-то, с криком: "Эк их нашло сколько!"

В такое время сверкающий как молния взор его проникал в душу, и он беспощадно обличал людей, не разбирая ни звания, ни положения.

Дух прозорливости был очень силен в старце.

В один из дней ноября 1825 года, при прекрасной погоде, Антоний Алексеевич в самом тревожном состоянии духа бегал по монастырю и пел: "Вечная память", а к полудню посреди монастырского двора стал слезно молиться, произнося: "Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего!" Когда после трапезы у него спросили, о ком он молится, он ответил: "Как же не петь, братцы, вечную память. Ведь в Таганке (т. е. Таганроге) к морю-то упал большой столп". Через некоторое время пришло известие, что в Таганроге скончался Император Александр I в то самое число 19 ноября, когда так тревожен был и пел "вечную память" Антоний Алексеевич.

За несколько лет до открытия мощей святителя Тихона, говоря с одним монахом, Антоний Алексеевич, изменившись вдруг в лице, громко воскликнул: "Сколько народу-то идет! Видимо-невидимо! Один только Господь это знает и моя душенька!" На вопрос монаха, куда этот народ идет, отвечал: "К Оське в яму!" Ямою он называл пещеру, где лежал святитель Тихон до прославления, а Оською — иеромонаха Иринаея, около 50-ти лет служившего при гробе святителя.

Один чиновник ведомства Министерства Государственных Имуществ был оклеветан и лишен должности. Ездил он оправдаться в Петербург, но бесплодно. С горя он запил. Однажды мимо его дома проходит Антоний Алексеевич и говорит: "Полно тебе блажничать! берись-ка за дело! Бог о тебе не забыл!" На другой день чиновник получил бумагу, утверждавшую его в его прежней должности.

Знаменитый Воронежский архиепископ Антоний очень уважал соименника своего, который предсказал ему его кончину.

Однажды в Воронеже на бойкой улице встречает блаженный 15-летнего мальчика с книгами в руках. Он останавливает его, вынимает из-за пазухи засаленный лист бумаги, исписанный весь цифрами, и говорит: "Вырастешь, голубчик — приходи в Задонск жить". Уже блаженный (в 1851 г.) умер, как этот человек, в 1874 году был назначен в Задонск городским казначеем. Через 5 лет зайдя в усыпальницу, где погребен блаженный, он прочел его имя на надгробии, и

как живую вспомнилась ему дальняя встреча его юности, о которой он и рассказывал со слезами.

Приехал в Задонск, еще до прославления святителя Тихона, один мирянин. Когда он выходил из пещеры святителя, к нему подошел неизвестный тогда посетителю Антоний Алексеевич и строго сказал ему: "Давно, давно тебе пора прийти сюда. Я все тебя ждал!"

На вопрос, кто он, Антоний Алексеевич сказал: "Незачем тебе этого знать. Но я знал тебя, когда ты жил еще на севере в большом каменном доме. Ты тогда дал обещание прийти сюда. С тех пор я все ждал тебя!"

Поразило посетителя это слово. Действительно, когда он учился в Петербурге в кадетском корпусе, он, чувствуя тщету мира, дал себе слово быть монахом. Но впоследствии многие обстоятельства задержали исполнение его намерения. Под влиянием слов Антония Алексеевича он немедленно просил настоятеля принять его в число братии. Впоследствии он сам стал истинным подвижником. Его имя — о. Нафанаил.

Действовал в старце также и дар исцелений. Один монах ужасно страдал от нарывов на спине и думал даже оставить свое послушание. Чувствуя его мысль, Антоний Алексеевич сказал ему: "Куда ты думаешь от меня бежать, Николашка!" — и затем стал молиться, приговаривая: "Помилуй, Господи, Николашку!" После трех молитв этих нарывы прорвались, и боль исчезла.

Другому молодому послушнику боль в груди мешала петь на клиросе. Старец велел потереть грудь снегом и продолжать петь на клиросе. Грудная боль прекратилась навсегда.

Замечательно, что, когда блаженный хотел видеть свое родное село Клиновое, он начинал заочно призывать своего правнука Ивана. На другой же день к вечеру являлся в монастырь правнук и объяснял: "Вчера напала на меня такая тоска по дедушке, что рад бы хоть пешком идти к нему".

Уже описано, как одевался Антоний Алексеевич. Лицо же у него было длинное, худое, сморщенное, острый нос, узенькая, клином, бородка; на голове короткие взъерошенные волосы.

За год до кончины блаженный пришел в Задонск в дом, купленный незадолго до того помещицею А. В. Демидовой, и сказал ей: "Вот, я к вам: так Бог велел".

Этот дом уже давно он называл своим.

Когда пред смертью соборовали Матрону Наумовну Попову, он сказал: "И я у Бога не забыт. Терпение убогих не погибнет до конца". Он пережил эту великую подвижницу лишь на 40 дней.

"Мама, говорил он, заболев, г-же Демидовой, пора мне умереть: похорони меня! похорони меня во спасение души в монастыре и заплати за меня пять рублей!" Когда та сказала себе, что едва ли можно схоронить за эти деньги, он, прозревая ее мысль, прибавил: "Ну, пятьсот отдай. Хотя у тебя и был ныне недород хлеба, да зато у меня его много. Вот, даст Бог, я перейду, тогда и тебя возьму к себе, мама! Да шей мне новый белый кафтан, нижнее белье и купи новый кушак". За две недели до Покрова он стал говорить ей: "Мама, пеки блины в субботу под Покров".

И в эту самую субботу, 29 сентября 1851 года, он тихо почил на 120-м году.

Со всех сторон бездна народа стала сходить к его гробу, и служить по нем панихиды. Его

схоронили в усыпальнице, где покоятся другие в этом благословенном крае подвизавшиеся праведники.

Блаженный являлся с помощью людям и по кончине своей.

Ходя по деревням с товарищами, бить шерсть, правнук его, Иван, опасно заболел. Ночью он видел прадеда, который сказал ему, что болен он потому, что дурно живет — много вина пьет и табак нюхает и приказывал ему в первый же пост отговорить и приобщиться, обещая исцеление. Иван встал здоровым и с тех пор бросил и вино и табак.

Один инок, уже 40 лет живший в Задонске, под влиянием скорбей, задумал перейти в другой монастырь. Он увидел во сне, что входит в келлию его, чтимый им при жизни, Антоний Алексеевич и говорит: "Мишка, я тебе дам думать неподобное! — Жил и живи: перемелется, мука будет!" — Он остался в Задонске.

В ноябре 1879 года Воронежская дворянка А. М. В-ва видела во сне, что к ней в дом вошел неизвестный ей невзрачный старик со всклокоченными волосами, одетый в белый чекмень, низко опоясанный кушаком и с отвислою пазухою.

Помолясь на икону, старик низко поклонился г-же В-вой и, вынув из-за пазухи большой черный крест, подал его ей, и сказал: "Возьми — это твое!" Потом, между прочим, прибавил: "Позаботься-ка о духовном завещании твоего мужа!" — Кто ты", спросила его г-жа В-ва. — "А придешь в Задонск молиться Богу, и узнаешь обо мне. Я живу уже давно в монастыре: приезжай!"

— Как же зовут тебя?

— Антонушкой юродивым, — сказал он громко и вышел.

Тут она проснулась. Утром она поехала в Митрофанов монастырь и рассказала свой сон благочестивому архиепископу Воронежскому Серафиму.

— Вам являлся воистину раб Божий, — сказал он ей. — Приведите дела ваши в порядок и поговорите с мужем о завещании.

Оказалось, что у мужа ее было значительное движимое имущество, которое он назначал жене и из-за которого в случае его смерти без наличности завещания могла возникнуть тяжба со стороны его родных.

Немедленно было составлено им завещание в пользу жены, и в тот же день его постигла внезапная смерть.

Похоронив мужа, г-жа В-ва была на богомолье в Задонске и служила панихиду над гробом Антония Алексеевича.

По висящему над гробом портрету она узнала являвшегося ей во сне старца.

Священник Иоанн (города Ельца)

Прошло уже три четверти века со времени смерти отца Иоанна Борисовича, а память его окружена таким усердием, его любят с такою теплотою, что день его кончины, 20 декабря, является в Ельце чуть ли не праздничным. Множество народа собирается тогда в Елецкий Троицкий мужской монастырь, помолиться во время соборной панихиды над его могилою. Так

велико высокое светлое впечатление, произведенное им на современников и перешедшее от отцов и дедов к детям и внукам.

Отец Иоанн родился около 1750 г. в Воронеже, где его отец был приходским священником. По окончании курса Воронежской семинарии, он вступил в брак с девицею Дарьею из духовного звания, сделался священником в Воронеже и, не прослужив здесь и года, переведен в Елец, сперва к Архангельской, потом к Преображенской церкви.

Еще из Воронежа, в желании достойно нести свои священнические обязанности, он дважды писал святителю Тихону, жившему тогда на покое в Задонске, прося наставить его в том. Вот замечательный ответ святителя.

"Отец Иоанн! — писал святитель, — два письма я от тебя получил, за оба благодарствую. Посылаю тебе, по твоему желанию, мой совет, читай его и рассуждай, и поступай так; а более сам читай книги и от них учись и себя пасти и людей тебе порученных от Бога, и молись Богу прилежно, чтобы Сам Бог наставил тебя пасти стадо Христово. При том помни: ищи людей, а не людских, т. е. ищи спасения душ, а не денег и богатства, и почитания. Спасайся о Христе и о мне грешном Богу молись.

Ваш бывший пастырь, недостойный епископ Тихон. Октября 24, 1776 года. Задонск".

СОВЕТ МОЙ

1. "Страх Божий всегда тщись иметь и молись Богу о том, чтобы сам вселил в тебя Свой страх; рождается страх с помощью Божиею от внимания: кто ты? и что поручено тебе хранить? Ты иерей и пастырь, храни ж овец Христовых, которых он стяжал кровию Своею, и за них дашь Христу ответ, как ты их хранил: поминай смерть, суд Христов, небесное царство и муку вечную".

2. "Юн еси, храни чистоту души и тела, на лица девическия и женския не смотри прилежно, да не сатана сердце твое возмутит; слова праздного, шуток, смехов и всяких игр берегись; думай всегда: пред лицом Божиим ходишь и Бог всегда на тя смотрит; дело, слово и помышление твое все ясно видит. От обедов и собраний удаляйся, да убежишь греха; где смехи, шутки и речи о людях бывают, от того места убегай; на помины и прочие обеды не ходи; а только отправив погребение в церкви — в дом беги: понеже в тех поминах обеденных много бывает соблазна и словом и делом; горе бо тому, им же соблазн приходит, глаголет Христос. Что священники, братья твои, делают и прочие лица, не смотри; но внимай, что Христос учит и повелевает; часто поминай Христовы страсти: что Он и сколь страшное подъял за нас мучение! Нищих не забывай, но чем можешь снабдевай. В служении, а паче в литургии, всегда тщись со умилением и страхом стоять; помни, что пред Богом страшным стоишь и молишься о себе и о людях; также тайны святыя совершай весьма благоговейно. Без дела никогда не бывай, часто Богу молись: читай часто первое Иоанна Богослова послание тамо вся должность христианина изображена; такожде к Тимофею послания оба и к Титу послание, тамо служителей Христовых должность описана; читай и прочие книги и что ни читаешь, достойно вписывай в тетради, дабы мог в случае людей наставлять".

3. "С женою живи по-христиански, а не так, как скоты. Во время служения и пред служением от нее удаляйся. Знаешь, что здесь пишу. Увещевай и ее, чтоб чистоту любила, читай I-е Коринф. послание гл. 7, а паче ст. 29-й".

4. "В исповеди весьма опасно поступай, чтоб грешника в отчаяние не привести; такожде берегись, чтобы и во обычай греховный не вошел грешник; во обычай грешник удобно

приходит, когда грех без наказаний бывает. Обыкновенно священники говорят: Бог простит, Бог простит: но смотри, каково его покаяние, истинно ли кается, и впредь от греха обещается ли отстать. Также же во отчаяние может придти грешник, когда с ним жестоко поступает иерей; греха тяжесть показывает, а о великом Божием милосердии не объясняет. Надобно в сем случае иерею и праведный суд Божий грешникам представить не кающимся; а истинно кающимся исповедимое Божие милосердие. Молодых жен и девиц берегись исповедывать, — молод ты сам, — чтобы сатана плевела не посеял на сердце; пусть их другой священник исповедует".

5. "По обедни всегда что-нибудь прочитай, хотя краткое, ради поучения людей, а праздника никогда не оставляй без поучения, и где бываешь в приходе, в чьем-либо доме, всегда что-нибудь душеполезное скажи, чтобы люди духовно созидались; ежели кого знаешь в чем грешаща, увещевай его и моли, чтобы перестал от греха и судом Божиим устрашай и мукою вечною и неизвестною жития его кончиною; горе христианам неисправным и попам нетщасьимся исправлять их! Лица сильного не стыдись, и не бойся, но всех, кто грешит, обличай, сие бо есть звание священническое, и всем помощи у Бога проси, хотя и будут тебя за то ненавидеть злые и злословить, не бойся их; ты делай свое, Бог тебя защитит".

6. "Обычай злы, как-то божбу: "ей-Богу, на то Бог свидетель", и прочие призывания имени Божия в подлых вещах обличай и искореняй, понеже в сем люди тяжко грешат. Бог, Который повелевает: да не будут тебе бози инии разве Мене, Той же повелевает: не приемли имени Господа Бога всуе. Также же, когда один с другим говорит: судит-де ему Бог и прочая, все сие зло искореняй и обличай".

7. "Напоминай всем, что суд Христов есть при дверях, уже настал день Христов, уготовил Господь на суд престол Свой. Оттуда страх родиться может".

8. "Заповеди святые десять и сам часто прочитывай: изрядно протолкованы оные в книжке Платона^[16], учителя великого князя; думаю, что есть она у многих в Воронеже".

9. "Богатым, друзьям, почтенным лицам не угождай — грех велик есть человеком угождать; но что видишь в них худо — обличай, и страхом суда Божия грози неисправным".

10. "Тако ежели, по должности своей поступая, презрен будеши, и злословие, клевету и прочия гонения от беззаконных будешь терпеть, небрежи о том, но паче радуйся по Христову словеси; радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех! Аминь".

"Поминай и мене грешного. Спиши zde увещевание преподобного Моисея — оно написано в Прологе, декабря 15 дня, и прочитывай часто, и внимай, и тщись поступать так! Бог милостивый, видя твое усердие и тщание, просветит ум твой Своею благодатию и поможет тебе. Чего тебе усердно желаю".

Отец Иоанн показал себя достойным той любви и доверия, с которым отвечал ему святитель Тихон.

Службу он совершал с величайшим усердием.

Звон завел он у себя пред службами особый: в колокол ударяли не часто, но редко, как в монастырях. Ежедневно совершал он позднюю литургию, и затем акафист Богоматери со звоном.

Сам он во время службы был так полон благоговения, что невольно возбуждал его и в

присутствующих. Когда же он замечал, что кто-нибудь стоит невнимательно, оборачивается или разговаривает: тогда он делал замечание, а иных высылал из церкви. Обыкновенно это бывали приезжие, не знавшие требований о. Иоанна. Для исправления шалунов, беспокойно стоявших в храме, он прибегал к суровым мерам.

При всякой литургии о. Иоанн говорил поучение, читая иногда по книге, а иногда по своей рукописи.

Особенно заботился о. Иоанн о храме. Он был до него тесен и некрасив. О. Иоанн расширил его и расписал внутри картинами из житий святых.

Свой же дом его совершенно не интересовал. Кроме тесовых сеней с коридором, которые он пристроил вместо прежних плетневых, он не сделал никаких переделок. В крыше показались как-то трещины, и в это время посетил о. Иоанна епископ орловский Иона. Смотря на крышу и потолок, он сказал: "Я думаю, тебя дождь мочит, бывает течь с худого потолка". — "Нет, владыко, — отвечал он: — я всегда бываю сух"... Во время этого разговора ударил дождь. Земля покрылась водой. А в комнату чрез худую крышу и потолок не проникло ни одной капли, крыша даже была суха, так что архиерей в изумлении воскликнул: "Как чудно Царь небесный спасает и покоит Своих рабов!"

В обиходе своем о. Иоанн был крайне воздержен.

Пища его состояла из куска хлеба с солью и какой-нибудь приправой. А приход его был богатый. Все доходы раздавал он бедным. Милость его была неудержимая. Часто, за неимением денег, он отдавал им последний носовой платок. Он сам первый разыскивал по домам бедных, вдов и сирот и поддерживал их, посещал тюремные замки и подавал милостыню заключенным, уговаривал их покаяться и терпеть.

Часто жена о. Иоанна укоряла его за его бесполезную щедрость. "Как ты не помнишь, — говорила она ему, — что у тебя есть свое семейство и дети? Вместо того, чтоб награждать чужих, ты бы своим кровным что-нибудь приберег и собрал!"

— Не думай, — отвечал он ей на такие речи, — что, расточая свое добро, я лишаю моих детей. Они не будут бедными. Весь мой избыток в лице нищих и бедных я даю взаймы Самому Богу. Я делаю Его должником моим в твердой надежде, что в свое время, когда мои нужды будут велики, Он заплатит мне. Я не расточаю, а собираю для детей.

И его слова оправдались: оба его сына и обе дочери были хорошо устроены.

Вот несколько свидетельств тому, как оправдана была вера о. Иоанна в Божественный Промысл.

У жены его не было денег на покупку припасов к празднику Рождества Христова. Она просила мужа дать ей денег.

— У меня нет денег, — сказал он ей. — Помолись Богу и потерпи. Он и без денег пошлет тебе нужное на праздник, как это бывало и прежде.

Но она неоднократно требовала денег. О. Иоанн решительно сказал ей, что у него нет ничего. Но при этих его словах растворились ворота, и въехал целый воз, со всем нужным для праздника. Тогда о. Иоанн сказал жене: "Благодари Бога и впредь будь терпеливее в недостатках".

Но жена вообще много досаждала ему, своим беспокойным сварливым нравом. Даже, когда он молился, она не умолкала и часто вынуждала его своим ворчанием уходить молиться в приходскую церковь, находившуюся в той же ограде.

Однажды во время молитвы его в церкви пред иконами Спасителя и Богоматери о том, чтоб излилась и на него и на паству его благодать Божия, — он услышал от иконы Богоматери голос: "Иоанне, Иоанне, услышаны молитвы твои".

В ужасе упал он, долго плакал от умиления и не мог продолжать молитву. В расслаблении вышел он из церкви и ночевал в притворе церковном.

В другой раз пришел он к елецкому купцу Ростовцеву, который только что перед тем читал рассуждение о тайне Пресвятой Троицы, и с недоумением размышлял, как бы лучше ее постигнуть.

Придя к Ростовцеву, о. Иоанн сказал: "Матвей, взгляни на потолок". Тот взглянул и увидел открытое светлое небо. Купец от страха упал на пол и залился слезами; плакал с ним вместе и о. Иоанн. Когда окончилось видение, он сказал: "Где нам глупым рассуждать о Святой Троице? Притом и то не забудь, что пророк Моисей, увидев купину, горевшую и несгоравшую, не смел приблизиться к ней. А ты, нечистый, углубляешься в это великое таинство и хочешь постигнуть непостижимое. Наше дело не углубляться, а сердечно веровать".

В доме своем, исполняя завет святителя Тихона, о. Иоанн не оставался без дела. Молитва, чтение книг или другие добрые дела занимали его время. Смеха и шуток не любил он. Исправляя требы, был нестяжателен, совершал таинства с благоговением, а на обедах поминовенных не участвовал.

Замечательно было в его служении священническом то, что он, навещая прихожан, особенно ходил к тем, кого заметил в дурном поведении. Он обличал их, угрожал гневом Божиим и нередко склонял к покаянию. С такими же наставлениями ходил он и по больницам, в тюрьму и бедные дома. Никто не отходил от него без вразумления, которое часто изменяло все взгляды собеседника на жизнь.

Однажды пришел к нему елецкий житель Кожухов и сказал о себе, что, слава Богу, всю свою жизнь прожил покойно, всего у него довольно, недостатков нет, бед с ним не случилось. На эти слова о. Иоанн воскликнул.

— Жаль мне тебя, несчастный счастливец!

— Чем же я несчастлив? — спросил тот.

— Тем, — отвечал о. Иоанн, — что не посещен Божиим наказанием, которое верный знак любви Бога к нам: "его же любит Господь, того и наказует". А ведь ты не малый грешник! Как же можешь считать себя счастливым, когда пьешь беззакония как воду, а живешь без вразумления и бед, которые спасительны, потому что побуждают грешника к покаянию!

Задумался гость над этими словами и пошел домой, поникнув головой... Через две недели загорелся у него дом, и, пока другие тушили пожар, он выбежал на улицу, стал на колени и, подняв руки к небу, громко молился: "Слезно благодарю Тебя, Господи, что ты наказуешь меня, великого грешника. Чувствую теперь, что Ты не забыл меня и пробуждаешь меня окаянного. С усердием лобзаю десницу Твою, достойно меня карающую".

Не терпел о. Иоанн лжи.

Живописец, расписывавший его приходскую церковь, нуждаясь в деньгах, пришел просить их вперед за работу. Прежде чем тот заговорил, о. Иоанн спрашивает его, читал ли он Новый Завет, и говорит, подавая ему евангелие: "Вот возьми, еще почитай и, что найдешь в книге для себя полезного, о том скажи мне. Бери же и иди домой".

Так и пошел живописец, не объяснив своей нужды, и дома положил книгу на полку и не раскрывал ее. Через две недели приходит к нему о. Иоанн и спрашивает:

— Что, Алексей, прочел книгу?

— Прочел.

— Где ж она? Подай ее сюда.

И, получив книгу, о. Иоанн развернул ее прямо в том самом месте, где написаны слова: "Просите, и дастся вам". А на этом самом месте, вручая книгу живописцу, о. Иоанн тайно положил для него двадцать пять рублей.

Упал живописец в ноги о. Иоанну и сознался во лжи.

— Бог простит тебя, — отвечал о. Иоанн, отдавая ему деньги, и объяснил ему низость лжи.

После этого живописец и сам не лгал и других предостерегал от этого порока.

Боролся о. Иоанн и с суевериями.

Один купец, выезжая на ярмарку, у самого своего двора встретил о. Иоанна. Купец приказал вернуться, считая это за неблагоприятное предзнаменование. Переждав немного, собрался он ехать опять, и снова навстречу о. Иоанн, и так до трех раз. В третий раз подозвал купца к себе о. Иоанн и говорит: "Что это у вас за предрассудок, что встреча священника признак неудачи... Брось ты это. Прими от меня благословение и вернись домой. Я там отслужу для тебя напутственный молебен, и ты отправишься в путь с благими надеждами".

После молебна купец поехал и отлично торговал на ярмарке. И больше уж не боялся встречи со священником.

В обличениях своих о. Иоанн был прям и смел, не стесняясь значительностью лиц.

Один именитый купец пригласил его осмотреть выстроенную им церковь.

Войдя в нее, о. Иоанн воскликнул: "Слава Богу, великолепен храм! Радуюсь и благодарю Господа Бога за этот молитвенный дом. Благодарю и ты Его благость, поблагодари не языком только, но самым делом. Благодарю Господа по примеру Закхея мытаря, который обещал, когда Господь пришел в его дом, пол-имения раздать нищим и возратить четверицею тем, кого обидел... Советую тебе последовать этому примеру. Ведь обиженных тобою, я думаю, столько, что их, по многочисленности, невозможно поместить в этом храме. Вспомни, как ты поступал с бедными торговцами, которым за год вперед раздал деньги под сало. По истечении года ты принимал от них товар, сверх вычета громадного процента, не по той цене, по какой они покупали, а по той, какую тебе было угодно назначить. Вспомни, что делал ты, если они не успевали к сроку поставить товар. Ты был неумолим, хотя бы до этого несчастья эти люди лет по десяти и по двадцати работали на тебя и умножали твои миллионы. Сколько таких людей ты совсем разорил, лишил крова и приюта и пустил с семействами и детьми бродить по миру... Побойся Бога, побереги свою душу и в благодарность за ту милость, что Господь позволил тебе

выстроить храм, раздай одну половину имения нищим и из второй расплатись с теми, кого ты обидел. Тогда твоя жертва будет угодна Богу. А если сохранишь капитал, то, при внезапной твоей смерти, он будет расхищен и поступит, в укор тебе, в чужие руки".

Купец плакал и обещал хоть частью вознаградить им обиженных и потом уж никого не притеснять.

В преклонных годах, при полном развитии духовных сил о. Иоанна, открылся в нем дар прозорливости.

Известный затворник Задонского монастыря Георгий был смущаем в монастырском храме тем, что многие вели себя непристойно для такого места, разговаривали и смеялись. Он надумал перейти в другой монастырь, но наперед хотел посоветоваться с каким-нибудь опытным старцем, и выбор его остановился на о. Иоанне.

Когда Георгий пришел в Елец, едва успел подойти он к дому о. Иоанна, как тот выбежал на крыльцо и, хотя никогда не видал и не знал его, встретил его такими словами: "А я, брат, сейчас только отслужил молебен со звоном Пресвятой Богородице... Она не велит давать наставления монахам, особенно смущенным и хотящим оставить свой монастырь... Ступай, брат, в чулан!" И при этих словах о. Иоанн спрятался в свой чулан, в котором обыкновенно жил.

То же было и с другим Задонским монахом, думавшим из-за тяжести послушаний перейти в другой монастырь. Подойдя к дому о. Иоанна, монах думал: "Не рано ли я иду к нему? Ведь он позднюю обедню медленно служит, а по окончании обедни служит молебен с акафистом Божией Матери. Впрочем, пойду и подожду".

Не успел подойти он к дому о. Иоанна, как тот, никогда его не видавший, выходит к нему на встречу и говорит: "Службу свою долгую я окончил, акафист прочитал, и вот сижу дома, на покое. А ты, брат, вне дома, не на своем месте; иди опять в свой монастырь и безропотно носи свое послушание".

Священник Вуколов пришел к о. Иоанну со студентом Орловской семинарии Иродионом Соловьевым, который желал принять благословение на брак. О. Иоанн, приняв их, подвел их к угощению. Когда студент хотел взять чего-то мясного, о. Иоанн сказал: "Нет, брат, нам к этому не надо прикасаться: мы с тобой икры съедим". Вскоре затем о. Иоанн пошел в свой чулан, вынес оттуда два посоха — для себя и священника и архиерейский жезл.

Этот жезл он вручил студенту со словами:

"Даю жезл архиерейский. Теперь ступай с Богом. Мне некогда больше беседовать с вами", — и убежал в свой чулан.

Студент этот постригся в монахи и впоследствии был архиереем.

Составитель жизнеописания о. Иоанна, Елецкий протоиерей Лука Ефремов, рассказывает о себе, что за него были сватаны пять невест, четыре из них с большим приданым, а одна совсем бесприданница, мещанская дочь. На ней он и остановил свой выбор, но хотел проверить выбор свой чрез о. Иоанна. В этот самый день о. Иоанн заходит в дом его тестя и говорит жениху: "Радуюсь, что ты, при помощи Божией, сумел выбрать себе невесту: твой выбор хорош". И, действительно, он был очень счастлив, жену его любил весь город, а те четыре невесты оказались непригодными в жизни.

Иногда в действиях отца Иоанна замечалась некоторая странность, и малопонимающие люди считали его малоумным. Вероятно, эту странностью старец старался избежать славы людской, которая ему была тяжела. Какой иногда в этих странностях бывал глубокий смысл, покажет следующий пример.

Однажды он лег на сыром месте на площади, находящейся на краю города. Проходящие осуждали его: "Неприлично священнику сидеть на сырой земле". А он отвечал: "Земля, правда, сырая и грязная, но я особенно люблю это место и даже лобызую его. Здесь скоро воздвигнется великолепный храм и будет совершаться святейшее таинство".

Эти слова разнеслись между жителями, открылся сбор, встреченный очень сочувственно, и был выстроен великолепный храм.

Отец Иоанн мирно скончался 20 декабря 1824 г.; к последнему жилищу в Троицком монастыре его несли на плечах священники.

Весь город и тысячи окрестных жителей следовали за гробом. Вопли бедных почти заглушали пение духовенства.

Протоиерей Матфей Ржевский

Протоиерей Матфей Александрович Константиновский, настоятель Ржевского кафедрального собора, известный более в ревностных православных кружках под именем "отца Матфея Ржевского", родился 6 ноября 1791 г. и был сыном дьякона села Константиновского Новоторжского уезда, Тверской губернии. Дьякон этот, именем Александр Андреев, скончался в нестарых летах, когда его сын Матфей учился в среднем отделении семинарии. Тяжкая доля горького сиротства и бедности выпала на долю вдовы, Марфы Афанасьевны, оставшейся с двумя малолетними дочерьми.

Под руководством родителей, мальчик получил воспитание в христианских правилах. С ранних лет он полюбил и учение и храм Божий. Ему был только пятый год, когда он упросил родителей, чтоб они начали обучать его грамоте. Успехи его были столь быстры, что на седьмом году он уже довольно бойко читал церковные книги. Для него была радость ходить в церковь и там на клиросе петь и читать. Местный священник за это очень любил его и каждый раз после обедни давал ему просфору. Его отдали в Новоторжское духовное училище по восьмому году. По имени села, в котором он родился, ему дали фамилию Константиновский.

В первые годы училищной жизни мальчик учился не бойко: некоторое время развитие его как бы приостановилось. Но чрез несколько лет он точно переродился. Умственные способности его окрепли, в нем развилась счастливая память. И он настолько успел в учении, что стал первым учеником своего класса.

В то же время он отличался скромностью, хорошим поведением, услужливостью, смирением и благочестием. В досужее время он посещал церкви, особенно монастырь преп. Ефрема Новоторжского. К мощам этого святого он поставил себе за правило ходить ежедневно, и исполнял это во время своей жизни в Торжке.

Так как в духовном училище общежития не было, то Матфей помещался на одном из постоянных дворов города. Когда в этот двор собиралось много народа для ночлега, мальчик, выучив свой урок, отправлялся к ночлежникам с евангелием или катихизисом и читал им эти книги. Ночлежники с удовольствием слушали усердного чтеца и так привыкли к этому чтению, что после сами стали просить его почитать им. И даже в селе, приезжая на каникулы, он любил

читать мужикам что-нибудь поучительное.

Перейдя из духовного училища в Тверскую семинарию, Матфей продолжал учиться с тою же усидчивостью. Часто он целые ночи проводил за книгою без сна. Без дела же не сидел никогда. Окончив учебные занятия, он с жадностью принимался читать все, что было ему доступно. Любимым чтением его были творения св. Василия Великого и Иоанна Златоустого. Читая, он делал выписки из книг.

Счастливым характер его оставался прежним. Как, учась в училище, он любил ходить в монастырь преп. Ефрема Новоторжского, так теперь, из семинарии, он усердно посещал Жолтиков монастырь. В Жолтиковской роще, на берегу реки Тьмаки, он выбрал себе уединенное место, куда часто уходил для молитвы и для оплакивания своих грехов. Охваченный весь думою о спасении своей души, он не раз решался из семинарии удалиться куда-нибудь в уединение. Но всякий раз возникало какое-нибудь препятствие. По окончании курса в семинарии, в нем окончательно созрела мысль о монашестве. Но ему пришлось изменить это твердое решение: его мать надеялась, что он будет поддержкою в ее сиротстве, и он ради нее навсегда отказался от любимой мечты.

Вскоре по окончании курса, Матфей Александрович, 10 февраля 1814 года был рукоположен в диаконы в погост Осечно Вышневолоцкого уезда. Семь лет провел он здесь и терпел все время крайнюю бедность. На его руках были мать и две малолетние сестры. Всю домашнюю и полевую работу он должен был исполнять сам, с женою и матерью. Сам возделывал землю, косил траву. Только в последние годы несколько доброжелательных крестьян ему помогали. За этих крестьян, как за своих благодетелей, он молился и тогда, и потом всю свою жизнь.

И тут, в этой тяжелой работе, не покидал он своего любимого занятия — чтения. Когда он ехал в поле на работу, брал с собою книгу, Камень Веры, и читал ее в часы, назначенные для отдыха. Дома же читал Евангелие или Четьи-Минеи и взял привычку ежедневно прочитывать жития святых, которых в те дни празднует Церковь. Его средства были очень скудны. Но просящий не отходил от него с пустыми руками. Хижина его была бедна и мала, но в ней пред иконами неугасимо теплилась лампада, и странник всегда находил себе приют.

Как ни тяжела была бедность, о. диакон однако не желал лучшего места и за все благодарил Бога. Домашние не раз умоляли его просить себе лучшее место, а он спокойно отвечал все одно: "Нужно ждать, когда и куда Бог призовет". Домашние возражали на это, а он отшучивался такими словами: "Бог даст — и на печку подаст". Это слово его сбылось буквально. Однажды, когда он был на печи, он получил от местного архиепископа бумагу с предложением ему священнического места в селе Диеве.

В этом селе он прослужил 13 лет, и переведен затем, по неотступному ходатайству эськовских крестьян в село Эсько, где прослужил только три года с небольшим.

Так как в городе Ржев усиливался раскол, то для поддержания православия нужен был там особо ревностный священник, и в 1836 г. о. Матфей получил такое предложение от архиепископа:

"Отец Матфей, я хочу перевести тебя в город Ржев для действия на раскольников, и в руководство для сего теперь же посылаю тебе три книжки. Бедности не увидишь, нападений не бойся: еще Бог по нас, то кто на ны? Григорий Архиепископ Тверской".

Прихожане и домашние со слезами умоляли о. Матфея отказаться, боясь ненависти раскольников. Но о. Матфей смело решился идти туда, видя в том волю Божию. Тогда

прихожане отправили в Тверь к архиепископу выборных, и они умоляли со слезами оставить его у них. Ради пользы дела архиерей не мог удовлетворить их просьбу: 17 июня 1836 г. о. Матфей был перемещен к Спасопреображенской в Ржеве церкви, а его место в селе Эське предоставлено другому, который женился на его дочери.

Трогательным образом прощалось село с любимым священником: старики, молодые парни, взрослые мужики, девушки, матери с грудными младенцами пять верст провожали его, кланялись ему в ноги, принимая его благословение: некоторые провожали его до самого Ржева.

Чрез 13 лет о. Матфей был переведен в том же Ржеве штатным протоиереем Ржевского Успенского собора. Здесь он и прослужил последние восемь лет своей жизни.

Такова простая и несложная внешняя жизнь отца Матфея, бывшая поприщем многих духовных добродетелей, о которых и следует рассказать.

О. Матфей был строгий постник. Он отказался вовсе от мясной пищи с принятием диаконского сана. Рыбную употреблял он редко, а в среду и пятницу никогда. Посты соблюдал так, что первую неделю великого поста, а иногда, сверх того, и вторую, ничего не ел. Никакого вина и напитков не пил он всю свою жизнь, и первые десять лет во Ржеве не пил ничего кроме воды, в последние же годы, в виде подкрепительного лекарства, пил кофе. Но, постясь у себя дома, он пред посторонними посетителями или в гостях, особенно когда в нем ожидали видеть святого человека, нарочно отступал от своего обычая.

Везде, где пришлось служить о. Матфею, он проявлял великую ревность о благодати храмов.

Так, в первом месте его служения, погосте Осечне, очень плоха была колокольня. Он был там не настоятелем, а лишь диаконом; тем не менее стал внушать прихожанам, как грешно относиться равнодушно к убожеству храмов, и что необходимо строить новую колокольню. Прихожане стали жертвовать кто что мог. Один генерал почему-то отнесся недружелюбно к этому делу — не только сам ничего не дал, но и крестьянам своим запретил жертвовать. Тогда многие из крепостных этого генерала стали жертвовать тайно. Об этом узнал бывший в то время архиепископом Филарет (впоследствии митрополит Московский) и устранил генерала от участия в деле, а диакона о. Матфея назначил без его прошения священником в село Диево. Здесь, как и в Эське, о. Матфей много поработал над благоустройством храмов: покрыл стены живописью, завел хорошую ризницу. В еще больших размерах проявил он свою "ревность о доме Божиим" в Ржеве. Он распространил и украсил Спасопреображенскую церковь, принял участие в построении Оковецкой (Предтеченской) церкви, причем ездил в Москву для сбора, с ничтожными средствами заложил Вознесенскую церковь на Преображенском кладбище, и довел до конца эту постройку, лучшую после собора из церквей Ржева, считающуюся красой города. Наконец, приняв соборный храм малым, тесным, бедным, таким, что он без слез не мог входить в алтарь, он оставил его поместительным, роскошно отделанным, с богатою утварью, и истратив на него до 40 тысяч, не коснулся церковной суммы. Он помогал также бедным храмам православных Восточных Церквей, и один из восточных патриархов благодарил его "за усердное старание о пользах бедствующей патриархии и за его сердечное участие к нуждам страждущей греческой братии".

Украшая храмы, о. Матфей заботился и о соблюдении в них благочиния.

Очень его огорчало, когда в храме стояли неблагоговеино, разговаривали и смеялись. Особенно этим отличался один именитый помещик, прихожанин Осьченской церкви. Заметив однажды, что этот помещик во время литургии разговаривает и смеется, о. диакон Матфей

Александрович просил священника вразумить этого человека. Священник поручил это сделать диакону, и диакон кротко, но сильно обличил помещика. Тот в ярости поклялся выгнать диакона из Осечны и в тот же день отправился с жалобой на него к митрополиту Филарету. Но то, что он говорил, чтобы очернить его — было только в пользу диакона, например: "Диакон вопреки закону учит народ ходить с ним по деревням и чем-то сумел привязать к себе не только прихожан, но даже и весь причт, и самих священников; распоряжается, как ему хочется, и все его слушаются"... Не исполнив ходатайства жалобщика, архиепископ Филарет затребовал от благочинного сведений о диаконе Константиновском. По получении этих сведений, он предписал благочинному отправиться в Осечну и в присутствии причта передать благословение от архиепископа за его примерную жизнь, а сам архиепископ в слове, сказанном им Новоторжскому духовенству при посещении Торжка, поставил диакона Константиновского в образец всем.

Благоговейно почитая таинства, о. Матфей, например, если предстояло хоть бы вечером крещение младенца, ничего не ел с самого утра. Он настаивал на крещении младенцев в церкви.

О. Матфей находил высочайшее утешение в совершении Божественных служб. Тринадцать лет, проведенных им в Диеве, прошли почти в непрерывном служении. Редкий день он не совершал литургии. Церковный причт сперва этим очень тяготился, не привыкши к постоянным службам, а причетник часто бранил его в лицо. Тогда о. Матвей смиренно кланялся ему в ноги, чтоб выпросить у него прощения.

Все правила церковного устава он соблюдал строжайше, ничего не выпуская. Причетники и в будни и за обедней должны были надевать стихари. Посторонних в алтарь не пускал.

За 8 лет своей жизни в Ржеве он не пропустил ни одной службы, ежедневно совершая литургию и вкушая Божественного тела и крови Господней, также по большей части совершал и прочие службы. В церковь он приходил первым и уходил последним. Если звонарь опаздывал, о. Матфей, не взирая на свой сан и возраст, сам начинал звонить до прихода звонаря. Иногда к утрени или вечерне не являлось ни одного из двух причетников, и тогда о. Матфей делал все сам: и читал, и пел, и разводил кадило. В соборе он служил литургию всегда позднюю. Уходя в церковь еще до утрени, он только к полудню возвращался домой.

Дар слова у о. Матфея был необыкновенный. Речь у него лилась рекой, и он мог, увлекая слушателей, говорить несколько часов: он был неистощим и не имел нужды в утомительной подготовке к проповеди. Он разом обнимал представляющуюся ему тему и говорил, как бы велико ни было собрание, чрезвычайно ясно, живо и увлекательно.

Обличение его пробуждало раскаяние, угрозы наводили ужас, мольбы его растрогивали.

Еще будучи диаконом, он просил у своего священника разрешения ходить в праздники по деревням и говорить с крестьянами о Законе Божиим. Сперва иногда выходили неприятности, потом же дело пошло чрезвычайно успешно, и священники, видя в прихожанах своих перемену к лучшему, стали просить его говорить проповеди в церкви.

Еще больше пришлось проповедывать в Диеве, где было много весьма невежественных карелов. Всякий праздник, всякий воскресный день, равно как при каждом подходящем случае, будь то даже на улице, он поучал народ. Слушатели находились всегда под обаянием его слов. Тяжелые вздохи вырывались из груди, некоторые плакали. Когда о. Матфей приезжал в Бежецк, сказывать свою очередную проповедь — большая часть города сбегалась его слушать.

Он учил всюду: входил для того в дома, по апостолу — "учил в церкви и по домам, обще всех и каждого, благовременно и безвременно". Пред совершением таинств объяснял народу их значение; исполняя требы, поминая усопших, соборую, причащая умирающих — говорил поучения. Карелов взрослых и детей он учил молитве Господней, Богородице Дево, радуйся, Символу веры, заповедям. Он достиг такого доверия к себе со стороны своих духовных детей, что все они спешили к нему со своим горем, недоумением. В Диеве, о котором о. Матфей всегда с удовольствием вспоминал, была у целого стада одна душа.

По ночам на воскресенье и праздники особо ревностные прихожане собирались в церковь, где о. Матфеем вел с ними духовную беседу, пел акафисты Богоматери и Христу.

В Эське собирались к нему на дом. Несмотря на поместительность его, было тесно, и летом приходилось многим слушать его с улицы. Он объяснял закон Божий, учил доброй жизни, потом для разнообразия начинал петь псалмы и духовные песни. Бывавшие тут рассказывали потом то, что слышали от него своим домашним, и в шумном селе реже раздавались соблазнительные песни. Их сменили церковные напевы, и даже дети вместо игр пели: Царю Небесный, Святы Боже, Богородице Дево, радуйся.

Неутомимо проповедывал он и во Ржеве. Ни одного праздника и воскресного дня он не оставлял без проповеди. Многие, придя слушать его лишь из любопытства, незаметно для себя начинали меняться к лучшему и возвращались с благочестивыми чувствами. Иногда некоторые вступали с ним в споры, но сознавали после недолгой беседы свои заблуждения и становились весьма к нему привержены.

В Ржеве им особенно дорожили дворяне, так что некоторые из них из своих имений нарочно переселялись во Ржев, чтоб постоянно пользоваться его руководством. Во всех скорбях у него находили утешение, в недоумениях — совет.

Больше всего работал он над вразумлением раскольников. Первые два года он ходил по их домам, ясно доказывал им все их заблуждения. Вообще потрудился над ними все двадцать лет. Но нужно сказать, что полного успеха на этой ниве он не имел. Многие раскольники, убедясь в своем бессилии пред ним, избегали говорить с ним и на его слова лишь молчали. Они старались удалить его из Ржева. От них он перенес очень много, но молча, без ропота, вытерпел все их оскорбления. Впрочем, его старанием два раскольничьих молитвенных дома обращены в единоверческие церкви, многие лица присоединились к православию, еще более к единоверчеству. Но обратить всех раскольников о. Матфей не мог.

Среди добродетелей о. Матфея сияло милосердие, величайшая христианская добродетель.

Он всем делился с неимущими. В воскресенья и праздники он собирал к себе в дом бедных и нищих, с ними обедал, часто сам прислуживал у стола. Всех странников, приходивших к нему, он принимал к себе, как братью во Христе, как бы ни было у него тесно, в каких бы тяжелых обстоятельствах он ни находился.

Переведенный в Ржев, он занял скромную квартиру и, забывая нужды свои и своей семьи, раздавал и деньгами и хлебом до крайней возможности. И Господь помогал ему настолько, что никогда его семейство или принятые им странники не оставались голодными. Часто Господь испытывал его веру, доводил его как бы нарочно до последней степени скудости, и когда в подобных обстоятельствах о. Матфей проявлял свою непоколебимость своей веры, Господь облегчал его. В такие минуты он получал внезапную помощь от разных сочувствующих ему лиц, из которых иных он вовсе не знал, как и они знали его только понаслышке.

У него не было во Ржеве своего дома и он шесть лет прожил на квартире. Его почитатели собрали деньги на покупку дома, которые ему и вручили. Но чрез несколько дней о. Матфеем все эти деньги были уже розданы бедным. Была произведена вторичная складчина, но деньги отданы не самому о. Матфею, а его жене, и дом был куплен. Во Ржеве все странники и богомольцы шли прямо к о. Матфею; их число доходило иногда до 40 в день.

Когда о. Матфей был переведен в собор, Ржевский помещик Демьянов стал доставлять все необходимое и для него с семейством и для всех странников. Тогда милосердие его еще увеличилось. Он раздавал и хлеб, и одежду и все, что мог. Особенно старался он помогать заключенным в тюрьму за неуплату долгов по бедности. Он, если не хватало своих денег, брал для этого займы у других.

Весь нижний этаж дома, когда он стал служить в соборе, был отведен под странников, которые получали здесь стол и все нужное. Некоторым он давал деньги на дорогу, душеполезные книжки. Кроме прохожих странников, к нему приходили издалека также и лишь для того, чтобы видеть его самого.

Вообще, как правильно было сказано в надгробном слове по нем — дом его напоминал ту евангельскую Вифезду, где "слежаще множество болящих, хромых, слепых, сухих, чающих движения воды".

Много бед пришлось в жизни своей вынести о. Матфею, и вынес он все их без ропота.

Когда он служил в Эське, некоторые возненавидевшие его лица подали на него донос, что он распространяет ереси, собирая у себя народ, и укрывает беглых под видом странноприимства. Назначено было следствие; кроме того, архиепископ вызывал о. Матфея к себе и убедился в его невиновности. Пока дело шло, и прихожане неоднократно просили его дозволить им ходатайствовать за него пред архиереем и объяснить ему все, он решительно запретил это и уверял, что Бог сам, ими же вестъ судьбами, оправдает его. Состоя под судом, при угрозах ссылки и наказания, он радовался, что терпит за Христа и жалел лишь своих клеветников.

Тяжелым испытанием для него был также пожар его дома. Сгорело все до тла, и его библиотека с лучшими книгами духовного содержания. Когда он вбежал из церкви в дом, уже объятый со всех сторон огнем, и его спросили, что нужно выносить, он отвечал: "Други мои, спасайте святые иконы". И это одно только и было спасено. Сорок лет служил о. Матфей бедным, а теперь оставался без крова и одежды, без всякого имущества. Два часа сидел он, окруженный семейством пред бушевавшим пожаром, прося Бога дать ему на эту ночь приют, как одному из странников, которых он раньше принимал. Тут же семья Воейковых предложила ему свою квартиру.

Когда все сгорело, о. Матфей от груды кирпичей, оставшейся вместо его дома, отправился с семьею в эту квартиру. От полноты сердца он благодарил Бога, называл это "посещение" великою милостью Божиею, которую нельзя купить и за большие деньги.

После этого испытания Господь и утешил Своего служителя: дворянство и купечество купили ему новый дом.

Как светел был домашний, внутренний быт о. Матфея!

Делая добро, он старался, чтоб даже домашние не видали этого. Если случалось, что дети заставляли его плачущим на ночной молитве или дающим большую сумму бедному — он просил, чтоб они никому не рассказывали о том. Один Ржевский приказчик промотал хозяйские деньги и решил утопиться. О. Матфей дал ему 500 руб., но просил молчать. С бедными о. Матфей

делился последним. Раз зимою нищий просил у него теплый подрясник. Не имея ничего другого, о. Матфей дал ему свой теплый подрясник и шапку. Его мать стала упрекать его за это. Упав ей в ноги, он со слезами сказал: "Прости меня, матушка. Во всем я готов тебя слушать, а в этом сам Бог не велел мне тебя слушать". Денег о. Матфей никогда не откладывал, а носил их всегда с собой, для раздачи.

Любовь о. Матфея ясно выражалась в том, как он исполнял заповедь о неосуждении. Он считал осуждение одним из наиболее тяжких грехов и называл его дерзким присвоением права Творца. В ближнем он искал не недостатков, а добрых качеств. Слово осуждения ни разу не сорвалось с его уст.

Молитва Иисусова была всегда на его устах, и когда он был один и при посторонних.

Он был приветлив и равен со всеми, ненавидел лесть и унижение. Был прекрасным семьянином; ничего не делал важного без совета с матерью. Сам живой, остроумный — эти свойства старался он развить и в своих детях, задавая им вопросы, требовавшие сметливости. Детям не позволял сидеть без дела, носить щегольскую одежду, не терпел в своем доме мирских развлечений. Часто в зимние вечера, усадив семью за работу, он читал им вслух Евангелие или Четью-Минею.

День его проходил так.

Встав в 3 часа, шел служить утреню; из церкви возвращался, отслужив литургию, в 10, 11 или 12 часов. Тут он, если не было посетителей, засыпал на несколько минут. Через час после литургии скромный обед, потом чтение книг или иное занятие, затем вечерня. Вечером снова чтение или занятие с посетителями, домашними, в 6 часов легкая закуска, в 9 — молитва, в 10 ложился, в 12 просыпался и опять становился на молитву, потом спал до 3-х.

Светла была его жизнь, а находились люди, называвшие его фанатиком, святошею, лицемером.

В 1853 году, в ноябре, о. Матфей был вызван в Петербург, для совещания о воздействии на раскольников. Его упросила остановиться в его доме известная ревнительница православия, Т. Б. Потемкина. По строгости жизни и мудрости о. Матфей стал очень известен в Петербурге, и к нему стекалось много народа. Почти ежедневно он служил.

11 марта 1854 г. он подал в Св. Синод прошение, разрешить ему отправиться на похороны жены. А никаких известий о безнадежном состоянии ее он не получал, хотя знал, что она больна.

13 марта он совершал литургию, а пред вечерней запел панихиду, поминая новопреставленную Марию, и 14 поехал во Ржев. Между тем жена его тихо, неожиданно для всех, скончалась в то время, когда о. Матфей стал служить панихиду. Посланный в Петербург с вестью нарочный уже не застал его.

В апреле о. Матфей вернулся в Петербург и прожил там до июня, до окончания совещания. Но память о нем осталась в столице жива во всех, кто с ним встречался. Здесь он не изменил правил своей простой, трудовой жизни. Знали его и в Москве. Так, знаменитый писатель Гоголь очень дорожил знакомством с ним и вел с ним переписку.

С осени 1856 г. о. Матфей стал видимо слабеть.

Его мучило удушье, но он преодолевал страдания, ежедневно служил, проповедывал, хлопотал за бедных, украшал собор. По просьбе нескольких невинно преданных суду ржевцев, он ездил в

Петербург для выяснения дела и дорогой несколько раз был близок к смерти. С наступлением зимы появилась сильная опухоль ног и усилилось удушье. Несмотря на мольбы родных, он все служил. Последний год жизни он не мог уже, даже и ночью, ложиться. И в этом болезненном состоянии он усугубил строгость жизни; изнуренный постом, устав от богослужения, от долгой домашней молитвы, не в силах уже спать — он все исполнял свой долг. Отправляясь в церковь, он был так слаб, что говорил: "Не знаю, приведет ли Господь сегодня отслужить, доживу ли до вечера". 28 декабря он чуть не умер, служа утреню, и послал тотчас за духовником, чтоб готовиться к смерти, но остался жив.

В начале 1857 г. окончательно выяснилась болезнь — водянка. Настал великий пост; он ежедневно служил и проповедывал. Первым приходил он к утрени, замирающим голосом начинал службу; ходя по церкви, шатался, но к концу делался крепче, а во время литургии трудно было думать, что служит умирающий. И всякую литургию он говорил слово — в духе кротком, увещательном, как завещание отходящего отца детям. В субботу третьей недели, 9 марта, он в последний раз пришел в устроенный им собор, говорил слово, но выйти из собора не мог и был вынесен на руках.

Теперь он стал готовиться к смерти. 12 марта исповедывался, приобщался, соборовался. С этого дня до смерти он не принимал никакой пищи. В день смерти, 14 апреля, в Фомино воскресенье, он передал зятю свои последние полтораста рублей, присланные ему к Пасхе, чтоб на них оштукатурить выстроенный им теплый собор. В шесть часов вечера он исповедывался, пересказал все грехи, сделанные им с детства, сам приобщился, потом молился один до 10-го часа. Тогда он лег, в первый раз за всю длинную болезнь; глаза его были обращены к иконам. Потом он оправился, и в 10 1/2 часов вздохнул в последний раз.

20-го его хоронили, — по просьбе граждан, — в соборе, как храмоздателя. Стечение народа было громадное; много было приезжих издалека. После отпевания тело в предшествии святых икон было обнесено кругом храма. Когда подняли гроб, раздалось громкое рыдание народа, заглушая пение.

О. Матфей положен в правой стороне холодного собора в приделе святителя Арсения.

Кончина о. Матфея сопровождалась разными необыкновенными явлениями.

В день и час смерти его жившие в Твери дочь и сын о. Матфея были во сне извещены о кончине отца. Утром брат рассказывал об этом сестре, а сестра брату. Вечером они получили подтверждение этой вести.

14-го апреля одна ржевская жительница, Спиридонова, услышала ночью унылый звон колокола. Поняв, что скончался о. Матфей, она сейчас же, взяв требник, прочла последование на исход души из тела. Во сне ей явился о. Матфей, благословил и сказал: "Благодарю!"

На четвертый день по его кончине сын о. Матфея, священник Тверской церкви Живоносного Источника в состоянии среднем между сном и бодрствованием получил от отца извещение о его загробной участи. Между прочим, о. Матфей сказал: "Человек, облеченный плотью, не может вместить той славы, которую Бог уготовал любящим Его".

Чрез несколько месяцев по кончине о. Матфея его видел замечательным образом священник погоста Итомли Ржевского уззда, о. Иоанн Итомлинский, хорошо знавший его. Священник этот однажды вечером думал о том, награжден ли о. Матфей за свою святую жизнь. И вдруг его открытым глазам представился великолепный престол. Перед престолом стоял священник в белых ризах, лицо которого было обращено в противоположную сторону... Когда о.

Итомлинский повернулся так, чтоб рассмотреть это лицо, он, к своему величайшему удивлению, увидел о. Матфея Ржевского. Он хотел позвать жену, чтоб показать ей, что он видит. Но его дыхание стеснилось, он не мог произнести ни слова. А в это время свет стал исчезать, алтарь как будто свивался, и вскоре в доме воцарилась прежняя темнота.

В июле 1858 г. о. Матфей явился одной жившей в Ржеве женщине, которая была долгое время одержима истерией, причем ей не помогало никакое лечение. О. Матфей сказал ей, чтоб она ежедневно читала канон сладчайшему Иисусу. С радостью приняла больная этот совет; с тех пор болезнь ее прекратилась.

Мало событий описано здесь. Большая книга, и не без назидания, составила бы, говорил о. Матфей, если б подробно описать его жизнь. Но из этого краткого описания не выступает ли величавый образ ревностного, дивного пастыря, которым может гордиться и Россия и, ближайшим образом, выставившая этого светильника веры — древняя Тверская епархия?

Священник Петр (города Углича)

Отец Петр родился в 1782 г., в семье причетника Якимовского погоста, Угличского уезда. Воспитание он получил в Ярославской семинарии, и в 1807 г. рукоположен священником во Входо-Иерусалимскую церковь близ Углича.

В 1812 г., совершая литургию, о. Петр был испуган ложною вестью о приближении к Угличу французов и с ним начались припадки падучей болезни.

Около года пролечился он от этой болезни в Ярославле. В начале 1814 г. он снова заболел, и его поместили в дом умалишенных в Ярославле, а когда он вернулся в том же году домой, его отставили вследствие болезни от должности священника и отобрали священническую грамоту.

Но именно с этого времени начинается известность его, как подвижника терпения и прозорливого.

Он знал, что у каждого на сердце, и к нему за советом стекалось множество посетителей.

Болезнь все продолжалась, средств на лечение не было, и с согласия его жены, отец его задумал отправить его в Ярославскую градскую больницу.

Долго не соглашался на это о. Петр, но дело получило неожиданный оборот.

Полицейский чиновник, таивший месть на о. Петра, который раз обличил его, поймал его на дороге, привел в полицейский дом и жестоко наказал розгами.

По утру этого дня, о. Петр, поднявшись от сна, сказал своей жене: "Ксения Ивановна, какая ныне баня мне будет славная!" А, когда она ему возразила: "Что ты, батька, давно ли парился?" — он подтвердил: "Жаркая будет баня!"

Граждане угличские сочли себя жестоко оскорбленными этим поступком с о. Петром. Они начали дело. Назначено было по Высочайшему повелению следствие. Против воли о. Петр был вызван в Ярославль для дачи показаний. Но он ничего не отвечал на предложенные вопросы, только пропел тропарь Преображению Господню.

Затем о. Петр был оставлен в Ярославле для освидетельствования его болезни и опять помещен в дом умалишенных. Обращались здесь с ним жестоко.

Наконец, по ходатайству родственников и при помощи расположенных к о. Петру угличских граждан, было получено разрешение начальства водворить его на родину. Он оставался здесь до конца жизни.

Слава о его прозорливости и мудрости духовной все распространялась, и к нему шло множество посетителей из самых разнородных слоев общества.

Иногда приходили к нему с дурными намерениями и ради праздного любопытства вызывали его на спор, смеялись над ним.

Он или молчал или обличал их, высказывая их тайные дурные дела, намерения и мысли. Когда эти обличения не вызывали в посетителях раскаяния, он начинал кричать, рвать на себе волосы, раздирать рубашку. Иногда, предсказывая пожар, он бегал полуобнаженным по тем улицам, где будет пожар. За это полиция его преследовала.

Чтобы удержать его от таких поступков, вредных для его здоровья и навлекавших на него месть обличаемых, родные в течение 15 лет приковывали его к стене, чему он не противился.

Иногда он даже сам, чувствуя сильное душевное волнение, просил домашних связать себя или сам приковывал себя к стене.

С людьми, относившимися к нему искренно, о. Петр обращался ласково и предупредительно; предваряя их вопросы, предсказывал им успехи или неудачи в их делах, давал им духовные советы и наставления.

К тем, кто ехал издалека, он выходил далеко на встречу, прежде чем его о них предваряли, объявлял им, зачем они приехали, и давал им нужный совет или предостережение.

Иногда пред посетителями он говорил, не обращаясь ни к кому лично, а точно к постороннему, ему одному видимому лицу.

Слушатели ловили в его речах то, что относилось к ним, изумлялись его прозорливости. Не одними словами, но и знаками он вразумлял приходящих, возлагая разные послушания. Так, одного о. Петр посылал в кузницу сковать вещь, кому принести что-нибудь с недалекого берега Волги. Иных заставлял при себе читать, петь, писать, или давал какие-нибудь маленькие работы, все имевшие назидательное значение.

Сам он любил выделывать разные вещи из дерева, камня и железа и раздавал их посетителям вместо ответов на вопросы и недоумения.

С достойнейшими о. Петр любил петь церковные песни, особенно же "О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь".

Когда посетители приносили о. Петру деньги и вещи, нужные в хозяйстве, он предугадывал, кто принес к нему с усердием и приобретенное честным трудом. Иначе он совсем не принимал их и даже ценные вещи бросал в печь.

Он обличал в недобросовестности людей, которым было поручено передать ему вещи и которые или утаивали их у себя или приносили из дому только часть их.

Все получаемое о. Петр раздавал бедным, а остатки лишь домашним, которые его на это и содержали.

Жизнь о. Петр всегда вел суровую, спал не на кровати, а на простой лавке, подкладывая себе под голову кирпич. Чтоб лишить чай приятного вкуса, клал в чашку прядь льна.

На 85-м году закончилась подвижническая и многострадальная жизнь о. Петра Алексеевича Томаницкого.

Он скончался в начале сентября 1866 года, напутствованный Св. Тайнами. У гроба служились по желанию граждан непрерывные панихиды, при самом многолюдном стечении народа. Для погребения тело привезено было, как то завещал покойный, в Рыбинск, в женский Софийский монастырь. Этот монастырь был устроен по предсказанию, наставлению и благословиению о. Петра.

Погребальное шествие было торжественно встречено за заставою крестным ходом.

В день погребения знаменитый проповедник о. Родион Путятин произнес следующее слово: "Вместо последнего целования, приидите, братие и сестры, отдадим наш поклон умершему отцу Петру и помолимся о упокоении души его.

Редкие из людей пользуются таким почтением, каким пользовался покойный о. Петр, которого гроб теперь перед нами, — очень редкие.

В последние сорок лет девяностолетней его жизни, у него, может быть, до сотни тысяч перебивало народа людей всякого звания, состояния, образования. И приходили к нему не близкие только, но и из дальних мест, и приходили не за советом только и наставлением, а просто так — только взглянуть на него, только посидеть у него, поклониться ему, получить благословение от него.

А какое к нему почтение, теперь умершему. Как святыню встретили здесь его гроб, и как отца своего родного стеклись все проводить его в могилу.

Чем заслужил он такое почтение? Что заставляло всех особенно прибегать к нему за советами, за наставлениями, за утешениями? Думаю, тем, что он был человеком большого ума, далеко видел, был прозорлив. Да, он был одарен прозорливостью, дальноркостью. Он знал, что кому сказать, как сказать; знал, кого к себе принять, кому отказать, знал, когда перед кем ему молчать, когда перед кем ему говорить. И потому-то он и молчанием своим говорил поучение и отказом своим давал вразумление.

При такой прозорливости, дальновидности, он всегда можно сказать, днем и ночью, имел в мыслях одно: что одно? — Чтобы всякого проходящего чему-нибудь научить, чем-нибудь вразумить, как-нибудь и чем-нибудь утешить, успокоить. От того-то он мало говорил, а больше молчал, слушая и обдумывая. Дальновидных людей на свете не мало, но те далековидящие смотрят вдаль для того, чтобы как-нибудь поскорее, прежде других что добыть, получить для себя, чем воспользоваться, завладеть. А покойный о. Петр, забывая себя и свое, зорко всматривался во все, внимательно вслушивался всегда — для того только, чтобы другим понужнее, пополезнее что сказать, других повернее как вразумить, наставить, поскорее утешить, получше успокоить. Да, своим забвением самого себя для других, своею небрежностью к самому себе ради ближних, — вот, чем он, при своей дальновидности, всех к себе располагал, всех привлекал, верить в себя заставлял.

Слушатели христиане! Многие из вас ходили к о. Петру в его дом, в его келлию. Ходите сюда на его могилу, молитесь здесь, молитесь об упокоении души его, и Господь за вашу молитву об упокоении души его будет вас успокаивать, утешать, вразумлять, наставлять, как он успокаивал, вразумлял и наставлял вас в доме, в келлии его.

Так поминайте иерея Петра, и ради него Господь помянет вас. Аминь".

Вот несколько случаев прозорливости о. Петра:

Когда он содержался в Ярославле в доме умалишенных на испытании, одна угличская мещанка, пришедшая навестить его, сказала ему: "В какой вы неволе здесь, батюшка! Что досталось на вашу долю!" На это о. Петр закричал ей: "Не тужи сова о сове, а тужи сама о себе; нечего меня жалеть, сама сюда попадешь".

Посетительница подумала, что о. Петр не в своем уме и потому говорит так. Но чрез несколько лет от тифозной горячки она впала в нервную болезнь с буйством, и четыре месяца ее лечили в этой больнице.

Однажды жена о. Петра, Ксения Ивановна, собралась в Углич, отстоящий в версте от Иерусалимской слободы, где они жили. О. Петр сказал ей: "Не ходила бы нынче в город, неравно пожар будет".

Не обратив внимания на эти слова, она ушла, но, дойдя уж до городского рынка, почувствовала тоску. Вспомнились ей тут слова о. Петра о пожаре и она поспешно вернулась домой. Между тем в ее отсутствие, в комнату, где находился о. Петр, входила девочка-соседка и слышала, как он произнес: "Еще не загоралось, а скоро загорится". В тот же час занялся пожар в соседнем доме. Затем пламя бросилось на дом о. Петра. О. Петр был в это время прикован цепью к стене, ему угрожала опасность сгореть; но вернувшаяся из города жена его успела указать ему чрез окно ключ от замка, который замыкал цепь.

Андрей, юродствовавший в городе Мещовске

Юродивый Андрей родился в 1744 г. в деревне Овсянниковой, в приходе села Клетина, Мещовского уезда, в благочестивой семье. Отец его умер рано, и он жил с матерью и вотчимом. Он с детства был сосредоточен в себе и все обособлялся.

Придя в возраст, Андрей начал ходить почти голый, с кнутиком и топориком, который он носил на левом плече, держа рукоятку правой рукою.

Одежду, которую на него одевали, он рвал. Разговаривая о чем-нибудь хорошем, Андрей приятно улыбался, а при бранных словах уходил. Он большею частью сидел или лежал на печи, перебирая положенные на ней дрова. Спал на печи, самой горячей, без подстилки и под голову всегда клал свой топорик.

Много он молился, особенно ночью. Летом, когда после работ все ложились, он потихоньку пробирался в сад и звал Бога, осеняя себя крестным знамением. Слово его молитвы было немногосложно. Смотри на небо, подняв вверх руки, он произносил только "Господи!"

Когда Андрей ходил по деревням, его обижали крестьяне и дети. Ребятишки толпою гнались за ним с криком "Андрей топора!" швыряли в него камни, которые иногда ранили ему голову. Но он все терпел спокойно.

Иногда Андрей ударял себя сильно в грудь, или бился затылком о стену так, что удары слышны были на улице, но этим он не делал себе вреда.

Пока одни смеялись над ним, другие стали уважать его, замечая в нем прозорливость.

Пришел как-то Андрей в соседнюю деревню Староселье во время посева ржи. Один мужик,

издаваясь над ним, просил его посеять ему ржи. Бросая семена, Андрей произносил: "Пропало, замерло!"

На этом поле не выросло ни одного колоса. А когда Андрей обсеял поле другому крестьянину, который верил, что Андрей угоден Богу — у него уродился, никогда им не виданный, урожай.

Когда Андрею исполнилось 35 лет, он захотел жить в Мещовске и, указывая в сторону города, говорил: "Отвезите меня туда!"

Когда его привезли в город, он подошел к дому мещанской вдовы Суховой и остановился тут, прислонившись к стене и как бы задумавшись. Мать этой вдовы позвала его к себе, уложила ночевать, и Андрей стал постоянно жить у нее.

В городе Андрей продолжал ходить не одетым и с топориком. Сколько ни жертвовали ему рубашек, он отдавал их нищим. Летом и зимой он на несколько часов уходил из города. Снег и мороз ему не вредили.

Однажды в сильный холод один человек отказал Андрею в ночлеге, но потом пожалел его и вышел его искать. Он нашел Андрея лежащим на снегу, из которого выходил сильный пар, и, когда он позвал его, юродивый куда-то ушел.

Молясь за городом, он прекращал молитву, когда его замечали. Дома он молился за хозяев: "Помяни, Господи, подай здравие дядюшке и тетушке!" В праздники, которые он очень чтил, он ходил в церковь, где стоял с благоговением. В дни Рождества и Пасхи он полон был величайшей духовной радости и все восклицал: "Христос рождается!", в Пасху "Христос воскрес!"

На рынке замечено было, что у кого Андрей брал что-нибудь, тот бойко торговал, и потому торговцы наперерыв старались ему вручить подаяние.

Он раздавал все нищим, а, когда их не попадалось, клал деньги в щели домов, чтоб нищие их брали оттуда.

Особенно жалел Андрей солдат и заключенных в тюрьме. Когда шла речь о солдатах, он с тяжелым вздохом говорил: "Бедные солдаты!"

В Мещовском тюремном замке не было для арестантов готовой пищи. Они содержались подаяниями и, для сбора их, их водили под конвоем по городу. Андрей тогда кричал им из окна: "Братие нищие, идите к нам!" — и с радостью сдавал им все, что для них приберег.

В 1812 году, во время вторжения Наполеона в Россию, Андрей, указывая в ту сторону, с которой приближался Наполеон, говорил: "Идут с горы! Очень много! Боюсь; уеду в Калугу".

Хозяин стал допрашивать его, а он, ударяясь все головой о стену, повторял: "Ах, идут! Очень много! Но пропадут, исчезнут!" — Тогда не было еще вести о Наполеоне, и, только побывав в Смоленске, хозяин узнал о вступлении его армии в Россию.

Это был один из множества случаев проявления у Андрея дара прозорливости. Об этом даре его знали все в Мещовске.

Когда люди недостойно издавались над младенчески незлобивым Андреем, Сам Бог вступился на него. Один Мещовский помещик, равнодушный к вере и самодовольный, возвращался со псовой охоты и, встретив Андрея, начал травить его собаками. Собаки искусали ему ноги, а он

с терпением смотрел на свои раны и, придя домой, весело попросил тертой редьки, чтоб приложить ее к ранам.

— Да редька не залечит их, — сказала хозяйка, — а растравит их.

Но Андрей сделал по-своему, и раны зажили. А у помещика внезапно заболели и умерли два сына.

Почувствовав близость смерти, Андрей в Мещовском монастыре выбрал себе место для погребения.

Предсмертная болезнь его длилась более полугода и была мучительна, так как он лежал за печью все на одном боку. На теле его появилось множество червей, которых он очищать не позволял.

28 июня 1812 года, за несколько дней до того приобщившись и особоровавшись, Андрей тихо почил.

Множество народа, как Мещовских, так и пришлых по случаю Петровской ярмарки — собралось поклониться усопшему, все жертвовали на погребение, и оно было совершено с большою торжественностью. При перенесении тела в монастырь, панихид служили так много, что шествие продолжалось три часа. Народ шел с зажженными свечами.

С тех пор прошло около века, а память об этой искренней душе, которая так властно распяла в себе земного человека, с такою силою избрала путь тяготы, унижения и нищеты, — не прекратились в Мещовске и его округе.

Старики передавали молодым рассказы о том, как он жил, как терпел свою трудную долю и как жалел народ. И вера в то, что эта отреченная жизнь была угодна Богу и что сильна пред Богом молитва юродивого Андрея — никогда не иссякала в народ.

Издали приходят к его могиле служить панихиды, обливают висящий у его могилы топорик его водою, пьют ее и умываются, берут с могилы землю и посыпают ею больные места, получая по вере исцеление.

Доселе крестьяне Клетинской волости живут сытно и в голодный даже 1840 год у них был урожай. Они веруют, что Бог посылает им по молитвам юродивого Андрея.

2 октября 1853 г. тяжело больная 12-летняя дочь Александра Мещовского купца Кобелева видела во сне, что икона Божией Матери приказывает ей съездить в Мещовский монастырь и отслужить панихиду по юродивому Андрею. Отец ее не решился вывезти опасно больную, но сам съездил в монастырь и привез воды, спущенной с топорика, которой она напилась, помочила руки и ноги. Она почувствовала внезапное облегчение и стала здорова.

Незадолго до того получил исцеление после панихиды, отслуженной над гробом Андрея и от воды, спущенной с его топорика, мещовский мещанин Василий Костин.

Внешность Андрея была такова. Средний рост, небольшая лысая голова, продолговатое лицо, довольно большие глаза, длинный нос, редкая с проседью борода.

Он скончался 68 лет от роду и погребен в средней монастырской башне.

Евфимия Григорьевна Попова

Евфимию Григорьевну Попову еще при жизни называли старицей, т. е. наставницей, проникнутой духом христианства, умевшей в этом духе руководить соприкасавшимися с нею лицами.

Родилась она в селе Каликине, Лебедянского уезда, Тамбовской губернии, в набожной семье однодворца. Кто дал ей духовное направление первых лет — неизвестно.

В раннем возрасте ничего отличавшего резко от других в ней не замечали. Но с четырнадцатого года она стала тайком уходить из дому, иногда на несколько дней, и проводила ночное время в молитве на церковной паперти. Стала она неопустительно ходить ко всем службам в Калининской церкви, держала суровый пост, иногда по два и по три дня не принимая вовсе пищи.

Убегая всяких сборищ, хороводов и ночных посиделок, она искала уединения и больше любила слушать, чем говорить. Держала она себя скромно, покорно, в словах была кратка и разумна, подолгу и часто молилась со слезами.

Родители ее не мешали дочери в ее наклонностях. Когда она достигла зрелого возраста, они выстроили ей у сельской церкви небольшую хижину. Здесь она стала жить и принимала к себе только отца и мать; они попеременно носили ей хлеб и воду. Душа Евфимии с такой силою устремилась в это время к Богу, что она не замечала почти нужд телесных, и даже зимою редко топила свою келлию.

Чрез несколько лет этого добровольного затвора, из которого она выходила лишь в церковь, Евфимия приняла на себя труднейший подвиг христианской жизни — юродство Христа ради.

Она стала ходить по улицам своего родного села, являлась в дома, уличала крестьян в пороках и беспорядке, и иногда, рассерженные правдою ее слов, бывшею не понутру мужикам, — они бранили ее или даже и били. Она спокойно выносила все, не жаловалась и прощала обидчиков.

Особенно пришлось ей натерпеться от волостного головы, которого она на народе обличала в развратной жизни. Он вытолкал ее из своей избы, и с кольем в руках преследовал ее побоями до самой ее келлии.

Людей же с мягким восприимчивым сердцем обличительные слова Евфимии удерживали и предохраняли от проступков.

Уже с первой поры подвижнической жизни действовавший в Евфимии дар прозорливости проявился с особою силою во время случившегося в селе Каликине пожара.

Когда загорелся первый дом, на сельской колокольне ударили в набат, поднялась суматоха. Евфимия с посохом в руках вышла из своей хижины, и, бегая по селу в тревожном состоянии духа, останавливалась пред некоторыми домами и говорила: "Вот и этот дом сию минуту загорится: в нем живут грешники, Бога прогневляют и в грехах не каются".

Тогда тотчас по воздуху неслись с пожара головни и дома эти сгорали, тогда как стоявшие рядом оставались целы.

Дойдя до избы своей близкой родственницы, стоявшей за воротами с грудным младенцем на руках, Евфимия указала и на этот дом, но прибавила, глядя на младенца: он невинен. У этого

загоревшегося дома стояли скирды хлеба, и Евфимия, указав на меньший из них, сказала: "Этот останется для дитяти". И он, действительно, остался, тогда как прочие сгорели.

Когда, по окончании пожара, ее спросили, зачем она бегала по селу и сожгла несколько домов, она отвечала: "Я не помню, где была и что делала".

С 1808 г. до смерти Евфимия жила в Задонске. Ей выстроили уважавшие ее лица особенный дом, в котором с нею помещались сошедшие к ней для христианской жизни вдовы и девицы. Эта община занималась странноприимством бедных, и Евфимия была у них старшею.

Тут ее жизнь получила мирное направление. Она постоянно ходила в Задонский монастырь и всегда молилась усердно и дома большую часть времени проводила в молитве. И здесь она погружалась в такое высокое созерцание, что часто к ней входили, а она не замечала.

Она обращалась за советами и наставлениями к Илариону Троекуровскому. Он принимал ее с великим уважением, и сам часто пользовался ее духовною опытностью, в ней искал совета и поддержки.

Когда Евфимия приходила к о. Илариону, он посылал ночевать ее в холодную комнату со словами: "Пооди туда с Богом и там тепло будет!" — и, говорят, что она не чувствовала там холода.

И она также давала подвижнику советы, и, если он им не следовал, то впоследствии ему иногда приходилось раскаиваться. Он имел желание поступить в общежительную пустынь; она его отговорила, зная, что это не его призвание. Он настоял на своем, но вскоре должен был вернуться к прежним подвигам.

С таким же уважением относился к ней и задонский затворник Георгий, называвший ее всегда своею "духовною матерью".

В 1819 г. Георгий по назначению настоятеля исполнял в монастыре послушание у свечного ящика. Его душа, жаждавшая полного сосредоточия в Боге, искала совершенного уединения. Он задумал перейти в Соловки и со слезами молился, чтоб Господь открыл ему Свою волю. Однажды после богослужения Евфимия подошла к клиросу и, подавая Георгию, стоявшему у ящика с наклоненною головою четки, сказала: "Вот тебе четки: молись по ним. Царица Небесная приказала тебе жить в Задонской Ее обители, и никуда не переходить. Придет время — будешь сидеть в келлии".

Вскоре Георгий тяжело заболел и полгода не выходил из келлии, а затем затворился в затворе.

Когда Георгий был уже в затворе, он оставил у себя только один образ, уступая распространенному в миру мнению, что излишество в иконах есть роскошь, несовместимая с затворничеством. Тогда Евфимия объяснила ему неосновательность этого мнения и советовала снова украсить келлии иконами, укрепляя себя воспоминаниями о подвигах святых.

Высоко чтил Евфимию и юродивый Антоний Алексеевич, который благоговел перед ней и был при ней всегда тих.

Посетители странноприимной общины приносили иногда Евфимии деньги, но она редко их от кого принимала и отговаривалась: "Может быть, вам самим он нужны, а меня Господь пропитает".

Так говорила она не от избытка средств: часто она терпела крайнюю нужду, но ей была дорога

добровольная нищета. Молодые келейницы роптали на нее за отказ принимать приношения, а она отвечала мудрыми, полными значения, словами: "Если желаете, сами вы принимайте приношения. А я стара и слаба, не в силах уже умолить за других Господа".

Жизнь Евфимии была долга: она продолжалась 110 лет.

За полгода она имела извещение о кончине. В тот же час — была полночь — она вышла из своей молельни, собрала в одну комнату всех живших с нею сестер и сказала им: "Господь наш Иисус Христос благоволил возвестить мне о скором моем отшествии, и потому я более не начальница вам. Пусть главною у вас будет сестра Анна Дмитриевна, кланяйтесь ей в ноги и целуйте ее руку", — и сама она первая подошла к ней и поклонилась.

Тело старицы слабело, но дух бодрствовал. За несколько дней до кончины над нею было совершено таинство св. елеосвящения, а затем св. причащения. За причащением открылся ее слух, которого она давно по старости лишилась. Все время сохраняла она ясное сознание. В день смерти вечером встала с постели, позвала келейницу и просила налить в стакан св. воды.

Три раза перекрестившись, она при каждом крестном знамении пила св. воду. Потом сама опустилась на постель и тихо предала дух Богу. Это было 15 января 1860 года.

Она лежала три дня в гробу, как спящая, без всяких признаков разложения. Тело ее, при громадном стечении народа, предано земле в часовне Задонского Богородицкого монастыря, рядом с затворником Георгием, в ряду других Задонских подвижников.

Иеросхимонах Иоанн, затворник Святогорский

Иеросхимонах Иоанн, подъявший великий подвиг затворничества, происходил из небогатых мещан города Курска, назывался в мире Иван Крюков и родился 20 сентября 1795 года. С детства запало в него желание монашества, которое возбудили в его душе рассказы мальчика-сверстника Семена Мошнина о его деде, спасавшемся в то время в Сарове, — великом старце Серафиме.

"Ох, хорошо так жить, хорошо жить и спастись!" — восклицал Иван, расспрашивая мальчика о его деде.

На девятом году Иван просил родителей отдать его учиться грамоте; но родители, находясь в бедности, предпочли отдать сына печному мастеру, изготавливавшему изразцы, на 7 лет, с уплатою родителям за все это время 10 руб. ассигнациями. Хозяин Ивана был жестокий человек и вымещал на своем ученике свою досаду. Он бил его так, что Иван иногда подолгу лежал без дыхания. Придя в возраст, Иван поступил приказчиком к торговцу скотом, и зарабатывал 200 руб. в год; тут, вопреки своему желанию, так как мысль о монастыре не оставляла его, Иван женился, по настоянию родителей. Перейдя вскоре затем снова в изразцовую мастерскую, он стал зарабатывать 600 руб. в год, и к 30 годам, заведя собственное дело, стал брать значительные подряды; купил два постоянные дома и гостиницу, и стал совершенно зажиточным человеком. Жизнь Крюков вел трезвую и благочестивую, ходил часто в церковь и сохранял расположение к монашеству.

Лет через десять после того как Иван стал на ноги, жена его умерла, и он остался бездетным; вскоре умер и отец его, и он, видя, что сестры его живут в замужестве, обеспечил старуху мать и стал проситься у нее в монастырь. Мать никак не соглашалась, требуя чтоб он остался при ней до ее смерти, и старуху преклонили только увещания одного уважаемого ею помещика, который прямо объявил ей, что, если и теперь она будет удерживать сына, то ответит за него

Богу.

— Бог с тобой, — сказала она, — отпущу тебя в монастырь; иди с Богом и молись там за меня.

Сын поклонился ей, в радости, в ноги, и этот день показался ему светлым праздником. Мать предложила Ивану выбрать в благословение от нее какую-нибудь из ее икон, которых у нее было много в золотых и серебряных окладах, но он просил дать ему медный литой крест, который и носил всю жизнь на толстой железной цепочке. Сделав себе из шинного железа вериги, пояс и наплечники, весом в полпуда, он возложил их на себя для усмирения плоти. Проведя около полутора года в хлопотах по расчетам и получению свидетельства от мещанского общества, причем он махнул рукой на тех, кто обманно не хотел ему платить, — Крюков со слезами простился с матерью, которую перевез на жительство к одной из сестер своих, и на 39-м году оставил родной город.

Побывав пешком в Киеве и получив там совет вступить в Глинскую пустынь Курской епархии, он направился туда и у ворот монастырских молился, чтоб Матерь Божия сподобила его потрудиться в Ее обители на спасение души. Глинская пустынь в то время процветала духовно под управлением игумена Филарета, утвердившего в ней строгий чин и устав молдованских монастырей Паисия Величковского.

Крюкову было дано послушание класть печи — занятие, которое он раньше хоть и видал, но сам им не занимался. В пустыне он быстро стал хорошим печником. В поведении он отличался простосердечием, простотою и искренностью; кроме хождения ко всем службам, он в келлии все свободное от послушаний время дня и ночи посвящал на молитву, кладя земные поклоны. Уже в это время его твердая детская вера проявилась следующим образом. В монастырь был приведен одержимый нечистым духом. Пять человек не могли ввести этого несчастного в церковь. Крюков взял его в свою тесную келлийку, заперся с ним и слезно стал молиться Богу об освобождении скованной души. Так молился он до полуночи; одержимый лежал без движения, тяжело дыша, как умирающий. Потом Иоанн положил правую руку на страшно трепетавшее сердце больного; он успокоился, заснул, а на другое утро встал исцеленный. На это событие Иоанн смотрел, как на совершенно обыкновенное.

Печное послушание, ответственность за небрежность молодых помощников послушников сильно тяготили Иоанна. Однажды вечером, идя из церкви в келлию, он думал о том, какой ему принять подвиг, и, взглянув на развесистое дерево, сказал себе, что, притворясь юродивым, можно взойти на дерево, и жить там, как птица. После долгой молитвы о том, чтобы Господь вразумил его, Иоанн заснул и видел, как к нему вошли два светлые юноши, наложили на него священническую ризу и сказали: "Оставь мысль о юродстве, это не твой путь".

Духовник монастырский, узнав об этом сне, посоветовал Иоанну учиться грамоте, и дал ему псалтырь славянской печати. Под руководством одного грамотного мальчика Иоанн научился грамоте и немного письму. После печного послушания, Иоанн был переведен в трапезу, затем назначен экономом и в 1840 г. пострижен в мантию с именем Иоанникия. Незадолго до того, произошел новый случай исцеления им бесноватого, из дворян.

В сороковых годах началось возобновление древней и знаменитой Святогорской обители, упраздненной в 1788 году; о. Иоанникий был назначен туда экономом. Много пришлось понести трудов и скорбей о. Иоанникию при наблюдении за постройками, за которые он был ответствен; было нелегко согласовать распоряжения настоятеля с желаниями Потемкиных, главных устроителей и жертвователей монастыря. Под наблюдением эконома была воздвигнута гостиница, два братские корпуса, хлебный амбар и ледник. Приходилось, по тесноте места, отсекал часть меловой горы, у подошвы которой стоит обитель, устраивать

каменные своды и подпорки. Кроме того, эконом расчистил и расширил двумя вновь выкопанными приделами древний пещерный храм, засыпанный с прошлого столетия землею и поросший лесом. Замечательно открытие этого храма. Пред упразднением монастыря, один из послушников, именем Михаил, заметил отверстие в земле, служившее входом во храм, и рассказал о том монахам, но до упразднения обители ничего не успели сделать. Этот послушник, поселившийся в окрестностях Святых гор, при возобновлении обители, вновь вступил в нее, уже столетним старцем, и пострижен с именем Мафусаила; он рассказал настоятелю о засыпанном храме, над местом которого духовник монастырский видал по ночам свет. Храм был открыт под руководством эконома Иоанникия, который собственноручно вырубил из цельного дикого камня престол.

В 1849 г. о. Иоанникий рукоположен во иеромонаха, и назначен духовником для богомольцев. Незадолго до того он подвергся тому же искушению, как целомудренный Иосиф, и, спасая себя, выпрыгнул, с опасностью для жизни, из высокого окна. Душа о. Иоанникия просила тишины и полного безмолвия. Он начал думать о затворе.

Та меловая гора, на которой стоит Святогорский монастырь, вся изрыта пещерными ходами, которые во время запустения монастыря во многих местах завалились, так что проход по ним был труден. Иоанникий просил у настоятеля позволения их очистить и расширить. В верхней части скалы было несколько тесных келлий; в одной из них, работая над очищением пещер, о. Иоанникий отдыхал и любил ее. Он вспомнил в ней свое далекое детство, рассказы товарища о затворничестве о. Серафима, свои первые мечты и стремления, и ему захотелось хоть теперь осуществить их. С разрешения настоятеля, он обложил келлию досками, сделал деревянные дверь и простенок, и стал проситься в затвор. Настоятель, зная крайнюю простоту Иоанникия и великие духовные опасности, которые представляет этот подвиг, — боясь, не делается ли это из обольщения, стал испытывать его. Он велел ему, иеромонаху, своими руками очищать нечистые места, ставил его на поклоны пред всею братиею в трапезной, нарочно налагая незаслуженные взыскания, отобрал от него крепкую одежду и дал изношенную, в заплатках — но кротко переносил подвижник испытание. Видя правильное его духовное устройство, настоятель велел ему для опыта войти в простую келлию, затворив ставнями окна. Тут по ночам о. Иоанникий чувствовал ужас, мешавший ему молиться. Тайно от настоятеля он перешел в пещерную келлию, и провел в ней четыре дня, испытывая великую радость. Тогда настоятель, дав Иоанникию малый запас хлеба и воды, запер его на ключ и поехал в Харьков, испросить разрешение преосв. Филарета, который принял в деле особое участие и советовал настоятелю, не взирая на ропот братии, осуждавшей Иоанникия за чрезвычайные подвиги, — не препятствовать его стремлениям. Условием пребывания о. Иоанникия в затворе было поставлено преосвященным — подчиняться надзору настоятеля и духовника и, по требованию их, оставить затвор.

Малая келлия, иссеченная в скале, где затворился о. Иоанникий, была не выше человеческого роста; освещалась она узкою пробуровленною чрез скалу скважиною. Воздух был холодный, сырой, производящей в теле лихорадочный озноб.

В келлии находился лишь деревянный гроб, служившей постелью, налой с иконами, неугасимая лампада, деревянный обрубок, кувшин для воды, гарнец для пищи, нагольный тулуп, старая мантия и епитрахиль. У гроба в головах стояло распятие. Жестокое житие особенно трудно было с начала. Ложась для отдыха во гроб в тулупе, подвижник дрожал от пронизывающего насквозь холода. От сырости тлела и распадалась одежда. Молитвенное правило затворника состояло из 700 земных поклонов, 100 поясных, 5000 Иисусовых молитв, тысячи Богородичных, акафистов Христу, Божией Матери и Страстям Христовым, помянника по запискам, подаваемым от богомольцев. Ежемесячно о. Иоанникий приобщался св. Тайн и только тогда, закрытым ходом, проходил в церковь. Сперва, глядя на великую меру трудов

затворника, братия думала, что он в прелести; его осуждали, глумились над ним. Но время шло. Крепко и молчаливо продолжал подвижник начатые труды, удивление стало заменять насмешки. Через полтора года по начатии затвора, на день Усекновения главы, о. Иоанникий пострижен преосв. Филаретом в схиму с именем Иоанна.

Подвижнику было разрешено приобщаться ежемесячно, а в посты еженедельно. Архимандрит и некоторые из старшей братии обратились к о. Иоанну как к духовнику; преосв. Филарет, всегда посещая его при своих приездах, — оказывал к нему великое уважение.

По пятилетнем пребывании в пещере, у о. Иоанна в ногах появились судороги от сырого холода, и тогда настоятель устроил ему в пещере печь.

Всякий вторник ходил он в церковь, приобщаться, и после литургии благословлял теснившийся к нему народ. Семь дней в году, со страстной среды до четверга Пасхи, он проводил в келлии, у келейников. Господь сохранил о. Иоанна от искушений демонских. Только раз ночью вошли к нему в пещеру два необычайные великана и, со злобою смотря на него, сказали: "Съедим этого старика, чтоб он не молился так постоянно". Затворник, закрыв глаза, стал читать молитву Иисусову, и привидение с диким хохотом исчезло. Много терпел подвижник от нареканий братии, осуждавшей его за выходы из затвора, за его крайнюю простоту, за то, что он имел у себя самовар, и изредка подкреплялся чаем. Приставленные к затворнику келейники, тяготясь им, делали ему неприятности, и в глаза поносили его. Не в состоянии сам назидать книжным языком, старец с любовью выслушивал от собеседников, много младших возрастом, святоотеческие изречения. Пока о. Иоанн мог сам читать, он сам вычитывал свое ежедневное правило; когда же от мрака и от свеч его зрение совершенно испортилось, к нему был приставлен инок, прочитывавший для него церковные последования; оставаясь же наедине, старец творил земные поклоны и предавался молитве Иисусовой. "Иисус — моя утеха, — говорил затворник. — С Ним мне, слепому, не скучно, Он и утешит, Он и усладит душу, так что с Ним скучно мне никогда не бывает". Равнодушие старца к окружавшей его обстановке доходило до того, что некоторые иноки сами от себя должны были менять полусгнившую соломенную подстилку в гробе и распорядиться у него, чтоб хоть несколько смягчить тот бесконечно суровый обиход, в котором жил старец.

С тех пор, как старец стал появляться по вторникам у алтарных дверей, к нему стало тесниться множество народа; многие из этих людей спрашивали у него советов. Эти беседы с мирянами сильно тяготили старца.

В последние годы жизни о. Иоанн проявлял иногда в своих действиях странности, похожие на юродство. Однажды Т. Б. Потемкина привела в келлию к нему своего брата, настроенного против монашества. Вместо духовной беседы, — старец стал усиленно просить посетительницу озаботиться, чтоб сняли с него портрет, говоря, что он очень нужен. Такое, как казалось, тщеславие, очень неприятно поразило посетителей. Но портрет был по неоднократным настояниям старца сделан, и по смерти его многим оказался нужен и полезен. В другой раз один благодетель монастырский, желая видеть знаменитого затворника, вошел в пещеру его, а о. Иоанн стал просить о помощи бедным своим сродникам. "Ты умер миру, отче; ты мертвец в мире, какие у тебя родные!" — обличал его посетитель, и с огорчением вышел. Такие поступки, несомненно, имели целью принять укоры от таких людей, которые шли к о. Иоанну, как к праведнику: он трепетал хвалы человеческой, и предпочитал ей оскорбления. А между тем народная молва повторяла имя подвижника, как святого старца, и действовавшие в нем, ясно проявлявшиеся дары исцеления, молитвы, прозорливости, свидетельствовали о достигнутой им степени совершенства. Он изгонял бесов, называл по имени лиц, в первый раз им видимых, открывая им их тайны.

Приближалось время отшествия старца. Силы его упали. Его утружденное тело страдало. Поломавшиеся вериги, врезавшись в спину, образовали язвы, в которых роились черви; когда вериги обложили кожей, они все же причиняли страдание. Ноги от постоянного стояния опухли и были в язвах. Желудок не принимал пищи. Появился сильный кашель. Совершать поклонов старец не мог, и все молился, лежа в своем гробе. Подвижник говорил о месте своего погребения. Сперва хотел он быть погребенным в своей пещере, но потом сказал: "Неудобно, панихиды тесно служить будет"; просил, чтоб по смерти его не затеряли его вериг.

В Пасху 1867 г., о. Иоанн, войдя, по обычаю, в монастырь, осмотрел здание строившегося собора и походил по монастырю, чего раньше не делал, как бы прощаясь с ним. В августе он окончательно ослабел. Настоятель архимандрит Герман, опасаясь, чтоб старец в своей пещере не умер неведомо, без напутствия, решил переместить его в монастырскую больницу, находившуюся на хуторе, в версте от обители. На отказ старца, он напомнил ему об обещании, данном почившему о. Арсению — при первом требовании оставить затвор. Тогда старец беспрекословно повиновался. Это великое послушание было венцом подвигов затворника.

В больничной келлии прожил он 8 дней. Снятые с него вериги были поставлены около него, также и медный крест, материнское благословение, который иметь на себе у него не хватало уже сил. Он убедительно просил, чтоб этот крест положили с ним в гроб, Он прощался с приходившею навестить его братиею, раздавая им свои немногие вещи — иконы, книги, схиму, четки. Старец был особорован. 11 сентября, приобщившись, он сказал, что сегодня отойдет. К нему пришел настоятель и предложил схоронить его у алтаря больничной церкви. Он не прекословил.

По выходе настоятеля мертвенно бледное лицо о. Иоанна просветилось, и на нем заиграл румянец, он улыбнулся, видя что-то радостное. К вечеру разразилась страшная гроза. Ветер, гудя, гнул деревья и подымал по дорогам столбы пыли, гром гремел сильными раскатами, и молния сверкала почти непрерывно. Казалось, что бессильные пред смирением праведника враги души его выражали свою злобу возмущением стихий. В шестом часу старец с молитвою на устах безмятежно предал дух Богу. Гроза утихла, настала тишина и покой освеженной дождем природы. Светлый лик почившего сиял радостью.

Убрав тело, на грудь положили медный крест; так как мантия почившего была в монастыре, его завернули в чужую, а его мантия промыслительно осталась в монастыре.

Его схоронили у алтаря больничной церкви, во имя Ахтырской иконы Богоматери. Могилу вырыли в прочном меловом грунте, не потребовавшем ни свода, ни склепа, и этот покой его близко напоминал его вольный затвор. Теперь могилу о. Иоанна осеняет чугунный крест под навесом. Деревянный крест и вериги сохраняются в пещерной келлии, где теплится неугасимая лампада, при свете которой богомольцем овладевает невольное удивление сил духа умершего старца. Схимы, мантия и скуфья о. Иоанна находятся при больничной церкви.

Не прошло года по кончине о. Иоанна, как на могиле его начали твориться знамения и исцеления. После двух таких исцелений бесноватых над могилою старца, скопление народа, приходившего служить по старце панихиды, умножилось, и монастырские власти, боясь нареканий, донесли преосвященному Харьковскому Макарию (впоследствии митр. Московскому) о случающихся исцелениях и о стечении народном на могиле затворника. Было велено тщательно записывать все такие случаи, с достоверными свидетельствами, завести особую для того книгу и не стеснять народное усердие в служении панихид.

С тех пор много записано исцелений. Наиболее действует дар в о. Иоанне, дарованный ему еще при жизни — изгнания нечистых духов. Одержимые страдают даже при виде изображения

старца; затворник являлся многим в видениях, с обещанием помощи. Исцеление большею частью получали на могиле, при возложении мантии: и в меловой келлии — при возложении вериг.

Иеросхимонах Парфений Киевский

Киево-Печерская лавра, созданная верою и подвигами первоначальников ее, преподобных игуменов Антония и Феодосия, в древние лета воспитала множество великих подвижников благочестия.

Но и в близкие к нам дни она выставляет мужей, удивительных силою религиозного воодушевления, здесь, на земле, вне земных условий, живущих одним небесным. К таким подвижникам принадлежит старец иеросхимонах Парфений.

Отец Парфений родился 24 августа 1790 года, в 40 верстах от г. Тулы, в селе Симонове, Алексинского уезда, где отец его, Иоанн Краснопевцев, был причетником.

О детстве его не сохранилось подробностей; но нужно думать, что жизнь его в долге сельского причетника была убогая, и, конечно, с молодых лет Петр (так звали в миру о. Парфения) — должен был привыкать к терпению и трудам.

Отданный в тульское духовное училище — Петр учился очень хорошо и из училища перешел в семинарию. Раз летом, возвращаясь с братом домой, Петр имел необыкновенное видение. Они расположились ясною ночью под открытым небом. Сердце Петра невыразимо радовалось. Он смотрел в высокое небо и вдруг увидел парящего над собою белоснежного голубя, который все на одном месте реял над ним. — С этого видения жажда чего-то лучшего запала в душу его, все земное ему опротивело, и тяжело было ему между людьми. В одном из песнопений своих о. Парфений вспоминает это видение: "Неописанный Параклите... Памятствую явление в моем возрасте еще младом твоего наития тиха и тонка на мя ленива и нерадива, голубя в виде".

С той поры начал отрок уединяться в лесу на молитв. Здесь было снова ему видение: благообразный инок явился ему и произнес: "Странен монах и земен мертвец" (т. е. монах — чуждый земле пришлец и мертв земному). Эти слова возбудили в Петре желание монашества.

Старший брат, Василий, был уже в монастыре. Родители убеждали его принять место, и уж он решился, как младший брат сказал ему: "Нет мне тогда с тобою части", и родители оставили свои уговоры.

Летом 1814 года, в вакационное время, Петр пошел на богомолье в Киев. В лавре оставался он год у соборного иеромонаха Антония (впоследствии архиепископа воронежского) и был у прозорливых старцев Васиана слепого и Михаила схимника. При входе во врата лавры он дал обет остаться в ней. В 1815 году Петр уволился из семинарии, не окончив курса. Родители его просили определиться на место и поддерживать их в старости. Он готов уже был склониться на их просьбы; но дело женитьбы его дважды расстраивалось, и, наконец, он по прошению, получил совершенное увольнение из епархии. Родители покорились воле Божией. Отец благословил Петра медным крестом, наделил его гривною денег, отдал ему свои единственные сапоги, и они простились. С дороги Петр прислал отцу сапоги назад и дошел в лаптях.

Антоний, уже наместник лавры, принял его ласково и поместил в просфорне.

Труд, молитва, полное послушание и неосуждение — вот чего искал Петр. Вскоре он был поставлен начальником просфорни, и в этом послушании трудился двенадцать лет. Однажды, в

час уныния, было ему видение преп. Никодима просфорника, который сказал ему, что всегда посещает то место, где получил спасение.

Не принимая на себя чрезмерных подвигов поста, но в высшей степени умеренный, тихий, спокойный, незлобивый, мирный, — Петр без искушения проходил свой путь. Последнюю одежду готов был он уступить. Поймали раз странника, укравшего у него зимою тулуп. "Не троньте его, — он, бедный, и в тулупе трясется: нам хорошо в тепле, а он — на морозе", сказал он и отпустил странника, дав ему денег и научив его вперед не воровать.

Плотских страстей, плотской борьбы, нечистых помыслов не знал Петр вовсе. И тот путь, царский, которым шел подвижник, привел его к великим духовным дарам.

По пострижении, 20 сентября 1824 года, в монашество, с именем Пафнутия, он увеличил труды. В келлии его было лишь Распятие, икона Пресвятой Богородицы, деревянная голая скамья, столик, фонарь и деревянная чашка. Ночью, кроме молитв, переписывал он свято отеческие книги. Благодатные видения посещали часто избранника Божия, укрепляя его. Во время совершения литургии он удостоился чудного озарения, в котором ему открылось таинство нашего спасения.

Пред рукоположением во священство ему представилось в сновидении, что неведомый ему Архиерей в алтаре Великой лаврской церкви подает ему с престола Евангелие, окруженное неизреченным сиянием, и на ответ его, что он не дерзает, Жена, стоящая одесную Архиерея, в царском одеянии, говорит: "Возьми, Пафнутий, Я поручаюсь за тебя".

Вскоре отец Пафнутий был назначен духовником лавры. Познание падшей оскверненной человеческой природы погружало его в великую скорбь, сокрушало до изнеможения. "Бедные, бедные люди, — говорил он, — если б они знали, какие блага они меняют на смрад греховный", и эту склонность ко греху приписывал врагу спасения.

В 1838 году о. Пафнутий подал прошение о принятии схимы, и в сомнении, разрешат ли ему в столь не старые годы (ему было 48 лет), был подкреплен явлением святителя Парфения. Вскоре митрополит киевский Филарет сам облек его в схиму. И с еще большею всепоглощающею силою предался схимник молитве, которая выросла в сердце и действовала даже во сне. Он видел однажды в таком сне свое сердце, объятые пламенем. Его молитвенное правило состояло из чтения утром, в полдень и вечером по одному евангелисту, совершения ежедневно пения всей псалтири, молитв утренних и вечерних, акафиста Спасителю, Божией матери, поклонения страстям Христовым и песни "Богородице, Дево, радуйся", которую он произносил триста раз.

Его усердие к Матери Божией было необыкновенно. Он имел к Пресвятой Владычице умиленную, нежную и детскую любовь, и эта любовь излилась во вдохновенном к Ней воззвании: "Возлюбленная Богу Отцу дочь, Безмужняя Эммануила Мати, кристалловидная Параклита, невесто святогласная горлице, белолилейный Творца ковчеже, благородное гнездо орла небесного, нестораемая свеще миру! Архангельские Гавриилов глас вопию Ти!" "Наипрекраснейшая и добропослушливая Марие, Слову Мати Пречистая! ничего же иного, кроме Божией любви, пожелати не знаю. И в последняя моя — на поклонение ко Иисусови пройти, от злобных стражей мытарств Ты ми помози. На Тебе надеюся и Тобою хвалюся, да во век не посрамлюся, пепел и персть аз".

"Несомненная моя надеждо, Архангельске глас вопию Ти, безгрешная Маргарито, спасающая род наш, Игумения Лавры пещер, обрадованная, радуйся! С Тобою Господь, Тобою же с нами; умилосердися надо мною: грешен есмь, но Твой! Поручница мне и житию исправительница

буди. Всего себя вручаю Тебе, Мати Божия. Сохрани мя под кровом Твоим".

"Сердобольная Мати моя, Богородице, и несомненная вся надеждо, под кровом Твоим сохрани меня, погибающая, и в шлем спасения облецы мя, инока". О Благовещении о. Парфений говорит: "Буди благословен и преблагословен день Благовещения Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы". Много раз он имел видения Пречистой Девы. Однажды, прочтя, что Святая Владычица была первою инокинею, он стал размышлять о том и задремал. Тогда он увидел окруженную монахами величественную инокиню с железом в руках. Она подошла к нему и сказала: "Парфений, Я — монахиня!" В другой раз Она предстала ему во славе в час скорби, по горячей мольбе его. Он провел несколько лет в тесной келлии, окно которой загородил иконою Пресвятой Богородицы, озаренной лампадою, и говорил: "На что мне свет чувственный: Пречистая — свет очей и души моей". Молясь однажды, чтоб открыла ему Владычица, что есть схимничество, услышал он голос: "Посвятить себя на молитву за весь мир".

Отлученный от всего земного — мирское достояние считал он грехом. Вещи, приносимые ему, связывал в узел и выносил на дорогу. Графиня Анна Орлова однажды, преклонив пред ним колени, сказала: "Отец, чем я тебя могу утешить? — не пожалею и миллионы". — "Вот нашла, чем утешить, — отвечал он, — на что мне этот навоз?"

Отца Парфения смущало, что он не испытал гонения, и что тем путь его скорбей не полон. Но митрополит киевский Филарет успокоил его: "На что тебе гонение, — ты сам себя гонишь. Кто пожелает жить твоею жизнью?"

Величайшею отрадою подвижника было ежедневное совершение литургии в домово́й церкви митрополита. Тут во время херувимской, молясь пред престолом с воздетыми руками, видел он однажды отверстое небо, Христа, сходящего на престол, Бога Отца, благословляющего Его снисхождение и парящего над Ним Духа Святого. 13-го ноября 1843 года видел он Златоуста с архистратигом, пришедших к нему на помощь. Однажды, долго повторяя молитву: "Иисусе, живи во мне", — услышал сладкий и тихий голос: "Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает, и Аз в нем". Накануне нового года, созерцая духовно младенчество Богочеловека, погрузился он в тонкий сон, и увидел двух ангелов, летящих от Востока с Младенцем на руках, Которого они положили пред старцем. Невыразима была красота Божественного Младенца, и от любви, светившейся в его взоре, сердце старца разгоралось.

Весну и лето о. Парфений проводил с митрополитом в Голосеевой пустыни. Там в чаще леса была его келлия; удаляясь в лес, он совершал свои правила. Посетители, приходившие к старцу, отвлекали его от вожделенного безмолвия, но, когда он решил затвориться, ему было видение, что на него напал страшный зверь, а духовные дети отогнали его. Он объяснил себе, что духовными своими детьми обретет он спасение. Неисполненное за день из молитв отлагал он на ночь, так что часто лишь один час оставался на сон.

Истощенная плоть старца казалась прозрачною оболочкою его души. Большие, огненные глаза, пронизывавшие сердце, сосредоточивали всю жизнь.

Редко обличительное слово срывалось с его уст, но тогда и сильных мира он обличал бесстрашно. Последние свои годы старец прожил в келлии у ближних пещер. Большую часть времени он проводил в темной комнате с Распятием и иконою Богоматери. В соседней комнате устроили для него церковь. Его служение исполняло молящихся невыразимым благоговением.

С радостью ждал он дня смерти и, сидя у приготовленного им для себя гроба, говорил о том, как душа, покинув тело, просияет как солнце и будет с удивлением смотреть на свою смрадную

темницу; говорил о вере в Пресвятую Владычицу Богородицу, Которую называл "несомненною своею надеждою, при возвращении от земного, бедственного, многоплачевного, скучного, прискорбного и болезненного странничества в небесное, любимое, блаженное, покойное, всевеселящее, немерцающее, бессмертное, нескончаемое, вечное и неизреченное отечество".

Перед кончиною старец простился со всеми. 1855 г., рано утром, в великий праздник Благовещения, совпавший в тот год со Страстною пятницею, о. Парфений был найден бездыханным, сидящим как бы в глубокой думе у дверей келейной своей церкви. Митрополит киевский Филарет на своих руках выносил его гроб и схоронил его в Голосеевской пустыни, в храме Пречистой Девы во имя Ее иконы Живоносного Источника.

Изречения отца Парфения

Потеря благодати страшнее всех потерь.

Чем ближе приближаешься ты к Богу, тем сильнее враг ухватится за тебя.

Никогда не должно последовать своему помыслу, хотя бы он и благ являлся, но испытывать его временем.

Пути высшие должны мы предавать Самому Богу чрез отца нашего и наставника.

Наши желания и намерения рассеиваются, как прах. Итак, всеконечно, должны мы предаться воле Водителя нашего.

Неизреченная польза проистекает из уединения.

Кто стяжал страх Божий, для того нет на земле ни скорби, ни радости.

Чтобы уклониться от смущения и сохранить дух молитвы, уклоняйся от всякого рода бесед и посещений, всему предпочитай уединение и чаще размышляй о смерти.

Пришествие Святого Духа пополяет и истребляет все страсти.

Честь, от человеков бываемая, должна быть ненавистна душе, ищущей спасения и познающей свою немощь.

Для достижения совершенной чистоты не имей привязанности, даже духовной, ни к человеку, ниже к вещи; люби всякого любовью совершенною, как самого себя, но без пристрастия, т. е. не желай присутствия или видения любимого человека и не услаждайся мыслью о нем.

Язычный не исправится на земле.

Кто сам не достиг в меру совершенства и начинает учить других, — погубляет и то, что имел.

Будет только то, что определил Господь.

Делай все вопреки хотения плоти: хочется лечь покойнее — принудь себя на противное; хочется облокотиться, сидя — воздержись; и так во всем.

Должно нудить себя и не хотяща к молитве и ко всему благому.

Для принятия Святого Духа необходимо изнурить плоть: даждь плоть и приими Дух.

Всякая благословенная душа есть проста, справедлива, милостива, любезна, не горда, не злобива, не величава, не прозорлива, воздержна и боящаяся Бога.

Зло пристаёт к нам, как заразительная болезнь. Если будешь часто обращаться с язычным, с клеветником, с миролюбцем, — и сам незаметно впадешь в те же пороки. И наоборот, обращай часто с мужем духовным и молитвенником, — в тебя перельются те же добродетели.

У человека нечистого и страстного и вещи его заражены страстями; не прикасайся к ним, не употребляй их.

Не должно рассказывать другим о своих подвигах и молитвенном правиле. Хотя бы это было и не из тщеславия, но у тебя отнимется дар, который ты обнаружил.

Монах должен жить один, а другой с ним — Господь. Монах любит всех людей, но скучает с ними, потому что они отлучают его от Бога.

Без молитвы нельзя снести уединения, без уединения нельзя стяжать молитвы. Молитва истинная есть та, которая вросла в душу и совершается духом.

Никто не возвращался в келлию свою таким, каким вышел из нее.

Святые скорбями совершаются.

Хорошо с Богом везде, а без Него очень скучно и в раю, и в аде.

Чтение Псалтири укрощает страсти, а чтение Евангелия попаляет терние грехов наших, ибо слово Божие "огнь поядаяй есть". Однажды в течение сорока дней читал я Евангелие о спасении одной благотворившей мне души, и вот вижу во сне поле, покрытое тернием. Внезапу спадает огонь с небесе, попаляет терние, покрывавшее поле, и поле остается чистое. Недоумеая о сем видении, я слышу глас: "Терние, покрывавшее поле, грехи благотворившей тебе души; огонь, попавший его, — слово Божие, тобою за нее чтомое".

Страстные Евангелия прочитывайте, когда прилучится, наипаче в скорбное время.

Молчание собирает, а глаголение расточает.

Буди на тебе благословение Божие, чадо мое духовное, покров несомненной нашей надежды Богородицы и помоществование чудотворцев печерских.

Молитва ежедневная иеросхимонаха Парфения Киевского

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! не попусти, чтобы суетность, самолюбие, чувственность, нерадение, гнев господствовали надо мною и похищали меня у любви Твоей. О, мой Господи, Создатель мой, все упование мое! не остави меня без удела в блаженной вечности, соделай, да и я последую святому примеру Твоему, буду покорен властям, надо мною поставленными даруй мне сию чистоту духа, его простоту сердца, которые делают нас достойными любви Твоей. К Тебе, о, Боже мой! возношу душу мою и сердце мое, не попусти погибнуть созданию Твоему, но избавь меня от единственного и величайшего зла — греха. Соделай, Господи, да переносу с таким же терпением беспокойства и скорби душевные, с какою радостью приемлю удовольствия сердечные. Если Ты хочешь, Господи, можешь очистить и освятить меня. Се предаю себя Твоей благодати, прося истребить из меня все противное Тебе и присоединить к сонму избранных Твоих. Господи! отыми от меня праздность духа, погубляющую время,

суетность мыслей, мешающую Твоему присутствию и развлекающую внимание мое в молитве; если же, молясь, я уклоняюсь от Тебя моими помыслами, то помози мне, дабы сие развлечение было не произвольно, и отвращая ум, да не отвращу от Тебя сердце. Исповедую Тебе, Господу Богу моему, все грехи моего беззакония, ныне и прежде соделанные перед Тобою, отпусти мне их ради имени Твоего святого и спаси душу мою, которую Ты искупил драгоценною кровию Твоею. Вручаю себя милосердно Твоему, предаюсь в волю Твою, твори со мною по благодати Твоей, а не по злобе и беззаконию моему; научи меня, Господи, располагать дела свои так, чтобы они споспешествовали к прославлению имени Твоего святого. Умилосердись, Господи, о всех христианах, услыши желание всех вопиющих к Тебе, избави от всякого зла, спаси рабов Твоих (имена), пошли отраду, утешение в скорбях и милость Твою святую. Господи! молю Тебя особенно о тех, которые меня чем-либо обидели, оскорбили и опечалили или какое-либо зло сделали; не наказывай их, меня ради грешного, но пролей на них благодать Твою. Господи! молю Тебя о всех тех, которых я, грешный, опечалил, обидел или соблазнил словом, делом, помышлением, ведением и неведением. Господи Боже! отпусти нам грехи наши и взаимные оскорбления; изжени, Господи, из сердец наших всякое негодование, подозрение, гнев, памятозлобие, ссоры и все то, что может препятствовать любви и уменьшать братолюбие. Помилуй, Господи, тех, которые поручили мне, грешному, недостойному, молиться о них. Помилуй, Господи, всякого просящего Твоей помощи. Господи! сотвори сей день днем милосердия Твоего, подай каждому по прошению его, буди пастырем заблудших, вождем и светом неверующих, наставником немудрых, отцом сирых, помощником угнетенных, врачом больных, утешителем умирающих и приведи нас всех к желанному концу, к Тебе, Пристанищу нашему и блаженному Упокоению. Аминь.

Иеросхимонах Феофил

Иеросхимонах Феофил был сыном священника Андрея Горенковского, служившего при церкви Рождества Богородицы, в городе Махновке, Киевской губернии.

Он родился в октябре 1788 г., и был одним из двух близнецов. Назвали его при крещении Фомою.

Мать начала разом кормить грудью обоих детей, но Фома, к ее изумлению, не хотел брать груди и чувствовал отвращение ко всему молочному, так что мать с большим затруднением должна была готовить ему растительную пищу. Сразу это возбудило в ней неудовольствие к ребенку, а разные суеверия еще разжигали ее, так что вскоре она просто возненавидела сына.

Видя в этом младенце какие-то непонятные ей задатки, мать (ее звали Евфросиния) решила потихоньку от мужа истребить его.

Она сумела подговорить свою служанку и в одно раннее утро велела отнести ребенка к реке и бросить в воду. Это было исполнено, но сила Божия охраняла его. Младенец вынырнул из воды и спокойно лежал на поверхности, потом его прибило к противоположному берегу и он был выброшен волною на сушу. Тогда служанка, упорная в своем намерении, переправилась через реку, подняла спящего младенца и снова бросила в воду, но волны опять бережно приняли ребенка, понесли его к острову, образовавшемуся вверх по течению реки и сложили на песочную его окраину.

Это так поразило женщину, что она раскаялась. Она в брод перешла реку, в слезах приняла младенца на руки, понесла его к матери и там рассказала о всем, чему была свидетельницей.

Точно обезумев от ненависти, мать выхватила ребенка из рук служанки и бросилась с ним к реке. Выбрав то место, где была мельница, она швырнула его под колесо и в ту же минуту

побежала прочь. Тогда вдруг жернова, бывшие в движении, остановились, и от напора воды произошел необычайный шум. Мельник вышел посмотреть, что случилось; колеса, остановленные какою-то силой, дрожали под натиском ударявшей на них воды, а внизу слышались младенческие вопли. Мельник посмотрел туда и увидел в самом водовороте плавающего ребенка. Он поскорее спустился к воде, выхватил ребенка, и жернова тотчас замолчали.

В это время служанка, бывшая при первом спасении мальчика в реке и следившая за ним, подошла к мельнику и рассказала ему все. Служанка и мельник, в страхе за участь ребенка, решили открыться его отцу. Но мать все продолжала с ожесточением твердить, что не оставит сына в живых. Единственный способ спасти его — было удалить его из дому. Отец нанял для него кормилицу, которая стала кормить его хлебом, обмакнутым в сыту, и тайно давала знать отцу о его здоровье.

В скором времени отец почувствовал приближение смерти, и поручил сына попечению мельника, который был свидетелем его спасения в мельничном водовороте.

Так как слух о странной участи мальчика распространился по окрестности, и им много занимались, один зажиточный человек просил мельника отдать ему Фому на воспитание, обещаясь его усыновить и сделать своим наследником.

Но не исполнилось мальчику и трех лет, как этот человек скончался, а его вдова, получив все его имущество, уговорила местного священника взять к себе Фому на воспитание. Так он снова был поставлен в ту среду, где родился. У этого священника Фома прожил до семи лет.

Ребенок не выказывал склонности к обычным детским играм и навлекал на себя тем побои и насмешки товарищей. Тогда он уходил с воплем и слезами в лес. Дня через два его находили там пастухи и рассказывали о нем чудные вещи.

Мальчик очень любил церковную службу. Он не пропускал ни одного богослужения и бежал в церковь при первом ударе колокола. Часто заставляли его у храма пред запертыми дверями, погруженного в молитву, далекого от всего, что его окружало.

Зная на горьком опыте, что такое сиротство и гонения, он рано стал бедным помогать от своей собственной нищеты. Он лишал себя для того необходимого и раз, увидав мальчика в лохмотьях, снял с себя рубашку и отдал ему, а сам вернулся домой в одном верхнем платье. Но за это воспитатель его строго наказал.

С семилетнего возраста священник стал обучать его грамоте, но вскоре умер. Горько оплакивал его несчастный мальчик. Нужно было, однако, где-нибудь приютиться. Церковный староста решился отвести мальчика к его матери, надеясь, что время смягчило ее прежнюю ненависть.

Но как только яростная женщина увидела сына (она в то время колола лучину), как бросила в него топором и рассекла ему правое плечо.

Староста бросился скорее бежать из этого дома, уводя с собою и ребенка. Дома он перевязал ему раны и оставил при себе, пока его не вылечили.

Разузнав, что в Киеве в Братском монастыре живет дядя Фомы, вдовый священник, староста отвез к нему Фому, сдал его на руки этому монаху и пересказал ему все грустные и трудные обстоятельства его жизни. Здесь и стал жить Фома. При Братском монастыре находится Киевская духовная Академия, и в принадлежащей ей школе Фома обучался.

Безумная мать, наконец, смягчилась. Она заболела неизлечимой болезнью и со слезами раскаивалась в своих поступках с сыном. Особенно подействовал на нее сон, в котором она видела себя пред страшным судом Божиим, а сына кротко молящимся за нее. И сын имел отраду быть при кончине матери, слышал от нее просьбу простить ее и молиться за нее и получил от нее благословение.

Учился Феофил прилежно. Но наука не удовлетворяла запросов его души. Он жаждал тех высших духовных познаний, которые открываются чистым сердцам чрез озарение от Бога. Выше училища он ставил для себя храм, и здесь, среди чтения и пения, он уходил в думы о Боге и в глубочайшую сосредоточенную молитву. Желание иночества охватывало его, и он твердо решил стать монахом.

Недолго жил дядя и, умерев, оставил мальчика без всяких средств и пристанища. Продолжать учиться было невозможно, и Фома определился послушником в Братский монастырь. Здесь он был последовательно определен к послушаниям на хлебне, на кухне, звонарем и пономарем. Углубленный в молитву, кроткий, смиренный и целомудренный, Фома жаждал отречься совсем от мира и произнести монашеские обеты. 11 декабря 1812 г., 23 лет от роду, он был пострижен с именем Феофила, чрез год рукоположен в иеродиакон. Не имея никакой собственности, Феофил все же исполнял великую заповедь милосердия. Он принимал на себя труды, назначенные другим, исполнял послушания низшей братии, служил богомольцам, приходившим в лавру, оставался по два и по три дня без пищи, чтобы отдать свою долю нуждавшимся.

В 1827 г., рукоположенный во иеромонаха, о. Феофил назначен монастырским экономом, но он просил уволить его от этой обязанности и позволить ему удалиться в пещеры, ископанные в с. Лесниках преп. Феодосием Киево-Печерским. Но ему в том отказали, и тогда Феофил принял на себя тяжкий подвиг юродства. В 1834 г. он был пострижен в схиму с удержанием имени Феофила.

Далек житейской суеты, пренебрегая всеми правилами житейского быта, Феофил удалялся людей и редко с кем разговаривал. Спокойный, задумчивый, всегда с потупленными глазами, он ходил только из келлии в церковь, не пропуская ни одного богослужения.

Он останавливался у церковных дверей или в притворе и стоял неподвижно до конца службы. Всегда около него находилась корзина, ведро, кувшин или другая посуда, которую он всюду носил с собою. Иногда он спускался к Днепру, за водой, и тогда иногда садился в лодку и переправлялся чрез реку, и на том берегу, зайдя в чашу кустарников, предавался молитве. Он не искал перевозчика и, выбрав какую-нибудь чужую лодку, садился в нее и греб сам. Об этом обычае его знали, и ему не мешали.

Старец не любил, чтоб на него обращали внимание, и если кто подходил к нему за благословением, он благословлял спешно и на ходу. Заметив, что его ждут богомольцы, он делал большой крюк, чтоб обойти их, особенно если то были не простолюдины.

— Чего вам нужно от меня, смердящего? — говорил он своим почитателям. — Обращайтесь с чистою верою к Пречистой Божией Матери и св. угодникам Печерским. Они вам все дадут, что нужно. А у меня ничего нет. Подите!..

Когда же к нему в келлию входил какой-нибудь из образованных людей, Феофил говорил: "Я невежа, простец несведущий и неученый; в состязание с вами входить не могу, а пустословить не хочу; чего доброго, вы, нынешние мудрецы, пожалуй, и меня собьете с пути".

Так говорил он людям, гордым своею мнимою мудростью. Но, когда к нему приходил простой человек, жаждавший полезного слова, Феофил принимал его охотно, хотя не удлинял беседы. Он говорил какую-нибудь знаменательную притчу или даже резкий урок, освещающий посетителю все его душевное состояние. Часто он давал какую-нибудь вещь, незначительную, но содержавшую намек на предстоящую человеку участь.

На внешность свою Феофил, занятый молитвою, не обращал никакого внимания, навлекая на себя от некоторых укору в неряшестве. Он носил ветхую одежду, всю исшитую белыми нитками; грудь была почти всегда полуоткрыта, на ногах изорванные туфли, а то иногда на одной сапог, а на другой валенок. Голова была иногда повязана грязным полотенцем. Замечали, что, чем неопрятнее он одет, тем беспокойнее внутреннее состояние его души. Когда Феофил приступал к своим келейным молитвам, он надевал на себя мантию, а перед чтением евангелия и акафистов, надевал епитрахиль и фелонь и зажигал три лампы. Опоясанный по телу железным поясом с иконою Богоявления, которой он никогда не снимал, он клал множество поклонов, а для отдыха прислонялся к стене или ложился на узкую скамью. Постоянно занятый внутреннею своею жизнью, он не заботился о порядке в келлии и, когда его спрашивали, как это он допускает у себя такую неустроенность, он отвечал: "Пусть все вокруг меня напоминает мне о беспорядке в моей душе". Кроме стола, наложника и скамейки, в комнате ничего не было. Печка топилась курящимся нерубленным бревном, и в комнате бывало так холодно, что замерзала вода. Но старец, надев тулуп и валенки, становился на молитву и, весь охваченный ею, уже ничего больше не замечал.

Денег Феофил не брал, а, если, после долгих о том просьб, и соглашался взять, то тут же раздавал их бедным. Чтоб не оставаться праздным, он сучил шерсть, вязал чулки и ткал холст, который давал иконописцам для их работы. Трудясь, он читал наизусть псалтирь и разные молитвы.

Получая пищу из братской трапезы, он перемешивал все вместе — сладкое с горьким и, когда ему говорили, как это он может делать, он отвечал: "Ведь и в жизни сладкое перемешано с горьким". Но часто старец вовсе не касался пищи, оставляя ее всю для бедных и странников. Вообще пост он соблюдал чрезмерный.

В конце 1844 г., крайне ослабев силами, подвижник стал проситься перевести его к Больничной церкви Киево-Печерской Лавры. Но вместо того он определен в Голосеевскую пустынь, лежащую в очаровательной местности в окрестностях Киева.

Многие, по слухам о высокой жизни его, хотели его видеть, и тогда он, для избежания мирской славы, усилил свое юродство. За это он был удален на так называемую Новую пасеку. По значительности расстояния очень было трудно старцу ежедневно приходиться к службам, и его перевели неподалеку, в Китаевскую пустынь, окруженную высокими поросшими густым летом горами. Старец уходил в глубь леса и целыми днями погружался в молитву. Еще теперь показывают тот пенек, на котором он иногда целыми сутками молился о прощении всего мира, неведущего, что он творит, и скорбел о растлении века.

При внешней угрюмости, кроткий и незлобивый сердцем, он на самые жестокие оскорбления отвечал мольбою о прощении и терпением побеждал злобу.

Замечательную мысль высказал он однажды:

"Молиться надо за врагов. Они большею частью сами не видят, что творят. Да они даже и благодетели наши: нападками своими они укрепляют в нас добродетели, смиряют на земле дух наш, а на небе сплетают нам райские венцы. Род человеческий приходит в изнеможение,

подвижники ослабевают в силах, и тем только и спасаются, что их гонят и причиняют им скорби".

Нечасто делился старец своими думами, и лишь в глубоком сознании о необходимости того. "Смотри, — сказал он одному из близких к себе, — не сей пшеницы между тернием, а сей на тучной земле; да и тут еще хорошо разглядывай, нет ли лебеды, чтоб не выросло плевелов, заглушая ростки пшеницы".

Несколько странно стоял старец в церкви. Он обыкновенно отворачивался от людей к стене и никогда не подымал своих опущенных глаз. Так же, когда он участвовал в соборном служении, он стоял в пол-оборот от стоявшего пред алтарем, кланяясь на восток. Один брат спросил его о том: "Бог видит мою простоту, отвечал старец, я делаю все по положенному. Но когда углубляюсь мыслью в совершаемое таинство, то забываю и себя, и то, что вокруг меня. Я вижу во время Божественной литургии луч, крестообразно сходящий с высоты и осеняющий служащих, — но иногда не всех; вижу росу, сходящую на Дары. Тогда все мое существо несказанно восторгается, и во мне все гласит: "Свят, свят, свят, Господь Бог Саваоф, исполни небо и земля славы Твоя... Я не оправдываю себя, брат, в том как я стою, — я говорю только истину. Но никому не открывай ее".

Недолго пробыв опять в Голосеевской пустыни, старец вернулся умирать в Китаев, и здесь часто говорил о близкой своей кончине.

В последние месяцы о. Феофил охотнее говорил и, прося не забывать в молитвах смердящего Феофила, не скупился на советы и наставления.

"Любите, — повторял он, — любите друг друга любовью святой и не держите гнева друг на друга. Не прельщайтесь ничем. Не прилагайте сердца ни к чему земному. Все это оставим здесь. Только одни добрые дела пойдут с нами на тот свет. Чаще надо молиться и оплакивать свои грехи, да не свои только, но и своего ближнего".

Много хранилось рассказов о прозорливости о. Феофила и силе его молитв за больных.

Ровно за месяц до кончины старец вовсе перестал вкушать пищу, принимая лишь кусочек антидора, омоченный в воде.

У него стали пухнуть ноги от долгого стояния, но он продолжал по-прежнему ходить в церковь и почти ежедневно приобщался.

За несколько дней до смерти он просил, чтоб 28 октября ему принесли св. Дары в келлию, и несколько раз напоминал о том, прибавляя, что это в последний раз, и что он больше никого не будет беспокоить.

Рано утром в этот день он приобщился и совсем успокоился. Перед вечернею велел зажечь у себя ладону со смирной и засветить пред иконами лампадку.

Затем он сам поставил чрез порог келлии скамейку, велел зажечь восковую свечку и подать крест, которым обыкновенно осенял приходивших к нему.

Благословив потом своих послушников, старец тихо предал душу Богу. Это было в 3 часа дня 28 октября 1852 г., в день памяти преподобномученицы Параскевы, нарицаемая Пятницы, особенно им чтимой.

Иеросхимонах Феофил был роста скорее высокого. Его светлое лицо и ясные голубые глаза не

соответствовали угрюмости, какую он принимал в обращении с людьми. Говорил он глухо и быстро, употребляя преимущественно малороссийское наречие. Часто видали его плачущим и никогда смеющимся.

Его могила находится в Китаевской пустыни, близ Свято-Троицкой церкви, на северной стороне.

Ростовский иеромонах Амфилохий

Иеромонах Амфилохий, долгое число лет стоявший у раки святителя Димитрия Ростовского, был чтим не только одними жителями Ростова.

Многочисленные богомольцы, бывавшие у мощей святителя, все оставались под обаянием светлой, истинно монашеской личности его, и повсюду разносили рассказы об его удивительной кротости, духе постоянной молитвы, тихих и мудрых советах его. Окруженное всеобщим уважением при жизни его, — не забыто имя иеромонаха Амфилохия и по его смерти.

О. Амфилохий, в миру Андрей Яковлевич, родился 9 октября 1748 г. в Ростове. Его отец был приходским священником.

Первоначальное обучение он получил в доме своего отца. Примечая хорошие его способности, отец стал учить его очень рано, с шести лет. На седьмом году он уже мог свободно петь и читать.

Эти успехи и привязанность мальчика к духовным книгам радовали его родителей, как хорошее предзнаменование.

Кротость, послушание, почтение к родителям, услужливость всем старшим и благочестие были чертами его характера.

Это благочестие и любовь к Богу уже и тогда резко проявлялись в нем.

Почти всякий день он ходил в церковь к утрене, обедне и вечерне, и на клиросе пел и читал. Но так как за малым ростом он не мог достать до книг, лежавших на аналое, то отец его подставлял ему под ноги маленькую скамеечку, и с этой скамеечки он пел и читал. Всем приятно было видеть маленького чтеца, справлявшегося лучше многих взрослых причетников не только с псалтирью и часословом, но и канонами и другими богослужебными книгами.

От детских забав и игр Андрей удалялся. Никогда не допустил он себя до праздности, бесчинного смеха и сквернословия.

Отец Андрея не имел возможности или случая провести сына чрез учебное заведение, и, когда Андрею было около 16 лет, он определен причетником в одну ростовскую церковь.

Исполнительность по службе, воздержанность во всем, смирение и строгость к себе делали Андрея в этих юношеских годах как бы взрослым. Все это давалось ему не без борьбы. Так называемые приятели старались свести его с его хорошего пути, но он с помощью Божиею оставался тверд, жизнь его ничем не была запятнана.

Главным средством для предохранения себя от уступок тем страстям, которые омрачают собой юношеский возраст, Андрей избрал постоянный труд. Кроме отправления своей должности, он стал заниматься иконописью — на дереве и на финифти.

Занятие это совершенно соответствовало его душевному настроению. Он как бы находился в постоянном общении с теми святыми; видел постоянно пред собою те высокие и спасительные события, которые он изображал.

В иконописном деле он достиг многого. Иконы, им писанные, выдавались своими качествами.

Ростовский архиерей, узнав о службе и трудах Андрея, назначил его диаконом в Ярославль.

В скором времени стали в Москве обновлять соборы Успенский, Архангельский и Благовещенский, преимущественно художниками из духовенства. В числе их был вызван в Москву и Андрей, и оставался там до конца дела.

В Ярославле и Ростове есть образа, им писанные.

Вскоре по возвращении домой, Андрей потерял жену свою, после пятилетнего супружества. Не более года оставался он еще на диаконском месте. Поручив воспитание единственной дочери своему брату, он в 1777 году поступил в Ростовский Яковлевский монастырь, а 8 декабря 1779 г. был пострижен в монашество. При этом настоятель, против своего и общего обыкновения, дал ему свое имя, — Амфилохий.

— Никому, — сказал он, — не давал я этого имени. Тебе первому и последнему даю его, в надежде, что оно по смерти моей не только продолжится в тебе, но и прославится.

О. Амфилохию было назначено сродное ему послушание: расписывать стены в соборной монастырской церкви.

Однажды, когда он, стоя на подмостках, занимался этим делом, он услышал, во время службы у мощей святителя Димитрия, пение стиха "Житейское море воздвигаемое зря напастей бурей, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве!"

Ему казалось, что это поют ангелы небесные слова, и он не мог не заплакать. Тут он почувствовал омерзение к благам этого мира, и благочестивое его настроение превратилось в живое пламенное чувство. Его любовь к Богу как бы унесла его от земли; он жаждал только одного — быть всегда с Богом.

Вскоре о. Амфилохий был рукоположен во иеромонахи, и на него возложено разом несколько должностей — ризничего, смотрителя благочиния, гробового и уставщика. Чтоб исполнять все это, требовалось крайнее напряжение всех сил. Его постоянные труды были тем изумительнее, что у себя в келлии он был постоянно занят молитвою.

Почти весь день и большую часть ночи он проводил на молитве. Отдыху давал себе не более пяти часов, да и то постоянно урезывал себя.

Прежде всех нужно ему было войти в церковь, для приготовления риз, а после окончания службы убрать. Случалось ему только что вернуться в келлию, как его требовали к мощам. В первые две недели великого поста во время Ростовской ярмарки он по 12 часов и более проводил, стоя на ногах, не выходя из церкви.

Хилый, изможенный на вид, он соблюдал чрезвычайно строгий пост, и по несколько дней, особенно в великий пост, оставался без пищи.

В продолжение 43 лет присутствуя, за самыми малыми исключениями, у всех служб, — вечерни, утрени, ранней и поздней обедни, он и дома постоянно молился. В полночь он стоял

на коленях пред распятием, со слезами, сокрушением и раскаянием повторял много раз слова молитв. Особенно молился он пред причащением; тогда слезы лились неудержимо.

Затем он употреблял много времени на чтение Священного Писания. Не пройдя чрез школу, он имел редкое знание Священного Писания. Множество мест из него он знал наизусть и приводил на память, сообразно обстоятельствам тех людей, с которыми говорил. Так что, когда кто избирал его духовником и руководителем, — как бы не он, а само слово Божие направляло вверившегося ему человека.

Чтение дало ему столько знания, что беседовавшие с ним образованные люди бывали тем поражены.

О. Амфилохий чрезвычайно любил святителя Димитрия. Дороже всего была для него возможность служить при мощах святителя, и из-за того он упорно отказывался от настоятельских мест, которые ему предлагали.

Монастырское богослужение было ему обязано прекрасным чином и порядком.

Кроме других обязанностей на него возложили новую должность — духовника.

Кроме исповеди, он принимал также братию с откровением постоянных, случавшихся с ними недоумений или искушений, что уже представляло собою отношения старчества. И он не жалел времени на разговор в таких случаях с тем, кто нуждался в немедленной духовной поддержке.

Он не был ни безмерно строг, ни излишне снисходителен, умел различать духовное состояние всякого и каждому назначал, что ему было по силам.

Глубочайшее смирение старца соединялось с горячею ревностью и прямодушием в обличении того, что требовало обличения. Однажды он сделал строгий выговор иноку за бесчинство в церкви. Потом оказалось, что выговор был незаслужен. Тогда старец бросился при всех в церкви к ногам оскорбленного, умоляя простить его.

Вслед за иноками, к о. Амфилохию стали обращаться и миряне. Многие писали ему.

Не только письма и речи старца производили отрезвляющее духовное действие. От одного взгляда на его просветленное лицо лучше становилось на душе.

Советы и наставления он предлагал тоном скорее друга, чем наставника. В нем была большая пронизательность. С первого взгляда иногда он понимал всего человека и его слова часто сбывались с удивительною точностью.

Добро он делал так, как другие дышат, бессознательно. Всех ему хотелось видеть счастливыми.

Такая жизнь снискала о. Амфилохию всеобщее уважение. Кроме множества мирян с большим положением, его чтит Государь Император Александр I и его мать, императрица Мария Феодоровна: посещали его, приезжая в Ростов, и долго с ним беседовали.

Какое значение имел он для монастыря и для мирян, видно из письма митрополита С.-Петербургского Серафима к настоятелю обители:

"Сие светило, столько лет озарявшее святую обитель вашу и окрестные грады и веси, склоняется уже к западу. А посему я долгом своим считаю молить купно с вами Отца

небесного, дабы Он долее и долее продлил тихое сиянье его к сердечной радости сынов Церкви и к нашему утешению".

Старец старел, но не ослабевал в подвигах.

Однажды во время всенощной он так обессилел, что должен был подать знак, чтоб его вынесли из церкви. С тех пор он заключился в келлию.

К концу мая 1824 г. он совершенно изнемог.

Отнялся язык. Он был особорован и приобщен, прочтен канон на разлучение души с телом. Благословив всех, он и себя стал ограждать крестным знамением.

24 мая в 10 часов вечера — время, когда он обыкновенно отходил к временному отдыху, он уснул вечным сном.

Так как от слабости голова его не лежала, а скорее стояла в подушках, то при кончине его она склонилась на грудь, и ее никак не удавалось, несмотря на все усилия, отделить от груди и привести в нужное положение. Но только что стали его облачать, тело его выпрямилось и голова поднялась от груди.

Много народу съехалось к похоронам, и сошлось со всех сторон.

При общем плаче, старца схоронили в притворе соборного храма.

Около него впоследствии был погребен его племянник, архимандрит Иннокентий, тоже известный строгою жизнью.

Доселе жители Ростова помнят обоих старцев и верят в их молитвы.

Пустынный Василиск

"Дух дышет, идже хочет". Благодать Божия вселяется в безвестных людей, озаряет умы непросвещенные знанием, "Божественное желание" охватывает душу деревенского мальчика какого-нибудь глухого угла, и ведет его далеко-далеко по пути благочестия. К таким избранникам принадлежит пустынножитель Василиск, жизнь которого представляет собою много замечательного, необычайного. Интересная сама по себе, она, кроме того, показывает, как глубоко всегда были духовные стремления в русском крестьянстве.

Смирение, происшедшее от тяжелых жизненных испытаний и от лишений, перенесенных вследствие нищеты в детском возрасте, были отличительными свойствами этого подвижника.

Василиск, в миру Василий, происходил из экономических крестьян Тверской губернии, Калязинского уезда, деревни Иваниш. Отца его звали Гавриилом. Он был высокий, здоровый, работающий и набожный мужик. Работая дружно с женой Стефанидой, они накопили целый кувшин серебра, и жили в довольстве, уважаемые соседями. Детей своих воспитывали они в страхе Божиим; приучали их сносить обиды и отнюдь не ссориться, запрещали им браниться и наказывали их за брань. Один был недостаток у этих добрых крестьян: слишком надялись они на свои деньги и считали несомненным, что проведут с детьми старость в довольстве.

Но Господь часто посылает избранникам своим бедность, так как жить в скорби и нищете полезнее, чем в богатстве и отраде. Господь часто отымает богатство у тех, о которых Он знает, что они могут быть преданными Ему служителями, и Он освобождает их ум и сердце от

суетных попечений, чтоб, подобно Марии, они могли всею душою оставаться у ног Христовых, внимая Его закону.

Итак, Господь попустил, чтоб воры украли те самые сбережения, которые составляли как бы идол для Гавриила и Стефаниды. Чрез то и сами они должны были прибегать чаще к Богу, а дети их должны были привыкнуть к нищете, научиться все покорно переносить и привыкнуть к смирению, уповая на единого Бога.

Вскоре после того Стефанида умерла, и Гаврила остался с тремя малолетними детьми. По необходимости иметь в доме хозяйку, он женился второй раз, и жил в скудости, дойдя, наконец, до нищеты, когда наступила старость и с нею невозможность трудиться. Он стал тогда просить милостыню; старшего сына отдал в люди на прокормление, другого посылал по миру; Василий же по малолетству оставался дома. Часто бывал он один, и тогда с громким плачем призывал отца или мачеху, которая берегла его не менее родной матери. Они были так бедны, что у них и соли не бывало достаточно, и они смешивали ее с мукою, когда маленький Василий просил посыпать себе хлеб солью. Несколько подросши, он стал тоже ходить просить милостыню и, если кто подавал денежку или копейку, радовался, что есть, на что купить калачик. Приходя к лавку, он не смел просить купца, а, стоя, одним просящим терпеливым взором выражал свою просьбу. Кто давал ему денежку или полушку, за того он весь день мысленно молил Бога и, купив калач, считал тот день торжественным праздником. Однажды у купца разбился горшок с медом, и он отбросил к маленькому Василию покрытые медом черепки. А тот стал обсасывать их и в радости благодарил Бога, что узнал вкус меда.

Еще в этих малых годах он часто размышлял о небе, и ему хотелось взлететь туда. Видя на образах ангелов, изображенных с крыльями, он думал, что и сам может летать на крыльях. Он брал в обе руки крылья и много длинных перьев, влезал на пригорки и думал с них лететь... Это ему, конечно, не удавалось, и мало-помалу стал он понимать, что человеку крылья нужны не из перьев; а взлетит к небу тот, кто Богу угодит и возлюбит Его от всей души.

Он начал пред всеми смиряться и терпеливо переносить всякие огорчения. Он много слышал о преподобном Макарии Калязинском^[17]. Этот святой был из бояр и оставил почести мира и богатство, чтоб идти за Христом. Узнав о том, Василий стал тужить, что ему невозможно спастись, так как он беден и ему нечего оставлять ради Бога. Сильно опечаленный, он стал искать клада, только для того, чтоб, найдя, оставить его для Бога... Так думал он по своему неразумию и малолетству. Но и эти неправильные предположения его показывали, как уже тогда глубока была в нем мысль о спасении души.

Очень хотелось ему слышать церковные поучения, и он всегда ходил в церковь. Но отчасти вследствие тесноты в храме, отчасти по убожеству своей одежды, отчасти по малому своему росту и бессилию он не мог стать близко к проповеднику. Это его очень печалило, особенно когда проповедывал архимандрит Гавриил, знаменитый проповедник, бывший впоследствии митрополитом петербургским. С великим огорчением выходя из церкви, Василий горячо молил Бога, не зная сам, чего просить, но всем сердцем предавая себя Богу.

Когда он несколько подрос, отец отдал его внаймы, пасти скот. Тут он много натерпелся от холода и зноя, дождей и слякоти. Одежда была ветхая, пища в поле — один сухой хлеб. Но, и пригнавши скот по дворам, он не смел просить хозяев накормить его чем-нибудь получше. Видя его старание и робость, хозяева сами из жалости его кормили.

В простоте сердца, призывая на помощь имя Божие, он несколько лет пас стадо без труда: все стадо паслось вместе, не расходилось во все стороны, волки не трогали скот, ни одна скотина не затерялась, не заболела. И Василий был так покоен, что не заботился уже о скоте, оставляя

его пастись одного, а сам углублялся в молитву. Так шло дело, пока Василий наблюдал за собою.

Когда же он духовно обленился и строй его жизни изменился: тогда изменилось и стадо. Оно стало бродить во все стороны; с величайшим трудом он еле поспевал собирать всех, бывали случаи, что волки бросались на скот и уносили. Сознал свою вину пред Богом Василий, и стал еще более смиряться в сердце своем. Тогда он отказался от должности пастуха.

Когда все три брата пришли в возраст, все трое положили от всего сердца служить одному Богу. Отказавшись от брачной жизни, они проводили жизнь в трудах, соблюдая умеренность и чистоту. Летом они плавали на барках, зимою занимались около дома.

Но старик-отец настоял, чтоб меньшей его сын, Василий, женился; он отдал его в зятя в зажиточную семью. Часто из дому приходил он к братьям, и сожалел, что не может жить подобно им. Хотя и женатый, он содержал то самое молитвенное правило, которое исполняли его братья и проводил жизнь, подобно им: всякое лето ходил на барки в работники. При дележе денег у братьев всегда выходили споры: братья хотели заставить его взять их деньги себе, на что Василий не соглашался.

Старший брат Козьма вел жизнь чрезвычайно строгую. На теле он носил власяницу, сотканную из конского волоса; под власяницею — вериги из железных обручей, врезавшихся в его теле. Крестьянское общество освободило его от податей, чтоб дать свободу его духовным стремлениям. Такое же увольнение от общества получил и второй брат.

Василий, живя у тестя, стал учиться грамоте, и все сильнее и сильнее жаждал посвятить себя Богу. Он стал уговаривать жену служить одному Богу и жить жизнью чистою — в браке, как вне брака. На это она вскоре согласилась, и они условились испытать себя — будут ли в силах прожить целомудренно, и тогда разлучиться навсегда. Три года испытывали они себя, и всякий год тесть отпускал Василия на заработки в дальние стороны, а он все это время проживал в разных монастырях. За эти годы много узнал и услышал Василий относящегося до духовной жизни. И, наконец, объявил жене и тестю о непременном своем намерении оставить их и уйти к пустынножителям. Его отпустили мирно. Он сперва поселился у старшего брата, который увещевал его, что Богу угоднее, чтобы он послужил больному брату, чем укрылся в пустыню, чему Бог укажет время. Оставшись у брата, Василий ежедневно отправлял свое молитвенное правило, ежедневно ходил в церковь. Тут выучился он окончательно читать и писать, и, имея неутомимое желание стать пустынножителем, выписывал из разных книг отеческие слова и сказания, чтоб руководствоваться ими впоследствии. По бедности он не имел ни одной своей книги. Живя у тестя, Василий выделывал глиняные горшки. Теперь же стал сучить для церкви восковые свечи, и тем себя содержал. Не только простой народ, но и помещики относились к братьям с вниманием и любовью, называя их богомолами. Многие, видя их добрую жизнь и слушаясь их советов, исправлялись: пьянствующее переставали пить, молодые отвыкали от пирушек и гульбы, скупые подавали милостыню, развратные начинали себя вести целомудренно, раздражительные становились кроткими, разленившиеся приходили к ним послушать Священного Писания и молились вместе с ними. Несколько калязинских купеческих дочерей, по их совету, оставили свои дома, построили себе уединенную келлию и жили под наставлением Козьмы затворницами, не выходя никуда, только летом отправляясь в ближние поля и рощи за ягодами и плодами.

Когда к Козьме пришел второй брат, Максим, Козьма с миром отпустил младшего брата. Сперва Василий стал ходить по разным монастырям, отыскивая опытных подвижников. Они советовали ему идти жить к пустынножителям. Когда он просился в один из монастырей Владимирской епархии (Островский Введенский, у г. Покрова), настоятель ночью пошел с ним

за ограду к озеру; мороз только что стал затягивать озеро льдом. Искушая Василия, настоятель сказал: "Побегай по льду, крепок ли?" Оба они хорошо знали, что лед, замерзший менее суток назад, не может выдержать человека. Василий без рассуждений подбежал, чтоб идти по льду. Удерживая его, настоятель сказал: "Благо тебе будет, сын мой. Ты преуспеешь в монашестве, если всегда будешь так послушен к духовным отцам".

Пустынничество начал Василий в казенных лесах, окружавших чувашские селения. Здесь он жил сперва совместно с двумя другими пустынниками, а потом один. Новые, кроме старых, которых он и тут не оставлял, подвиги его состояли в том, что он вооружался против отдыха и всякого послабления себе. Так, все ночи на праздники он проводил вовсе без сна, в молитве. Если же сон, особенно в зимние долгие ночи, одолевал его, он растоплял печь и принимался за какое-нибудь рукоделие, или пел духовные песни, клал поклоны, выходил на холод, носил дрова и приготавливал пищу. Чуваши любили и чтити пустынника. Они носили ему все нужное для пропитания. К нему заходили также странствующие монахи и миряне. В течение трех дней покоил он посетителей, а затем они должны были уходить. Василия тревожило, что он не может пожить в скудости и безвестным. Узнав, что в Брянских лесах живет с учениками иеромонах Адриан, мудрый и опытный инок-подвижник, Василий пришел к нему и прожил у него некоторое время. О. Адриан постриг его с именем Василиска, причем взял с него обещание, что он всю жизнь будет пустынником.

Прекрасен был образ жизни о. Адриана и учеников его. Один вид старца говорил об его подвигах. Он был худ и бледен, тонок, сух телом и высок ростом. Все у отшельников было бедное, едва удовлетворявшее их нуждам. Ночью они вставали на молитву. На трапезе не было ничего молочного; только пустынная и огородная пища, а питье — вода и квас. Все были кротки, молчаливы и послушны. Когда о. Адриан был вызван митрополитом Петербургским Гавриилом для обновления Коневской обители, все его ученики последовали за ним, а о. Василиск остался один. Он перетерпел внутреннюю борьбу, искушения и мучительные сны с разными бесовскими призраками. Пробуждаясь от сна, он слышал их возгласы: "Ты здесь один, а нас много. Так или иначе — погубим тебя!" Часто бывал он в глубоком унынии. К тому же, он болел, а пищу принимал простую, суровую, сухую. Спал на деревянном ложе без подстилки, с деревянным возглавием. Раз всю зиму пропитался одним картофелем. Помещики так уважали его, что брали у него часто его хлеб и дома оделяли им домашних. Утешением ему служило посещение подвижников, живших в тех лесах, с которыми он обсуждал разные духовные вопросы.

О. Василиск был так добр, что не мог подогнать даже и ленивую лошадь. И, если лошадь не слушала его голоса, предпочитал лучше плестись шагом, чем ударить ее.

Недолго однако оставался Василиск в Брянских лесах. По горячим просьбам о. Адриана он перешел в Коневец. С тех пор при нем находился неотлучно инок Зосима, из дворянского рода Верховских, ставший его сподвижником и впоследствии описавший его жизнь.

Они поселились в трех верстах от Коневца. Ежедневно о. Василиск подымался на тайную молитву. Никогда не сидел он праздно. Но или книгу читал, или рукоделием занимался, или беседу духовную вел. Приветливость его доходила до того, что иногда, совершенно изнеможенный, он насильно показывал себя здоровым и обрадованным приходом посетителя. Чтобы отблагодарить обитель за гостеприимство, старец ежедневно летом собирал грибы и ягоды, и в воскресный день, приходя к литургии, относил это братии.

После десятилетней жизни на Коневце, когда старец Адриан перешел в Московский Симонов монастырь, для пребывания там в особых трудах схимничества: тогда о. Василиск с о. Зосимою перешли в Сибирь, и здесь в Тобольской епархии уединились в одном месте, отстоявшем в 40

верстах от деревни. Здесь устроили они себе землянку. Один крестьянин обещал весной вывести их. У них не хватало муки на хлеб, и приходилось примешивать кору ильмового дерева.

Но чудное настроение испытывали подвижники, отрезанные от мира, лишенные даже необходимой пищи. Между тем, как там, в миру, люди старались, трудились, изобретали разные хитрости, днем и ночью не давая себе покоя для приращения своего богатства, — как далека от этих земных забот была жизнь подвижников! Кругом дремучий лес, из которого чистый взор устремляется к небу и что-то манит скорее переселиться туда, в блаженную высоту. Голоса птиц возбуждают душу славить Бога, и вокруг каждая былинка проповедует Его мудрость...

Когда стали разливаться реки, пустынники, видя, что крестьянин, обещавшийся приехать за ними, не является, решились одни искать населенных мест. После невероятных трудов, несколько раз подвергшись смертной опасности, они, наконец, достигли людского жилья. Божья рука не раз спасала их на краю гибели. Так, о. Зосима, переходя вслед за о. Василиском по льду на лыжах реку, погрузился по грудь в воду, и, так как ноги были крепко всунуты в путы лыж, то ему предстояло утонуть. В таком положении он с товарищем своим воззвал: "Теперь Тебе, Владычице Пресвятая Богородице, помогать!" — и против всякого ожидания был спасен. После всего пережитого, о. Василиск два месяца был как расслабленный: не мог ни есть, как всегда, ни пить, ни ходить, ничего делать.

Отдохнув, иноки выбрали себе место, где прожили 24 года. Это место находилось в 50 верстах от города Кузнецка, было окружено лесом и длинными озерами, у которых и находились две келлии. Озера кишели рыбой, земля была обильна ягодными кустами. Ночью подвижники, не сходясь вместе, тем не менее будили друг друга на молитву. В воскресенье они сходились и проводили день в чтении св. книг и духовных беседах. Образ жизни был самый суровый по-прежнему. В день св. Пасхи у отшельников не было бы чем разговесться, если б один добрый крестьянин, сочувствуя им и лишая себя покоя, не приносил бы им за 40 верст в самую ночь праздника коровьего масла, яиц, молочного и сдобного печения. По окончании утрени он, не евши, удалялся обратно.

Спустя несколько лет, попросился к пустынникам жить с ними старый мещанин, ожедневно напивавшийся до бесчувствия, обещая, если они примут его, не прикасаться к вину. В виду такого его обещания, они рассудили, что, если не примут его, а он умрет от пьянства, то на них взыщется эта несчастная душа. Они приняли его, и Господь укрепил его так, что он стал вести жизнь безупречную и не думал о вине. Кроме того, к ним присоединился один старик-купец, еще в миру ведший очень строгую жизнь.

В город Кузнецке благочестивая вдова-мещанка объяснила о. Зосиме, как трудно жить в их местности женщинам с духовными стремлениями: монастырей не было, а в Россию ехать далеко. Она просила о. Зосиму быть ее руководителем. О. Зосима рассказал о такой просьбе своему сподвижнику. По совету о. Василиска, эта вдова переселилась в ближнюю деревню, стоящую при реке Томи; к ней присоединились еще другие девицы. Окрестные жители выстроили им дом, затем обнесли место оградой. Тогда и старец Василиск стал посещать их, наставляя их иноческой жизни. Посылал к ним и о. Зосиму.

Между тем, гораздо бы удобнее казалось, чтоб эти ищущие спасения женщины имели пристанищем какой-нибудь монастырь. Через о. Зосиму они подали прошение Тобольскому Архиепископу. Он соглашался в своей епархии предоставить им Туринский заштатный опустелый монастырь. По этому делу о. Зосима ездил в Петербург, и Св. Синод согласился на то, чтоб эта обитель из мужской была обращена в женскую.

Такое распоряжение отчасти имело основанием и уважение, которым и в Петербурге пользовался о. Василиск, так как и туда достиг слух о праведной жизни старца. Многие лица также ради старца оказали вещественную помощь вновь возникавшей обители.

Когда о. Зосиме для устроенной обители надлежало переселиться в Туринск, о. Василиск последовал за ним. Тяжело было ему расставаться с возлюбленной пустыней. Но он знал веру и любовь к себе о. Зосимы, и как трудно предстоящее ему дело и как нужна ему будет и добрая поддержка и совет. Кроме того, о. Зосима убеждал его не лишать начальных сестер своего руководства ими. Миряне выстроили старцу келлию в 7 верстах от монастыря. Там он жил уединенно, а сестры посещали его. Две последние зимы своей жизни он по дряхлости переселялся в монастырь.

О. Зосиме не пришлось пробыть при старце до его конца. В обители, благодаря вмешательству нескольких лиц, вышли большие несогласия, и о. Зосима покинул начатое им дело. В это тяжкое время до самой разлуки старец Василиск поддерживал своего верного ученика и сподвижника.

По отъезде о. Зосимы старца взяли в монастырь. Он скончался, наперед предсказав свою кончину. К погребению его приехал о. Зосима. Весь город провожал старца до его последнего жилища. Старец почил в возрасте свыше 80 лет, 1824 года, 29 декабря, в 5 часов утра, в Туринске, и погребен близ соборного алтаря на северной стороне в Святониколаевском девичьем монастыре.

Можно предположить, что старцу было пред самой смертью видение. Когда он совсем изнемогал, служивший ему крестьянин крестил его же рукою. Крестя его, тот человек видел, что грудь старца подымается и трепещет необычайно сильно, а сердце бьется и мечется во все стороны. До последнего вздоха старец творил устную и сердечную молитву, и со словами: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий" испустил дух, словно уснул.

Будучи в живых, старец, по смирению, никогда не позволял изображать себя красками. Зато с него сняли портрет лежащим во гробе. Часто себя и прочих старец Василиск подкреплял такими словами: "Бог премудр, всемогущ, богат и милостив. Поэтому, что Он ни делает — уже не ошибется, но хорошо сделает. Он всемогущ, а потому уже ничто воле Его противостать не может. Он многомилостив, а потому помилует и меня, грешного. Богатства у Него много, а потому даст и мне".

Никогда не произнес он самохвальных слов. Никогда не надеялся получить помилования от своих дел. Но всегда надеялся быть помилованным по единой милости Божией. Когда его благодарили люди за помощь, за наставления, он отвечал: "Дай Боже, чтоб мною пользовались, ибо Господу Богу слава и хвала, если Он чрез меня помогает другим: Он, а не я; ибо я знаю, что я многогрешен и ничего доброго от себя не имею".

Петр Алексеевич Мичурин

Жизнь юного подвижника Петра Алексеевича Мичурина представляет собою удивительный пример. В короткое время он достиг высочайших духовных даров, и нельзя без трепета вспоминать ту безграничную любовь к Богу, которая распяла душу юного пустынножителя. Его душа быстро созрела, и невыразимо прекрасны были короткие дни его земной жизни, озаренные сплошь сиянием иной, так рано занявшейся для него денницы.

Вечная память этой чистой светлой жизни, вечная память его глубокой ревности по Боге!.. Есть люди, которые приносят пользу не тем, что они сделали, а тем только, что они

существовали. Таков был и этот Божий человек... Воспоминание о нем для нас, обуреваемых суетою мира — точно отголосок райских напевов, раздавшийся среди утомительного и нестройного мирского гомона, среди безумных нестройностей и криков мирской, забывшей о Боге, жизни.

Петр Васильевич Мичурин родился в Сибири в Томской губернии в округе г. Кузнецы, Сарчумыского форпоста, в благочестивой дворянской семье. Воспитанный дома, он поступил в военную службу, но недолго оставался в ней. Его сердце принадлежало одному Христу. Для Него он оставил все — родных, отца, мать, братьев, сестер, все красоты и прелести мира и стал пустынноиком.

Еще находясь в военной службе, в намерении уйти из мира, Петр отказался от мясной пищи и довольствовался постом. Целые дни, приучая себя к воздержанию, он проводил без пищи. Когда же готовился к причащению Святых Христовых Тайн, тогда не вкушал он ничего пять дней. Всегдашним духовным оружием его была молитва Иисусова "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного". Он читал священные книги с великим вниманием и верою. Характер у него был мягкий, приветливый. Со всеми был он простодушен и дружелюбен, так что все домашние и соседи любили его. Родители его, видя его стремление к Богу, не препятствовали ему начать иноческую жизнь. С великою радостью он получил отставку от службы и, не взяв с собою никакого имущества, ушел к пустынноикам. Он поручил себя руководству старца Василиска, отложил совершенно всякие думы о житейском и начал жить, повинаясь старцу. С благословения старца он стал уменьшать приемы пищи и воздерживаться от всех вкусных и любимых им вещей; и, наконец, вовсе отвык от них. Он избегал излишнего сна, одевался в рубищные одежды, готов был на всякие послушания.

Приучая себя к воздержанию постепенно, он от 3-4 фунтов своей обычной пищи приучил себя довольствоваться 3/4, а иногда менее, хлеба. Чаще же всего он отказывался и от воды и к вечеру ел один сухой хлеб, проводя весь день без пищи. Часто в летние жары он томил себя до изнеможения жаждою. Совершенно отучил себя спать лежа. Но отдыхал сидя, от чего его ноги страдали опухолью. На это он не обращал никакого внимания.

Старец Василиск указал ему больше всего заботиться о внутренней молитве, и научил его такой молитве. А Господь даровал ему такой дар этой молитвы, что часто он находился как бы вне тела, и все существо его трепетало радостью молитвы. И любовь к Богу с такою силою охватывала его, что он, будучи не в состоянии скрыть ее, громко взывал к Богу и восторженно благодарил Его. Иногда он чувствовал благоухание, превосходящее все ароматы. Иногда старец спрашивал его, зачем он так громогласно зовет и плачет во время молитвы, когда Христос заповедал молиться втайне. А Петр отвечал откровенно и смиренно: "Прости, отче! Не могу стерпеть, чтоб не кричать. Ибо я вижу духовными очами моими, как Владыка мой, Христос Господь, пред мной неповинно страждет и истязуется жидами. Его пресвятое тело избито и истерзано, как ветхое рубище. Животворящая Его кровь течет потоками. От того я не могу терпеть. Прости меня, отче!"

Покорность его старцу была безгранична. Он ненавидел самоуслаждение и самоволие. Он, казалось, жаждал для себя всего худшего и неприятного ему. Потому никакое приказание не могло казаться ему тяжелым. Старец, будучи из простолюдинов и не считая себя мудрым, отказывался принять его в совершенное послушание себе. А он отдал себя совершенно в волю старца, совершенно отсек свою собственную волю.

Точно уже не живя на земле, Петр словно чувствовал, особенно во время умной молитвы, как бы напечатленными в себе слова Христа: "Мария благую часть избра, яже не отыметя от нея". И это ощущение распаляло в нем еще сильнее жажду такой жизни, в которой бы ничто не

разлучало его от Христа: в которой бы он мог подобно Марии всею душою быть у ног Спасителя. Углубленность Петра в умственную молитву, благодатные утешения, которые он тут получал, делали то, что он иногда забывал порученные ему послушания... Погруженный в светлые видения, чуя здесь на земле точно спускавшееся к нему небо, он неспособен был к внешней деятельности. Когда он ощущал вдруг, что сердце его переполнено безграничным желанием Бога, он не в силах был удерживать себя, и даже при посторонних неудержимо плакал.

От постоянного и тяжкого поста, жажды и ночного бодрствования, все тело в Петре увяло и высохло до того, что все кости были покрыты одною кожей, точно он был живой мертвец. Кроме подвигов его, организм как бы сгорал от безмерной любви к Богу. Весь иссохший, бледный, уста запекшиеся от жажды, впалые глаза, пустой желудок, проступавшие наружу ребра. На руках, коленях и лбу от земных поклонов кожа зачерствела.

Еще в миру он оказывал благоприятное влияние на окружающих. Многих, даже вдов и девиц, он склонил к чистой жизни, к отречению от мира. А в пустыне его подвиг был громогласною, хоть немою, проповедью.

Часто, вышедши из келлии, целые ночи простаивал он под открытым небом, молясь Богу, слава Которого так ярко сияет на ночном озаренном звездами небе.

Молитва была словно вкоренена в его сердце. "Никогда не перестаю я молиться, — говорил он. — Не бываю без молитвы даже и тогда, когда память забудется, когда дремлю или сплю. И тогда молитва сама творится, и, пробудясь, чувствую ее в моем сердце".

В умилении молитвы слезы то струились по лицу дивного юноши каплями, то лились потоками, то раздражались неудержимо, как тяжелый град.

В высшем напряжении молитвы его сердце как бы терзалось от радостного восторга. Не в силах совладать с собою, он раздражался возгласами: "Господи, как воздать Тебе за Твои благодеяния, за то, что Ты являешь теперь моему сердцу?"

Любовь Петра к своему старцу, о. Василиску, была безгранична и поразительна.

Однажды о. Василиску нужно было посетить другого старца и на несколько дней оставить Петра одного. Он так томился этим, что его нельзя было утешить. Он падал ему в ноги, целуя их, и с рыданием провожал его на далекое пространство. Когда старец, простившись с ним, велел ему возвратиться, нельзя было без глубокой жалости смотреть на Петра. Он долго стоял, рыдая, глядя ему вслед, прося его молитв и благословения, звал его и, наконец, пошел тихими шагами, беспрестанно озираясь на старца... Может быть, его душа предчувствовала, что недолго уже видеть ему своего старца на земле.

Вскоре он просил у него благословение провести 40 дней без пищи. Старец разрешил ему на первый раз лишь десятидневный пост. Во время этого поста, занявшись рубкою дров, Петр нанес себе опасную рану в ногу.

Едва дойдя до келлии, он тем не менее довел пост до конца, а по ночам молился, стоя на ногах, и, не щадя себя, работал еще на огороде. Наконец, он вынужден был слечь.

За день до кончины недуг оставил его. В день смерти он утром поднялся и, улыбаясь, сказал о. Василиску: "Я стою крепко на обеих ногах". Потом он ходил по келлии и сказал после краткой беседы: "Испить бы чего!" Старец заметил, что ему бы надо приобщиться.

Между тем Петр изменился в лице и посмотрел: направо с радостным чувством, а налево с гневом. Потом он быстро посмотрел на небо, стал на колени и опустил голову к столу, словно задремал. Спустя некоторое время старец, думая, что он уснул, стал будить его. Но он был уже бездыханен.

Это было приблизительно в 1820 году. Он прожил всего 20 лет.

Так хорошо знавший его о. Василиск говорит о нем: "Много странствий сотворили мы с о. Зосимою, а не нашли нигде подобного раба Божия, такого жестокоподвижного, смиренномудрого, каков был сей юноша Петр".

Как лучезарен этот необыкновенный образ, словно залетавшее на землю небесное явление.

Пустынный Варлаам

Пустынный Варлаам принадлежит к числу скромных тружеников апостольского дела — проповеди Евангелия людям, "сидящим во тьме неведения".

Он основал на границе Китайской Монголии, в 150 верстах от столь известной торговлею своею Кяхты, на высоких, в роде Афонских горах, поросших лесом, скит.

Старец Варлаам родился в 1774 г., происходил из дворовых крестьян Нижегородской губернии, Лукояновского уезда, села Моресова, помещиков Воронцовых. Звался в миру Василий Надежин, был женат, но бездетен. Поэтому принимал с женою сирот на воспитание, и затем устраивал их семейный быт. Это доброе дело показывает доброе его направление еще в миру. Самоучкою выучился он церковной грамоте читать и писать.

О семейной жизни его ничего неизвестно. Только ему не захотелось жить в миру, захотелось уйти спасти душу. Быть может, тому способствовали и тревожные обстоятельства того времени. Перед великою отечественною войною многие ожидали конца мира, в виду различных знамений на небе.

Так или иначе без всякого уведомления Василий ушел тайно из дому. Все поиски были тщетны. Впрочем, и домашние и господа вскоре успокоились.

В 1811 г. он явился в Киево-Печерскую Лавру и надеялся пожить здесь, как богомolec. Но у него не было паспорта, его судили и как бродягу определили сослать в Сибирь. Таким путем уничтожения привел его Промысл в страну, где ему предстояло много послужить Богу.

Его сослали за озеро Байкал и причислили к населению Урлукской волости. В продолжение 6 лет он прожил, исполняя обязанности трапезника (сторожа) при церквях, сперва в двух сельских, потом в церкви города Троицкосавска; наконец — при Воскресенской церкви в Кяхтинской торговой слободе. Всюду он исполнял свои обязанности усердно. Кяхта — это последнее жилище его в миру.

К селу Урлуку с китайско-монгольской границы примыкают громадные хребты гор, отделяющие Забайкальскую область от Китайской Монголии. Граница идет по реке Чикой. Эти горы покрыты вековым лесом. Сюда-то и укрылся подвижник от взоров людских. В семи верстах от Урлука, он выбрал в чаще леса место, воздвиг там деревянный крест и около него, в полутора саженьях, срубил себе малую келлию. Тут мог он вполне отдаваться богомыслию, молитвам, подвигам поста и самоуничтожения.

Ему пришлось вынести сильную борьбу. Его искушали привидения; угрожала опасность от диких зверей и гадов. Враги спасения являлись ему в образе хищных зверей, в виде знакомых, напоминая ему о прежней жизни, призывая его в мир. Все это он побеждал молитвою и верою. Много надо было бодрости, чтоб выжить в таком уединении несколько лет, страдая от стольких напастей: от голода, жажды, помыслов. Во время молитвы, как гласит предание, отшельник надевал железную кольчугу, чтоб смирить плоть и возвысить дух. В свободное время он списывал церковные книги для знакомых и благодетелей.

Так прожил он пять лет. Молва о нем стала распространяться, и некоторые, узнав об его месте, стали посещать его. Для принятия Св. Тайн отшельник приходил в с. Урлук.

Просьбы желающих склонили его к принятию к себе в пустыню. Появилось еще несколько келлий. Молва о подвижнике дошла до самой Кяхты, откуда его стали посещать богатые и именитые люди, давая ему и средства на устройство общины. В 1826 г. была устроена часовня во имя пророка и Предтечи Иоанна, а по сторонам ее — несколько келлий; были привезены богослужебные книги, колокола для часовни. Так как братия состояла из безграмотных стариков, то старец стал отправлять для них те службы, которые можно совершать без священника.

Земская полиция давно искала Надежина, забрала его и посадила в острог. Но Кяхтинские жители хорошо знали его как по службе трапезником, так и по отшельничеству в Чикойских горах, ради спасения души. Подвиги свои он совершал дома, в своей волости. Кяхтинцы решили вступить за невинно преследуемого и обратились к епархиальной власти. По расследовании дела, и по личном знакомстве с Надежиным, вызванным в Иркутск, архиепископ нашел возникновение скита крайне полезным, как бы указанием свыше в такой местности, где с одной стороны много бурят-идолопоклонников, с другой — раскольников поповского и безпоповского толка. В Надежине же архиерей признал человека истинно-православного и духовного.

Он предложил ему принять монашество и подал в Святейший Синод прошение об оформлении скита, как опорного пункта для миссионерской деятельности в этой местности.

В скиту в то время была часовня с иконами, лампадами и богослужебными книгами, порядочная трапеза и десять малых келлий, настоятель и 8 человек братии. Средства жизни доставлялись от благодетелей из Кяхты, Урлука и других сел.

5 октября 1833 г. скитооснователь был пострижен в иночество с именем Варлаам.

В это время прослышали уже о нем многие и в России. Между прочим, знал его и дивный старец Серафим, что видно из письма благочестивой игумении Касимовского монастыря Елпидифоры, поддерживавшей духовно пустытника.

— Я имела счастье видеть, — пишет она ему в 1830 г., - и не в первый раз, отца Серафима. Онный вам известен. Я насладились его беседой; совершенно раб Божий и точно живой святой; все мои описал чувства и намерения, и вам посылает свои благословения. Прошу вас, имейте к нему веру. Он и заочно всех знает, и молитва его столь нам помогает.

Присланный заботами матери Елпидифоры портрет старца составляет теперь собственность Забайкальской духовной миссии и принадлежит Николаевской часовне.

В малой общине не было священника — и в марте 1830 г. о. Варлаам вытребован в Иркутск, 22 марта рукоположен в диаконы, а в день Благовещения — в иеромонахи.

Вернувшись домой, о. Варлаам из часовни устроил храм.

Вскоре обнаружилось благодетельное влияние о. Варлаама на окружающих раскольников. Когда был прислан ему в помощь иеромонах, он получил возможность посещать жилища жителей, исполнять требы, напутствовать больных, к которым во всякое время он шел по первому зову. Он приобрел себе такое уважение, что и раскольники почитали его. Ему доводилось крестить людей разных наций, татар, евреев, бурят, убежденных им в истине православия. Он иногда умел убедить и образованных неверов. Одна старая монголо-бурятка, считавшаяся сумасшедшею, прибежала к нему босая и полунагая в мороз, ища крещения, и после крещения пришла в совершенный разум.

В скиту о. Варлаам завел во всем, особенно в церковной службе, самый точный порядок. Сам он неопустительно ее правил. В 1838 г. он был возведен в звание строителя, и ему поручено воздвигнуть новый соборный храм. От Св. Синода было ассигновано 3000, затем открыты пожертвования и чрез три года храм был готов и освящен.

Кроткие и твердые действия о. Варлаама, заведенные им школы — много способствовали ослаблению раскола. Жители Архангельской слободы приняли священника, а чрез несколько лет Архангельский приход пришлось делить уже на два. Раскольники охотно отдавали детей в школу к о. Варлааму; потом дети принимали крещение, крестились и взрослые, отказываясь от прежних своих уставщиков, говели и приобщались в тикойском скиту. Потом о. Варлаам объехал более дальние селения, предлагая старообрядцам принять священника на правах единоверия, с соблюдением старых обрядов и сохранением старопечатных книг. С ним согласились. И, когда архиепископ Иркутский прибыл в 1839 г. и возвел о. Варлаама в сан игумена, на торжество собрались и вновь воссоединенные чада Церкви.

О. Варлаам обратил до 5000 душ. Действовал он особенно примером своей строгой жизни и простотой убеждения.

В 1845 г. Варлаам почувствовал упадок сил, но не переставал трудиться. Предприняв в январе следующего года путешествие по Урлукской волости, он как бы прощался со своею паствою. Вернулся он больным, и 23 января, 1846 г. на 71-м году, напутствованный св. таинствами, тихо предал дух Богу после 25-летнего здесь подвига.

Над могилою его воздвигнут памятник.

Доселе на ней совершают панихиды окрестные жители; приходят поклонники из Забайкальской области и особенно из Кяхты. Многие приходят по обету, веруя в силу загробных молитв подвижника.

В тикойской обители хранится кольчуга, которую старец, живя один в пустыне, надевал во время молитвы.

Цела и келлия пустытника, устроенная им в 200 сажнях от нынешней обители, за оградю.

Она стоит высоко, а сама чрезвычайно тесна, так что еле можно в ней поместиться. Отдыхать подвижник мог лишь полусидя. Маленькое окошечко менее 7 вершков освещает эту келлию в 2 1/4 и аршина длиною и шириной. В переднем углу — распятие. Около келлии, в тени, водружен старцем деревянный осьмиконечный крест. Вблизи — течет источник чистой воды. Здесь есть что-то благодатное, и много думается и чувствуется, когда читаешь на полоске из белого железа выбитую пустынником мольбу: "Господи, силою Твоею свыше на вся враги видимыя препояши мя, и буди ми покров и заступление".

Иван Яковлевич Корейш

Иван Яковлевич Корейш, сын священника, родился в городе Смоленске, учился в Смоленской Семинарии, затем в Духовной Академии.

Окончив курс, он определен был в Смоленск учителем в Духовное Училище.

С юности искал он уединения, любил духовные книги, держался особняком от товарищей; не знал ни увлечений, ни удовольствий. Постоянно уходил он куда-нибудь, где бы ему без помехи можно было заниматься любимым делом изучения священного Писания... Обычные пути жизни были не по нем... В душе раздавался голос, звавший его к иному.

Иван Яковлевич ушел из Смоленска, посетил русские святыни: был в Соловецком монастыре, в Киеве, в Ниловой пустыни, у преп. Нила Столбенского. Три года он работал здесь с братиею, исполняя все возлагаемые на него послушания. Потом опять вернулся в Смоленск, стал снова учителем.

Ученики его любили, родители были рады за своих детей, так как уважали его за его честное отношение к своим обязанностям. Но его не удовлетворяла эта деятельность. Он решился приступить к тяжкому подвигу юродства, который он нес до последней минуты жизни и в котором принял много страдания.

Он притворился помешанным.

Жители Смоленска, на глазах которых он вырос, привыкли на него смотреть, как на человека больших дарований и высоких нравственных качеств. Они поняли, что тут не безумие, а подвиг, и стали приставать к нему за советами, что смущало его смирение и, кроме того, отягощало его. Он нашел оригинальное средство избавиться от посетителей. Он поселился на огороде в опустевшем строении, где раньше была баня. На наружной стороне бани он наклеил письменное объявление, чтоб к нему не входили иначе, как ползком на коленях. Одни считали это унижением, другие боялись испачкаться и порвать платье. Ему стало покойнее.

Попутру слышно было, как он распевал духовные стихи. В 1812 г., при нашествии на Смоленск Наполеона, Ивана Яковлевича видели у неприятельского лагеря, где враги наносили ему оскорбления.

После войны он продолжал жить в той же бане, и тут стал уже иногда принимать приходивших к нему за советами. Через пять лет в его судьбе произошла большая перемена.

Проезжал чрез Смоленск один высокопоставленный, уже не молодой человек, очень избалованный. Ему приглянулась дочь бедной вдовы-чиновницы, бывшая, действительно, красавицей.

Узнав, что на деньги она не польстится, он решился прибегнуть к обману. Он выдал себя за холостого и просил ее руки, с тем, чтоб брак был совершен по приезде их в Петербург. Бедная мать была в страшном колебании. С одной стороны виделась привольная жизнь дочери, обеспечение ее в собственной ее старости; с другой — страшно ей было отпускать так далеко дочь без себя, как того требовал жених. Посоветываться ей было не с кем; кто-то надоумил ее сходить к Ивану Яковлевичу. Иван Яковлевич, выслушав от нее про все обстоятельства, приказал ей не отпускать дочь, пояснив, что тот человек женат и имеет троих детей, а при живой жене не женятся. Вдова наотрез отказала мнимому жениху.

Замуж молодая девушка, после того, как все это огласилось на далекое расстояние, выйти не решалась. Она поступила в монастырь, была игуменьей и постоянно находилась в переписке с Иваном Яковлевичем.

Ярость обнаруженного обманщика обратилась на Ивана Яковлевича. Чрез свои связи он добился того, что Ивана Яковлевича признали человеком, которого опасно оставлять на свободе. Было решено засадить его в дом умалишенных в Москве.

Так как в Смоленске Ивана Яковлевича любили, то его вывезли тайно: связали по рукам и по ногам, прикрыли рогожами, так что встречные и не думали, что в телеге живая кладь.

17 октября 1817 г. он был доставлен в Москву, сдан в качестве буйного больного в Преображенскую больницу для умалишенных, и заключен в одиночном подвальном помещении. Его приковали в углу подвала к стене, бросили ему клоч соломы для спанья. К нему приставлена была грубая злая женщина, приносящая ему, когда ей вздумается, ломоть хлеба и кружку воды. Так прожил он три года.

Один блаженный, Александр Павлович, содержащийся тоже в Преображенской больнице, обратил внимание молодого богатого суконщика, навещавшего его часто, на бедственное положение Ивана Яковлевича. Тот не пожалел никаких затрат, чтоб добиться от начальства больницы доступа к Ивану Яковлевичу. Он застал его в тесной темной яме, в углу ее в ужаснейшей обстановке. Суконщик стал посещать узника, за ним и другие.

В конце двадцатых годов старшим доктором назначен был в больницу г. Саблер, человек доброй души.

Обходя в первый раз больницу, он спустился к Ивану Яковлевичу, и, когда увидел его на соломе, прикованного к стене в этой яме, он в ужасе отступил и потребовал, чтоб ему объяснили, за что так обращаются с этим человеком. Ему показали бумаги, на основании которых Ивана Яковлевича заключили в эту больницу. Доктор приказал сейчас же снять цепь, вынести узника на верх в чистую комнату и переменить белье.

Комнату ему отвели просторную и светлую, доктор всячески старался восстановить его силы, постоянно навещал его, требуя внимательности к нему и со стороны других; дозволил посторонним свободно входить к нему. Число посетителей все прибывало, и достигло цифры 60 в день. У входа к Ивану Яковлевичу начальство больницы повесило кружку, и всякий пред входом должен был опускать туда двугривенный. Деньги шли на улучшение быта больных. Действительно, пища стала им подаваться свежая, сытная, появилось чистое белье, расчищен был для них сад.

Но, насколько зависело от него самого, Иван Яковлевич, теперь никем не теснимый, продолжал все теснить себя. Он определил себе пространство в два квадратных аршина в углу около печки, на полу, и, как заключенный, не смел протянуть ног за эту черту.

Во всем он себя теснил. В продолжение сорока лет, прожитых им в этой комнагв, он никогда не садился: или лежал, в случае крайнего утомления, на полу, или все делал, стоя на ногах — и писал так, и ел. Удручая себя, он занимался толчением в мелкий порошок камней, бутылок и костей и, смешав все с песком, приказывал выносить вон и приносить другое стекло.

Всякую приносимую ему пищу он перемешивал все вместе: кашу, щи, лимон, ананас, семгу, и тогда только ел. Многие, видя это, считали его безумным. А это было лишь желание не услаждать свой вкус.

Приносимые ему деньги и вещи он раздавал посетителям или умалишенным; принимал он только нюхательный табак, которым посыпал себе голову и одежду. Про себя он говорил: "У нас одеженка пошита и хоромина покрыта, находи нуждающихся и помогай им". Иногда он приказывал кому-нибудь тут же при себе помочь нуждающемуся посетителю.

В общем же его действия часто бывали так странны, что нужна была и вдумчивость, и привычка, чтоб открывать истинный смысл его поступков.

Он одевался в темное, носил рубашку, халат, подпоясанный мочалой или полотенцем; халат на шее и груди его был всегда расстегнут, так что виднелся шейный крест. Он лежал вправо от входной двери.

С 1858 г. Иван Яковлевич все более лежал и стал слабеть.

Он обыкновенно приобщался Святых Тайн в Великую Субботу. В этот день 1861 г. он, раздавая посетителям просфоры, сказал: "Поздравляю вас с новым годом, с утренней авророй"^[18].

Многие поняли, что он говорит об утре новой своей жизни.

В последние месяцы жизни, мучимый кашлем, он ни в чем не делал себе послабления; даже голову не клал на подушки, а на пол.

6-го сентября, рано утром, Иван Яковлевич просил священника напутствовать его на смерть. Он был приобщен, особорован, прочли над ним отходную. Тут подходили к нему прощаться, задавая ему вопросы, и он всем отвечал так, как действительно впоследствии совершилось. Служителю "Миронке", много лет, всегда с ворчанием ходившему за ним, он предсказал, что тот последует за ним первым.

Одна женщина хотела спросить его, кому ей отдать большое количество принесенных ею хлебов. Он еле внятно сказал ей: "Боже, благослови для нищих и убогих". Пред последним вздохом он поднял руку, сказал громко: "Спаситесь, спаситесь, спасена буди вся земля!" — и скончался.

Известный живописец, придя снять портрет с почившего, не мог этого сделать, так как лицо немедленно стало изменяться, как только художник приступил к работе.

Тело Ивана Яковлевича стояло пять дней; над ним было отслужено более 200 панихид. Между почитателями почившего происходили споры, где хоронить его — в Смоленске, как месте родины, в Покровском монастыре или Алексеевском. Митрополит утвердил просьбу его родной племянницы, которой муж служил диаконом при церкви села Черкизова. Здесь его и положили. Около него лежит Петр Абрамович Аладьин, человек из высшего московского общества, горячо преданный Ивану Яковлевичу, и тульский уроженец г. Киреев, возрожденный Иваном Яковлевичем из погибели к доброй жизни.

Сыну г. Киреева принадлежит труд жизнеописания Ивана Яковлевича, в котором можно найти много интересных подробностей и который служил руководством при составлении настоящего очерка.

Если взаимные отношения духовных мужей могут способствовать нам в понимании этих людей, то следует сказать, с каким неизменным вниманием и уважением относился к Ивану Яковлевичу великий московский митрополит Филарет.

Пришел раз к Ивану Яковлевичу совершенно неизвестный ему диакон, который был женат на

его родной племяннице. Он был в таком бедном приходе, что никак не мог содержать себя и свою семью. Увидав его, Иван Яковлевич, прежде чем тот объяснил, кто он, спросил у него о здоровье своей сестры, а его тещи. Когда же узнал о желании диакона быть переведенным в другой приход — он попросил лист серой оберточной бумаги и карандашом написал на ней от своего имени просьбу московскому митрополиту Филарету. Просьба эта начиналась словами: "Луч великого света", а кончалась подписью: "Студент хладных вод Иоанн Яковлев".

По этой просьбе митрополит немедленно перевел диакона в село Черкизово, близ Преображенской богадельни.

Если вдуматься в эту странную, с первого взгляда, подпись Ивана Яковлевича — "студент хладных вод"; не содержит ли она в себе глубочайшего смысла. — Не слышен ли здесь вопль человека, истомленного жестокими, беспощадными уроками жизни? Не говорит ли он об этом грустном житейском опыте, который, как струя холодной воды, льется на горячие головы честных людей, одушевленных широкими порывами сочувствия к человечеству. Ведь сам Иван Яковлевич в молодости вступился за беззащитную девушку, которой грозило непоправимое поруганье — и что получил он за этот благой порыв: заключение, узы, холод, голод, лишение человеческого достоинства. Страшная, глубокая драма! Чтоб пережить и еще нравственно вырасти после нее потребовалась вся духовная мощь Ивана Яковлевича. Драма эта слышится целиком в этих трех словах: "студент хладных вод".

Иван Яковлевич имел высокие духовные дары. Видя лиц в первый раз, он, со всеми подробностями, рассказывал им всю их прошлую жизнь. И будущее со всеми его подробностями не имело для него покровов.

В нем был и дар исцеления.

Несколько способных людей, много лет преданных ужасной страсти к вину и доведших тем свои семьи до нищеты, он поставил на ноги, мгновенно на всю жизнь исцелив их от пьянства.

В несколько часов исцелил он ребенка, сына богатых родителей, которому угрожала тяжелая операция, при чем врачи сомневались в благоприятном исход ее. Обрадованная мать, желая выразить благодарность исцелителю, пожертвовала 6,000 руб. на больницу, где жил Иван Яковлевич.

Конечно, то был истинный духовный человек, и прежде всего разгадал его тот простой русский народ, который умеет смотреть вглубь жизненных явлений. Этот народ не смущается никакими странностями, которыми иногда прикрываются люди высокой жизни, невольно, быть может, для них самих подвигаемые к этому Богом для того, чтоб не смущала грешников их светозарная высота. Понятен был и Иван Яковлевич тому народу, о котором не даром сказал поэт, что он:

Под земным позором
В убогом нищем зрит Христа!

Старец Даниил, подвизавшийся близ г. Ачинска, в Сибири

Старец Даниил (по фамилии Делие, по отчеству Корнилиевич) был из казаков. Семья его жила в Полтавской губ., Кобелякского уезда, в местечке Новые Сенжары (впоследствии же переехала в хутора Култоловские, в 14 в. от Сенжар). Родился Даниил 12 декабря 1784 года; о

детстве его не сохранилось никаких сведений, особенных событий в эту пору его жизни не было; он жил, как другие; но в пороки не вдавался, был смирен и непамятозлобив; грамоте не умел. Отец его за двадцать лет до кончины лишился рассудка, но скончался христианскою кончиною, на светлой неделе. Мать была хорошая хозяйка и честная женщина. В пятнадцатилетнем возрасте Даниил заболел горячкою, и домашние опасались, что его ждет участь отца, но чрез два месяца он совершенно оправился.

Выучившись играть на басы, Даниил, вместе с товарищами, стал промышлять этою игрою, но, по требованию деда, должен был оставить это занятие и приняться за домашнее хозяйство и земледелие, в замен больного отца.

В 1807 году Даниил был принят в ратники. После двух лет службы, он был определен в артиллерию, и там, в батареейной школе, в два месяца выучился грамоте. В 1812 г. он участвовал в Бородинской битве; при орудии, у которого он стоял, из 8 человек прислуги уцелело только двое. После 12-го года делал он кампанию 13-14-15 годов, и был в Париже. Из Парижа он два раза писал родным, и прислал им денег (60 и 25 руб.). Вообще он был очень бережливый и даже скупой человек. В 1820 г. Даниил из г. Лебедян, где в то время стояла его батарея, на три дня приходил домой в отпуск; он был в чине унтер-офицера и в должности каптенармуса. В отпуске он вел строгую жизнь, говорил домашним о необходимости ежедневной молитвы; читал духовные книги и рассказывал их содержание. Уходя, Даниил оставил брату своему 25 р. денег, а племяннику подарил свою землю — до пяти десятин; при этом сказал, что больше у него ничего нет, и что остальные деньги он употребил на устройство икон в церковь, но в какую — не сказал. При прощании, он молвил: "Более не ожидайте моего прихода в дом: куда-нибудь залезу в щель, как муха, и там век доживу".

В 1822 г. родные Даниила узнали, что батарея его будет проходить чрез Полтаву, и брат его отправился туда для свидания с ним. Но Даниила не было, и от командира батареи брат его узнал, что Даниила сыскать трудно, что он предался богоугодным делам. Чрез полгода родные прослышали, что он находится в Диканьке (Полтавского уезда), где чудотворный образ святителя Николая, и тетка его поехала в надежде увидеть его. Он подходил к ее возу, спросил, с кем она приехала, но подходил, как чужой человек. Когда он отошел, одна женщина рассказала этой тетке, что он странник, живет в лесах и получает от нее пищу — в скромные дни яйцо и кусок хлеба. Эта женщина указала в лесу место, где странник начал рыть себе пещеру. С той поры родные совершенно потеряли Даниила из виду.

Именно к этому времени относится великий перелом в жизни Даниила. — Эта жизнь, посвященная до сих пор служебному долгу, круто изменяется. В нее входят новые начала, и Даниил становится новым человеком.

Служба Даниила Делие шла превосходно. Исполнительный, ревностный, честный, засвидетельствовавший храбрость раною, полученною в 12-м году — он был отличаем начальством, и, после 17-летней службы, был представлен к офицерскому чину. Но он не хотел более продолжать службы, отказался от чина и просил только, чтоб его пустили в монастырь или в уединение спасти душу. Тщетно командир его, которому он открыл свое намерение, уговаривал его служить; он решительно от всего отрекался; напрасно страшили его суровыми наказаниями. Сидя под арестом, он утешался священными книгами, которые ему дозволено было иметь. Наконец, состоялся о нем такой приговор военного суда:

"За принятое намерение удалиться вовсе от службы для пустынножительства, и так как, за всеми предпринимаемыми мерами и вразумлениями к продолжению службы, остался непреклоним и при том показал, что лучше согласен получить смерть, нежели оставить свое намерение, — по конфирмации г. главнокомандующего 1-ю армию, как упорствующий в своем

мнении и не хотящий служить, выключен из воинского звания и назначен в ссылку в Нерчинск, на работы в рудниках тамошних горных заводов".

Когда начались духовные стремления Даниила, и каким образом развилось в нем столь сильное стремление к подвижничеству?

Божественное желание возбудили в нем духовные книги. Один диакон хорошей жизни, с которым он познакомился, давал ему Священное Писание и жития святых. Неотразимое впечатление производили на Даниила примеры святых; много глубоких дум передумал он, и дошел до намерения подражать праведным. Устрашился он суеты, непостоянства мира, участи грешных, и решил все оставить, чтоб получить помилование на страшном Господнем суде... Так возникло в Данииле неодолимое желание уединения, молитвы и подвижничества.

В Сибири Даниил был определен на вечную работу, в Боготольский винокуренный завод, Томской губернии. Дошел он до Сибири с преступниками, и не позволил снять с себя кандалы.

На заводе провел он несколько лет; пристав возненавидел его, называл святошею и возлагал самые тяжелые на него работы. Протрудившись весь день, Даниил ночь стоял на молитве, и днем, когда назначен был отдых, удалялся на молитву, стараясь, чтобы его не видали. Пристав, издаваясь над ним, говорил: "Ну-ка, святоша, спасайся в каторге!" Хлеб и вода составляли единственную пищу Даниила. Раз зимою пристав посадил раздетого его на крышу дома и велел поливать водою, крича: "Спасайся — ты святой!"

Тяжкою болезнью был наказан пристав за гонение подвижника, и повинился пред ним, и просил помолиться о своем исцелении. Бог внял молитве Даниила за его гонителя. Убежденный в том, что Даниил избранный раб Божий и желая обеспечить ему возможность служить одному Богу, пристав донес губернатору, что Даниил Делие неспособен к работе, и потому отпускается на вольное пропитание.

Получив свободу, Даниил водворился в городе Ачинске: сперва в маленькой келлии, потом во дворе одного купца, где тоже устроил себе маленькую келлию. Жестокое житие избрал себе тут Даниил — он пребывал в постоянном тяжком труде, в телесном озлоблении и непрестанной молитве. Без трепета нельзя вспомнить особенно о последних годах жизни Даниила, которые провел он в деревне Зерцалах (в 17 в. от Ачинска) у одного крестьянина.

Тут его келлия была в размер гроба, так что приходящие с ужасом взирали на подвиг великого труженика. Платье свое держал он в сенях, так как одетый не мог он поместиться в этом гробе. Окно было размером в медный гривенник; по целой неделе оставался он в этом заключении, без света, в молитве; иногда в сенях занимался он рукоделием, но за изделия свои не брал денег, только хлеба для пропитания. По ночам выходил он тайно на работу: возделывал землю чужих огородов, жал и косил на полях у бедных.

Деньгами подавать он не мог, потому что их у него никогда не было. О милостыне говорил: "Лучше подавать, нежели принимать; а ежели нечего подавать — Бог и не потребует. Нищета Бога ради — лучше милостыни, а милость может оказать и неимущий: помощи бедному поработать, утешь его словом, помолись о нем Богу, — вот и чрез сие можно оказать любовь ближнему".

Пища, которую принимал он лишь к вечеру, и то не всякий день, — состояла из воды, хлеба или картофеля, который он никогда не чистил; пред едой он забивал за пояс деревянный клин, чтоб меньше есть. Для смирения плоти он носил берестовый пояс, вросший в тело, с которым и погребен, и железные вериги и обруч, но незадолго до смерти он снял эти последние и ответил

так одному искренне вопрошавшему: "Тело мое к ним привыкло и не чувствовало от них болезни. Тогда бывает только полезен подвиг, когда наносит обуздание телу. Пусть лучше, чем хвалить меня, говорят люди: Даниил ныне уже разленился; это будет для меня полезнее".

Еще с завода прошла в народе молва про праведную жизнь Даниила, и, когда поселился он в Ачинске, стал народ ходить к нему за благословением на какое-нибудь дело, или за советом, или чтоб взглянуть на него и порадоваться. Один вид подвижника действовал на душу неотразимо — закоснелые грешники рыдали пред святынею, в нем чувствовавшейся, и признавались в своих грехах.

Духовною силою, любовью и умилением были исполнены беседы Даниила. Он говорил о церковных уставах, о заповедях, о Христе и Его учении, и крестной смерти, о вечной жизни, блаженстве праведных и мучении грешных. Любовь, наполнявшая его сердце, изливалась в слезах, без которых он не мог говорить, и иногда во время беседы приходил он в духовное восхищение, и молился восторженною молитвою, которая полноводною рекою текла всегда из его сердца.

Звать себя "отцом Даниилом" старец воспрещал — и говорил, что один только у нас отец — Господь Бог, а все мы — братья, и потому звали его "брат Даниил". Много случаев дали современникам повод узнать прозорливость Даниила. Говорить он старался притчами и так, чтоб понятно было лишь тому, до кого это относилось.

Местные епископы, объезжая епархию, бывали у Даниила и относились к нему с великим уважением. Архиепископ Иркутский Михаил рыдал от его беседы; отъезжая, он умолял Даниила принять денег от него, но тот не хотел. При прощании на пароме архиепископ подал ему просфору, в нижней части которой были положены деньги, но старец, не беря ее на руки, отломил верхнюю половину и сказал: "Владыко, мы разделим, верхнюю часть мне, а нижнюю тебе". Удивясь прозорливости Даниила, архиепископ поклонился ему почти до земли, говоря: "Прости меня, брат Даниил!" С таким же уважением относился к старцу Агапит, первый епископ Томский.

Старец часто шел навстречу желаниям лиц, имевших до него надобность. Когда из Ачинска кто собирался в Зерцалы, старец, прозревая их намерение, сам приезжал в город и приходил к тем людям.

Но молва людская, разлучавшая его от ненарушимого единения с Богом, была ему тяжела. Он любил молчание, краткость речи и никаких разговоров, кроме духовных, не выносил. Нестяжание довел до того, что самую малейшую вещь считал за вред душе своей. Одежда, которую носил старец, была так плоха, что никто бы не поднял ее, если б старец ее бросил. Тело его от поста сделалось как бы восковое. Никто не видал его едящим. Часто постился он по седмице и больше. Ко святому причастию приступал он очень часто. Лицо у него было приятное и веселое, с малым румянцем. К вольным страданиям, которыми поработал Даниил свою плоть, прибавилась телесная болезнь: в колене от молитвенного стояния, образовались струпья и завелись черви, и благодушно терпел старец эти страдания.

Такою самоотверженною жизнью и основанном на искании небесного — крайнем пренебрежении земного естества — и стяжал Даниил те великие духовные дары, о которых свидетельствуют его современники. Предавшись весь Богу, чувствовал он потому над собою постоянный покров Божий, хранивший его во всех путях его жизни. Один человек, выйдя от Даниила, полюбопытствовал узнать, что делает старец один в келлии. Но, едва подполз он тихонько к окну келлии, как из окна появилось пламя и едва не опалило любопытного. На крик его, Даниил из келлии отвечал: "Бог простит тебя; но впредь не испытывай".

В январе месяце 1843 г. Даниил уехал из Ачинска в Енисейск. В тамошнем женском монастыре игуменья Евгения была близко знакома старцу, и, по его совету, оставила мир. Еще в миру, она звала его к себе в дом, предлагала ему выстроить в саду келлию, а он отвечал: "Когда будешь жить на твердой земле, я к тебе приду — ты меня и похоронишь". В Енисейск Даниил прожил только три месяца.

Заболев в ночь на 15 апреля, он в утреню исповедывался, в раннюю обедню причастился, и, по прочтении отходной, скончался, стоя на коленях, в четвертом часу дня, на пятьдесят девятом году, в четверток святой Пасхи, — 15 апреля 1843 года.

По смерти живая радостная улыбка запечатлелась на его лице. Множество народа стеклось на его похороны; хотя его не успели узнать — весь город был на отпевании. Предместница игуменнии Евгении, слепая, когда несли мимо нее гроб, увидела яркий свет, как блеск молнии. Особенный свет наполнял также храм во время отпевания, хотя были зажжены все местные свечи. Многие слышали благоухание и прославляли Бога.

Над могилою старца Даниила, у Христорожественской церкви, воздвигнута часовня.

Вот несколько строк о нем последнего его духовника.

"До прибытия блаженного Даниила в Енисейск, я не знал его лично и, признаюсь, думал о нем, как о человек обыкновенном, имеющем только внешний образ благочестия. Однажды сам он пришел ко мне в дом; от предложенного мною угощения, даже и чаем отказался, но начал со мною духовную беседу, и с такою простотою, с такою сладостью, с таким умилением прочитал и объяснил мне евангельскую притчу о десяти девах, что я тут же переменял о нем свое мнение и познал в нем истинного человека Божия. Ах, как бы поболее подавал нам Бог таких исповедников!.. Когда мне были назначены катихизические поучения, я с особенною охотою и легкостью исполнил сие дело. Ничему другому, как благодати Божией, присущей старцу Даниилу, я приписываю успех моих поучений. Кафедральный протоиерей Василий Касьянов".

Юродивая Домна Карповна, юродствовавшая в Томске

Домна Карповна принадлежала к ссыльно-поселенцам Сибири и была сослана туда в наказание за бродяжничество. По статейному списку и ревизским сказкам она значилась Марьею Слепченко из Полтавской губернии. Но была ли она лишь судима там и затем оттуда сослана — неизвестно. Однако ее речь доказывала ее малороссийское происхождение.

Кто она была в миру?

Она говаривала женам сельских священников: "Чепчики, маменьки, носите, платьице чистенькое. Лучше уважать будут. Смолоду я сама наряжалась хорошо. Жила я в господском доме, да ушла".

А раз она прямо сказала одной преданной ей женщине, которую она любила и не называла иначе, как мамка. "Родителей у меня не было, жила я у тетки. Тетка хотела отдать меня замуж силою, а я замуж идти вовсе не хотела. Гуляла в садике и у бежала".

Из других слов ее можно заключить, что она стала странствовать по святым местам.

— Ступай в монастырь, — сказал ей один священник, — молиться за нас грешных.

— Я уже много ходила по монастырям, — отвечала она, — да нигде не принимают, везде гонят, да, наконец, сослали в Сибирь.

Родилась Домна Карповна в начале 19-го века, и до конца была свежа лицом, бойка, имела правильные черты и приятный взгляд. Нельзя было ошибиться, сказав, что в молодости она должна была быть замечательно красива. Когда она меньше юродствовала, в ее приемах было видно, что она не простого происхождения.

Ее никогда не видели читающею, но она была грамотная, да и не только грамотная. Однажды чрез село, где она жила, проезжала женщина высшего общества, ее знакомая. Она осталась ночевать и всю ночь она проговорила с Домной Карповной на иностранном языке.

Жилища постоянного Домна Карповна не имела, жила, где Бог приведет, часто проводила ночь, не взирая ни на какую погоду, на улице. Она одевалась очень странно: собирала всякую ветошь, составляла из нее узлы и затем всю себя обвертывала и обвешивала этими тяжелыми узлами, которые представляли собою таким образом вериги. И так ходила она, с этой тяжестью и стуженой зимой и в летнюю жарынь.

Она юродствовала на народе, но прекрасна и величава была ее тайная молитва.

Ставши где-нибудь в сторонке, на колени, она погружалась в созерцание величия и благодати Божией, проливая горькие слезы о своем недостойнстве, совершенно отрешалась от себя. Слезы текли тогда по ее лицу непрерывно, и чрезвычайной духовной красотой и силой полон был тогда ее образ.

Но при народе она и в церкви держала себя странно; переходила с места на место, разговаривала, пела, гасила свечи, переставляла их, некоторые снимала и клала в свои узлы.

За пазухой, в карманах и прорехах рубища у Домны Карповны были насованы битые стекла, камни, щепки, опилки, кусочки сахара, и все это она раздавала, с иносказательным смыслом.

Иногда Домна Карповна, оставляя юродство, говорила разумно и назидательно, в ее слове дышала великая христианская любовь. А потом снова она начинала юродствовать.

Денег она не просила, говоря, когда ей предлагали: "На что мне их?" — Очень редко брала у людей, которые ее любили, несколько мелких монет.

Зато она настойчиво выпрашивала хлеб, булки, калачи. А то иногда и сама брала.

— У меня слепеньких много, — говорила она, оправдываясь, когда ее укоряли за такое самовольство: — голодными, бедные, сидят.

Под слепенькими она разумела всякого рода странников — прохожих, проезжих. Она непременно подойдет к ним, ласково поговорит и даст на дорогу хлеб, булку или калач.

Она очень любила животных, и собаки, которых она кормила, ходили за ней стаями.

Переходя из дома в дом, с утра до ночи она беспрестанно говорила без умолку.

Видя ее рубище, многие даривали ей новое платье, но эти подарки она немедленно раздавала нищим.

Однажды, очень любивший ее архиерей Порфирий подарил ей новую шубу. С благодарностью

набросила она ее на свои плечи, но через два часа шуба была уже на нищем. Архиерей сказал тогда: "Дурочка учит нас, умников. О, если бы и мы додумались до такой любви к ближнему и до такого терпения ради Христа!"

Ходя по улицам, Домнушка громко распевала духовные песни. Часто полиция ловила ее и сажала в полицейскую тюрьму.

Это было желанным, радостным событием для заключенных.

Томские купцы и купчихи, узнав о том, посылали ей груды пирогов, булочки, блины, чай и сахар. Все это она раздавала арестантам и, когда она выходила из-под ареста, ее товарищи по заключению в простоте душевной желали ей поскорей попасть в тюрьму обратно.

Так жила эта незлобивая душа, избравшая себе в жизнь путь младенческой простоты, путь унижений и скорбей. Когда она умерла, множество народа сошлось на ее погребение. Много было и духовенства, не по приглашению, а по собственному желанию.

Оптинский старец Амвросий

К числу оптинских незабвенных подвижников, столько сделавших для нравственного воспитания русского народа, принадлежит отец Амвросий, старец иеросхимонах, почивший 10 октября 1891 года.

Казалось, что в отце Амвросии разом воплотились все лучшие стороны потрудившихся до него старцев.

Во всяком случае, он был таким удивительным, светозарным явлением, в его образе было столько обаятельной силы, что достаточно было только увидеть его, чтобы испытать невыразимое счастье.

Память отца Амвросия не исчезнет. Он как бы жив для тех, кто его знал, и эти рассказы о нем, удивление той безграничной любви, которая жила в нем и грела страдающее человечество, это светлое впечатление праведного человека перейдет от отцов к детям, из поколения в поколение.

Дорога Оптина всем, знавшим старца. Сколько она вызывает сердечных, благодарных воспоминаний...

Отец Амвросий родился 21 ноября 1812 года в Липецком уезде, Тамбовской губернии, в многочисленной семье сельского дьячка.

В тот день праздновали храмовый праздник в селе, и вокруг дома, где родился мальчик, было много съехавшихся к празднику крестьян. Отец Амвросий говаривал: "Как я на народ родился, так все на народе и живу".

Мальчик отличался чрезвычайною живостью нрава и сметливостью. Пройдя Липецкое духовное училище, он поступил в Тамбовскую семинарию. Товарищи его рассказывали впоследствии о его способностях.

— Бывало, сидишь за уроками, зубришь, а он все бегают. А отвечать станет — точно по книге читает!

По окончании курса в семинарии Александр Михайлович Гренков (таково было мирское имя о.

Амвросия) был некоторое время учителем в частном доме, а затем преподавателем Липецкого духовного училища.

Удивительно сметливый и наблюдательный, чрезвычайно разговорчивый, он близко познакомился с бытом разных слоев общества, и это впоследствии много помогло ему в его деятельности Старца.

Между тем в Гренкове начинался перелом. Он стал уединяться. Замечали, что он по ночам ходит молиться в сад, а потом, чтобы еще более скрывать свою молитву, он уходил на чердак. Он стал задумываться о суетности всего земного, о посвящении себя всецело тому, что одно не проходит, но вечно. Монашеская келия рисовалась уже его воображению.

Среди таких мыслей он тяжело заболел и во время болезни дал обет идти в монахи, если выздоровеет.

Но, оправившись, он медлил исполнением своего обещания и тогда снова заболел. Тогда он твердо решился проститься с миром и, выздоровев, пошел за советом к старцу Илариону Троекуровскому.

О. Иларион указал ему на Оптиную пустынь, промолвив при этом: "Ступай в Оптину и будешь опытным".

Никому больше не открыл Александр Михайлович своего намерения и тайно ушел из Липецка в Оптину, не испросив разрешения епархиального начальства. Уже из Оптиной он написал Тамбовскому архиерею, объясняя ему чистосердечно: он опасался, что уговоры родных и знакомых поколеблят его решимость, и потому решил уйти тайно.

В Оптиной о. Амвросия приняли в скит и дали послушание на кухне. Потом он был взят в келейники к о. Макарию и стал ближайшим его учеником.

Как человек ученый, о. Амвросий принял большое участие в важном деле, предпринятом о. Макарием: перевод на русский язык и издание творений древних великих пустынножителей о монашеской жизни.

Незаметно вырабатывалась в о. Амвросии та высота духа, та сила любви, которую он посвятил на помощь людскому горю и страданию, когда сделался старцем. Уже с самого поступления в скит выделялся он своею приветливостью. Тихо, без потрясения по смерти о. Макария паства его перешла к о. Амвросию. Началась нескончаемая страда.

Отец Амвросий, каким стали знать его в народе, был одним из тех оптинских старцев, к которым всякий миг прийти в душевной тягости или жизненной беде и требовал помощи. Шли к нему люди, прослышав о его мудрости, о его святости, а больше всего о той великой доброте с какою он принимал всякого.

Любить ближних так, чтобы желать им всякою счастья, благословляемого Богом, и стараться доставить им это счастье — было его жизнью и его дыханием. И в этом потоке любви, который обливал всякого, приходившего к отцу Амвросию, была такая сила, что она чувствовалась без слов, без действий. К отцу Амвросию довольно было подойти, чтобы почувствовать, как сильно он любит, и, вместе с этим, в ответ на его чувство открывалось сердце приходившего, рождалось полное доверие и самая тесная близость. Каким образом возникали такие отношения — это тайна отца Амвросия.

Таким образом, с разных концов к отцу Амвросию сходились люди и передавали свои скорби.

Он слушал, сидя или полулежа на своей низенькой кроватке, все понимал еще лучше, чем тот, кто рассказывал, и начинал говорить, что все это значит и как тут быть. Собеседник знал, что в эти минуты старец весь вошел в его жизнь и заботится о нем больше, чем он сам. А могло быть так потому, что свое собственное существо отец Амвросий позабыл, оставил, стряхнул с себя, отрекся от него и на место этого изгнанного "я" поставил своего ближнего и перенес на него, но в сильнейшей степени, всю ту нежность, которую люди тратят на себя.

У отца Амвросия можно было искать разрешения всех вопросов. Ему поверяли как самые заветные тайны внутренней жизни, так и денежные дела, торговые предприятия, всякое жизненное намерение.

Люди, которые не понимали ни старчества, ни отца Амвросия, ни его духовных детей, решались осуждать старца и говорили "Его дело — душа, а не разные предприятия. Тот, кто говорит с ним о таких вещах, не уважает религии".

Но отец Амвросий прекрасно понимал, что там, где умирают с голода, прежде чем толковать о праведности, надо подать хлеба, если он есть. Сам человек высшей духовной жизни, погасивший в себе все собственные требования, он больше, чем кто-либо другой заслужил похвалу Христову за попечение о несчастных: "Я был голоден — вы накормили Меня, жаждал — вы напоили Меня, наг был — вы одели Меня". Он, как умел, служил людям своими сокровищами, а величайшие его сокровища были любовь, мудрость, прозорливость, которыми полны были его советы.

Люди, боящиеся Бога и ищущие спасения, так зорко следят за всяким своим поступком, зная, что для внутренней жизни он отзовется бесчисленными последствиями, что они хотят, чтоб всякий их шаг был одобрен духовником, которому они доверились, — старцем.

От такого благословения у них является сознание, что этот поступок нужен и хорош, а вследствие этой уверенности достигаются для дела — смелость, твердость и настойчивость, вообще же — спокойное и ясное состояние души.

А христианство имеет бесконечно широкие взгляды, обнимая все разнообразие человеческой деятельности. Тем и велико христианство, тем и доказывается его божественный источник, что оно всеобъемлюще. Христианство, с бесконечной ширью своих светлых взглядов, благословляет труд учителя, воина, врача, землепашца, ученого, судьи, торговца, писателя, слуги, чиновника, ремесленника, адвоката, чернорабочего, художника. Оно провозглашает святым всякий честный труд и учит, как лучше всего его исполнить. Тому же учил и отец Амвросий.

Если к нему подходили люди и рассказывали, что их семьи беднеют и надо подумать о том, как бы их обеспечить, отец Амвросий не говорил: "Это не мое дело, я занимаюсь только душами". Он весь начинал гореть тем же желанием, выслушивал все предположения, внимал, расспрашивал, утверждал или дополнял то, что было задумано, или предлагал свое. А все, что благословлял отец Амвросий, не могло не удалиться, потому что все было открыто.

Это громадное сочувствие, благодатная способность принять чужое горе и нужду ближе своего и поясняют все то значение, которое имел отец Амвросий для тех, кто его знал.

Среди общей холодности и равнодушия, при совершенном нежелании людей видеть и чувствовать дальше собственного существа, многим трудно живется. Нужен человек, к которому бы можно было сносить все, что волнуется в душе, которому бы без утайки можно было открыть все думы и надежды, доверить всякую тайну, чтоб стало легче и счастливее. И

нужно, чтоб это чувство было разделенное, чтоб за вежливым словом не слышалось удивления тому, что ищут участия, а чтоб это участие, которого труднее всего добиться в жизни, светило во всяком звуке, во всяком движении. Нужен в жизни сочувственный взор, ласковое слово, нужно сознание, что нас любят и нам верят, нужно то, что в мире самое редкое и самое великое сокровище, — сердце внимательное.

Такое сердце билось в отце Амвросии. И, конечно, такие люди, как он, не могут относиться с презрением ни к чему, что входит в жизнь их ближних.

Мелочей для отца Амвросия не существовало. Он знал, что все в жизни имеет свою цену и свои последствия. Не было ни одного вопроса, на который бы он не ответил с неизменным чувством добра и участия.

Однажды остановила его баба, которая была нанята помещицей пасти индюшек. Индюшки у нее не жили, и барыня хотела ее расчесть. "Старец, кричала она в слезах, — хоть ты помоги. Сил моих нет. Сама над ними не доедаю, пуще глаз берегу — а колют они. Согнать меня барыня хочет. Пожалей, родимый". Присутствовавшие тут смеялись над ее глупостью, к чему ей идти с таким делом к старцу. А старец ласково расспросил ее, как она их кормит, и дал совет, как их содержать иначе, благословил ее и простился. Тем же, которые смеялись над бабой, он заметил, что в этих индюшках вся ее жизнь. Индюшки у бабы перестали колеть.

Такое совершенное понимание людей, такое умение стать на их точку зрения происходило от той громадной любви, которую носил в себе старец. В ту минуту, когда люди обращались к нему, он отождествлялся с ними — он брал в себя все ихнее, все их горе, все страдания, только взамен их недоумений, их колеблющейся немощи он давал свое сведущее прозорливое слово. Даже и среди обыкновенных людей, где любят, там легко понимают.

Любовь, которая одушевляла отца Амвросия, была та, которую заповедал своим ученикам Христос. Она многим отличается от того чувства, которое известно в миру. В ней не менее поэзии, она такая же трогательная, но она шире, чище и не имеет конца.

Главное ее отличие, что она все дает и ничего не просит. В тот час, когда она нужна, она сотворит величайшие подвиги самопожертвования, а потом молча отойдет, как только горе смягчилось, туда, где новое горе. Апостол сказал: "любовь не ищет своего", своего, то есть и того, что принадлежит ей по праву, например, доверия, воспоминания.

Так было и со старцем...

Он бесконечно любил всякого к нему приходившего, давал ему от себя все, что мог, а о себе не думал. Ему, кажется, и на мысль не приходило, что он делает нечто такое, за что бы можно быть благодарным. Сделав свое дело, наставив человека, он успокаивался. Были люди, которые не слушались его и делали по своей воле: выходило плохо, тогда они возвращались к старцу и говорили "Вы сказали так, а мы сделали иначе. Как теперь быть?"

Старец никогда не говорил, что такое недоверие оскорбительно, а жалел их же, что у них так плохо, и давал новый совет. Можно было на все его попечения отвечать самую возмутительную неблагодарностью и пользоваться вместе с этим его самым теплым участием.

В миру любят людей, потому что они полезны или приятны, любят для себя, а отец Амвросий любил потому, что они страдают, потому что они грешны, противны людям, любил для них. Если вообще когонибудь отличал, так это тех, кого больше всего презирают в миру, — самых закоренелых грешников, самых неприятных, самых тяжелых нравом людей. Он находил даже, что для общего удобства всего лучше, чтоб они на нем срывали свой нрав. Много досаждала

ему одна неприятная монахиня. Его спросили, как он ее выносит. Он с удивленным взглядом отвечал: "Если здесь, где я стараюсь ее успокоить, ей все-таки так тяжело, каково ей будет там, где все ей будут перечить! Как же ее не терпеть?"

Любовь отца Амвросия шла неразрывно с его верою. Он твердо, непоколебимо верил в человека, в его божественную душу. Он знал, что в самом сильном искажении человеческого, там, где то далеко, лежит искра божественного дара, и эту искру чтит отец Амвросий. Как бы ни был грязен тот, кто говорил с ним, уже тем была велика его беседа, что она давала грешнику сознание, что святой старец смотрит на него как на равного, что, поэтому, он не окончательно погиб и может возродиться. Он самым падшим людям подавал надежду, бодрость и веру, что они могут стать на новый путь.

При таком отношении старца к людям они ему не умели оплачивать тою же любовью — не то чтоб не хотели, а не могли по своему несовершенству.

Прежде всего, до знакомства с отцом Амвросием очень многие относились к нему подозрительно. Понятия об истинном монашестве и о старчестве так далеки от нас, что многим казалось диким, когда им советовали ехать в далекую Оптину, в 70 от Калуги верстах беспокойного пути на лошадях, чтоб видеть какого-то старого монаха. "Что с ним может быть общего? Наверное, какой-нибудь лицемер, который ищет славы. Знакомая удочка, да только попадут на нее одни простецы!" Так, многие не хотели ехать в Оптину и, для успокоения совести, старались не верить тому, что рассказывали об отце Амвросии. Те же, кто заезжал в Оптину, начинали с осуждения.

Старца раздирали на части, поэтому иногда приходилось ждать, и отцу Амвросию на этот счет посылалось не одно колкое замечание. В Оптиной принято между монахами из смирения пред старцем становиться на колени. По доброй воле это делают и некоторые миряне. Батюшка всегда приглашал садиться против него на стул, иногда упрашивал не стоять на коленях, а сколько насчет этого бывало нехороших речей! "С какой стати мне пред всяким монахом на колени становиться! Вот где их смирение!" Точно кому-то было досадно, что люди идут к хорошему старцу, и кто-то старался сеять смуту. И когда приходила минута первого свидания, многие смотрели на него с недовольным сердцем, со страстным желанием "разоблачить старого монаха".

Старцу все и везде было открыто. Если он видел людей совершенно равнодушных, он старался кончить с ними коротким, вежливым разговором. Такие люди отзывались о нем "очень умный монах", вообще нет ни одного человека из видевших его, который бы не почувствовал к нему уважения.

Но иногда это недоверие разом рассеивалось и уступало место самому теплому чувству.

Одна молодая девушка из хорошей семьи, с большим образованием, крепкой волею и цельной природой, случайно попала к отцу Амвросию, была им поражена, умолила его принять ее в Шамординскую общину и с первого шага вступила на путь истинного подвижничества. Ее мать приехала вырвать из "этого ужасного монашеского мира" свою дочь. Она с негодованием вошла к старцу, с грозными упреками на языке. Старец предложил ей стул. Прошло несколько минут разговора. Раздраженная мать, невольно, не понимая сама, что с нею делается, встает со стула и опускается около старца на колени. Беседа длится. В скором времени соединяется мать-монахиня с дочерью-монахиней. Таких примеров было много.

Вот старец ходит по скиту, опираясь на свою палочку. Много мужчин подходит к нему; несколько сзади идут келейники. Должностной монастырский иеромонах подводит к нему двух

молодых людей. Они очень хорошо одеты и имеют вид очень воспитанных людей. Старший совершенно равнодушен к православию. Другой- довольно верующий: ему нравятся хорошие церкви, Московский Кремль, в который он всегда завернет, когда весною и осенью едет из деревни в Петербург, и стихи Хомякова. Одному до отца Амвросия нет дела, а другой почему-то очень осуждал его, когда о нем рассказывали, а теперь очень недоволен, что несколько дней подряд старец не мог принять их. Он усиленно следит за старцем и старается отгадать, что это за человек. Иеромонах называет старцу тех, с кем они приехали, и просит благословить их. Он скоро, не глядя, благословляет и идет дальше. Несколько мужиков из дальней губернии поджидают его. "Мы к тебе с поклоном, — говорят они, — прослышали, что у тебя ножки болят, вот тебе мягкие сапожки сделали — носи на здоровье". Старец берет их сапоги и говорит с каждым. А второй из молодых людей все это видит. И вдруг ему представилась трудная жизнь этого старика и все чужие бремена, которые он поднял, и вера, с которою на него смотрят все эти люди, и любовь мужиков, принесших ему сапожки, — и сомнения, лежавшие камнем на сердце, ушли. Бог знает почему, ему вспомнилось детство с его безбрежной верой, и что-то мелькнуло ему в старце общее с этими воспоминаниями. Он опять близ старца и робко просит: "Батюшка, благословите меня!" Старец обертывается, весело смотрит на него и начинает с ним говорить о его учении и жизни. Он всю дорогу думает о старце и на следующее лето сам возвращается к нему.

Приходит к отцу Амвросию измученный человек, потерявший все устои и не отыскавший цели жизни. Он искал ее в общинном труде, в беседе Толстого — и отовсюду бежал. Он говорит старцу, что пришел посмотреть "Что ж — смотрите!" Старец встает со своей кровати, выпрямляется во весь рост и вглядывается в человека своим ясным взором. И от этого взора какое-то тепло, что-то похожее на примирение льется в наболевшую душу. Неверующий поселяется близ старца и всякий день ведет с ним долгую беседу: он хочет веры, но еще не может веровать. Проходит много месяцев. В одно утро он говорит старцу: "Я уверовал".

Общественная деятельность старца охватывала широчайшую область. Даже люди, не видевшие в отце Амвросии того, что в нем было, не могли не признать его значения. Один писатель, смотревший на отца Амвросия, как на любопытное жизненное явление, говорил: "А ведь подите. Амвросий-то деятель народный: в общественной жизни старик участвует. Так скажем река это народная течет, а он на берегу сел да ноги в нее и опустил". Его спросили: "пятки?" "Нет-с: по колени, по колени в этой реке!"

А эту общественную деятельность лучше всего определит одно очень хорошее русское слово, такое слово, какого не сыскать в другой земле. Отец Амвросий жалел.

Если отдать себе отчет в той деятельности, которую проявлял отец Амвросий, — то станет ясным, что только человеческих, даже самых-самых напряженных сил, на нее хватить не могло. Мысль о необходимом присутствии благодати возникает сама собою. Нужно понять, что делал отец Амвросий.

С утра до вечера к нему приходили люди с самыми жгучими вопросами, которые он усваивал себе, которыми в минуту беседы жил. Он всегда разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разъяснял его и давал ответ. Но в продолжение 10-15 минут такой беседы решался не один вопрос, в это время о. Амвросий вмещал в своем сердце всего человека — со всеми его привязанностями, его желаниями — всем его миром внутренним и внешним. Из его слов и его указаний было видно, что он любит не одного того, с кем говорит, но и всех — любимых этим человеком, его жизнь, его вещи. Предлагая свое решение, отец Амвросий имел в виду не какое-нибудь уединенное дело; он смотрел на всякий шаг со всеми его разнообразными последствиями, как для лица, так и для других, для всех сторон всякой жизни, с которыми это дело сколько-нибудь соприкасалось. Каково же должно быть умственное напряжение, чтоб

разрешить такие задачи? А таких вопросов, и каждый понемногу, предлагали ему ежедневно несколько десятков человек мирян, не считая множества монахов и 30–40 писем, приходивших и отсылавшихся ежедневно. При такой громадной работе, продолжавшейся 30 лет изо дня в день, в этой бесконечной сети самых запутанных и тонких отношений, самых отчаянных жизненных положений, ни разу не ошибиться, ни разу не сказать: "Я тут ничего не могу, я не умею" — это сила не человеческая. Старец говорил не от себя, а по вдохновению, было видно, что иногда он берет свой ответ откуда-то извне. Его слово не было только словом опытного старика — оно было со властью, основанной на близости к Богу, давшей ему всезнание.

Кто-то справедливо заметил, что едва ли в настоящее время можно найти такой дар рассуждения, какой был у отца Амвросия. Это — способность всякому явлению дать верную оценку, определить его значение, его развитие и дальнейший ход. Рассуждение — драгоценное орудие для разрешения вопросов и внутренней жизни, и внешнего поведения. Основываясь именно на рассуждении, о. Амвросий считал бы губительным для одних то, что назначал необходимым для других. Этот дар и давал ему ту ширину взглядов, которою он отличался.

Память у него тоже была сверхъестественная. Одной из духовных дочерей он напомнил на исповеди грех, сделанный ею очень давно; она его совсем забыла и так и не могла припомнить, а он описал все, как было.

Много всегда говорили о прозорливости отца Амвросия. Он старался скрыть от людей этот свой дар и не имел обыкновения предсказывать. Но в тех советах, которые он давал, этот дар обнаруживался во всем своем непостижимом величии.

Для него не существовало тайн; он видел все. Незнакомый человек мог прийти к нему и молчать, а он знал его жизнь и его обстоятельства, его душевное состояние и зачем он сюда пришел. Отец Амвросий расспрашивал своих посетителей, но внимательному человеку по тому, как и какие вопросы он ставит, было ясно, что батюшке известно дело. Но иногда, по живости природы, это знание высказывалось, что всегда приводило старца в смущение. Однажды к нему подошел молодой человек из мещан с рукой на перевязи и стал жаловаться, что никак не может ее вылечить. У старца был еще один монах и несколько мирян. Не успел тот договорить: "Все болит, шибко болит", как старец его перебил: "И будет болеть, зачем мать обидел? — Но разом смутился и продолжал: — Ты ведешь-то себя хорошо ли, хороший ли ты сын? Не обидел ли?"

Вот образцы того, как действовал старец.

Парень из-под Тихоновой пустыни (верст 50 от Оптиной) задумал жениться, потому что старуха мать ослабела, а других женщин в доме не было. Пошел он в Успенье к батюшке, а тот говорит: "Приходи в Покров". А мать дома сердится — "Только путает старец — некогда прохлаждаться". В Покров говорит батюшка: "Обожди до Крещенья — тогда увидим, что будет", — а мать дома пуще бранится. Настало Крещенье, а парень объявляет, что материной брани терпеть нет мочи. А батюшка ему в ответ: "Боюсь я, что не послушаешь: а мой совет: никак тебе жениться не надо-обожди". Парень ушел и женился. После свадьбы месяца через два умер, и осталась его жена без всяких средств.

Бедную мещанку за красоту просватал купец, а батюшка говорит матери: "Вашему жениху отказать надо". Мать так и вскинулась: "Что ты, батюшка- да нам и во сне такой не снился- послал Бог сироте, а ты отказать!" А батюшка в ответ: "Этому откажите- у меня для дочери твоей другой жених есть, лучше этого". "Да какой нам лучше надо: не за князя ей выходить?" — "Такой у меня великий жених, что и сказать трудно, — откажите купцу!" Купцу отказали, а девушка внезапно заболела и умерла. Тогда поняли, о каком Женихе говорил батюшка.

Приезжают к батюшке две сестры. Младшая — невеста, влюбленная, счастливая, с детства радостного настроения; старшая — тихая, задумчивая, богомольная. Одна просит благословить ее выбор, а другая — просит пострижения. Батюшка невесте подает четки, а старшей говорит: "Какой монастырь! Ты замуж выйдешь — да не дома — вот тебе что!" — и назвал губернию, куда они никогда не ездили.

Обе возвращаются в Петербург. Невеста узнает, что любимый человек ей изменил. Это произвело в ней страшную перемену, потому что ее привязанность была глубока. Она постигла суетность того, что прежде ее занимало, ее мысли обратились к Богу и вскоре одною инокинею стало больше. Между тем старшая получила письмо из дальней губернии, от забытой тетки, набожной женщины, жившей по соседству какого-то монастыря. Она звала ее присмотреться к жизни монахинь. Но вышло иначе. У этой тетки она познакомилась с человеком уже не молодым, очень подходившим к ней по характеру, — и вышла за него замуж.

У одного близкого к батюшке монаха сестра замужем за помещиком, часто посещавшим Оптину. Однажды батюшка заводит такой разговор.

"Говорят (батюшка очень любил употреблять это "говорят" для прикрытия своей прозорливости) — говорят, около тебя имение выгодно продается: купи".

Помещик удивился. "Продается, батюшка, — и как бы хорошо купить, да это мечта одна: имение большое, просят чистыми деньгами хоть дешево, а у меня денег нет".

"Денег — повторил тихо батюшка, — деньги-то будут". Потом они перешли к другим разговорам. На прощание отец Амвросий сказал: "Слышишь- имение-то купи". Помещик отправился домой на своих лошадях. По дороге жил его дядя, богатый, но страшно скаредный старик, избегаемый всею родней. Так случилось что пристать было негде, и пришлось заехать к дяде. Во время беседы дядя спрашивает: "Отчего ты не купишь имение, которое около тебя продается, хорошая покупка!" А тот отвечает: "Что спрашивать, дядюшка. Откуда мне столько денег взять?" — "А если деньги найдутся: хочешь, займы дам?" Племянник принял это за шутку, но дядя не шутил. Имение было куплено, и новый владелец приехал распорядиться. Не прошло еще и недели, барину докладывают, что пришли купцы — торговать лес. Лес этого имения они хотели купить не весь, а часть его. Стали говорить о цене: "Мы с тобой, барин, торговаться не будем — цену сразу поставим" — и назвали ту цену, за которую было куплено все имение.

Не таковы те случаи прозорливости, которые доказывают прямое знание известных событий, мыслей и чувств, никому не открывавшихся. Такая прозорливость старца часто обнаруживалась для отдельных лиц на так называемых общих благословениях. Старец обходил ожидавших его благословения людей, внимательно вглядываясь во всякого, осеняя крестным знамением и некоторым говоря несколько слов. Часто он, обращаясь ко всем, рассказывал что-нибудь такое, что служило ответом на сокровенную мысль кого-нибудь из присутствующих. Это был чудесный способ общения старца с детьми в том, чего они ему не высказывали, но что ему было открыто.

Отец Амвросий знал не только чувства тех, кто находился пред ним, — ему было известно настроение тех, кто приходил в первый раз; когда ему докладывали, он уже знал, привела ли к нему нужда или любопытство — надо ли принять поскорее или смирить ожиданием. Кто был внимателен к себе, тот замечал, что, чем тяжелее была ноша, с которою шли к батюшке, тем ласковее был его привет, хотя бы было темно и не было видно выражения лица приходящего.

Как и дар прозорливости, скрывал отец Амвросий и дар исцеления. Он имел обычай посылать

купаться в целебный колодец Тихоновой пустыни и отнимать у себя всякую славу целителя.

Исключительно действием благодати можно постинуть то несение скорбей, которые принимал на себя батюшка. Эти скорби принимал он во множестве от тех людей, которые со всех сторон шли к нему, чтоб возложить на него эти скорби и самим облегчиться. Он безропотно принимал их и нес, принимал не как нечто чужое, а как кровное, свое, участвовал в них не внешним образом сочувствия, а переживал их, как собственное страдание. Если он был для людей тем, что звучит в имени "отец Амвросий", — то это потому, что чужая жизнь со всеми ее чувствами была для него своя жизнь.

Те, которым приходилось жить полною внутреннюю жизнью, знают, что иногда трудно переносить эту полноту даже одних своих чувств. И эта область ограничена; приходят времена, когда восприимчивость притупляется, чувство изнемогает, чувство человеческое.

Не то было с отцом Амвросием. Его подкрепляла постоянно бесконечная сила, и он всякое мгновение своего существования мог принять и нести новую скорбь. Посреди ужасающих бездн человеческих бед, казней и страданий, где ходил утешителем отец Амвросий, ему было дано сохранять неземную ясность духа, высочайшую мудрость и безмятежие младенца. Не разрешенный еще от уз тела, он страдал скорбями и по-человечески его видали иногда согбенного, с низко склонившейся головой. Он шептал тогда в укоризну себе: "Я был строг в начале своего старчества, а теперь я стал слаб. У людей столько скорбей, столько скорбей". И в эти скорбные часы он возлагал свою печаль на Бога и получал новую крепость. Бог, поставивший его среди людских страданий для облегчения их, был всегда с ним; и потому мог утешать скорбных отец Амвросий, что он был посредником между людьми и тем Крестом Христовым, на котором на веки веков разрешились все скорби, на котором пребывает бесконечная сила Божественного сострадания.

"Я слаб", говорил батюшка о своем старчестве, но это была не слабость, а снисходительность, основанная на вере в божественную душу и на любви. Отдав свою жизнь русскому народу и стоя у самых сокровенных тайников народной жизни, отец Амвросий был глубокий знаток русского человека. Он знал, что в душе, познавшей самые омерзительные падения, не утрачена еще способность дойти и до подвижничества, что есть личности, которые свои былые преступления искупают величайшим раскаянием, он знал, что карать осуждением на Руси еще несправедливее, чем где-либо, и что люди, которые низко падают, но высоко встают и в постоянной борьбе против греха, хотя и побеждаемые, не утрачивают высочайших стремлений и не сдаются до конца — заслуживают большего участия, чем те обыденные, не злые и не добрые люди, о которых сказано: "Ты ни холоден, ни горяч — и потому изблюю тебя вон".

Чтобы дать лучшее понятие о том, почему был так дорог старец своим духовным детям, должно рассказать и о других сторонах его существа.

Батюшкино смирение было так велико, что и других он заставлял забывать о том громадном явлении, которое представляет собою отец Амвросий.

О людях, которые сделали ему очень много зла, он отзывался с самым искренним участием и, конечно, не сознавал, что совершает подвиг. Ни недоверие, ни оскорбления не могли заглушить в нем самой теплой любви и заботы о каждом человеке. В тех случаях, где другой бы хоть невольно смутился, он отделялся шуткой.

Раз при народе какая-то простолюдинка, кажется, цыганка, закричала: "Батюшка, а батюшка, погадай-ка мне!" Отец Амвросий отозвался ей: "А карты принесла?" — _ "Нет, карт нету". — "Ну, как же тебе гадать без карт?"

Его милостыня не знала пределов. Он сам держался и другим советовал такое правило: никому никогда не отказывать — и никому не отказал. Через его руки прошло множество денег, которые приносили ему его дети, и эти деньги расходились с необыкновенною быстротой. Этими деньгами жил и строился Шамордин с его более чем полутысячным составом монахинь и его обширными богадельнями, из этих денег давались десятки, сотни и тысячи — в виде подарков, займа без отдачи и просто помощи всем, кто ни просил, а часто кто и не просил, и кому было нужно.

Часто происходили такие разговоры. Батюшка возится у себя на постели и ищет денег, проситель настаивает, чтобы дали сейчас же. Батюшка зовет келейника: "Посмотри-ка где-нибудь, у нас рубль где-то остался, поищи — просят". — "Кабы вы не велели вчера еще отдать, так бы точно оставался, а теперь ничего нет. Вот, все раздаете, а рабочие жалованья просят — чем платить будем?" Батюшка, чтоб утешить келейника, делал вид, что раскаивается и сокрушенно качал головой. Рубль где-нибудь разыскивали, а вскоре в Козельскую почтовую контору на имя иеросхимонаха Амвросия приходила крупная повестка, платили рабочим и по всем концам чрез ту же контору рассылали помощь нуждающимся. Одним из последних пожертвований отца Амвросия было очень значительное количество денег, данное на голодающих.

В отце Амвросии в очень сильной степени была одна русская черта; он любил что-нибудь устроить, что-нибудь создать.

Созидающая деятельность была у него в крови. Он часто научал других предпринять какое-нибудь дело, и когда к нему приходили сами за благословением на подобную вещь честные люди, он с горячностью принимался обсуждать и давать свои пояснения. Он любил бодрых, сообразительных людей, соблюдающих слова "сам не плошай", и давал благословение, а с ним и веру в удачу самым смелым предприятиям.

Старец был великий мастер и по-человечески придумать, как вывернуться из беды и отстоять себя, а вооруженный своею прозорливостью, он мощно разбивал самые несокрушимые препятствия. Когда пред ним в отчаянии ломали руки, умоляя научить, что делать, он не говорил: "Не знаю, что сказать вам, не умею", а показывал, как и что делать. Умилительно вспоминать, каким глубоким умом обладал старец и какие вещи умел он придумывать для своих детей — от самых сложных предприятий до последней вещи домашнего обихода. Останется совершенно непостижимым, откуда брал отец Амвросий те глубочайшие сведения по всем отраслям человеческого труда, которые в нем были; среди них не было ни одной, по которой бы отец Амвросий не мог дать самых основательных советов.

Приходит к батюшке богатый орловский помещик и, между прочим, объявляет, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблоневых садах. Батюшка уже весь охвачен этим водопроводом. "Люди говорят, — начинает он со своих обычных в подобных случаях слов, — люди говорят, что вот как всего лучше", — и подробно описывает водопровод. Помещик, вернувшись в деревню, начинает читать об этом предмете; оказывается, что батюшка описал последние изобретения по этой части. Помещик снова в Оптиной. "Ну, что водопровод?" — спрашивает батюшка с горящими глазами. Вокруг яблоки — гниль, а у этого помещика у одного богатый урожай прекрасных яблок.

Сам отец Амвросий обладал замечательными способностями строителя, и в этом деле, благодаря его всезнанию, случались поучительные вещи.

Не выходя из кельи, старец знал каждый угол Шамирдина и все подробности. Приходит монах, заведующий постройкой; заходит речь о песке. "Ну, отец Иоиль, песок у тебя теперь свален;

аршина... (батюшка точно прикидывает в уме) аршина два с половиной глубины будет или не будет?" — "Не знаю, батюшка, смерить не успел". Еще два раза спрашивает батюшка о песке, и все не мерили, а как смеряют наконец, то непременно окажется так, как говорил батюшка.

Или примется старец прикидывать план здания. Взглянет на длину и скажет: "Аршин 46 тут будет?" Потом план переиначивают, делают пристройки, укорачивают, а как здание готово — непременно 46 аршин окажется.

День старца начинался часов с 4-5. В это время он звал к себе келейников, и читалось утреннее правило. Оно продолжалось более двух часов. Затем келейники уходили, и батюшка оставался один. Сколько времени он употреблял на сон, неизвестно, но, по примерам других аскетов, можно предположить, что из своих четырех полных часов он большую часть отдавал на молитву. Вероятно, в утренние уединенные часы он готовился к своему великому дневному служению и у Бога искал силы. Это доказывается следующим случаем.

Однажды батюшка с вечера назначил прийти к себе двум супругам, имевшим до него важное дело — в тот час утра, когда он не начинал еще приема. Они вошли.

Отец Амвросий сидел на постели в белой полотняной одежде, в своей шапочке, в руках были четки. Его лицо преобразилось. Неземная ясность покрыла его, и все вокруг кельи было полно какого-то торжественного святого настроения. Пришедшие почувствовали трепет, и вместе с тем их охватило невыразимое счастье. Они не могли промолвить ни слова и долго стояли, замерев и созерцая лик отца Амвросия. Вокруг было тихо и батюшка молчал. Они подошли под благословение, он безмолвно осенил их крестным знаменем, они еще раз окинули взором эту картину, чтоб навсегда сохранить ее в сердце; отец Амвросий все с тем же преображенным ликом был погружен в созерцание. Они вышли в благоговейном трепете, не нарушив словом этой святыни.

С девятого часа начинался прием. Батюшка жил в скиту, в небольшом домике, выстроенном в самой ограде, так что с наружного крыльца могли входить женщины. Из Оптиной в скит ведет широкая, сажень 150 длины, дорожка, прорубленная в могучем сосновом бору. Торжественное молчание этих древних, суровых великанов, несокрушимая, как время, сила, которою дышат громадные стройные стволы и их гордые вершины, навеивает мысль о человеческой слабости, о неизбежной вечности.

Здесь невольно человек заглянет в себя и смирится, вспомнит свое зло и содрогнется. Так мелочны покажутся все вожделения, которыми живут люди, и так хочется забыть их и уйти подальше от всего. Тут словно ходят слова погребальной песни. "Воистину суета всяческая, всуе мятется всяк земнородный", и так верится, что во зле мир, и нечего любить "мира и яже в мире" — и станет тоскливо, что так сильно любитесь то, что так недостойно любви.

А бесстрастный сосновый бор поднял высоко свои вершины и замер в созерцании неба и его тайн. И если взглянуть туда, где столько безграничного простора, откуда на весь мир льются животворные лучи, станет понятно, куда идти, к чему стремиться.

В этом бору и построен Оптинский скит. Он представляет очень большой сад; посреди деревянная церковь, скорее молитвенный дом, кое-где сосны, а весь скит усажен во множестве яблонями; между деревьями выстроены простенькие домики; летом в клумбах красивые благоухающие цветы.

Здесь хорошо весной, когда зацветут яблони и зажужжит пчела над сладким цветом, хорошо летом, когда от политых с вечера цветов понесутся ароматы — а старые сосны величаво уснут

под лунным небом, хорошо осенью, когда приветные огни зовут в кельи, к святым беседам; хорошо зимой, когда каждая хвоя красуется и играет, разубранная морозом и солнцем, а лучше всего тут было, невыразимо светло и отрадно, — когда тут жил о Амвросий.

Это место его молений, та гора, с которой он просиял миру, тут все — дивные воспоминания, великие заветы. Все дышит его именем, иноки — его ближайшие ученики, пред которыми совершилось его служение и являлись чудные дела его любви.

Сюда и собирались люди, которым нужен был батюшка.

С девятого часа приходили монахи, одни — довольствуясь общим благословением, другие — требуя особой беседы. За ними поодиночке принимались миряне, кто с душевной скорбью, кто с ужасным грехом, кто с бедой, кто с новым делом, кто с недоумением, кто в счастии, кто в горе. Всех встречала та же беззаветная любовь и та же забота.

Прием длился до обеда. Часа в 2 батюшке приносили какой-нибудь жижицы, он брал несколько ложек; потом он возился вилкой еще в каком-нибудь блюде. Это значило, что батюшка пообедал. После обеда часа полтора он оставался один, но, по видимому, не спал, потому что не замечал, если вокруг шумели, только разговоры беспокоили его. Затем читалась вечерня, и до ночи возобновлялся прием. Часов в 11 совершалось длинное вечернее правило, и не раньше полуночи старец оставался один.

Отец Амвросий не любил молиться на виду. Келейник, читавший правило, должен был стоять в другой комнате. Однажды скитский иеромонах решился в это время подойти к батюшке. Читали молебный канон Богородице. Глаза отца Амвросия были устремлены на небо, лицо сияло радостью; яркое сияние почил на нем, так что инок не мог его вынести.

Единственный случай, когда батюшка избегал народа, это во время говения — накануне и в день причастия.

Между часами, отданными посетителям, нужно было найти время для разборки писем и ответов. Ежедневно приходило их от тридцати до сорока. Батюшка брал пачку их в руки и, не смотря на них, отбирал — какие более спешные, какие могут ждать, или пред ним раскладывали их на полу, ковром, и он палочкой прямо указывал, какие ему подать. Писать сам ответы батюшка не мог. Он диктовал их.

Эти смиренные письма "многогр. И. Амвросия" — многогрешного иеромонаха Амвросия — несли утешение в разные концы, проявляя издали ту же мудрость, ту же прозорливость и каким-нибудь вскользь брошенным словом показывая целые мира заботливой думы.

Отец Амвросий давно уже страдал ногами. Иногда, минут на 10, он выходил из своей кельи и, согнувшись, опираясь на свою палочку, ходил по дорожкам. Большую же часть дня он проводил полулежа на своей постели.

Летом он изредка ездил дня на два в лесную глушь, верстах в семи от Оптиной, где на зеленой лужайке стоит просторная изба, но и там находили его люди. В такую же дачу, по имени Рудново — имеющую большое будущее, ездил он и из Шамордина.

Так совершал свой подвиг великий старец, и Господь посылал знамения о своем праведнике.

Отец Амвросий вышел однажды летом к народу на общее благословение, и вдруг в толпе послышался ужасный крик: "Он, он!" Этот крик испустил один человек. Когда батюшка увидел его, смутился, но уже не мог скрыть того, что было.

Этот человек долгое время безуспешно искал себе места, уже не знал, что ему делать, и впал в уныние. В одну ночь, во сне, он видит седого странника в монашеском кафтанчике, с посохом, в черной камиллавке; только он не запылел, а вся одежда его чистая. Странник говорил ему ласковым голосом: "Ступай в Оптину пустынь, там живет добрый старец, он найдет тебе место!" Человек пошел, и, когда в первый раз увидал о. Амвросия, он узнал в нем являвшегося ему странника.

Достигнув такой высокой меры благодати, отец Амвросий остался тем же смиренным, простым, ласковым человеком. В нем было развито в высшей степени то умение, которое в свете зовут тактом, и он давал всякому то, чего в нем искали. Люди, которые, не нуждаясь в нем самом, должны были видеть его по какому-нибудь делу, все отзывались: "Безусловно умный человек, очень умный человек". Он мог говорить о всяком вопросе, поддерживал беседу столько времени, сколько требовало приличие, — и расставался с такими посетителями. Тут он был очень выдержан, в высшей степени вежлив и точно старался не показать тех внутренних своих сторон, до которых этим людям не было никакого дела.

Зато с людьми, любившими его, батюшка был совершенно другой. Он оставался всегда таким же вежливым, но в такие отношения влагал самую искреннюю и живую задушевность.

Он до конца сохранил свою природную живость, которая была выражением разносторонности, доброты и заботливости его характера.

Что особенно влекло к нему — это полная уверенность, что он защитит, а не обидит.

При всей своей прозорливости он страшился обличать кого-нибудь пред людьми и одинаково принимал праведника и ужасного грешника. Поэтому у детей о. Амвросия никогда не могло родиться сомнение: "Как мне теперь показаться к нему, после того, как я это сделал?" — сомнение, столь губительное, так отдаляющее покаяние. Не грозою, а любовью умел батюшка вести людей к исправлению и умел дать веру, что не все потеряно, и можно "одолеть врага".

Когда люди, знавшие батюшку, входили к нему со своими скорбями и невзгодами, вдруг становилось легко и свободно. Все как-то прояснялось и делалось невыразимо светло, потому что при свете — тьмы быть не может.

А главное, что было в батюшке, — это ясность его ума и умение применяться. В наше время, когда все в жизни до конца перемешалось с ложью, когда самый отчаянно бессмысленный толк находит поклонников и самым детским обманом проводят взрослых людей, — это истинное понимание жизни, ее начал и целей, умение всякое явление обсудить и дать ему свою цену — одним словом, дар рассуждения — было величайшим сокровищем.

С виду батюшка был благообразный, чистенький старичок среднего роста, очень согбенный, носивший теплый черный ваточный кафтанчик, черную теплую шапочку-камиллавку и опиравшийся на палку, если вставал с постели, на которой всегда лежал — также и во время приемов.

У него было лицо, красивое в молодости и, как видно из его изображений, глубоко задумчивое, когда он оставался один. Но чем дальше жил батюшка, тем оно становилось ласковее и радостнее при людях.

Батюшку нельзя себе представить без участливой улыбки, от которой вдруг становилось как-то весело, тепло и хорошо, без заботливого взора, который говорит, что вот-вот он сейчас для вас придумает и скажет что-нибудь очень хорошее, и без того оживления во всем — в движениях, в горящих глазах, — с которым он вас выслушивает и по которому вы хорошо понимаете, что в

эту минуту он весь вами живет, и что вы ему ближе, чем сами себе.

От живости батюшки выражение его лица постоянно менялось. То он с лаской глядел на вас, то смеялся с вами одушевленным, молодым смехом, то радостно сочувствовал, если вы были довольны, то тихо склонял голову, если вы рассказывали что-нибудь печальное, то на минуту погружался в размышление, когда вы хотели, чтоб он сказал вам, как поступить, то решительно принимался качать головой, когда он отсоветовал какую-нибудь вещь, то разумно и подробно, глядя на вас, все ли вы понимаете, начинал объяснять, как надо устроить ваше дело.

Во все время беседы на вас зорко глядят выразительные черные глаза батюшки. Вы чувствуете, что эти глаза видят вас насквозь, со всем, что в вас дурного и хорошего, и вас радует, что это так и что в вас не может быть для него тайны.

Голос у батюшки был тихий, слабый, а за последние месяцы он часто переходил в еле слышный шепот. Чтoб хоть сколько-нибудь представить подвижничество о. Амвросия, надо понять, какой труд говорить более 12 часов в день, когда язык от усталости отказывается действовать, голос переходит в шепот, и слова вылетают с усилием, еле выговариваемые. Нельзя было спокойно смотреть, как старец, страшно изнеможенный, когда голова падала на подушки и язык еле говорил, старался подняться и подробно рассуждать о том, с чем к нему приходили. Вообще, как бы ни был занят батюшка, раз к нему вошли с важным делом, можно было быть уверенным, что он не пожалеет времени — и, пока дело не будет решено, пришедший не почувствует, что им тяготятся и что надо уходить.

Ничто не может сравниться с тем счастьем, какое испытывали дети отца Амвросия при свидании с ним после долгой разлуки. Это одни из тех минут, которых описать нельзя, а нужно пережить.

После дней, проведенных с батюшкою, в мир возвращались подкрепленными и просветленными, а главное, все становилось ясно и просто. При свете правды Христовой, которую жил и которую проповедовал отец Амвросий, — нет уже сомнений, и жизнь вся понятна, все ухищрения разбиваются и пропадают сами собой. "Живи попроще, живи попроще", то есть живи по-Божьи, было одним из любимых советов старца.

После оптинских бесед мир представлялся в своей полной наготе, — тот мир, где взгляды так томительно узки, где сердца так черствы, где так много слов и так мало дела, где крохотные люди становятся на высокие подмости, и другие раболепствуют пред ними, где в редком слове есть правда, и везде ложь и ложь, тот мир, где больной лепет называют мудростью и где проглядели отца Амвросия, — тот, наконец, мир, за который и страшно, и жалко.

И в этой грустной жизни, в этом мутном потоке, в который погружаются люди без любви и веры, среди жалких уродств вспоминался в сиянии святости, увенчанный непрестанным подвигом дивный образ отца Амвросия. К этому образу несли все чувства, хотелось видеть его и отдохнуть.

Посетим Оптину теперь, после кончины старца.

Вот Калуга, и мы спускаемся крутым берегом к Оке, а там, за Окой, снова знакомая "прямая дорога, большая дорога", и по сторонам ее, изредка прерываемые сосновыми и лиственными рощами, привольные пространства полей и лугов и синие дали лесов на горизонте. К вечеру, радуя глаз своими линиями, подымается впереди на возвышенности Козельск, а слева, как непорочная невеста, красуется своими белыми стенами, башнями, колокольней церквями на

темной зелени нескончаемого соснового бора Оптиная пустынь.

Привет тебе, тихое пристанище, где потрудились для Бога в истинном монашестве столько высоких душ, где обрели покой и обновили силы столько мирян! Слава создателям твоей немерцающей духовной славы, слава святым твоим игуменам и старцам, чьих имен не забудет православный народ, благо теперешним твоим насельникам и трудникам!

Вот свернули с "большака" на собственную монастырскую дорогу, доехали до реки, кликнули паром, монах перевез на тот берег, лошади быстро донесли до гостиницы — и мир остался позади. Теперь пред нами только Оптиная, с ее цельным, своеобразным бытом, ее духом, ее интересами, ее преданиями: все новое, другое.

Вы чувствуете этот дух и в радушной и, вместе, чинной встрече старого монаха гостинника, которого вызывают от вечерни и с которым вы вкратце вспоминаете, как давно не были в Оптиной, и расспрашиваете о переменах, чувствуется этот дух и в ласковой охоте, с какою выгружают ваши вещи, и в цветах, пышно растущих на окнах отводимой вам комнаты, и в четвертях, звонко и мирно отбиваемых на колокольне, пока вы чиститесь после дороги.

И вот вы подымаетесь по террасе в монастырь и, минуя соборные двери, проходите к северо-восточному его углу. Там стоят два давних памятника над почившими знаменитыми старцами, Львом и Макарием, и около — недавний... Войдем в эту часовню, прижмемся к холодному мраморному надгробию, на котором иссечены слова: "Бых немощным яко немощен, да немощные приобрящу; всем бых вся", — и попросим, чтобы помянул нас положенный здесь праведник. Это великий старец Амвросий, скончавшийся 10 октября 1891 года, чудотворец еще при жизни, целитель больных сердец, печальник обремененных, наставник и руководитель православной Руси. Если вы знали его — воспоминание о нем, конечно, самое светлое, не повторяющееся воспоминание вашей жизни — "Всем бых вся".

Вы стоите, не видя его, но чувствуя яснее действительности, что вы пришли к живому, и ваша грусть побеждается тою радостью, с какою вы вспоминаете уже начавшиеся великие чудотворения незабвенного дорогого старца.

От его могилы вы побредете по широкой тропинке среди многовекового соснового бора туда, где он жил, в скит. И будете вы думать, что эта тропинка была спасительною для многих в самые страшные, безотрадные, опасные минуты жизни... А неоглядно высокие верхушки сосен будут вести над вашею головою под вечереющим небом непонятный свой шепот, как сотни лет назад, и под сенью их ближе станет вам чувство вечности. Вспоминая о древнем покаявшемся разбойнике Опте, основавшем этот монастырь, и об архимандрите Моисее, нашего века, возведшем его из запустения на высокую степень благоустройства, и об утвержденном здесь старчестве, и о самих старцах, предавшихся вольной муке постоянного обуревания народом, — вы почувствуете, что все это не ушло, все это живо...

Пусть иная толпа стучится к иному старцу, пусть прежние поколения исчезли с земли, и тех старцев "теперь речей исчезло обаянье", но все прежнее смотрит на вас, неизменяемое и нетленное и прежние святые подвижники этих мест стоят пред вами живые, только в новых формах бытия.

Вот деревянные строения, и чрез глубокие ворота в колокольне мимо встречающих вас ликов древних пустынножителей, изображенных во весь рост с хартиями своих поучений, вы проходите в скит. На вас пахнуло свежестью от высоко поднявшихся на стеблях пахучих цветов осени, и завернув направо, вы останавливаетесь пред белым домиком.

Крытое крылечко с сенями, дверь с оконцем — и чрез минуту вы в маленькой комнатке, увешанной иконами и портретами лиц, еще недавно принадлежавших к воинствующей Церкви. Сколько раз в этой комнате ждали вы почившего старца, и бывало, как откроется вам, наконец, его дверь, и вы увидите его обаятельную улыбку, услышите его ободряющий привет — часто веселый, шутливый, — какое вдруг нездешнее счастье переполнит вас, и все горькое и трудное, что вы принесли к нему, рассеивается в лучах льющейся на вас благодати.

Этот небольшой очерк, представляющий собою скорее передачу личных впечатлений от знакомства с великим старцем Амвросием, чем описание его жизни, следует дополнить хоть краткими сведениями о кровном детище о Амвросия — женской общине в Шамордине, о кончине старца и загробных его явлениях!

Шамордино расположено в восхитительной местности — на широкой луговине над крутым обрывом. Густой лиственный лес лепится по почти отвесному скату. А там, глубоко внизу, изгибается серебряной лентой речка Серена. За нею привольные луга, а дальше избегающая кое-где холмистыми перекатами равнина сливается с горизонтом, оттененная в иных местах далекими борами или перелесками.

Усадьба Шамордино лежала в версте от деревни того же имени и в стороне от большой калужской дороги и принадлежала небогатому помещику Калыгину, жившему здесь со старушкой женой. В 1871 году имение это, в 200 десятин земли, было куплено послушницею старца, вдовою-помещицею Ключаревою (в иночестве Амвросия). И она, и покойный ее муж, богатый помещик Ключарев, чрезвычайно уважали старца и во всем ему подчинялись. Они по благословению старца, разлучась друг с другом, проходили жизнь иноческую. Вот эта мать Амвросия и стала владетельницею Шамордина. За год до продажи имения старику Калыгину было видение: ему представлялась в его имении церковь в облаках.

У матери Амвросии были две внучки близнецы, от ее единственного сына. Потеряв первую жену, мать этих дочек, молодой Ключарев женился вторично, а девочки жили у бабушки. Для этих внучек мать Амвросия и отвела шамординскую усадьбу, где все было поновлено, поставлен новый дом. Мать Амвросия часто приезжала в Шамордино из Оптиной, где она постоянно жила в особом корпусе в окрестностях монастыря. Посещал усадьбу и старец, от которого не раз слышали тут слово: "У нас здесь будет монастырь". Ходит, бывало, старец по усадьбе, осматривает все, вдруг остановится на каком-нибудь месте, велит вымерить его длину и ширину и поставить колышки. Уже тогда, зная по прозорливости своей, что здесь возникнет обитель, старец обдумывал и прикидывал, где какие будут постройки.

В Шамордине вместе с маленькими барышнями Ключаревыми поселились некоторые бывшие крепостные матери Амвросии, искавшие тишины и молитвы, так что жизнь здесь шла вроде монашеской.

Бабушка, уверенная, что внучки ее будут жить в миру, старалась дать им хорошее светское воспитание. Когда они стали подрастать, бабушка просила старца благословить ее приискать для них француженку, чтоб обучить их бегло говорить по-французски и следить, чтоб они одевались наряднее. Но старец не позволил ей этого сделать, что ее сильно огорчало.

Девочки были крестными дочерьми старца и с раннего детства отличались глубокою набожностью. Они часто молились, очень любили оптинские длинные службы и так твердо знали порядок богослужения, что сами служили всенощные с иерейскими возгласами. Они подвижничали, отказывались от мяса и ели его лишь по убеждению бабушки Амвросии. Бабушка выражала опасения, что они повредят тем свое здоровье, а старец отвечал ей: "Пусть молятся — они слабого здоровья". Старушка не понимала слов прозорливого старца, который

другим прямо говорил о своих крестницах: "Ничего: они знают, что готовятся туда".

Однажды приехала в Оптину помещица, близкая духовная дочь о. Амвросия, и ей мать Амвросия излила свое горе. "Вы знаете, — говорила она, — можно ли в нашем кругу обойтись без иностранных языков? Поговорите об этом с батюшкой!" При свидании со старцем посетительница коснулась этого вопроса, говоря, что ей удобно приискать хорошую иностранку. Ответ батюшки был таков "Нет, не делай ты этого. Детям не надо француженки. Я к ним поместил отличную благочестивую русскую особу, которая их наставит и приготовит к будущей жизни. Знаешь ли: дети жить не будут; а на место них в имении будут за них молитвенницы. Ты только не говори этого матери Амвросии". Не желая огорчать заботливую старушку, посетительница сказала ей, что о. Амвросий приказал с иностранкой повременить, но передала немедленно весь разговор со старцем мужу.

Желая обеспечить благосостояние внучек и вследствие настойчивых советов старца, мать Амвросия приобрела еще три дачи: Рудново, Преображенское и Акатово, не совсем понимая, к чему покупает такое количество леса, точно собираются строить целый город. Положила она на имя внучек и капиталец, причем было оговорено, что, в случае смерти их, в шамординской усадьбе должна быть устроена женская община, и для обеспечения ее дела послужат три упомянутые дачи и капитал, положенный на имя барышень Ключаревых.

13 марта 1881 года мать Амвросия скончалась, и оставшиеся после нее еще в большем сиротстве десятилетние внучки, унаследовав эти имения, продолжали жить со своими нянями, воспитательницей и сестрами-послушницами в Шамордине.

Так прошел год. Сиротки-сестры Вера и Любовь жили тою же тихой жизнью, горячо любя друг друга и никогда не расставаясь. Они не знали детских шалостей, одевались просто, ценили иноческую жизнь, монашеское богослужение. В крестницах великого старца все сильнее разгорался огонек любви к Богу. Не раз говорили они своим няням: "Мы не хотим жить более 12-ти лет: что хорошего в этой жизни?"

Между тем отец их не одобрял уединенную жизнь сестер и определил их Орел в пансион; на лето 1883 года была приготовлена для них дача. Всею душою рвались сиротки из непривычного для них мира под крылышко старца Амвросия. В мае они, прежде чем поселиться на даче, приехали в Оптину. 31 мая обе они заболели дифтеритом. Их положили в разных комнатах, исповедовали и приобщили. Пока хватало у них на то сил, они часто писали к батюшке записочки, в которых просили его св. молитв и благословения.

4 июня скончалась Вера, а 8 за нею последовала Любовь.

Теперь нужно было во исполнение воли матери Амвросии учреждать в Шамордине женскую общину.

Мы не будем следить шаг за шагом за развитием дела, первое, так сказать, зерно которого мы только что видели.

Необходимо сказать только, что Шамординская обитель удовлетворяла ту горячую жажду милосердия к страждущим, которою всегда полон был о. Амвросий. Сюда он посылал многих беспомощных.

Приходит к батюшке молодая женщина, оставшаяся больною вдовой в чужой семье. Свекровь ее гонит и говорит: "Ты, горемычная, хоть бы удавилась тебе не грех!" Старец выслушивает ее, всматривается в нее и говорит: "Ступай в Шамордин!"

Муж бросил тяжело больную жену: ее летом привезли к старцу. Батюшка вышел к ней, благословил и шутливо проговорил: "Ну, этот хлам-то у нас сойдет, отвезти ее в Шамордино!" Там прожила она до смерти десять лет.

Приходит горемыка из Сибири, отдает ему свою дочку и говорит: "У нее нет матери. Что я с нею буду делать! Возьмите ее!" Старец отдает девочку в Шамордино.

Из таких бесприютных детей составилась обширный Шамординский приют. Старец любил, бывая в Шамордине, приходиться в этот приют. Дети нежно теснились к нему, и он садился среди них на лавку. Они запевали ему сочиненную в честь него песнь "Отец родной" или пели тропарь Казанской иконе, которой посвящена обитель. И, слыша эту хвалу детей, укрытых здесь от зла и грязи, ждавших их в миру, под покров Царицы Небесной, он не мог сдержать своего волнения. Переполненное любовью сердце его трепетало, и слезы ручьем текли по бледным впавшим щекам его.

1 октября 1884 года в общине освящен был первый храм. На весь этот день старец затворился в своей келье и молился.

В первое свое посещение шамординской усадьбы, войдя в дом и увидев в зале большую Казанскую икону, старец остановился пред нею и долго на нее смотрел и, наконец, сказал: "Ваша Казанская икона Божией Матери, несомненно, чудотворная. Молитесь ей".

Теперь число сестер старцевой обители, возведенной в монастырь, много уж превысило пять сотен, воздвигнуты великолепный громадный многоглавый собор, замечательная трапеза, все расширяется и благотворительная деятельность обители.

Первою настоятельницею Шамордина была Софья Михайловна Астафьева, рожденная Болотова, окончившая короткую жизнь свою в подвигах. Ее заменила здравствующая доселе игуменья Евфросиния, усерднейшая послушница старца.

Необыкновенно красив вид этого благословенного места — духовного города, воздвигнутого на спасение стольких душ великим старцем (Адрес — ст. Подборки Калужской губернии).

Что-то необыкновенное запечатлело и лежащую верстах в 5 от Шамордина усадьбу Рудново, где о. Амвросий часто проводил по несколько дней и где открыл он при особых обстоятельствах колодец, воду из которого в последнее время своей жизни всегда держал в своей келье.

Еще при жизни своей старец, бызвыходно живший в Оптиной, с посещением лишь в летнее время Шамордина. являлся за сотню верст людям, его никогда не видавшим и даже никогда о нем не слыхавшим. В этих явлениях своих он или предостерегал от опасности, или наставлял, как исцелиться от болезни, или тут же исцелял.

Жена сельского священника, приехав в Оптину, рассказывала там, что однажды ночью, когда и она и муж ее спали в отдельных комнатах, она почувствовала, что ее будят. "Вставай скорее, говорит голос, а то мужа убьют!" Открывши глаза, она увидела, что пред нею стоит монах. Думая, что это воображение ее рисует ей такое необыкновенное явление, она заснула, и опять была разбужена тем же монахом, и опять заснула. Тогда, дергая ее за одеяло, монах говорил ей: "Скорей, как можно скорей беги: вот, сейчас беги!" Вскочив с постели, она побежала в зал, ведущий в кабинет мужа, и в дверях кабинета увидела кухарку, шедшую туда с большим ножом, чтоб зарезать священника. Приход жены спас его. Через несколько времени, приехав к своей сестре, бывшей тоже за священником, она увидела на стене портрет являвшегося ей монаха и тут в первый раз услышала имена отца Амвросия и Оптиной пустыни.

Г-жа А. Д. Карбоньер была тяжело больна и лежала, не вставая, в постели. Раз видит она, как о. Амвросий входит в ее комнату, приближается к постели, берет ее за руку и говорит: "Вставай! Полно тебе болеть!" — и затем становится невидим. Тогда же больная, жившая в Козельске, встала и пешком пошла в Шамордино благодарить своего исцелителя. О. Амвросий принял ее, но велел ей молчать о том до своей смерти.

У одного состоятельного помещика служил бедный многосемейный дворянин. Помещик, продав имение, отказал бедняку. Положение было крайнее. Слышав о мудрости и доброте о. Амвросия, он решился идти в Оптину за советом. Вскоре видит он в окно странника в монашеской шапке и с палочкой. Любя принимать странников, он сейчас зазвал его к себе, угостил, чем мог, рассказал о своем горе, потому что собирается в Оптину. Странник сказал, что о. Амвросий переехал в Шамордин, и советовал спешить, чтоб застать его. Когда странник ушел, жена дворянина посоветовала вернуть его и предложить ему ночевать у них. Но странника не могли найти. Придя в Шамордин, бедняк узнал в о. Амвросии бывшего у нею странника. Упав старцу в ноги, он хотел открыть ему все, но старец оказал ему: "Молчи, молчи!" Затем он указал на стоявшую тут же барыню и промолвил: "Вот у ней будешь служить и успокоишься". Барыня эта, богатая помещица, дала ему хорошее место в своем имении.

Наступало последнее время жизни старца. Летом 1890 года он переехал в Шамордино. Осенью несколько раз собирался он ехать обратно — и всякий раз занемогал. Видно, на то была воля Божия, чтоб отдать ему свое последнее дыхание родному детищу — Шамордину.

К концу зимы 1891 года о. Амвросий страшно ослабел, но весной силы как будто вернулись. Раннею осенью стало опять хуже. Посетители видели, как иногда старец лежал, сломленный усталостью: голова бессильно падала назад, язык еле мог произнести ответ и наставление; чуть слышный, неясный шепот вылетал из груди, а он все жертвовал собой, никому не отказывал.

В это время старец говорил несколько загадочные слова, которые объяснились потом, когда он умер и в которых он предсказывал обстоятельства своей кончины.

Уже некоторое время калужский преосвященный требовал возвращения старца в Оптину. Что мог ответить ему старец, кроме того, что говорил и другим: именно что задержался в Шамордине по особому смотрению Божию. Когда ему говорили что могут отвезти его в Оптину силой, он говорил: "Я знаю, что не доеду до Оптиной; если меня отсюда увезут, я на дороге умру".

Все лето в Шамордине ожидали приезда архиерея.

— Как встречать нам владыку? — спрашивали сестры старца.

— Не мы его, а он нас будет встречать, — отвечал старец.

— Что для владыки петь?

— Мы пропоем ему аллилуйя, — отвечал старец.

— Батюшка, о многом владыка будет спрашивать у вас.

— Мы с ним потихоньку будем говорить, никто не услышит.

Когда один близкий старцу монах объявил, что владыка скоро будет, старец, всегда принимавший архиереев в келье, теперь сказал: "Ну что ж, ступай в церковь и приготовь"

место, где мне стоять".

С 21 сентября старец занемог; появились крайняя слабость, потеря слуха и голоса, сильная боль в ушах, лице, голове и во всем теле.

Затем на несколько дней ему полегчало, но глухота продолжалась, и вопросы писались для него на большом листе, и он давал устно ответы.

С 6 октября положение ухудшилось. Всякий час можно было ожидать конца. Старец был особорован, а 9 числа приобщен ближайшим своим учеником и преемником, о Иосифом. В этот день приезжал проститься со старцем оптинский настоятель о. Исаакий. Видя изнеможение больного старца, он заплакал. Батюшка, увидев о. настоятеля, поднял руку и снял с себя шапочку.

Батюшка неоднократно говаривал: "Вот целый век свои я все на народе, — так и умру". Это и случилось.

Утром в четверг 10 октября силы совсем оставили старца. Он лежал без движения. Уста уже не шевелились. О. Иосиф поехал в оптинский скит, чтоб привезти приготовленные для себя старцем погребальные одежды — между прочим, холщовую рубашку о. Макария, на которой о. Амвросий сделал собственноручную надпись: "по смерти моей надеть на меня неотменно".

В одиннадцать часов прочитан был канон Божией Матери на исход души. Когда прочли отходную, старец начал кончаться. Он дважды сильно вздохнул, потом поднял правую руку, сложил ее для крестного знамения, донес ее до лба, потом на грудь на правое плечо и, донеся до левого, сильно стукнул рукой о плечо — и дыхание прекратилось. Потом он вздохнул еще в последний раз. Было ровно половина двенадцатого дня.

Долго стояли все кругом в оцепенении. Светел и покоен был лик старца. Его озаряла неземная улыбка.

В самую минуту кончины старца епископ Виталий выехал из Калуги в Шамордин и был глубоко поражен, получив в пути известие о его кончине.

Горя Шамордина не описать словами. Сестры не отходили от тела своего учителя. По их горячим просьбам, когда старец лежал уже в гробу, был расшит большой пароман, покрывавший лицо почившего. Лицо было чудное, светлое, с выражением приветия, какое было у батюшки, когда после долгой разлуки он встречал дорогих своих детей. От угара свечей или тесноты, даже капельки пота были заметны на светлом лице старца, как у живого.

11 числа гроб перенесен был из настоятельского корпуса, где почил старец, в церковь. Между Оптиною и Шамординым шел спор о том, где хоронить старца. Спор разрешен был Св. Синодом, назначившим местом погребения Оптину.

Отовсюду съезжались лица всех сословий. Всего в Шамордине собралось до восьми тысяч народу. Панихиды служились по желанию народа днем и ночью. Народ приносил платки, куски холста, прося приложить к телу старца, и принимал их обратно как святыню.

13 утром прибыл преосвященный и прямо направился к церкви, где в это время пели по окончании "непорочных" слова аллилуйя, аллилуйя аллилуйя — о чем говорил старец: "Мы пропоём владыке аллилуйя".

После литургии, отслуженной архиереем, и надгробных речей началось торжественное

отпевание. Прощание с телом сестер длилось до трех часов.

14 октября состоялось перенесение тела в Оптину. Погода была ненастная. Холодный осенний ветер насквозь пронизывал путников, а непрерывный дождь обратил землю в глубокое месиво. Но все время гроб, сопровождаемый тысячами народа, несли на руках. Часто останавливались для совершения литии, но под конец, когда полил проливной дождь, литии служились без остановок, на ходу. В селах по пути, при погребальном звоне, священники в облачениях, с хоругвями и иконами выходили из церквей, селяне прикладывались ко гробу и присоединялись к шествию. Замечено было, что, несмотря на сильные дождь и ветер, горевшие свечи, окружавшие гроб старца, не погасали во все время пути.

Уже несколько темнело, когда шествие стало приближаться к Оптиной. Навстречу гробу вышло все духовенство города Козельска и граждане. Подобно черной туче плыло к обители шествие. Высоко над головами виднелся черный гроб, таинственно освещенный пламенем горящих свечей. Чуть колеблясь, он точно плывет по воздуху. Казалось, то было перенесение мощей. Какое благодарное было во всех настроение!

Когда шествие ступило на устроенный для этого случая из паромов мост чрез Жиздру, увидели, как особняком от всех, не видя грязи, не чувствуя ветра и дождя, в скромной одежде, с невыразимым чувством немого сосредоточенного горя в каждом движении шел на встречу гроба нынешний старец, иеросхимонах Иосиф, более 30 лет неотлучно находившийся при почившем.

15 октября было совершено погребение. Старец положен рядом с учителем своим о. Макарием.

В последние годы о. Амвросий заказал иконописцу изображение Богоматери, которое назвал Спорительница хлебов и которое представляет Богоматерь в облаках, благословляющую снопы на сжатом поле. Он установил праздновать этой иконе 15 октября, и это был день его похорон.

Вот еще замечательное обстоятельство.

В начале своей предсмертной болезни о. Амвросий велел одной монахине читать книгу Иова. В этой книге, между прочим сказано, что от смрада ран этого праведника бежала даже его жена. Этим примером старец как бы предвещал, что и с ним по смерти случится то же. Действительно, вначале от тела ощущался мертвенный запах. Давно старец об этом прямо говорил своему келейнику о. Иосифу, и на вопрос его, отчего это так будет, отвечал: "Это мне за то, что при жизни я принял слишком много незаслуженной чести". Но, чем больше проходило времени ото дня смерти, тем менее этот запах ощущался: в последний же день от тела почившего уже шло благоухание.

Любовь старца так же стремится и теперь на помощь людям, как и во время земной его жизни.

У одной москвички был сильно болен муж. Врачи уж отказались от него. В одну ночь видит он у своей постели старца, который молится над ним и говорит. "Отслужи молебен св. Амвросию Медиоланскому". С этими словами старец скрылся. Больной приказал это жене, и она отслужила молебен. Он приобщился, начал поправляться, но никому не рассказывал об явлении. Когда он совсем оправился, явился ему опять тот же старец и сказал: "Ты теперь совсем здоров. Зачем же ты скрываешь и не говоришь о своем исцелении? Надо говорить. А старец пред тобой — оптинский Амвросий".

А вот свидетельство об исцелении жителя Глазовского уезда Вятской губернии Николая Яковлевича Широкова.

"Н. - пишет Широков, — весьма был болен — страдал болью ног и головы.

26 ноября 1846 года приносит отец мой от сельскою священника книгу "Душеполезное чтение", в которой я нашел статью про о. Амвросия. Прочитав ее и размыслив немного, начал я душевно молиться к о. Амвросию об исцелении моих недугов и, помолившись, уснул тонким сном. Только что успел заснуть, как вдруг заблестал предо мною необычайный свет, который скоро исчез — только остался один след от него в виде облака: и вдруг слышу шаги идущего человека. В скором времени вижу пред собою мужа, украшенного сединами, в мантии с крестом на груди. Подошел он к моей постели и говорит: "Чадо Николае, восстань, поспеши в церковь, отслужи молебен св. Амвросию Медиоланскому, и получишь скорое облегчение". Он взял меня за руку, благословил и дотронулся посохом до моих ног, которые и почувствовали тотчас облегчение. Дал мне поесть что-то вроде просфоры, и, когда накрыл голову мою мантиею, я в голове почувствовал облегчение. Старец еще раз благословил меня, и я облобызал его светлую руку, и при этом спросил его: "Как звать вас по имени?" Он мне ответил: "Кому я велел тебе отслужить молебен, того и я ношу имя. Я — иеросхимонах Амвросий из Оптиной пустыни". Сказав это, он сделался невидим. Пробудившись, я весьма обрадовался, что выздоровел, и родные тоже были рады. Все таки об этом явлении я не открыл им вскоре, а записал его в свою памятную книжку. Но вот явление опять повторилось. О. Амвросий явился мне лежащим в гробу, повитый в схиму, и говорит: "Что же ты, раб Божий Николай, умалчиваешь о делах милости Божьей, не сообщая Оптиной пустыни об исцелении?" Только поэтому я и сообщаю о вышесказанном, и прошу вас, о. Иосиф, не оставить без внимания мой рассказ"...

Но много, много страниц потребовалось бы для того, чтобы вполне ясно описать о. Амвросия.

Счастливая страна, где являются такие люди! дивное, дорогое имя "отец Амвросий".

Его праведный образ, глубокая мудрость, вдумчивый прозорливый взгляд на всю жизнь и на отдельные существования людей, бесконечная сила сочувствия и сожаления, милующее и греющее сострадание в невыразимом обаянии пронесли это имя среди тех, кому нужны были теплое сердце и духовная подмога. В наш сухой и холодный век он был ярким воплощением заповеди о всепрощающей, безграничной любви, в наш слабый век греха и отчаяния был подвижник пред Богом за русскую землю.

Все сведения о последних днях жизни старца, кончине и погребении его, равно и о посмертных явлениях, почерпнуты из прекрасного подробного жизнеописания старца, выпущенного Оптиной пустыней в 1900 году.

Примечания

[1] Иннокентий (Смирнов, 1784-1819) — воспитанник, а потом префект главной Троице-Сергиевой семинарии, затем бакалавр и инспектор Санкт-Петербургской духовной академии, ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии и профессор духовной академии, доктор богословия, член главного правления училищ и ученого комитета министерства народного просвещения, благочинный над законоучителями столицы; известен как друг митрополита Филарета Московского в пору его служения в Санкт-Петербурге и главный борец против мистицизма, господствовавшего в России при Александре I. По должности духовного цензора Иннокентий одобрил к печати книгу Станевича "Плач на гробе младенца", содержащую в себе резкие порицания по адресу тогдашнего министра народного просвещения и исповедания, князя А.Н. Голицына, и других властей, покровительствовавших мистицизму. Чтобы удалить опасного противника из Санкт-Петербурга, князь Голицын настоял на

назначении его епископом сначала в Уфу, потом в Пензу, где он успел проявить необычайную энергию в упорядочении епархии (см. Библейские общества**). Его "Начертание церковной истории" — не перевод и не переделка, а труд вполне оригинальный, составленный непосредственно по анналам Барония и Магдебургским центуриям, при некотором лишь (по мнению профессора Терновского) руководстве сочинений Вейсмана "Memoriabilia ecclesiastica historiae sacrae". Это "Начертание" служило до 60-х годов пособием по церковной истории в духовно-учебных заведениях и единственным сочинением по этому предмету в русской литературе. Иннокентию принадлежат еще: "Деятельное Богословие", ч. 1-я: "Объяснение Символа веры"; несколько проповедей, отчасти изданных при его жизни, отчасти напечатанных в "Страннике", в 1863–1871 годах. Много осталось от него писем, важных для истории его эпохи; часть их (письма к княжне С.С. Мещерской) напечатана в "Чтениях Московского общества Истории и Древностей" 1874 г., часть — в "Полном собрании его сочинений" (изданных дважды — в 1821 и 1845–1847 годах); часть хранится в рукописях, в Императорской публичной библиотеке. Ср. статью А.Н. Пыпина "Российское Библейское Общество" ("Вестник Европы", 1868); "Житие Иннокентия", составленное архимандритом Фотием в 1821 г. (рукопись); В.И. Жмакин "Биография Иннокентия" (в "Христианском Чтении", 1884–1885 г.), но без библиографии и оценки его сочинений.

[2] Канонизирован в 2008 г.

[3] Императрице Александре Феодоровне на вопрос ее, бывал ли он в столицах.

[4] Этот шифр в 1829 г. она принесла в дар к иконе Богоматери в Горлицком монастыре.

[5] Одна из дочерей г-жи Шиловой, родная племянница матери Феофании, много чтившая свою тетку — была Мария Павловна Леонтьева, знаменитая начальница Смольного.

[6] Монахиня Досифея была, по-видимому, известная княжна Тараканова.

[7] Решил.

[8] Умная молитва есть великий плод постоянного упражнения в делании Иисусовой молитвы. От напряженного, неотступного упражнения в этой молитве, при держании сердца вдали всякого рассеяния, она вселяется в сердце и течет в нем сама, хотя и не творимая устами, при бодрственном и сонном состоянии человека, и даже во время внешних дел его. Так исполняется слово Евангелия "Непрестанно молитесь". Одного подвижника (о. Илиодора Глинского) незадолго до смерти спросили, действует ли в нем молитва. — "Течет непрестанно", — отвечал он, проводя рукою от головы к сердцу.

[9] Выражение "душевный" противоположно выражению "духовный".

[10] Женский монастырь в Калужской губернии, основанный оптинским старцем Амвросием.

[11] Множество интересных сведений о жизни великого старца о. Серафима и об явлениях его по кончине, а также истории Серафимо-Дивеевского монастыря, который представляется воистину земным небом, читатель найдет в превосходном труде архимандрита Серафима (Чичагова) (ныне епископа) "Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря". Адрес этой обители: "Нижегородская губ., почт. ст. Вертяново, Серафимо-Дивеев монастырь".

[12] Сказание о Христе ради юродивой подвижнице Серафимо-Дивеевского монастыря Пелагии Ивановне Серебренниковой. (Собрано от лиц близких к ней. Тверь. 1891 г.).

[13] У нее было прозвище: лица, знавшие. как чтит ее сам старец Серафим, звали ее "Серафимов Серафим".

[14] Полиция однажды послала к старцу чиновника, чтоб запретить ему носить длинные волосы. Предвидя это, старец, пред приездом чиновника остриг волосы и покрыл голову полотенцем, и так ходил до конца.

[15] Однажды царю вздумалось пригласить Василия Блаженного на свои именины. Подносили задравную чашу. Юродивый три раза принимал ее и выливал за окошко. Иоанн прогневался, думая, что этим юродивый выражает презрение к царю. "Не кипятись, Иванушка, сказал тогда св. Василий: надобно было заливать пожар в Новгороде, и он залит". Тогда послан был нарочный в Новгород, и оказалось, что блаженный сказал правду.

[16] Учитель цесаревича Павла Петровича, впоследствии митрополит московский, знаменитый ученый и проповедник.

[17] Преп. Макарий, сын Тверского боярина, Василия Кожы, был женат на девице из рода Яхонтовых. Рано овдовев, постригся в Клобуков монастырь близ г. Кашина. Стремясь душою в пустынное уединение, он удалился в безлюдное место в 18 верстах от Кашина, между двумя озерами, близ Волги. Вокруг него собралась братия и образовалась обитель, в которой процветала духовная жизнь. Удостоенный еще на земле благодатных даров, старец почил на 83-м году 17 марта 1483 г. Мощи его почивают в его монастыре.

[18] Аврора — латинское слово, означает — заря.